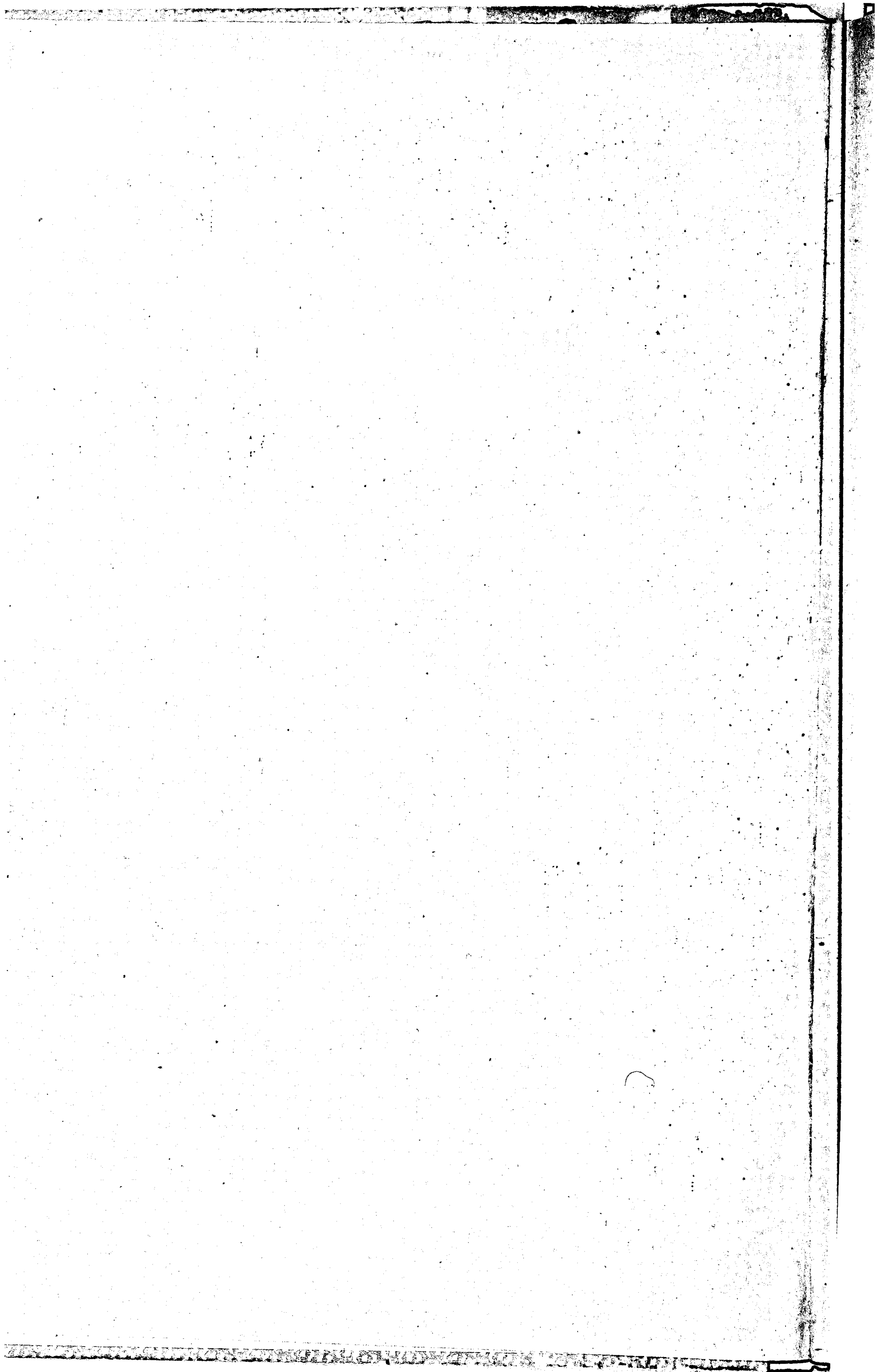

Р. Г. СКРЫННИКОВ

**ОПРИЧНЫЙ
ТЕРРОР**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1969**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. 374

Р. Г. СКРЫННИКОВ

ОПРИЧНЫЙ
ТЕРРОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1969

Ответственный редактор Н. Н. СТЕПАНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга завершает исследование автора по истории опричнины. Первая книга, озаглавленная «Начало опричнины», была опубликована издательством Ленинградского университета в 1966 г. (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 294). В ней были подробно исследованы политические предпосылки опричных реформ, социальная структура опричнины, ее репрессии и в особенности земельная политика. В данной книге основное внимание уделено раскрытию механизма массового террора 1569—1572 гг., установлению причин отмены опричнины в 1572 г., выяснению вопроса о социальных и экономических последствиях опричнины и ее историческом значении.

Образование опричнины знаменовало собой своего рода верхушечный политический переворот, имевший целью утвердить принципы самодержавного правления в рамках ограниченной монархии в ущерб традиционным привилегиям аристократического боярства, непосредственно участвовавшего в управлении государством.

Первоначально опричная политика имела по преимуществу антикняжескую направленность. На другой день после провозглашения опричнины опале подверглись один из лучших воевод кн. А. Б. Горбатый, бояре кн. С. В. Ростовский и кн. А. И. Катырев. Князья Суздальские и Ростовские фактически были изгнаны из Боярской думы. Одновременно опричные власти сослали на поселение в Казанский край многих Ростовских, Ярославских и Стародубских князей (до 80—90 семей). Их богатейшие вотчины подверглись конфискации. Но репрессии и земельные конфискации вызвали столь сильное негодование в среде правящего боярства, что правительство вынуждено было отказаться от непопулярного курса уже через год после учреждения опричнины и встало на путь уступок и поисков компромисса. Весною 1566 г. власти объявили о «прощении» казанских ссыльных, вернули из мест поселения многих опальных княжат и стали возвращать некоторым из них земли. Подобные мероприятия знаменовали собой крутой поворот в истории опричнины. Вызван он был многими причинами. Монархия не могла длительное время проводить политику, которая шла вразрез с интересами могущественной феодальной аристократии. Для этого она не

обладала ни достаточной самостоятельностью, ни достаточным аппаратом насилия. Отказ от антикняжеских репрессий объяснялся тем, что, с точки зрения правительства, казанское переселение достигло основной цели, подорвав влияние и богатство фрондирующей титулованной знати. Помимо всего прочего, правительство могло осуществлять свою политику до той лишь поры, пока его мероприятия пользовались достаточной поддержкой со стороны старомосковского боярства и дворянства в целом. Между тем опричная политика пришла в столкновение с интересами влиятельных сил земщины. Опричниной были недовольны не одни только жертвы опричных репрессий. Глубокое негодование в среде земского дворянства вызывали произвольные конфискации дворянских земельных владений в опричных уездах, совершенно незаконные с точки зрения феодального права, угроза распространения опричных порядков на любой из уездов земщины, возмутительные привилегии «кромешников», их насилия и полная безнаказанность.

Летом 1566 г. члены созванного в Москве Земского собора открыто потребовали упразднения ненавистных им опричных порядков. Высшей курией Земского собора, определявшей всю его работу, была Боярская дума. Ее состав дает весьма точное представление о правительстве земщины в тот период. Безраздельным влиянием в думе пользовалась старомосковская знать и тесно связанная с ней высшая приказная бюрократия (15 бояр и окольных и 10 думных дьяков). Удельная знать была представлена тремя лицами, зато суздальская вовсе не имела представителей в думе, а из прочей титулованной знати в думе заседали только двое лучших воевод¹.

Наибольшим политическим весом в земщине обладали две боярские группировки: первую из них возглавляли Захарьины, вторую — конюший И. П. Федоров-Челяднин. Захарьины не участвовали в поручительстве за опальных, даже когда аресту подверглись их ближайшие родственники Шереметевы.

Совершенно иной была позиция конюшего И. П. Федорова. Именно он возглавил ту группировку в Боярской думе, которая добилась освобождения И. В. Большого Шереметева, взяла на поруки И. П. Яковлева-Захарьина и князя М. И. Воротынского. По-видимому, поддержка этой наиболее влиятельной группировки позволила Ф. Колычеву выставить требование об упразднении опричных порядков и обеспечила его избрание на митрополичий престол. После выступления оппозиции казни подверглись несколько дворян, в их числе

¹ Собрание государственных грамот и договоров, ч. 1. СПб., 1813, № 192, стр. 545—556.

К. С. Бундов и И. М. Карамышев. Бундов происходил из худородной дворянской семьи, издавна служившей в Конюшенном приказе¹. С тем же приказом связаны были, возможно, и Карамышевы². Карьера самого И. П. Федорова оборвалась после Земского собора. Вскоре же он был сослан в почетную ссылку на воеводство в Полоцк³.

Выступление влиятельного старомосковского боярства и дворянских верхов, составлявших самую прочную и глубокую опору монархии, сузило политическую базу правительства Грозного. Стремясь преодолеть кризис и упрочить свои позиции, монархия прибегла к массовому террору. Начался второй период в истории опричнины.

Прежде всего, власти значительно расширили территорию опричнины, включив в ее состав обширный Костромской уезд (начало 1567 г.).

В течение полугода в опричной половине Москвы за Неглинной был воздвигнут сильно укрепленный замок, новая резиденция царя⁴. Перенесение царской резиденции из Кремля «за город» вызвало всевозможные толки, ввиду чего царь приказал сделать на этот счет официальное разъяснение за рубежом⁵. Одновременно с сооружением замка в Москве началось сооружение мощной крепости в Вологде, на наибольшем удалении от границ, в труднодоступных лесистых местах⁶. Все эти военные приготовления не имели ничего общего с обороной страны от внешних врагов. Они с полной очевидностью показывали, что царь и его опричная дума опасались внутренней смуты и готовились вооруженной рукой раздавить мятеж могущественных земских вассалов, роптавших на опричнину.

Призрак смуты породил в душе царя тревогу за собственную безопасность и вернул его к мысли о вторичном отречении от престола. Во время одного из посещений Кирилло-Белозерского монастыря Грозный призвал к себе игумена

¹ См. Д. Н. Альшиц. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. — «Исторический архив», т. IV, 1949, стр. 42—43.

² Видную роль в ведомстве конюших Челяднинных в конце XV в. играли А. В. и В. В. Карамышевы. См. Разрядная книга 1375—1605 гг. — ГПБ, Отдел рукописей, собр. Эрмитажное, д. 390 (в дальнейшем — Разряды), л. 13 об.

³ Разряды, лл. 333 об., 336.

⁴ Полное собрание русских летописей, т. XIII, ч. 2, СПб., 1906, стр. 401, 406; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 107—109).

⁵ Сб. Русского исторического общества, т. 71, СПб., 1892, стр. 464—465.

⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 407; Н. В. Фалин. Вологодская крепость в XVII веке. — «Север», № 1 (5), Вологда, 1924, стр. 5; А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия о Вологде. М., 1780, стр. 59.

Кирилла и нескольких других монахов и известил их о своем желании принять монашество. Царь уверял старцев, что если ему действительно суждено будет постричься, то он избрет именно Кирилло-Белозерский монастырь¹. В 1573 г. царь напомнил кирилловским монахам содержание своей давней беседы с игуменом Кириллом. Установить время обращения Грозного в Кириллов помогают следующие факты. Известно, что в игуменство Кирилла царь трижды был на Белозере: первый раз в 1565 г., затем в 1567 и в 1569 г.² Во время второго посещения в 1567 г. Иван пожертвовал монастырю 200 рублей, с тем чтобы монастырские власти устроили для него в стенах обители отдельную келью³. Позже Иван прислал в Кириллов драгоценную утварь, иконы и кресты для украшения своей кельи⁴. Пожертвование на келью в 1567 г. было, по-видимому, прямым результатом «сокровенной беседы» царя со старцами.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о возможном пострижении царя проникли в земщину и произвели там сильное впечатление. Пострижение Грозного и замена его на престоле кем-нибудь из его родственников казалась недовольному земскому боярству лучшим выходом из создавшегося положения. В качестве преемника Грозного все чаще называли его двоюродного брата кн. В. А. Старицкого.

Глубокий раздор между царем и Боярской думой и слухи о возможном отречении Грозного поставили государство на порог нового династического кризиса. Разрешение его зависело в значительной мере от позиции старомосковской знати, а точнее наиболее влиятельных ее группировок.

Царя не на шутку пугали толки о боярском «заговоре» в пользу Старицкого. Он не надеялся больше на силу опричных крепостей и всерьез стал подумывать о бегстве с семьей за границу. Во время тайных переговоров с послом А. Дженкинсоном осенью 1567 г. царь просил английское правительство в случае «беды» предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей жизни»⁵. Несмотря на все усилия царя не допустить огласки переговоров с англичанами, сведения о них проникли в земщину. Неуверенность и мало-

¹ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 163—164.

² См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 400, 407. См. также Я. С. Лурье. Комментарии. В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 633.

³ Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря. — «Записки отделения русской и славянской археологии», т. I, СПб., 1851, стр. 88—89.

⁴ См. Описание древностей Кирилло-Белозерского монастыря. «Чтения ОИДР», 1859, кн. 3, отд. I, стр. 89.

⁵ Ю. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, стр. 40.

душие Грозного ободрили недовольных земских дворян и вызвали замешательство в среде опричников, прекрасно понимавших, что ждет их в случае смуты и бегства царя¹.

В такой обстановке и возникло так называемое «дело» о заговоре Старицких, продолжавшееся более трех лет (1568—1570 гг.). Сфабрикованный в недрах опричного сыского ведомства, этот чудовищный процесс стал основным стержнем политической истории опричнины в период массового террора. Характерно, что власти искали приверженцев Старицкого в первую очередь среди старомосковских бояр и связанных с ними руководителей церкви, высших приказных чинов, дворян и др.

Первые сведения о «заговоре» конюшего И. П. Федорова царь получил во время похода в Ливонию глубокой осенью 1567 года. Донос исходил от самого Старицкого, пытавшегося спасти себе жизнь ценой предательства. Бросив армию на границе, Грозный поспешно вернулся в Москву. Опричники разгромили вотчины конюшего И. П. Федорова и казнили многих его приверженцев. Однако развязка «дела» о заговоре в земщине надолго затянулась вследствие выступления влиятельной церковной верхушки. 22 марта 1568 г. митрополит Филипп Колычев во время богослужения в Успенском соборе решительно потребовал от царя прекращения кровавых репрессий². Инцидент, происшедший во время крестного хода в Новодевичьем монастыре 28 июля 1568 г., привел к окончательному разрыву между митрополитом и царем³. Колычев удалился в монастырь Николы Старого, но при этом отказался сложить с себя митрополичий сан. В своих действиях церковная оппозиция опиралась не только на громадный в те времена моральный авторитет церкви. По существу она выступила как выразитель настроений всей земской оппозиции, объединявшей недовольное боярство и фрондирующих дворян. Для правильной оценки церковной оппозиции и опричных репрессий против церкви этот факт имеет решающее значение. Между тем даже новейшие исследователи опричнины С. Б. Веселовский и А. А. Зимин игнорируют прямую связь между «делом» конюшего И. П. Федорова и выступлением митрополита Филиппа Колычева.

Полный и окончательный разрыв с главою церкви ставил Грозного в крайне трудное положение. Выход был найден

¹ В последующее время в Вологде были выстроены специальные суда, на которых царская семья могла выехать в случае опасности в «поморские страны». (См. А. А. Засецкий. Указ., соч., стр. 60; Д. Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 35).

² Новгородские летописи. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1879, стр. 98.

³ Житие Филиппа митрополита. — ГПБ, Отдел рукописей, Соловецкое собр., № 1073/963, л. 77; Новгородские летописи, стр. 98.

в новых репрессиях. В сентябре 1568 г. специальная опрично-духовная комиссия приступила к расследованию «преступлений» Ф. Колычева в бытность его игуменом Соловецкого монастыря. В те же дни царь в присутствии Боярской думы и многочисленных дворянских представителей устроил суд над конюшим Федоровым. После позорного фарса конюший был убит (11 сентября 1568 г.). Из-за недостатка улик и по некоторым другим причинам суд над Филиппом Колычевым состоялся лишь в начале ноября того же года. Опальный митрополит был низложен и отправлен на вечное заточение в тверской Отроч монастырь¹.

Главными жертвами дела о «заговоре» в земщине были виднейшие члены Боярской думы конюший И. П. Федоров, окольник М. И. Колычев и М. М. Лыков, государственный казначей Х. Ю. Тютин, а также видные земские воеводы А. И. Шеин-Морозов, Ф. А. Карпов, М. А. Карпов, И. Б. Колычев, В. Колычев и десятки других дворян².

Прямым продолжением суда над конюшим Федоровым было новгородское «изменное» дело, зародившееся в недрах опричного сыскного ведомства вскоре после казни конюшего И. П. Федорова.

¹ Новгородские летописи, стр. 98; Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Перевод М. Г. Рогинского. — «Русский исторический журнал», кн. 8, Пгр., 1922, стр. 44; А. Курбский. История о великом князе Московском. — Русская историческая библиотека, т. XXXI, СПб., 1914, стр. 313—314.

² По «делу» Федорова казнены были боярин князь А. И. Катырев, трое князей Хохолковых, князя В. К. Курлятьев, Ф. И. Троекуров и Ф. Сысоев. Но в целом титулованная знать пострадала значительно меньше, чем в начале опричнины. Среди сотен казненных в то время людей на ее долю приходились единицы.

ГЛАВА I

НОВГОРОДСКИЙ РАЗГРОМ

Неудача мирных переговоров с Литовско-Польским государством и возобновление военных действий на русско-литовской границе вынудили русскую дипломатию предпринять новые усилия для создания широкой антипольской коалиции на Балтике, к участию в которой царь надеялся привлечь Швецию и Англию. На первых порах переговоры со Швецией увенчались успехом. Шведские послы, принятые царем в опричной Александровской слободе в феврале 1567 г., подписали договор о военном союзе с Русью¹. Но шведское правительство отказалось его ратифицировать. В сентябре 1568 г. король Эрик XIV был свергнут с престола, следствием чего явилось резкое ухудшение русско-шведских отношений². Проект русско-шведского союза окончательно рухнул. Англо-русские переговоры, начавшиеся в Москве в феврале 1569 г., вначале не имели успеха. Английский посол Рандольф добивался главным образом подтверждения и расширения торговых привилегий Московской компании и неизменно отклонял все предложения относительно военного союза³.

Вследствие угрозы ликвидации всех торговых привилегий англичан в России посол после долгих проволочек согласил-

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 407; Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I. СПб., 1893, стр. 487. Заключение договора было триумфом московской дипломатии. Шведско-русский союз имел ярко выраженную антипольскую направленность. Король Эрик XIV обязался выдать царю сестру польского короля Катерину Ягеллон, к которой Иван неудачно сватался после смерти царицы Анастасии. Катерина была женой шведского герцога Юхана III.

² Сб. Русского исторического общества, т. 129, СПб., 1910, стр. 197 и др.

³ Королевская инструкция предписывала послу «общими и благопотребными речами... удовольствовать его (царя. — Р. С.), не давая повода вступать в какие-либо особенные трактаты или договоры для заключения между нами такого союза, который называется наступательным или оборонительным». (См. Ю. Толстой, Указ. соч., стр. 45, 48).

ся обсудить вопрос о союзном договоре. Англо-русские переговоры в Вологде (июнь 1569 г.) носили строго секретный характер. Помимо царя и Рандольфа в них участвовали лишь несколько членов опричной думы¹. Опытные земские дипломаты не были приглашены в Вологду. Переговоры завершились составлением статей союзного англо-русского договора. Документ был подписан опричными дипломатами и скреплен царской печатью. Английский посол выразил согласие с его содержанием, однако отказался скрепить его подписью и заявил, что союзный договор может быть принят не иначе как при условии одобрения его королевой². Главной целью Рандольфа было получение новых привилегий для английских купцов, и этой цели он достиг. Опричники, будучи дилетантами в сфере дипломатии, не придали значения оговоркам Рандольфа. Они рассматривали текст союзного договора как окончательный. Опричнику А. Г. Совину, направленному послом в Лондон, воспрещено было изменять статьи договора³. Как показали последующие события, англичане не придавали никакого реального значения соглашениям, достигнутым в Вологде в июне 1569 г.

Дипломатические акции опричного правительства завершились неудачей. Россия не добилась поддержки со стороны Швеции и Англии и должна была продолжать Ливонскую войну фактически без союзников. В ходе войны международная обстановка изменилась к концу 60-х гг. в крайне неблагоприятном для России направлении. До весны 1569 г. в войне с Россией формально участвовало только Литовское великое княжество. С подписанием Люблинской унии 12 марта 1569 г. Польша и Литва объединились в единое государство — Речь Посполитую. Теперь в войне против России король мог использовать силы не только Литвы, но и значительно более могущественной Польши. Несколько раньше, в 1568 г., Польша заключила мирный договор с Турцией. Возникла реальная опасность образования широкой антирусской коалиции в составе Литвы и Польши, Турецкой империи и ее вассала Крымского ханства. К началу 1569 г. Турция завершила последние приготовления к войне с Россией. Турки рассчитывали при поддержке Крымского ханства захватить Астрахань и все Нижнее Поволжье. Литовцы, судя по многим признакам, готовились нанести удар России с запада. В то время как в Москве ждали великое посольство из Литвы,

¹ См. Ю. Толстой. Указ., соч., стр. 135.

² Там же, стр. 137.

³ Царь спешил с окончанием переговоров. 20 июня он подписал письмо к Елизавете. (См. Ю. Толстой. Указ. соч., стр. 67—69). Тогда же А. Г. Совин объявил Рандольфу, что на сборы в дорогу ему дается три дня, по истечении которых он будет выдворен из дома, а пожитки его выброшены на улицу (там же, стр. 22).

пришло известие о вторжении литовцев в псковские пределы¹. Литовский наместник Лифляндии гетман А. Полубенский с отрядом в 800 всадников глухими проселками, таясь среди лесов, подошел к Изборску и хитростью завладел этой важной псковской крепостью. Но литовцы смогли удержать Изборск в своих руках в течение только двух недель². В конце января 1569 г. опрично-земская армия подвергла крепость бомбардировке и освободила ее³. В феврале московское правительство вновь предложило Речи Посполитой направить в Москву послов для переговоров о мире⁴. Мирная инициатива имела успех. Во время нападения турок на Астрахань военные действия на западных границах Руси прекратились. Сигизмунд Август отказался пропустить турецкие войска через польские земли на Русь.

Турки готовили поход на Астрахань в течение длительного времени⁵. К весне 1569 г. они сосредоточили в Кафе 17-тысячную армию при 100 орудиях⁶. С наступлением лета турецкая армия вторглась в пределы России и, следуя по берегу Дона, к 15 августа вышла на Переволоку между Доном и Волгой. Здесь турки соединились с 40-тысячной крымской ордой и ногайскими отрядами. На стороне турок выступили не только малые ногайцы, но и Большая Ногайская орда, до того признававшая себя вассалом России⁷.

На Переволоке турки задержались на две недели из-за

¹ «Опасные грамоты» на послов были высланы в Литву в декабре 1568 г. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 582).

² Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова. Изд. АН СССР; вып. 2, М., 1955, стр. 261; Сб. РИО, т. 71, стр. 584—585; Г. Штаден. Записки, стр. 94; Дневник А. Полубенского — «Труды X Археологического съезда в Риге», т. III, 1896, стр. 136.

³ Сб. РИО, т. 71, стр. 585.

⁴ Там же, стр. 589—590.

⁵ А. А. Новосельский справедливо указывает на то, что в конце 60-х гг. военные действия на юге России вступили в критическую фазу: «годы 1568—1574 образуют второй и наиболее опасный для Московского государства период татарских нападений. Если в предшествующие годы татары действовали только в качестве союзников короля, то теперь они ставят перед собой самостоятельные цели. Можно говорить о новой войне, войне с татарами и турками, которую Московскому государству пришлось вести одновременно с войной Ливонской». «В период 1568—1574 гг. центр тяжести войны совершенно явно был перенесен на южный и восточный фронт; попытки активизации операций на западном фронте не удавались». (См. А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 23, 32).

⁶ Подробнее см. П. А. Садиков. Поход турок и татар на Астрахань в 1569 году. — «Исторические записки», т. 22, 1947; Г. Д. Бурдей. Русско-турецкая война 1569 года. Изд. Саратовского университета, 1962.

⁷ См. А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 24—28; Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — «Исторические записки», т. 34, 1950, стр. 281—282.

того, что пытались устроить волок и перетащить суда и тяжелую артиллерию с Дона на Волгу. Но эта затея оказалась совершенно невыполнимой¹. Турецкие галеры с артиллерией вынуждены были вернуться в Азов.

Русское правительство более всего опасалось вторжения турок и татар в центральную Россию и потому держало свои главные силы на Оке. Несколько полков было выдвинуто в Н. Новгород. Наконец, легкая судовая рать во главе с кн. П. С. Серебряным была послана «вплавную» к Астрахани. В середине августа Серебряный стоял на Царицынском острове у Переволоки. Узнав о приближении громадного турецко-татарского войска, он снялся с острова и отплыл вверх по Волге к Казани².

Существует версия, согласно которой Серебряный будто бы напал на турок во время их остановки на Переволоке и перебил до 6 тысяч янычар³. Новейший исследователь Г. Д. Бурдей рассматривает эту версию как достоверную⁴. Напротив, П. А. Садиков и Я. С. Лурье подвергли сомнению рассказ о разгроме турок на Переволоке. Они отметили, что автор этого рассказа литовский гонец А. Тарановский прибыл в турецкий лагерь после отступления турок от Астрахани, о начале похода он знал лишь по слухам⁵. О поражении турок на Переволоке ни словом не упоминает московский пленник С. Мальцев, который участвовал в походе в качестве гребца на турецкой галере, а позже послал в Москву подробный отчет обо всем виденном⁶. Заметим, что Серебряный командовал легкой судовой ратью и не располагал достаточными силами для сражения с турками.

Во время остановки турок на Переволоке среди янычар произошли беспорядки, в результате которых около 5 тысяч всадников вернулись в Азов. С Переволоки поредевшая турецкая армия вышла на Волгу и 16 сентября показалась в окрестностях Астрахани. Турки не осмелились переправиться на Заячий остров и начать немедленный штурм крепости. Посланные к Астрахани саперы донесли, что вести

¹ Подробнее см. Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1. Изд. МГУ, 1946, стр. 108—115.

² Разряды, лл. 349 об., 352—352 об.; Сб. РИО, т. 71, стр. 605.

³ Донесение А. Тарановского. — «Записки Одесского общества истории и древностей Российских», т. 8. Одесса, 1872, стр. 479—488.

⁴ См. Г. Д. Бурдей. Указ. соч., стр. 39.

⁵ См. П. А. Садиков. Поход турок и татар, стр. 140; Я. С. Лурье. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г. — «Археографический ежегодник за 1957 г.». АН СССР, М., 1958, стр. 458.

⁶ О битве на Переволоке ничего не сообщает также и московский посол в Турции А. Новосильцев. (См. П. А. Садиков. Поход турок и татар, стр. 153—159, 164—165).

подкопы под стены Астрахани невозможно — «вода блиско». Тогда решено было выстроить укрепленный лагерь ниже Астрахани на месте старого татарского городища и зимовать в нем.

После подхода турок гарнизон Астрахани получил сильное подкрепление. Под покровом ночи к пристаням города подошла судовая рать Серебряного. Русская артиллерия бомбардировала турецкий лагерь, но за дальностью расстояния пальба не причинила туркам большого вреда¹.

Подход русских войск, вынужденное бездействие, недостаток провианта и начавшиеся болезни окончательно деморализовали турецкую армию. Взбунтовавшиеся янычары отказались зимовать под Астраханью. 26 сентября турецкая армия отступила от стен Астрахани к Азову. Во время перехода по безводным степям Северного Кавказа («кабардинской дорогой») турки понесли большие потери от голода и недостатка воды. До Азова добрались лишь жалкие остатки сильной и многочисленной турецкой армии.

Первая русско-турецкая война завершилась сокрушительным поражением турок под Астраханью. Но поражение это не устраняло опасности турецко-татарской экспансии. Напротив, после провала астраханского похода война между Россией и Крымом вступила в свою критическую фазу. В ближайшие три года вторжения крымцев на Русь приобрели неслыханные ранее масштабы.

**
*

Разгром «заговора» И. П. Федорова и низложение митрополита Ф. Колычева показали, что опричное правительство не намерено сообразовать свои действия с интересами земщины. Все требования относительно отмены опричнины были отклонены. Но власти не полагались более на одни только репрессии и старались укрепить опричнину изнутри, расширить ее территорию и упрочить социальную базу.

В литературе неоднократно высказывалось мнение о переходе в опричнину Переяславского уезда. Это мнение разделяли Л. М. Сухотин, С. Ф. Платонов, П. А. Садиков и С. Б. Веселовский². По предположению С. Б. Веселовского,

¹ «Из Астрахани деи з города учали по их (турок. — Р. С.) шатром бити из пушек, и стали деи пушки ходити далеко...». (См. Путешествия русских послов XVI—XVIII вв. АН СССР, М.—Л., 1964, стр. 83).

² См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине. Вып. VII—VIII. Белград, 1940, стр. 133; С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 108; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 190.

Переяславль был взят в опричнину не позднее 1568 г.¹ Однако новейший исследователь опричнины А. А. Зимин считает, что Переяславль никогда не входил в опричнину². Его возражения П. А. Садикову следует признать весьма основательными, но предложенное им решение вопроса нельзя признать окончательным. В пользу гипотезы Л. М. Сухотина и П. А. Садикова свидетельствуют некоторые существенные факты. Во-первых, опричники Таубе и Крузе определенно пишут о зачислении Переяславля в опричнину и наборе там опричных дворян³. Во-вторых, ни один уезд не дал опричнине столько руководителей, сколько Переяславский уезд⁴. В-третьих, недалеко от Переяславля располагалась главная резиденция опричного правительства — Александровская слобода, и трудно предположить, чтобы управление уездом при этом оставалось в руках земской администрации⁵. Подобно Костроме Переяславский уезд принадлежал к числу древнейших владений московской короны. Характерной особенностью уездного землевладения было наличие развитого дворянского землевладения, а также землевладения старомосковской знати (Плещеевы, Воронцовы, Бутурлины и пр.) и небольшой удельный вес княжеских вотчин⁶. П. А. Садилов указывает на целый ряд выселений вотчинников из Переяславского уезда, но, как показал А. А. Зимин, обстоятельства их высылки

¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. АН СССР, М., 1963, стр. 172.

² А. А. Зимин. Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.). — «Вопросы истории», 1962, № 12, стр. 72—73; Его же. Опричнина Ивана Грозного. «Мысль», М., 1964, стр. 329—331.

³ Послание Таубе и Крузе, стр. 36.

⁴ В Переяславле служили будущий руководитель опричнины боярин А. Д. Басманов (тысячник I статьи по Переяславлю), будущие опричные бояре И. Я. Чеботов и И. А. Бутурлин, окольный Д. А. Бутурлин, думные опричные дворяне ясельничий П. В. Зайцев (тысячник III статьи) и И. Ф. Воронцов, видные опричники ловчий Г. Ловчиков, воевода И. Д. Колodka-Плещеев, кн. Ал. Ив. Вяземский (тысячник II статьи из Переяславля), кн. Т. И. Козлов-Вяземский (из переяславской «литвы дворовой») и праветчик Б. Ф. Леонтьев (из мелких переяславских вотчинников). (См. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. Подг. к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950, стр. 138—141, 67—68, 58—56; П. А. Садилов. Очерки, стр. 199—203).

⁵ В марте—июне 1571 г. небольшой переяславский монастырек (Махрицкий) получил от царя иммунитетные грамоты на свои владения в Переяславле, в Великой Слободе. Грамоты подписал главный опричный дьяк Петр Григорьев. (См. С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. — Археографический ежегодник за 1960 г., М., 1962, стр. 175).

⁶ Переяславский уезд относился к числу указов средней величины. Накануне опричнины он мог выставить в поле 258 дворян и детей боярских. (См. Разряд Полоцкого похода царя Ивана Васильевича в 1562—1563 гг., — Витебская старина, т. IV, Витебск, 1885, стр. 3—38).

нуждаются в уточнении. По крайней мере часть из этих вотчинников лишилась своих земель в связи с указом о казанской ссылке в самом начале опричнины¹.

К 1569—1570 гг. в опричнину была зачислена по крайней мере часть Белозерского уезда². Таким путем правительство округлило примыкавшие к Вологде северные владения опричнины.

В 1569 г. царь забрал в опричнину Симонов монастырь, один из самых богатых столичных монастырей³. Симоновский архимандрит Феоктист был преемником Филофея Рязанского. Этот последний оказал важные услуги правительству во время суда над митрополитом Филиппом. Тотчас после низложения Филиппа симоновский архимандрит пополнил ряды «опричного духовенства».

В 1569 г. царь объявил о зачислении в опричнину крупнейшей иностранной купеческой компании в России, английской Московской компании. Эта мера явилась результатом настоятельных ходатайств англичан. Таким образом, казна привлекла к финансированию опричных мероприятий крупный купеческий капитал, как отечественный (Строгановы), так и иностранный (англичане).

Наряду с расширением территории и состава опричнины правительство продолжало полным ходом укреплять и вооружать важнейшие опричные центры. Вновь выстроенный в Москве замок недолго пробыл царской резиденцией. После раскрытия «заговора» конюшего И. П. Федорова Грозный окончательно переселился в Александровскую слободу, надежно укрытую густыми лесами и болотами Переяславского уезда⁴. Слободской «град» был обнесен со всех сторон прочными высокими стенами⁵. Внутри «града» были сооружены

¹ См. П. А. Садиков. Из истории опричнины. — Исторический архив, М.—Л., 1940, стр. 240—242, 264—265; Е го ж е. Очерки, стр. 166—167; А. А. Зимин. Опричнина, стр. 330.

² См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 334—335. О включении Белозера в опричнину сообщают Таубе и Крузе. (См. Послание Таубе и Крузе, стр. 36). Около 1570 (7078) г. правительство конфисковало вотчины у некоторых белозерских вотчинников и выслало их в земщину. Среди них были С. В. и Н. В. Ергольские, А. И. Бурухин. (См. П. А. Садиков. Очерки, стр. 174—175). Опричное управление установилось не на всей территории Белозерского уезда. (ААЭ, т. 1, № 281; см. также А. А. Зимин. Земельная политика, стр. 77).

³ Согласно документальным данным, царь Иван «в 77-м году велел... взяти Симонов монастырь со всею вотчиною в свою опричнину». (См. П. А. Садиков. Из истории опричнины, стр. 232). Монастырь попал в опричнину около января—февраля 1569 г. (См. П. А. Садиков. Очерки, стр. 102).

⁴ Подробнее о слободе см. Н. С. Стромиллов. Александровская слобода. — Чтения ОИДР, 1883, кн. 2, отд. VI, стр. 1—118; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 167, 170.

⁵ Г. Штаден. Записки, стр. 89.

опричные Разрядные избы, царский двор, дворы опричных бояр и дворян¹. В конце 60-х гг. Слобода стала главной резиденцией опричного правительства: «...почал государь в слободе жити... со всеми боляры своими, а к Москве стал приезжати з боляры своими на время, как ему годно»². Новая царская резиденция усиленно охранялась. В трех верстах от нее на московской дороге располагалась опричная Каринская застава. Ни один человек не мог миновать этой заставы без специальной «памяти» — пропуска³.

Переезд правительства в глухое дворцовое село вызвал удивление иностранцев. По этой причине царь Иван велел своим дипломатам сделать специальные разъяснения в Литве. На вопрос, почему царь «живет в слободе», отвечали следующее: «государьская воля, где хочет, тут живет, а то село близко Москвы и государь живет для своего прохладу, а государство свое правит на Москве и в слободе»⁴.

В действительности царь перенес свою резиденцию в Слободу не для своего «прохладу», а из страха перед своими могущественными вассалами. По существу царь и его опричная дума стали жертвами страха, рожденного опричным террором. Царь Иван стал жить в Слободе под охраной преторианцев-опричников как пленник в страхе перед кознями крамольных бояр.

В глазах подозрительного царя Слобода не была достаточно надежным убежищем вследствие близости Москвы. Ввиду этого Грозный всячески спешил со строительством северной столицы опричнины Вологды. В середине мая 1569 г. он вторично выехал в Вологду для наблюдения за строительными работами. Сооружением вологодской крепости руководил английский инженер Хэмфри Локк⁵. Всего за четыре-пять лет была сооружена главная, юго-восточная стена крепости с девятью каменными башнями и часть северо-западной стены с двумя башнями. За два года (1568—

¹ К 7077 (1568—1569) г. царь Иван «Свободу устроил и нача в ней жити любезно». (См. М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI века. — «Исторические записки», т. 10, стр. 93).

² М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники, стр. 89. В начале 1570 г. царь приказал построить в Слободе каменную церковь, в которой были повешены большие новгородские колокола и сложены сокровища, отобранные у новгородской церкви и монастырей. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 91, 145).

³ Г. Штаден. Записки, стр. 67.

⁴ Сб. РИО, т. 71, стр. 591. Летом 1570 г. русские после вновь объяснили в Литве, почему царь живет в Слободе. Они сказали, что Слободу устроил «для прохладу» отец царя Василий Иванович и что царь также «выезжает в свое ближнее село в Слободу для своих прохладов, потому что в осеннюю пору на Москве государю непрохладно жити...» (там же, стр. 777).

⁵ Локк прибыл в Россию по приглашению царя в 1567—1568 г.

1569) внутри крепости был воздвигнут грандиозный Успенский собор, построенный по образцу кремлевского собора¹. Строительство велось типичными для опричнины методами. Из многих городов и уездов в Вологду были согнаны тысячи ремесленников и крестьян². К строительству были привлечены местные жители. Опричники обременили вологжан такими поборами и натуральными повинностями, что те сотнями покидали насиженные места и разбегались.

Царь намерен был сделать Вологду сильнейшей крепостью страны. По его заказу московский Пушечный двор отлил до 300 пушек. Все они были доставлены в Вологду и свалены там в кучу до окончания строительных работ. Правительство поставило в Вологде сильный гарнизон. 500 опричных стрельцов круглосуточно охраняли стены города³.

Параллельно со строительством крепости власти с помощью английских мастеров приступили к сооружению специальных судоверфей в районе Вологды. Первые суда были «деланы» на этих верфях в 1570—1571 (7079) гг.⁴. Спустя пять—десять лет число их достигло двадцати⁵. Флот, выстроенный в опричнине в разгар Ливонской войны, не имел никакого военного значения. Он состоял из очень крупных речных плоскодонных судов, непригодных для морского плавания⁶. Хорошо осведомленный английский посол Д. Горсей пишет, что царь перевез в Вологду казну и построил много крупных судов и просторных барж, чтобы в случае беды вывезти семью и сокровища в Соловки, а оттуда на английских кораблях в Англию⁷. Местный вологодский летописец подтверждает тот факт, что суда предназначались для отъезда царя в поморские страны⁸.

¹ См. А. А. Засецкий. Указ. соч., стр. 59. Сохранилось предание, будто Грозный при окончании собора зашел внутрь его, но тут на голову ему упал кусок штукатурки и «повреди главу». Царь в гневе повелел разобрать церковь, но затем отменил приказ. Тем не менее церковь многие годы оставалась «не священа». (См. Н. Суворов. Описание Вологодского кафедрального Софийского собора. М., 1863, стр. 4—5).

² А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 39.

³ Г. Штаден. Записки, стр. 66.

⁴ См. А. А. Засецкий. Указ. соч., стр. 60.

⁵ Д. Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 30. Беседуя с царем, Горсей с величайшей похвалой отозвался об этих судах, их необыкновенной красоте, величине и странной наружности. В ответ царь рассмеялся. Посол, сказал он, не без умысла хвалит искусство своих соотечественников. Горсей видел в Вологде до 20 судов.

⁶ Высокие надстройки и борта судов были украшены золотыми и серебряными позументами, изображениями двуглавого орла, львов и различных диковинных зверей.

⁷ Д. Горсей. Записки, стр. 35.

⁸ А. А. Засецкий. Указ. соч., стр. 60. Не зная подлинных обстоя-

Строительство судов в Вологде было одним из результатов длительных секретных переговоров с английским послом Т. Рандольфом, начавшихся в феврале 1569 г. в Москве. Царя интересовал прежде всего ответ английского правительства на его просьбу о предоставлении царской семье убежища в Англии. После официальной аудиенции в Кремле английский посол был приглашен к царю для тайной беседы. Глубокой ночью опричник Вяземский провел посла на Неглинную в опричный замок. Посол был переодет в русское платье. Ночное свидание продолжалось несколько часов¹.

Ответ королевы, переданный Рандольфом, едва ли мог удовлетворить гордого царя. Елизавета отвергла предложенную царем форму соглашения, при которой обе стороны брали на себя одинаковые обязательства о предоставлении убежища другой стороне и которая не роняла достоинства царя. Посол заявил Грозному, что, по предположению английского правительства, «Дженкинсон не уразумел слов царя» или ошибочно его понял, поскольку королеве ничего не грозит и царю, кажется, тоже. Рандольф стал уверять царя, что «если бы в управление его произошло какое-нибудь несчастье, ...он будет дружески принят в наших владениях и найдет у нас надежную дружбу»².

Переговоры с Рандольфом успешно завершились в июне 1569 г. в Вологде, после чего царь отдал распоряжение о строительстве флота в Вологде.

Невзирая на все старания опричного правительства, строительство крепости в Вологде было далеко от своего завершения. Пока вологодский Кремль оставался недостроенным царь не хотел отказываться от своих прежних планов в отношении Кирилло-Белозерского монастыря. Во время поездки в Вологду в 1569 г. Иван вновь посетил Кириллов, пожертвовал монастырю 500 рублей и позаботился об украшении своей кельи³. По приказу Грозного его сыновья просили кирилловского игумена отвести для них отдельные кельи в стенах монастыря. В 7078 (1569—1570) г. наследник престола царевич Иван прислал «на келью» 200 рублей, а его брат царевич Федор — 100 рублей. Тогда же братья пожертвовали монастырю 1500 рублей вкладом⁴. Теперь в случае смуты вся царская семья могла укрыться за прочными стенами затерянного среди дремучих лесов Кирилловского монастыря.

тельств, летописец связывал приготовления к отъезду царя с нашествием татар на Москву в 1571 г.

¹ Ю. Толстой. Указ. соч., стр. 48.

² Там же, стр. 48, 66.

³ Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. — «ЗОРСА», т. 1, стр. 88—89.

⁴ Там же, стр. 62, 66.

Несмотря на меры предосторожности, слухи о возможном пострижении царской семьи или бегстве за границу проникли в земщину. Они не только нанесли заметный ущерб авторитету и престижу Грозного, но и ободрили всех недовольных господством опричнины.

Непрекращавшиеся военные приготовления в опричнине показывали, что после разгрома «заговора» конюшего Федорова призрак внутренней смуты продолжал пугать царя и его опричную думу. Опасения Грозного имели под собой некоторые объективные основания. Налицо был глубокий политический кризис, вызванный раздором между царем и могущественной Боярской думой, сопротивлением земской дворянской фронды и растущей непопулярностью опричнины. Однако непосредственная опасность смуты едва ли существовала, поскольку земская оппозиция была обезглавлена после низложения митрополита Филиппа и казни конюшего Федорова. Последующие террористические действия опричнины и разгром Новгорода были продиктованы не трезвым расчетом, а страхом.

Ко времени «новгородского дела» царь продолжал с крайним недоверием следить за настроениями высшей титулованной знати. Когда в июле 1569 г. у смоленского воеводы кн. И. А. Шуйского слуга сбежал в Литву, правительство немедленно отстранило воеводу от службы и «свело» его в Москву¹. Примерно в том же году удалился в монастырь один из старейших членов думы боярин кн. И. И. Турунтай-Пронский². По-видимому, царь воспринял подобный шаг как проявление боярского своеволия и непослушания. По его приказу Пронский был арестован в монастыре и казнен³. В синодике имя опального отсутствует, что объясняется, возможно, тем, что он был казнен вне связи с «новгородским делом». Опала на Пронского не повлекла за собой широкого расследования.

Наряду с титулованной знатью преследованиям подвергалось старомосковское боярство. Около 1568—1569 гг. в тюрьме умер боярин В. В. Морозов⁴. Возможно, что в это же

¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 605.

² Пронский прослужил на высших воеводских постах в течение 35 лет. Последние из его служб относятся к 1568 году. (См. Разряды, л. 346 об.). По Курбскому, «великий гетман», покинув службу, «мнишество возлюбил и в монастыре едином остриже власы...» (См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 285).

³ По словам Курбского, Пронский был утоплен в реке. Таубе и Крузе утверждают, будто его забили насмерть батогами. (См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 285; Послание Таубе и Крузе, стр. 41).

⁴ По приказу царя, разрядные дьяки Щелкаловы в 7077 г. передали в Симонов монастырь 25 рублей на помин души В. В. Морозова. (См. Вкладная книга Симонова монастыря. — ГПБ. Отдел рукописей. F IV, № 348, л. 31).

время от опричных репрессий пострадал боярин И. И. Хабаров. Он вышел в отставку еще в начале 50-х годов, позже добровольно постригся в монахи. Царь Иван, ругавший своего боярина упырем и дураком, писал, что тот надоел ему бесконечными просьбами о переводе из монастыря в монастырь: «Три дня в черныцах, а семьей монастырь»¹. С помощью вкладных книг можно проследить «хождение» Хабарова по монастырям. В ноябре 1555 г. он сделал крупнейшее пожертвование в пользу Борисоглебского монастыря в Ростове². В последующие годы (1557—июль 1569 гг.) известны многие его вклады в пользу Симонова монастыря³. Курбский рассказывает, что царь велел разграбить «великие скарбы» боярина, накопленные «от праотец»⁴. Приведенное известие подтверждается тем, что в ноябре 1569 г. царь пожертвовал Симонову монастырю «из оприщины ковш серебряной Ивановской Хабарова»⁵. По-видимому, казна конфисковала сокровища боярина не позднее 1569 г. В то время семья Хабарова еще сохраняла в своих руках земельные владения⁶. Спустя три года, рассказывает Курбский, Хабаров будто бы был казнен «из отчины, понеже великий вотчины имел во многих поветех»⁷. В действительности, он уцелел в годы опричнины, хотя, по-видимому, и лишился значительной части своих имуществ и богатств.

**

«Заговор» Федорова сильно скомпрометировал двоюродного брата царя кн. В. А. Старицкого. Ценой предательства Старицкий спас себе жизнь, но лишь на короткое время. Через год после гибели конюшего Грозный решил окончательно избавиться от своего незадачливого родственника, единственного законного претендента на царский престол.

¹ Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. — Послания Ивана Грозного, стр. 191. Царь писал, что в миру Хабаров вел монашескую жизнь: «Да коли был в миру — ино образы окладывати... да жити затворяся, да кельи ставити...» (Там же, стр. 191—192).

² См. А. А. Титов. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881, стр. 22.

³ Вкладная книга Симонова монастыря. — ГПБ, Отдел рукописей, F IV, № 348, лл. 89—91.

⁴ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 297.

⁵ Вкладная книга Симонова монастыря. — ГПБ, Отдел рукописей, F IV, № 348, л. 17.

⁶ В 7079—7080 гг. Ф. И. Хабаров отказал несколько сел и деревень в Троицу. (См. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — Архив АН СССР. Московское отделение, фонд С. Б. Веселовского, № 620, оп. 1, № 19, л. 316 об.). Его отец Иосаф Хабаров жил в то время в Троице. К началу 70-х гг. он перекочевал в Кириллов. (См. Послания Ивана Грозного, стр. 191—192).

⁷ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 298.

Определенное влияние на это решение оказали два обстоятельства: во-первых, известие о перевороте в Швеции и, во-вторых, начавшееся расследование «новгородской измены».

«Великое посольство», вернувшееся из Швеции в июне 1569 г., было спешно вызвано к царю в Вологду. Представленный послами отчет произвел на Ивана ошеломляющее впечатление. Послы сообщили о том, что незадолго до их приезда в Швецию король Эрик XIV казнил многих знатных князей. Опасаясь мятежа, король неоднократно обращался за помощью к русским послам. 19 августа 1567 г. им было передано тайное «королевское слово», просьба, «чтобы вы, послы, короля с собою на Русь взяли», потому, что «нынеча король боитца бояр своих, и воли, де, ему, ни в чем нет», «боится от своих бояр убивства»¹. Спустя год Эрик XIV вновь обратился в русское посольство. На этот раз послы уверили короля в том, что царь поможет ему и пришлет войска, «кем оборонитися ему» от своих изменников². Но соглашение не было реализовано. В сентябре 1568 г. мятежные братья короля «удельные князья» Юхан и Карл свергли Эрика с престола и заточили его в крепость.

Известия о перевороте в Швеции усилили тревогу Грозного по поводу смуты в земщине. Царь боялся разделить участь сумасшедшего шведского короля. Король желал найти убежище на Руси, царь готовился бежать в Англию³. Оба боялись «убивства» от своих бояр и мятежа со стороны удельных князей. Известия из Швеции, глубоко запавшие в голову мнительного царя, бесспорно ускорили развязку дела о заговоре Старицкого.

После казни Федорова опричное правительство сослало кн. В. А. Старицкого в Нижний Новгород. Формально он командовал полками, посланными туда по случаю вторжения турок. Фактически же назначение никак не соответствовало чину и знатности удельного князя. Единственным помощником Старицкому был второстепенный воевода П. В. Морозов⁴. Во время пребывания Старицкого в Нижнем опричники, руководившие розыском, инсценировали покушение на жизнь царя Ивана. Один из царских поваров, ездивший в

¹ Сб. РИО, т. 129, стр. 136. Послы отказались вести переговоры с тайным королевским гонцом, так как сомневались в его полномочиях: «то дело великое, верити тебе в таком деле нельзя, ещо еси молод, а мы тебя не знаем». Примерно через неделю гонец вновь пришел к послам и предъявил им оттиск с личной печати короля и снова получил отказ. Послы явно боялись действовать на свой страх и риск.

² Сб. РИО, т. 129, стр. 164.

³ Несмотря на отказ послов вести переговоры, Эрик готовился бежать на Русь. «а казну был уж хотел укладывати в корабль, да поспешил брат его Яган, его изымал и посадил в заточенье». (Сб. РИО, т. 129, стр. 197).

⁴ Разряды, л. 349 об.

Нижний за рыбой для царского стола, донес, будто Старицкий уговаривал его отравить царя, вручил ему яд и 50 рублей денег¹. К суду над Старицким были привлечены «ближайшие льстецы, прихлебатели и палачи в качестве свидетелей»². Судилище проходило в глубокой тайне.

Царь пробыл в Вологде все лето и вернулся в Москву только 10 сентября. Днем ранее в Слободe умерла царица Мария, не вынесшая длительного путешествия³. Грозный обвинил в смерти жены своих тайных недругов и открыто объявил, что царица «злокозньством отравлена бысть»⁴. Вскоре же царь выслал гонцов к Старицкому, приказав ему немедленно ехать в Слободу. В начале октября Старицкий прибыл на ямскую станцию Богану под Слободой и разбил там свой лагерь⁵. На другой день несколько тысяч вооруженных опричников окружили Богану со всех сторон⁶. На двор к Старицкому явились опричные судьи В. Г. Грязной и М. Л. Скуратов. Они объявили кн. Владимиру, что царь «считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление, как доказал это сам князь Владимир тем, что подкупил повара, дал ему яд и приказал погубить великого князя»⁷. Для очной ставки со Старицким были приведены доносчик-повар и другие свидетели.

После короткого судебного «разбирательства» князь Владимир был доставлен 9 октября 1569 г. в царский лагерь и по приказу царя принял яд. Вместе с ним отравлены были его жена кн. А. Р. Одоевская и девятилетняя дочь Евдокия⁸.

¹ См. G. Hoff. Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyranney Iwan Wasiljewic, 1582, S. 15; Послание Таубе и Крузе, стр. 45; А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 48. По рассказу Таубе и Крузе, повар открылся опричнику Федору Zuma, имя которого не поддается расшифровке (См. G. Hoff. Указ. соч., стр. 15).

² Послание Таубе и Крузе, стр. 45—46.

³ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники XVI в., стр. 92; Пискаревский летописец. — Материалы по истории СССР (XV—XVII вв.), т. II, АН СССР, М., 1955, стр. 78.

⁴ См. Соборный приговор 29 апреля 1572 г. — ААЭ, т. 1, № 284, стр. 329.

⁵ Пискаревский летописец, стр. 78; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», т. VII. М.—Л., 1951, стр. 224—225.

⁶ «и поеде (царь. — Р. С.) с Вологды к Москве, а по князя Володи-мера посла, а велел ему быти на ям на Богону и со княгинею и з детьми. И поиде с Москвы в Слободу и из Слободы, вооружая все, кобы на ратный... и захал князь велики на ям на Богону и тут его опоил зелием и со княгинею и з дочерию большею». (Пискаревский летописец, стр. 78).

⁷ Послание Таубе и Крузе, стр. 46.

⁸ Согласно документам Кирилло-Белозерского монастыря, кн. В. А. Старицкого поминали 9 октября на его «преставление». (См. ЗОРСА, т. I, стр. 58). О рождении Евдокии см. ПСРЛ, т. XIII, стр. 325.

Одновременно царь жестоко расправился с ненавистной теткой кн. Е. Старицкой, находившейся в заточении на Белозере. Опричники забрали старицу Евдокию из Горитского монастыря и на речных стругах повезли в Слободу. 11 октября она была казнена¹. Царь «по дороге велел ее уморить в судне в ызбе в дыму»². Участь удельной княгини разделила вся ее свита³.

Вскоре после гибели Старицких власти сделали сообщение в Литве о раскрытии заговора в земщине. Официальная версия гласила, что «князь Володимер был с матерью учал умышляти над государем и... над государьскими детьми всякое лихо, хотели государя и государьских детей испортити»⁴.

Интересные данные относительно суда над Старицкими и их казни содержит синодик опальных. В нем мы находим следующую запись: «Молява повара, Ярыша Молявин, ...Иван Молявин, брат ево, Левонтия Молявин, ...Антон Свизев подъячей, Ларивона Ярыга, и сына его Неустрою Бурков — пушкари, с Коломны Еж рыболов, ...Федора Соломонов рыболов... На Богане благоверного князя Володимера Андреевича со княгиною да з дочерью, дьяка Якова Захаров, Василия Чиркин, Анноу, Ширяя Селезневых, Дмитрея Елсуфьев, Богдана Заболоцкого, Стефана Бутурлин»⁵.

Синодик обнаруживает следующие факты, относящиеся к процессу над Старицким. Прежде всего, главные свидетели обвинения против Старицкого дворцовый повар Молява

¹ Данные о времени казни Евфросиньи расходятся. В Кирилло-Белозерском монастыре старицу Евдокию поминали «на представление ее» 11 октября (См. ЗОРСА, т. 1, стр. 58). По данным В. Б. Гиршберга, на надгробии Старицкой помечена другая дата — 20 октября. (См. В. Б. Гиршберг. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. — «Нумизматика и эпиграфика», вып. 1. М., 1960, стр. 60).

² Пискаревский летописец, стр. 78. По синодику Кирилло-Белозерского монастыря, Старицкая была потоплена в «Горах в Шексне реке».

³ В синодике опальных мы находим следующую запись о казни Старицкой: «княгини монахини Евфросинии княж Володимеровы Андреевича матери Евдокею оудельная, да 12 человек и с старицами, которые с нею были: княж Владимирской постельницы, что была у князя молодого представлена Мария Ельчина... Марфоу Жюлебина, Акилиноу Палицына, Ивана Ельчин» и др. В синодик занесен полный список двенадцати казненных стариц «боярынь» и пяти слуг, среди них рыболов. (См. ниже, стр. 272—273; см. также Р. Г. Скрынников. Синодик опальных царя Ивана Грозного. — В кн. «Вопросы истории СССР XVI—XVIII вв.». — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 278, Л., 1965, стр. 72).

⁴ Наказ русским послам был составлен через полгода после гибели Старицких (Сб. РИО, т. 71, стр. 777). В деле о «новгородской измене» также сказано было, что Старицкие «хотели злым умышленьем извести» царя. (См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. АН СССР. М. — Л., 1950, стр. 480).

⁵ См. ниже, стр. 275.

и его сыновья, а также рыболовы, ездившие в Нижний, были казнены до окончания суда над удельным князем. Синодик подтверждает известие Шлихтинга о том, что царский повар был оклеветан, и опровергает версию Таубе и Крузе, будто повар с самого начала вошел в тайный сговор с опричными следователями и его лишь для вида брали к пытке¹. Вместе с дворцовой прислугой казни подвергся новгородский подьячий А. Связев, благодаря показаниям которого началось расследование заговора «приверженцев» Старицкого в Новгороде. В царском архиве среди прочих судных дел хранилось «дело наугородское на подъячих на Онтоня Связева с товарищи прислано из Новагорода, по Павлове скаске Петрова, с Васильем Степановым»². Дело об измене новгородских приказных возникло в земщине: его документация была доставлена царю главой земского Поместного приказа.

Согласно синодику, вместе со Старицким казни подверглись главный дьяк Дмитровского удельного княжества Я. Г. Захаров-Гнильев³, дмитровские дворяне В. Ф. Чиркин⁴ и Ш. Селезнев⁵, а также Б. Заболоцкий⁶ и С. Бутурлин⁷, принадлежавшие к числу самых знатных вассалов Старицкого⁸. Главу удельного правительства боярина кн. А. И. Нохтева-Суздальского царь пощадил. Причиной было то, что Нохтев был приставлен к князю Владимиру после образования Дмитровского удела в качестве царского согла-

¹ Послание Таубе и Крузе, стр. 45—46.

² Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 44.

³ Я. Захаров представлял князя Владимира при размене Старицкого удела на Дмитров в 1566 году. (См. ДДГ, стр. 423). Он служил в уделе начиная с 1563 года. (См. Разряды, лл. 163 об., 164 об., 238, 288).

⁴ Чиркин издавна служил в Дмитрове. (См. ТКТД, стр. 129).

⁵ В Дворовой тетради список дмитровцев начинается со Сълизневых. (См. ТКТД, стр. 128).

⁶ Сообщено Б. Н. Флоря. Из Заболоцких, служивших Старицкому в 50-х гг., отметим воеводу Ивана Угримова. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 215).

⁷ С. Б. Веселовский отождествил последнего с С. В. Полуехтовым Бутурлиным. (См. С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. — Проблемы источниковедения, кн. III. М. — Л., 1940, стр. 269). Однако Полуехтов происходил из вяземских дворян, присутствовал на соборе 1566 г. и не имел отношения к делу. Возможно, что вместе со Старицким казни подвергся Степан Федорович Бутурлин, показанный в родословцах бездетным. (См. Родословная книга князей и дворян Российских, ч. 1. М., 1787, стр. 343). Он происходил из младшей ветви Бутурлиных и доводился двоюродным братом В. А. Бутурлину, казненному через несколько месяцев. Вместе с отцом и братьями он не был записан в Дворовую тетрадь, вероятно, ввиду службы Старицкому.

⁸ О гибели Заболоцкого см.: А. Курбский. История, — РИБ, т. XXXVI, стр. 303.

датель¹. Суздальские издавна враждовали со Старицкими, и, вероятно, поэтому царь не питал подозрений насчет Нохтева. К тому же опричное правительство искало приверженцев Старицкого не среди княжеских фамилий, а среди старомосковской нетитулованной знати и приказных. Именно к этой среде принадлежали все казенные вассалы Старицкого.

Казнь Старицких не была мерой политически необходимой, продиктованной заботами о ликвидации последних оплотов удельной раздробленности. Ко времени опричнины удельное княжество утратило прежнее значение. От бывшего влияния, которым пользовалось удельное правительство при энергичной и властной княгине Ефросинье, не осталось и следа. Своими доносами на конюшего Федорова и некоторых родственников князь Владимир полностью скомпрометировал себя в глазах всех тех, кто прежде поддерживал его. Он не мог рассчитывать на верность даже ближней думы: царь «переменил» всех его дворян и поставил во главе удельного правительства людей, которые шпионили за Старицким и доносили о каждом его шаге.

С гибелью князя Владимира Дмитровское удельное княжество было ликвидировано. Но ликвидация удела не носила окончательного характера и в глазах Грозного имела скорее временное значение. Дело в том, что царь пощадил старших детей князя Владимира, двух дочерей и наследника удела княжича Василия Владимировича². Спустя некоторое время, он, видимо, вернул племяннику отцовский удел³.

**
**

В ходе расследования «заговора» князей Старицких зародилось и окончательно оформилось «дело о новгородской измене», вылившееся в крупнейший политический процесс царствования Грозного и имевшее результатом кровавый погром Новгорода.

При анализе истоков и значения «новгородского дела» следует строго различать существенные предпосылки, действительные причины этого крупнейшего процесса и внешние поводы к нему.

Опричина, полагает А. А. Зимин, нанесла завершающий удар последним мощным форпостам удельной раздроблен-

¹ Нохтев был пожалован боярством ранее 1560 г. Он находился на воеводстве в Полоцке в 1564—1565 гг., а к началу 1566 г. был переведен в удел. (Разряды, лл. 312 об., 316, 318).

² Ефимья, Василий и Мария родились от брака кн. В. А. Старицкого с А. А. Нагой между 1550 и 1555 г.

³ См. ниже, гл. III.

и его сыновья, а также рыболовы, ездившие в Нижний, были казнены до окончания суда над удельным князем. Синодик подтверждает известие Шлихтинга о том, что царский повар был оклеветан, и опровергает версию Таубе и Крузе, будто повар с самого начала вошел в тайный сговор с опричными следователями и его лишь для вида брали к пытке¹. Вместе с дворцовой прислугой казни подвергся новгородский подьячий А. Связев, благодаря показаниям которого началось расследование заговора «приверженцев» Старицкого в Новгороде. В царском архиве среди прочих судных дел хранилось «дело наугородское на подъячих на Онтонна Связева с товарищи прислано из Новагорода, по Павлове скаске Петрова, с Васильем Степановым»². Дело об измене новгородских приказных возникло в земщине: его документация была доставлена царю главой земского Поместного приказа.

Согласно синодику, вместе со Старицким казни подверглись главный дьяк Дмитровского удельного княжества Я. Г. Захаров-Гнильев³, дмитровские дворяне В. Ф. Чиркин⁴ и Ш. Селезнев⁵, а также Б. Заболоцкий⁶ и С. Бутурлин⁷, принадлежавшие к числу самых знатных вассалов Старицкого⁸. Главу удельного правительства боярина кн. А. И. Нохтева-Суздальского царь пощадил. Причиной было то, что Нохтев был приставлен к князю Владимиру после образования Дмитровского удела в качестве царского согла-

¹ Послание Таубе и Крузе, стр. 45—46.

² Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 44.

³ Я. Захаров представлял князя Владимира при размене Старицкого удела на Дмитров в 1566 году. (См. ДДГ, стр. 423). Он служил в уделе начиная с 1563 года. (См. Разряды, лл. 163 об., 164 об., 238, 288).

⁴ Чиркин издавна служил в Дмитрове. (См. ТКТД, стр. 129).

⁵ В Дворовой тетради список дмитровцев начинается со Сълизневых. (См. ТКТД, стр. 128).

⁶ Сообщено Б. Н. Флоря. Из Заболоцких, служивших Старицкому в 50-х гг., отметим воеводу Ивана Угримова. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 215).

⁷ С. Б. Веселовский отождествил последнего с С. В. Полуехтовым Бутурлиным. (См. С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. — Проблемы источниковедения, кн. III. М. — Л., 1940, стр. 269). Однако Полуехтов происходил из вяземских дворян, присутствовал на соборе 1566 г. и не имел отношения к делу. Возможно, что вместе со Старицким казни подвергся Степан Федорович Бутурлин, показанный в родословцах бездетным. (См. Родословная книга князей и дворян Российских, ч. I. М., 1787, стр. 343). Он происходил из младшей ветви Бутурлиных и доводился двоюродным братом В. А. Бутурлину, казненному через несколько месяцев. Вместе с отцом и братьями он не был записан в Дворовую тетрадь, вероятно, ввиду службы Старицкому.

⁸ О гибели Заболоцкого см.: А. Курбский. История, — РИБ. т. XXXVI, стр. 303.

дата¹. Суздальские издавна враждовали со Старицкими, и, вероятно, поэтому царь не питал подозрений насчет Нохтева. К тому же опричное правительство искало приверженцев Старицкого не среди княжеских фамилий, а среди старомосковской нетитулованной знати и приказных. Именно к этой среде принадлежали все казенные вассалы Старицкого.

Казнь Старицких не была мерой политически необходимой, продиктованной заботами о ликвидации последних оплотов удельной раздробленности. Ко времени опричнины удельное княжество утратило прежнее значение. От бывшего влияния, которым пользовалось удельное правительство при энергичной и властной княгине Ефросинье, не осталось и следа. Своими доносами на конюшего Федорова и некоторых родственников князь Владимир полностью скомпрометировал себя в глазах всех тех, кто прежде поддерживал его. Он не мог рассчитывать на верность даже ближней думы: царь «переменил» всех его дворян и поставил во главе удельного правительства людей, которые шпионили за Старицким и доносили о каждом его шаге.

С гибелью князя Владимира Дмитровское удельное княжество было ликвидировано. Но ликвидация удела не носила окончательного характера и в глазах Грозного имела скорее временное значение. Дело в том, что царь пощадил старших детей князя Владимира, двух дочерей и наследника удела княжича Василия Владимировича². Спустя некоторое время, он, видимо, вернул племяннику отцовский удел³.

**
*

В ходе расследования «заговора» князей Старицких зародилось и окончательно оформилось «дело о новгородской измене», вылившееся в крупнейший политический процесс царствования Грозного и имевшее результатом кровавый погром Новгорода.

При анализе истоков и значения «новгородского дела» следует строго различать существенные предпосылки, действительные причины этого крупнейшего процесса и внешние поводы к нему.

Опричнина, полагает А. А. Зимин, нанесла завершающий удар последним мощным форпостам удельной раздроблен-

¹ Нохтев был пожалован боярством ранее 1560 г. Он находился на воеводстве в Полоцке в 1564—1565 гг., а к началу 1566 г. был переведен в удел. (Разряды, лл. 312 об., 316, 318).

² Ефимья, Василий и Мария родились от брака кн. В. А. Старицкого с А. А. Нагой между 1550 и 1555 г.

³ См. ниже, гл. III.

ности, к числу которых принадлежал Великий Новгород, «ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны», разгром Новгорода подвел финальную черту под длительной борьбой за объединение русских земель под властью московского правительства¹.

Приведенное объяснение смысла и значения «новгородского дела» едва ли справедливо. Со времени ликвидации Новгородской феодальной республики Великий Новгород вошел в состав Русского государства окончательно и бесповоротно. Новгород перестал быть оплотом феодальной раздробленности с того момента, как московское правительство экспроприировало все без исключения местное новгородское боярство и купечество и водворило на экспроприированных землях московских служилых людей — помещиков. Ни в одной земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричнины в Новгороде прочно утвердились московские порядки. Москва неограниченно распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель, постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода. Влияние главы новгородской церкви и дьяков на местное управление заметно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х гг. Новгородский приказной аппарат, целиком зависевший от центральной власти, был послушным инструментом в руках монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. В годы опричнины новгородский архиепископ Пимен оказал много важных услуг царю и его опричной думе. После отречения царя в январе 1565 г. он возглавил делегацию, которая просила Грозного вернуться на престол и при-

¹ См. А. А. Зимин. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. — В кн. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». АН СССР, М., 1964, стр. 41, 45, 58. М. Н. Тихомиров указывает на наличие в источниках сведений об особой новгородской старине и вольностях в XVI веке. По его мнению, некоторые гарантии новгородской вольности (например, условия об отмене московских позвов, о сохранении старых судебных порядков, о военной службе новгородцев в пределах их земли), данные Иваном III Новгороду при ликвидации новгородской независимости в 1478 г., сохранились до времени новгородского восстания 1650 г., хотя и подверглись изменениям. (См. М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 281—282). Отметим, что московское правительство не выполнило главного своего обещания о сохранении за местными феодалами их земель: новгородские землевладельцы (бояре, купечество) были в массовом порядке выселены из Новгорода. Вместе с ними исчез сам субъект гарантий 1478 г. Пожалованные местным новгородским феодалам гарантии некоторых их старинных прав, естественно, не относились к новым московским помещикам, водворившимся в Новгороде в конце XV в.

няла все его условия относительно опричнины. Будучи вторым после митрополита церковным иерархом, Пимен возглавил церковь в критические дни после отставки Афанасия, а затем Филиппа. Именно Пимен помог опричному правительству расправиться с митрополитом Филиппом и тем самым обезглавил церковную оппозицию. Официальное руководство Новгорода, архиепископ и дьяки были неизменно лояльны по отношению к опричнине. И тем не менее царь и его дума недолюбливали Новгород и не очень доверяли новгородцам. Это объяснялось различными причинами.

По мере того как усугублялся раскол между опричниной и земщиной, опричная дума с растущим беспокойством следила за настроениями новгородского дворянства, самой многочисленной и влиятельной дворянской корпорации земщины. «Новгородская рать» (здесь мы используем терминологию Разрядов XVI века) насчитывала до 2—3 тысяч детей боярских¹. По численности новгородское дворянство в несколько раз превосходило дворянство любого другого уезда, включая Московский. Неудивительно, что на Земском соборе 1566 г. присутствовал 21 дворянин из Новгорода и только 16 от Москвы. Много ранее, в 1550 г., в «тысячу лучших слуг» попал 201 новгородский дворянин и 43 московских дворянина².

Политическое влияние новгородского дворянства было весьма значительным, ввиду чего при любом кризисе борющиеся за власть группировки пытались заручиться поддержкой новгородских помещиков. Удельный князь А. И. Старицкий попытался опереться на Новгород во время антиправительственного мятежа в 1537 г.³ Бояре Шуйские захватили власть в январе 1542 г., когда их поддержали новгородцы «все городом»⁴. При Избранной раде в 1552 г. в армии про-

¹ 3092 новгородских дворянина участвовали в походе на Полоцк в 1562 г. Спустя 10 лет 2000 новгородцев сражались с татарами на Молодах. В Ливонском походе 1577 г. числилось 2026 новгородских дворян. (См. Витебская старина, ч. IV, стр. 33—38; «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 174; Разряд Ливонского похода царя Ивана Грозного 1577 г. — «Военный журнал», 1852, № 1, стр. 95—97).

² См. И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. АН СССР, М. — Л., 1958, стр. 418; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. «Мысль», М., 1964, стр. 175.

³ Подняв мятеж, Старицкий немедленно двинулся к Новгороду, рассчитывая опереться на новгородскую рать. После подавления мятежа правительство казнило более 30 знатных новгородских дворян. Все они были повешены вдоль большой дороги из Москвы в Новгород. Судя по числу казненных, в выступлении участвовала крайне незначительная часть новгородского дворянства, что и объясняет в конечном счете неудачу мятежа. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 97).

⁴ Царь Иван специально отметил этот факт при редактировании официальной летописи в 60-х годах. (См. приписку к Синодальному списку летописи. — ПСРЛ, т. XIII, стр. 141, прим. 2).

изошли крупные беспорядки, вызванные отказом «новгородской рати» участвовать в казанском походе. Первоначально поход был приурочен к весне 1552 г. К этому сроку новгородское дворянство собралось на Оке в полном составе. Поход несколько раз откладывался, и когда после отражения крымцев царь приказал в конце июня идти на Казань, новгородцы не подчинились приказу и оказали открытое неповиновение: «Многу же несъгласию бывшу в людех, дети боярские наугородци государю стужаючи, а бият челом, что им невъзможно, столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывшим, да толику долгому пути итти, а там (под Казанью. — *Р. С.*) на много время стояти»¹. Мятеж в новгородском ополчении крайне неприятно поразил царя: «государю же о сем не мала скорбь, но велиа бысть». В конце концов правительство вынуждено было выслушать претензии новгородских помещиков. «Они же, — повествует летопись, — нужи свои и недостатки сказав государю: и многие бе безпоместные, а иные и поместны многие, да не хотяху долготы пути нужнаго шествовати»². Царь не решился пустить в ход силу и должен был прибегнуть к увещаниям и уговорам. Таким путем, «не ища чести своему величеству (он. — *Р. С.*) прикращает многонародных гласов молву...»³.

Трения между монархом и дворянами носили временный, преходящий характер. Причинами отмеченных выше крупнейших выступлений фронды в Новгороде в доопричный период были начавшееся оскудение новгородских служилых людей, высокая концентрация местных интересов и усиление политического веса новгородского дворянства, а отнюдь не пресловутый новгородский сепаратизм.

Новгородские дворяне не остались равнодушны к введению в стране опричных порядков. Прежде всего, они были глубоко задеты тем, что в состав привилегированного опричного войска и двора никто из новгородцев не был допущен. Оставшись в земщине, новгородцы испытали на себе насилия и произвол опричников. По мере разорения новгородских земель влияние дворянской фронды в Новгороде усиливалось. На Земском соборе 1566 г. немало новгородцев поддержали требование митрополита Ф. Колычева и конюшего И. П. Федорова об отмене опричнины. Спустя два года, некоторые из новгородских дворян были подвергнуты казни в связи с делом о «заговоре» И. П. Федорова.

По численности новгородское ополчение по крайней мере

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 191.

² Там же.

³ Там же.

вдвое превосходило силы опричного корпуса. И опричное правительство, проводя крайне непопулярный политический курс, вынуждено было пристально следить за настроениями наиболее влиятельного в земщине отряда дворянства. Конечно, к фронде примыкала лишь ничтожная часть новгородцев, непосредственно задетых опричниной. И все же, несмотря на свою немногочисленность и слабость, фронда внушала опричному руководству самые серьезные опасения.

До середины XVI в. Новгород сохранял значение крупнейшего после Москвы торгово-ремесленного и культурного центра¹. Давнее культурное и торговое соперничество этих двух городов сыграло некоторую, хотя и не слишком большую роль в том, что опричная политика приобретает антиновгородскую направленность. Несравненно более важное значение в этом плане имело обострение социальных противоречий в Новгороде, связанное с экономическим упадком конца 60-х годов.

Как мы отмечали выше, в жизни некогда независимых феодальных республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения в Москву конца XV и начала XVI в. затронули почти исключительно привилегированные сословия республик, боярство и городской патрициат, богатых купцов и мастеров. Основная масса податного населения посада, «меньшие» люди остались на месте. Они были живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В их среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений. Насилия и злоупотребления со стороны московской приказной администрации и дворян питали и поддерживали подобные настроения. Исключительной остротой отличались социальные противоречия между верхним слоем посадского населения — «лучшими» и «средними» людьми — и эксплуатируемым населением — «меньшими» людьми: подмастерьями, работными людьми, ярыжками, казаками-наймитами и т. д. В численном отношении «молодые люди» составляли основную массу посадского населения Новгорода и Пскова. Происходившее в низах глубокое социальное брожение было источником постоянной тревоги для власть имущих. Временами оно вырывалось наружу, как то произошло в самом начале Казанской войны. По предписанию Москвы в 1545 г. тяглое посадское население Новгорода снарядило в поход 1334 пищальника². При раскладке повинности возник спор между богатыми купцами-сuroжанами и «черными людьми». Власти приняли сто-

¹ См. А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.

² См. ААЭ, т. 1, № 205.

рону купцов и спустя полгода подвергли «черную» посадскую общину суровому наказанию¹. Возмущенные новгородцы пытались искать справедливости у московских властей. В июле 1546 г. находившиеся на службе в Коломне новгородские пищальники, числом около пятидесяти человек, пытались вручить челобитную Ивану Васильевичу. Царь не взял челобитной, а его дворяне попытались отогнать челобитчиков прочь. Раздосадованные пищальники стали «шибать» царских охранников грязью, а когда те пустили в ход сабли, они открыли пальбу из пищалей. Последовал настоящий бой, в котором пало с обеих сторон до 10—12 человек и было много раненых. «Нарядные» дворяне не устояли перед пехотой, вооруженной огнестрельным оружием, и отступили. Новгородцы удержали за собой поле боя. Царь запомнил на всю жизнь «коломенский бунт» новгородских посадских людей и при редактировании летописи в 60-х гг. составил подробный рассказ об этом бунте².

Новгородцы, не сробевшие перед царем и его дворянами, еще меньше почтения выказывали местным воеводам и администрации, состав которой менялся из года в год. Авторитет московских властей в Новгороде стоял, по-видимому, на весьма низком уровне. Подтверждением тому служит любопытный памятник новгородского происхождения, «Сказание о градех»³. По свидетельству «Сказания», в Новгороде царят всевозможные непорядки. Самый большой из них — непослушание и буйство «меньших» людей: «а бояре в нем (Новгороде. — Р. С.) меньшими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо: только их бог блюдет за их глупость». (Разрядка наша. — Р. С.)⁴.

Пресловутый новгородский сепаратизм был лишь побоч-

¹ «...в том же году 54 (1546), перепустя зиму, в лете возиле к Москве опальных людей полутретьяцати человек новгородцов, што была опала от великого князя в том, што в спрех с сурожаны не доставили в пищальники сорока человек на службу; и животы у них отписали и к Москве свезли, а дворы их, оценив, на старостах доправили». (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, изд. 2-е. Л., 1929, стр. 618. Подробнее см. И. И. Смирнов. Очерки, стр. 109—110; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 292).

² ПСРЛ, т. XIII, стр. 448—449.

³ Памятник сохранился в списке 50—60-х гг. XVI в. в составе владычного летописца. (См. А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. — «Проблемы источниковедения». М., 1955, т. IV, стр. 254—255). Владычный летописец списан был, по-видимому, в 50-х гг. XVI в. с более древнего летописца, доведенного до 1518 г. В конце его записаны известия за 1552—1553 гг., далее тем же почерком записано «Сказание о градех» и сведения о чуме 1552 г. «Сказание» было составлено, видимо, в более ранний период, но оно не утратило своей актуальности в период опричнины. (См. там же).

⁴ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 254—255.

ным продуктом глубокого социального брожения в низах. Элементы недовольства в народе особенно усилились в связи с кризисными явлениями в новгородской экономике.

Главной причиной аграрного кризиса, охватившего новгородские земли в конце 60—начале 70-х гг., было прогрессирующее разорение мелкокрестьянского производства вследствие ряда неурожайных лет, эпидемий и, наконец, непосильного податного гнета¹.

Бедствия и неурожай привели к повсеместному росту недоимок и значительному сокращению податных поступлений в казну. Между тем опричное правительство нуждалось в новых средствах для таких дорогостоящих затей, как строительство опричных крепостей, войны и т. д. Поэтому оно старалось любой ценой пополнить пустующую казну, не останавливаясь перед прямым грабежом подданных.

Ареной знаменитых опричных правежей стали бывшие новгородские владения в Поморье и на Севере. Опричный правец Б. Ф. Леонтьев в конце 60-х гг. дотла разорил земскую волость Варзугу, взыскав с нее несколько тысяч рублей². Во время похода в Варзугу опричники пограбили соседние волости Шую, Кемь, Кереть, Кандалакшу и Умбу, в результате чего там запустели многие дворы и соляные варницы. Опричник Штаден, побывавший в Шуче в 70-х гг., так характеризует состояние города после правежа: «Шуча Карельская — бухта и незащищенный посад. Опустошен опричными»³.

¹ По подсчетам Н. Яницкого, уже в 1564—1566 гг. в Бежецкой пятине на поместных землях впусе лежало не менее 27,35% тяглых крестьянских наделов, обож. (См. Н. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915, стр. 32, 48). Процесс разорения земель затронул в 60—70 гг. многие уезды страны. А. А. Зимин, С. М. Каштанов и А. Г. Маньков приводят интересные данные о запустении вотчин Волоколамского, Успенского Старицкого, Антониева Новгородского и Краснохолмского монастырей в различных уездах страны в конце 60-х и в 70-х гг. (См. А. А. Зимин. Опричина, стр. 403, 404; С. М. Каштанов. К изучению опричины Ивана Грозного. — «История СССР», 1963, № 2, стр. 114; А. Г. Маньков. О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI века. — «История СССР», 1959, № 4, стр. 143).

² Правительство послало Леонтьева для разрешения какого-то поземельного спора между опричным посадом Колмогорами и земской Варзугой в 1568 г. (См. П. А. Садиков. Очерки, стр. 199—200). Позже Леонтьев ездил для правежа в Сумскую волость Соловецкого монастыря. Волостные крестьяне избежали разорения лишь благодаря тому, что сумели откупиться от опричников деньгами.

³ Г. Штаден. Записки, стр. 64. Штаден проезжал через Шую около 1574—1575 гг., следовательно и через семь-восемь лет последствия опричного правежа на севере давали себя знать. Дозорщики, ездившие в Керетскую волость, сообщили, что многие дворы и варницы волости запустели «от лета 7076-го году от лихова поветрия и от голоду и от Басаргина правежу и от Двинского иску». (См. П. Садиков. Очерки, стр. 199).

Столь же свирепо действовали правительственные чиновники и праветчики в Новгородской земле при сборе разного рода недоимок. К примеру, в 1568 (7076) г. они разорили две деревни в Городенском погосте¹. В 1569—1570 (7078) гг. праветчик «государева хлеба» Д. Фатьянов замучил и разорил многих крестьян черной Кирьяжской волости Водской пятины². В том же году в Ореховецком присуде правил подати опричник Т. Бастанов, разоривший более десятка крестьянских хозяйств³.

Казна не могла выколотить недоимки из новгородских крестьян даже в пору относительного благополучия в 50-х гг.⁴. Податные грамоты и платежные книги Новгорода позволяют установить, что в первые годы Ливонской войны казна увеличила денежную подать более чем втрое, с 66²/₃ денег до 204¹/₂ денег⁵. Усиление фискального бремени и начавшееся разорение удесятили недоимку, скопившуюся за новгородцами. Взыскать ее обычными средствами казна не могла, даже если бы она приставила по сборщику к каждому из новгородских крестьян. Ввиду этого она должна была прибегнуть к мерам чрезвычайным. Не подлежит сомнению, что карательный поход опричников на Новгород имел одной из целей взыскание громадной недоимки и погашение задолженности Новгорода казне путем прямого грабежа и террора.

Экономический упадок, «мор и глад», равно как и свирепые правежи недоимок, в немалой степени обострили социальные противоречия в стране и усилили повсюду элементы недовольства. Положение отчасти напоминало ситуацию, сложившуюся в стране после боярского правления и приведшую к народным восстаниям в Москве, Новгородско-Псковской земле и т. д. Опричное правительство сознавало

¹ «а запустили оне от мору и от государьского правежу в 76 году». (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, М., 1909, стр. 307).

² «Дер. Мустола: лук пуст Фешка Якушева — Фешка Денесей Фатьянов, хлебной праветчик, на правежи убел, дети голода примерли, запустил 78-го. В той же деревне лук пуст Павелка Васильева — Павелка тот же Денесей на правежи убел, запустил 78-го; дворишко стоит». «Деревня Лавляяли: лук пуст Гриши Микулина, Гриша умер, а сына его Денеска посопного хлеба праветчик, убел, запустил 78 году». (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 122, 107).

³ В Спасском погосте на Неве «от опричного правежу 78 году от Темеша Бастанова» запустило 10 обож и в 79 году еще четверть обжи. (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 315).

⁴ Накануне Ливонской войны власти специальной грамотой от 1 февраля 1556 г. предписали собрать с новгородцев помимо подати за 1556 год также недоборы за 1552—1555 годы «сполна» и прислать собранные деньги в Москву. (См. РАИ, т. 1, стр. 147).

⁵ Податные грамоты 1556 и 1561 гг. — См. ДАИ, т. 1, стр. 94; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 1, стр. 194.

опасность положения и пыталось бороться с ней посредством диких погромов и беспощадного террора против низов.

Власти согнали много тысяч ремесленников и черносoshных крестьян в Вологду для строительства северной опричной столицы. В связи с голодом летом 1569 г. среди строителей возникло недовольство. Люди роптали, разбегались куда глаза глядят. Царь, явившись в Вологду, сурово расправился с недовольными. По его приказу опричники сожгли живьем нескольких плотников и крестьян¹. Следы этой расправы мы находим в царском синодике опальных: «на Вологде отделано... Федора помяс, Неупокоя, Данило, Михаила плотники, Ананя балахонец»². Суровая расправа с недовольными должна была предотвратить волнения голодающих крестьян и ремесленников в Вологде.

Спустя полгода опричное правительство повторило вологодский опыт в Твери и Новгороде, на этот раз в значительно более широких масштабах. В экономическом отношении этот район был самым бедственным. Власти страшились новгородской «черни», и только этим страхом можно объяснить избиение многих сотен малоимущих посадских людей и крестьян во время опричного похода на Новгород. Социальный смысл террора, обращенного против новгородских низов, совершенно очевиден.

**
*!

Первым предвестником новгородского «изменного» дела послужил розыск о причинах падения Изборска в январе 1569 г. Литовцы захватили Изборск с помощью русских изменников Тимохи Тетерина и Марка Сарыхозина. Переодевшись опричниками, те глубокой ночью постучали в ворота Изборска и, «вопрошаясь опричниной», заставили стражу отворить город³. Царь не сомневался в том, что Тетерин имел сообщников среди изборских приказных и псковского насе-

¹ См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 39. Гваньини, дополнивший записки Шлихтинга, указывает, что казни крестьян имели место во время посещения царем Вологды летом 1569 г. (там же, стр. 56). Вологодский летописец сообщает, что в 7077 г. «по светлом Христове воскресении на той же недели казнил (царь. — Р. С.) вологжан всяких чинов людей». (Москва. ГИМ. Забел. собр., № 263, л. 161 об.).

² См. ниже, стр. 272. Поводом к расправе послужило «неблагочестивое» поведение плотников, употребивших в пищу кусок телятины, кажется, во время великого поста. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 39). Первым среди казненных вологжан в синодике записан какой-то мясник Федор.

³ Г. Штаден. Записки, стр. 94; Псковские летописи, т. II, стр. 261; Разряды, л. 347 об.

ления¹. После освобождения Изборска опричники жестоко расправились с заподозренными в измене лицами. Свидетельством тому служит следующая запись синодика: «В изборском деле: подъячих изборских, подъячаго Семена Андреев Рубцов; Оглоблю, Рубцов человек; Петра Лазарев; псковичей Алексия Шюбин, Афимью Герасимов»². Изборские подьячие и двое псковичей были обезглавлены за измену в пользу литовцев. По той же причине царь приказал расстрелять изборского коменданта знатного новгородского дворянина А. Ж. Нащокина, вернувшегося из литовского плена в середине того же года³.

Изборская «измена» внушила правительству мысль о ненадежности приказной администрации, а также и всего населения Псковской и Новгородской земель⁴. Следствием того были широкие репрессии против псковичей и новгородцев в марте 1569 г. Едва завершив расследование изборской «измены», царь велел провести выселение всех неблагонадежных лиц из Пскова и Новгорода. По летописи, власти выселили 500 семей из Пскова и 150 семей из Новгорода⁵. Общее чис-

¹ В письме к Сигизмунду от 24 февраля 1569 г. царь упомянул о том, что гетман кн. А. Полубенский «сослався с нашим изменники, безбожным обычаем в наш пригородок во псковской Изборск с нашими изменники въехали». (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 588). В феврале 1569 г. царь наказал своему гонцу произнести такую речь перед русскими эмигрантами в Литве: «С изменником что говорити? А вы своею изменою сколько не лукавьте бесовским обычаем, а бог милосердие свое государю свыше подает на враги победу, а вашу измену разрушает... А то говорити с Курбским или с иным с радным, а с худым того не говорити, худому, излаяв, да плюнути в глаза, да и пойти прочь». (Т а м ж е, стр. 593). Такова была реакция царя на изборскую измену.

² См. ниже, стр. 272.

³ Изборский наместник А. Нащокин, изборский городской приказчик Иван Рудак Перхуров, ямской дьяк Афанасий Иванов вернулись из литовского плена в июле 1569 г. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 605, 608). По приезде из Вологды в Слободу царь Иван вызвал к себе Нащокина и двух других изборских пленников. «Вы не умели защищать крепость и себя самих, когда вас осаждали поляки и литовцы, — будто бы сказал он, — так я научу вас теперь». Изборский воевода был тут же расстрелян опричными лучниками. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 40). В синодике имя А. Нащокина до сих пор не найдено или, вернее, не расшифровано. Любопытно, что в записях синодика, датируемых осенью 1569 г., есть одно нерасшифрованное место: «Федора Петров Афонасьев человека Нащокина; Максима... (?), да его два человека. Бык да Алексей; Афонасиа... (?) дворник». (См. ниже, стр. 273).

⁴ По рассказу Штадена, после изборской «истории» опричники будто бы обезглавили главных дьяков и приказных в ближайших к Изборску ливонских крепостях Феллине, Тарвасте и Мариенбурге. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 94).

⁵ Новгородские летописи, стр. 129. Опричные дипломаты Таубе и Крузе, неоднократно посещавшие Псков, знали о массовых выселениях горожан из Новгородско-Псковской земли. Таубе и Крузе рассказывают, что из Пскова (Плескова, в издании М. Г. Рогинского ошибочно Переяславля)

ло лиц, подлежащих высылке, исчислялось весьма значительной цифрой: в 2—2^{1/2} тысячи лиц. В известном смысле меры Грозного копировали массовые выселения из Новгорода при Иване III. Однако в конце XV века ссылке подверглись новгородцы, принадлежавшие к феодальному сословию. Теперь же основную массу высланных составляли «средние» и в особенности «меньшие» посадские люди¹. Массовое выселение посадских людей из Пскова и Новгорода, двух городов, бывших в глазах правительства опасными очагами социального брожения, принадлежало к числу самых значительных мер опричнины за все время ее существования.

Вскоре после псковских выселений царь получил от своих послов подробный отчет о государственном перевороте в Швеции. Некоторые из посольских сообщений неизбежно усилили недоверие Грозного к непокорному посадскому населению. Царю сообщили, что накануне мятежа Эрик XIV просил русских послов «проведывати про стеколских людей про посадских измену, что оне хотят королю изменить, а город хотят здати королевичем...» (Курсив наш. — Р. С.)². Опасения короля полностью оправдались. Во время осады Стокгольма мятежниками стокгольмский посад принял сторону мятежных бояр и удельных князей: «свейские люди все, которые были в городе, город Ягану королевичу отворили»³.

Дальнейшим толчком к расследованию новгородской измены послужил розыск о заговоре Старицких. Старицкие удельные князья, владения которых издревле граничили с Новгородом, поддерживали традиционные дружественные отношения с новгородскими властями и дворянством. В Новгороде Старицкие имели двор, служивший одной из их резиденций⁴. Некоторые новгородские помещики служили в Старицком уделе⁵. Новгородский летописец, хорошо знавший местные настроения, утверждает даже, что после смерти кн. В. А. Старицкого «мнози по нем людие (очевидно, новгородцы. — Р. С.) восплакашася»⁶.

В ходе следствия о заговоре Старицких земские власти

было выселено 470 семей, а из Новгорода будто бы 370 семей. Первая из этих цифр весьма близка к летописной. (См. G. Hoff. Указ. соч., стр. 16 об. — 17).

¹ По неполным данным, в 80-х гг. в Новгороде на посаде записано 19 лучших людей, 162 средних и 1051 младший человек. (См. А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке, стр. 181).

² Сб. РИО, т. 129, стр. 164.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Датский посол Я. Ульфельд осматривал деревянный двор В. А. Старицкого в Новгороде. (См. Чтения ОИДР, М., 1883, кн. 1, отд. III, стр. 12).

⁵ В числе первых был казнен по новгородскому делу новгородский помещик И. Сысоев, «княж Владимиров сын боярский». (См. ниже, стр. 274).

⁶ Новгородские летописи, стр. 337.

Новгорода по доносу некоего П. Петрова арестовали нескольких подьячих (А. Связева с товарищами) и передали их в руки опричнины¹. Связев не дожил до новгородского погрома и был казнен вместе с поваром-«отравителем», главным свидетелем обвинения против кн. В. А. Старицкого.

Опричное правительство искало сообщников Старицкого в среде старомосковской боярской знати, сильно скомпрометированной после «заговора» конюшего И. П. Федорова и выступления Ф. Колычева. После новгородского погрома царские послы разъяснили литовскому правительству причины казни Старицкого и заявили, что Старицкий не был единственным участником заговора, так как к нему пристали «воры» из числа земских бояр². Расшифровать это любопытное заявление помогают источники документального происхождения: во-первых, синодик царских опальных и, во-вторых, перечень судебных дел в описи царского архива 70-х гг. XVI века. В синодике мы находим следующий перечень лиц, казненных опричниками в Новгороде в дни погрома: «Алексея Сауров, Козмоу человек его; ...Василия Дмитриевича Данилов, Андрея Безсонов дьякон; Васильевых людей Дмитриевых два немчина: Максима литвин, Роп немчин; Кузьминых людей Румянцева... архиепископля сына боярского Третьяка Пешков; ...Ивана Сысоев княж Владимиров сын боярский...»³. Указанная запись вводит нас в самый центр грандиозного политического процесса, получившего наименование «новгородского изменного дела». В частности, она обнаруживает один исключительно интересный факт, до сих пор остававшийся вне поля зрения исследователей. Оказывается, подлинным героем новгородского дела был земский боярин В. Д. Данилов. В синодике записаны один за другим свидетели обвинения против новгородских властей А. Савуров, главный новгородский дьяк А. Безсонов, слуги второго новгородского дьяка К. Румянцева, В. Д. Данилов со своими людьми, вассалы новгородского архиепископа и кн. В. А. Старицкого⁴.

В. Д. Данилов происходил из очень знатного старомосков-

¹ Описи царского архива, стр. 44.

² См. Сб. РИО, т. 71, стр. 777.

³ См. ниже, стр. 274.

⁴ А. Савуров был одним из первых новгородских помещиков, арестованных по делу о новгородской измене. В архиве хранился специальный документ, «привод и опрос Олешки Сабурова и человека его Куземки Литвинова, как поимали их в Новгороде и привели к Москве». (См. Описи царского архива, стр. 44). Несколько позже Савуров и его слуга были казнены вместе с главными руководителями новгородского «заговора». Савуровы не имели никакого отношения к знатной боярской семье Сабуровых. Они были мелкими помещиками, и некоторые из них служили в Новгороде подьячими. (См. ниже, стр. 278).

ского боярского рода. Ко времени опричнины он занимал видное положение в земщине. По словам А. Шлихтинга, он служил «начальником над воинскими орудиями» и в его ведении находились пушкари¹. На основании этого свидетельства можно заключить, что боярин Данилов возглавлял Пушкарский приказ. Краткая записка о московских приказах начала XVII в. определяла, что во главе Пушкарского приказа стоял боярин и что в его ведении находился «весь наряд, на Москве и по всем городом, пушки и пищали» и пр.². Пушкарский приказ существовал, по-видимому, уже в конце 60-х гг. XVI в.³. По службе В. Д. Данилов был тесно связан с боярином И. П. Федоровым, возглавлявшим центральный Конюшенный приказ. Тотчас после введения опричнины В. Д. Данилов служил под начальством Федорова в составе московской боярской комиссии⁴. В 1566 г. Данилов участвовал в деятельности Земского собора.

Самый осведомленный из авторов того периода А. Шлихтинг сообщает о гибели Данилова следующее. В. Д. Данилов притеснял и обкрадывал находившихся в его приказе пушкарей и стрельцов. Среди обиженных было несколько пленных полоцких пушкарей. Они пытались бежать в Литву, но были пойманы и на допросе показали, будто за рубеж их послал сам Данилов. Опричники подвергли боярина пыткам, и тот, не выдержав мучений, «признался», что изменил в пользу польского короля и составил заговор⁵.

Достоверность рассказа Шлихтинга подтверждается источниками строго документального происхождения, описью царского архива и синодиком. В архиве хранилась «отписка ко государю в Васильеве деле Дмитреева (Данилова. — Р. С.) о пушкарях о беглых о Мишках». (Курсив наш. —

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 34.

² АИ, т. II, № 355, стр. 424.

³ А. Лебедянская полагает, что первое упоминание о Пушечном приказе относится к 1577 году. (См. Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890, № 26, стр. 39; А. Лебедянская. Пушкарский приказ. Автореферат диссертации. М., 1950, стр. 3). Однако в официальной дипломатической документации московские «Пушечные избы» упоминаются уже под 1570 годом. К тому же году относится упоминание о том, что «пушечный приказчик» выдавал корм литовским послам. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 626, 639).

⁴ В. Д. Данилов начал службу на воеводстве в Смоленске в 1548 г. (Разряды лл. 155, 208, 217). Думный титул окольного он получил к сентябрю 1555 г. (Там же, л. 226 об.). Осенью 1555 г. Данилов пытался местничать с боярином А. Д. Басмановым, но потерпел неудачу. (Там же, лл. 226 об. — 227). Позже он служил воеводой в Юрьеве (в 1558 г.) и Полоцке (в 1564 г.). Данилов получил боярский чин к 1564 г. (Там же, лл. 249, 304, 316). После введения опричнины 13 марта 1565 г. он был отозван из Полоцка и 19 сентября назначен в состав боярской комиссии, управлявшей Москвой. (Там же, лл. 318, 331 об.).

⁵ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 38.

Р. С.)¹. Когда опричники доставили Данилова в Новгород для изобличения «сообщников», то туда же были доставлены двое пушкарей. По синодику, во время новгородского суда опричники казнили В. Д. Данилова и двух немчинов (Максима литвина и Ропу немчина) Васильевых людей Дмитриевых. Беглый пушкарь литвин Максим (в русской транскрипции Мишка) и был, очевидно, главным доносчиком на Данилова.

Под пытками опричники вынудили у знатного земского боярина признание, будто в заговоре с ним состояли новгородские власти и все жители Новгородско-Псковской земли. И новгородцам и Данилову предъявлялось одно и то же обвинение — намерение «предаться» польскому королю. Важные сведения об обстоятельствах раскрытия «заговора» сообщает венецианский дипломат Джерио, побывавший в Москве вскоре после новгородского разгрома. Царь, писал он, «разорил Новгород вследствие поимки гонца с изменническим письмом»². (Перевод наш. — Р. С.).

Расшифровать сообщение Джерио помогает документальная опись царского архива. В одном месте с «новгородским делом» Свиязева и отпиской о «деле» Данилова в архиве хранилась «отписка из Новгорода от дьяков Ондreja Безносова да от Кузьмы Румянцева о польской памяти»³. По-видимому, в Новгороде был пойман лазутчик с тайной грамотой и главные новгородские дьяки поспешили отписать о нем в Москву. Напомним, что двумя годами ранее литовцы обратились с тайными грамотами к конюшему Федорову и другим руководителям земщины, предлагая им перейти на королевскую службу. В то время литовская тайная дипломатия добилась бесспорного успеха, скомпрометировав конюшего тайным обращением к нему. Теперь литовская интрига получила свое продолжение в «новгородском деле». «Польская память», найденная у лазутчика в Новгороде, стала в

¹ Описи царского архива, стр. 44.

² Донесение аббата Джерио Венецианскому дожу. — *Historia Russiae Monumenta*, т. 1, СПб., 1841, стр. 214. В переводе А. Н. Ясинского известие аббата Джерио передано следующим образом. Царь Иван казнил новгородцев, «чтобы окончательно вывести измену, потому что была отыскана грамота, доказывавшая измену». (См. А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1914, стр. 199).

³ Описи царского архива, стр. 44. «Польская память была получена в Новгороде в то время, когда администрацию там возглавляли дьяки А. Безсонов и К. Румянцев. (См. их распоряжения за сентябрь 1568 г. — «Новгородские летописи», стр. 98—99). Не позднее июня 1569 г. в Новгород был спешно прислан наместник боярин кн. П. Д. Пронский, пользовавшийся полным доверием опричной думы (См. Н. П. Лихачев. Местнические дела (1563—1605 гг.). СПб., 1894, стр. 62—63). С июня 1569 г. грамоты в Новгороде подписывали боярин Пронский и дьяк Румянцев. (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 123 и др.).

глазах опричников главной уликой против новгородских властей¹.

После новгородского разгрома царские послы объявили, что «царь и великий князь для земских росправ был в своей отчине в Великом Новгороде и во Пскове». На вопрос «то ли управа: государь ваш в Новгороде и во Пскове и на Москве многих казил?» послы должны были отвечать: «али вам то ведомо?» «коли вам то ведомо, а нам вам что и сказывати? О котором есте лихом деле з государьскими изменники лазучьством ссылались и бог тое измену государю нашему объявил, и потому над теми изменники так и ссталось... а безлеп было то, пане, и затевати: коли князь Семен Лугвень и князь Михайло Олелкович в Новгороде был, ино и тогда Литва Новагорода не умели удержати, и чего удержати не умели, и на то что и посягати? А государь наш... свое царство держит от божии десницы, и чего кому бог не даст, и тому того собою как взяти?» (Курсив наш. — Р. С.)².

Официальные разъяснения в Литве показывают всю степень ослепления опричного руководства, ставшего жертвой мистификации королевской секретной службы. В глазах мнительного царя найденная в Новгороде «польская память» служила бесспорным доказательством сговора между литовцами и новгородскими «изменниками», свидетельством «безлепной затеи» литовских панов, их посягательства на новгородскую отчину царя. Грозный не сомневался, что нити новой литовской интриги тянутся к его давнему врагу боярину Курбскому³.

Итак, боярина Данилова и его новгородских «сообщников» обвинили в государственной измене, предательстве в пользу Литвы. Опричное руководство предало это обвинение широкой гласности. О нем сообщают многие очевидцы и современники: опричники Таубе и Крузе, Шлихтинг, хронисты

¹ Поздние новгородские предания, старавшиеся отвести от Новгорода всякие подозрения в измене, отрицали наличие «польской памяти» и утверждали, будто изменную грамоту составил некий бродяга волынец Петр, желавший отомстить Новгороду. Он якобы подделал челобитную от всего Новгорода «о предании полскому королю», запрятал ее в Софийском соборе, а затем послал донос царю. (См. Новгородские летописи, стр. 468).

² Сб. РИО, т. 71, стр. 777. Наказ русским послам был составлен летом 1570 г. В наказе читаем: «А нечто вспросят, где царь и великий князь ездил сее (! — Р. С.) зимы», т. е. зимы 7078 (1569/1570) года. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 777). Из-за чумы отъезд послов был задержан и верительные грамоты подписаны только 6 декабря 7079 (1570) г., т. е. зимой следующего года.

³ Русские послы должны были объявить в Литве о последних преступлениях Курбского: «а ныне его многая измена, тайно лазучьством со государьскими изменники ссылаетца на государьское лихо и на крестьянское кровопролитие». (Сб. РИО, т. 71, стр. 778).

Рюссов и Гваньини. Но в связи с «покушением» Старицкого на жизнь царя новгородцам было предъявлено еще одно обвинение: их объявили соучастниками «заговора» Старицкого. Как значилось в подлинном судебном деле, заговорщики будто бы хотели «Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси хотели злым умышленьем извести, а на государство посадить князя Володимера Ондреевича»¹. В своем окончательном виде обвинение против новгородцев носило весьма абсурдный характер, так как заключало в себе взаимоисключающие моменты. Участники заговора желали доставить престол кн. Старицкому и в то же время перейти со всеми своими землями под власть польской короны. Из династических соображений власти предпочитали держать в тайне обвинения, касавшиеся участия в новгородском заговоре двоюродного брата царя.

**

Суд над Старицким и архиепископом Пименом вызвал серьезные разногласия в опричной думе. «Новгородское дело» встревожило тех деятелей опричины, которые не утратили способности сообразовать свои действия, помимо соображений карьеры, также и со здравым смыслом. Бессмысленность обвинений, выдвинутых против одного из наиболее авторитетных руководителей церкви Пимена, была очевидна. Среди прочих деятелей церкви Пимен выделялся своей неизменной лояльностью к опричному правительству и преданностью царю. Опальный архиепископ всегда поддерживал дружеские отношения с руководителями опричины Басмановыми и Вяземским.

Более дальновидные члены опричной думы имели основания опасаться, что расправа с Пименом приведет к новым осложнениям во взаимоотношениях между правительством и церковью. Они не могли забыть кризиса, вызванного «делом» Филиппа, и боялись, что расправа с Пименом усилит непопулярность опричной политики и скомпрометирует опричное руководство. Помимо всего прочего, они опасались и за

¹ ДДГ, стр. 480. Датский посол Я. Ульфельд в 1578 г. беседовал в Новгороде с «достоверными людьми», очевидцами опричного погрома, которые рассказали ему следующее. В 1570 г. у царя возникло относительно его двоюродного брата подозрение (о чем тот и не помышлял), будто тот хотел обмануть его и учинить коварство, но было ли так, знает бог. Царь отравил его, разорил Новгородскую землю и побил много тысяч людей, по поводу которых он имел подозрение из-за брата, ранее им отравленного, что будто они стояли с ним заодно. (*Iacobi Ulfeldii legatio Moscovitica. — Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri saeculi XVI, Vol. I, Bergolini et Petropoli, 1842, X, p. 8*). Не вполне точный перевод приведенного текста сделан Е. В. Барсовым. (См. Путешествие в Россию Я. Ульфельда. — Чтения ОИДР, М., 1883, кн. 1, отд. III, стр. 13—14).

собственную безопасность, ничем не гарантированную в условиях массовых репрессий. Террор был вызван ими самими, но теперь он все больше ускользал из-под их контроля.

Некоторые из руководителей опричной думы пытались помешать расправе с Пименом. Оружничий князь Афанасий Вяземский тайно предупредил Пимена о грозившей ему опасности¹. Судя по всему, архиепископ и новгородцы ждали царя и готовились к встрече его летом 1569 г.² Будучи временщиком, Вяземский не осмелился открыто возражать против решения царя о разгроме Новгорода. Но в опричном правительстве были люди значительно более независимые в своих суждениях и поступках, чье влияние основывалось на выдающихся заслугах, знатности и богатстве. В числе их был боярин А. Д. Басманов, один из самых видных воевод своего времени. Карьера Басманова оборвалась накануне новгородского погрома³. Неизвестно, предпринимал ли он какие-нибудь шаги, чтобы предотвратить расправу с Пименом или же он проявил недостаточно рвения при разоблачении «измены». Так или иначе, но Басмановы не участвовали в походе на Новгород. Взаимоотношения между Басмановым и царем стали ухудшаться, по-видимому, после казни видного воеводы из рода Плещеевых Г. С. Плещеева. По синодику, он погиб накануне «изборского дела»⁴.

Имя Г. С. Плещеева записано в краткий перечень опальных, что указывает на его влиятельное положение в земщине⁵. Во время новгородского разгрома царь велел каз-

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 32. Поступок Вяземского имел также сугубо личные мотивы. В новгородском изменном деле оказались замешаны новгородские помещики Фуниковы, двое из них были казнены в первые же дни опричного погрома. Между тем родная сестра Вяземского была замужем за Н. Фуниковым. (См. там же, стр. 57—58).

² В Новгородской летописи церковного происхождения после мало-важной записи 9 июня 1569 г. следовала роспись «корму царю и государю великому князю», «коли с Москвы поедет в Великий Новгород, в свою отчину». Царский корм включал 10 коров, 100 баранов, 5 пудов масла, на поварню 200 телег дров, для конского корму 600 телег сена и 600 четвертей овса. Подробнейшая роспись царского корма едва ли могла попасть в летопись, не будь в том практической надобности. Видимо, новгородцы готовились к встрече царя. (См. Новгородские летописи, стр. 99—100).

³ Любимец Грозного кравчий Ф. А. Басманов командовал с весны 1569 г. всеми опричными войсками, собранными в Калуге против татар. Ему были подчинены опричные воеводы окольный В. И. Умой и боярин З. И. Очин. (См. Разряды, л. 353). Первым симптомом падения бывшего влияния Плещеевых была попытка воеводы кн. А. П. Телятевского «почитать» местами с Федором Басмановым. Спор не был разрешен, поскольку Телятевский скоропостижно умер. Но уже в августе 1569 г. кравчий был отозван из армии в Москву. Никаких новых назначений он не получил.

⁴ См. ниже, стр. 272.

⁵ См. ниже, стр. 289. В 1562 г. тесть царя князь Темрюк бежал из Ка-

нить еще нескольких дворян Плещеевых, а также слуг Басманова¹. После новгородского похода глава опричного правительства был объявлен главным сообщником Пимена в опричнине².

Не вызывает сомнения, что падение Басмановых было следствием интриг со стороны руководителей сыскного ведомства опричнины В. Г. Грязного и М. Л. Скуратова-Бельского, выступивших главными инициаторами расправы со Старицким.

Малюта Скуратов получил думный чин и вошел в опричное правительство после разгрома вотчин Федорова и «разоблачения» новгородской измены. Но в местных счетах он еще в 1570 г. уступал всем прочим думным дворянам, включая Грязного³.

Скуратов и Грязной были типичными представителями низшего дворянства, выдвинувшегося в годы опричнины. В. Г. Грязной происходил из худародных детей боярских, издавна служивших ростовским епископам. Некоторое время Грязной служил в Старицком уделе. По словам царя, он был «мало что не в охотниках с собаками» у старицкого боярина князя Ю. И. Пенинского-Оболенского⁴. После роспуска старицкого двора Грязной перешел на царскую службу и был принят в опричнину, где вскоре выслужил чин головы в царском полку⁵. Неутомимый собутыльник и веселый балагур, он быстро завоевал расположение царя⁶. Но подлинного успеха новый фаворит достиг в период розыска о «новгородской измене». Ни один опричник не проявил столько усердия в разоблачении «заговора» Старицких, сколько вчерашний старицкий вассал. Именно он исполнял роль судьи и следователя во время судебного «разбирательства» на Богане. В разгроме Новгорода Василий Грязной и его родня приняли самое непосредственное участие. Троюродному брату Василия Ошанину царь поручил доставить в Москву опального Пимена. В государственном архиве хранилась наказная «память» «Федору Ошанину, как ему вести к Москве новгород-

барды в Астрахань. В помощь ему был послан воевода Г. С. Плещеев с тысячью стрельцов и казаков. Плещеев прошел огнем и мечом по всей Кабарде и разгромил непокорных черкесских князей. Кавказский поход прославил его как воеводу. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 301, 324).

¹ См. ниже, стр. 277.

² ДДГ, стр. 480.

³ Сб. РИО, т. 71, стр. 666.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 193, 640—641. См. также П. А. Садиков. Царь и опричник. Сб. «Века». Пгр., 1924, стр. 41—51.

⁵ Разряды, л. 340 об. В 1566 г. Грязной поручился за опричных воевод. (См. СГГД, ч. 1, стр. 558).

⁶ Позже царь припомнил прежнему любимцу, как тот шутил, «стоячи» за кушаньем у царского стола. (Послания Ивана Грозного, стр. 193).

ского архиепископа Пимена»¹. Спальник Г. Грязной тогда же отконвоировал в Москву арестованных шведских послов².

Чудовищный новгородский процесс явился делом авантюристских элементов опричной думы, руководствовавшихся узкокорыстными, карьеристскими соображениями. Раскрытие «измены» позволило этим элементам устранить старых и наиболее авторитетных вождей опричнины Басмановых и захватить руководство опричным правительством.

**

По первому зимнему пути опричная армия двинулась в поход на Новгород³. Высланные вперед опричные заставы заняли ямские станции и городки по всей дороге от Слободы до Новгорода. Под предлогом борьбы с чумой всякое передвижение по новгородской дороге было воспрещено под страхом смерти. Царь, никому более не доверявший, велел убивать всех, кто пытался проехать по новгородской дороге или проникнуть в опричный лагерь. Никто не мог предупредить новгородцев о грозившей им опасности.

По словам участников похода, опричные отряды двинулись к Новгороду через Клин, Тверь, Медное, Торжок и Бежецкую пятину⁴. Путь опричных был отмечен кровавым следом. Их «подвиги» запечатлены в следующей записи синодика опальных, составленной на основании подлинных «сказок» опричных воевод: «на заказе от Москвы 6 человек. В Клине Иона каменщик. Пскович з женами и з детми на Медне 190 человек. В Торжку... пскович з женами и з детми 30 человек. Бежецкия пятины: Игнатя Неклюдов Юренив» и др. Для верного суждения о новгородском походе данные синодика имеют первостепенное значение. К примеру, участники похода Таубе и Крузе утверждают, будто опричники истребили все население Клина и опустошили местность от Клина до Черной (Цорна) и от Черной до Новгорода⁵. В их рассказе упоминание о Черной не имеет смысла. По Штадену, опричники стали грабить и побивать жителей после того,

¹ ДДГ, стр. 483. В описи архива, возможно, допущена ошибка, и вместо Василия Федорова Ошанина записано имя Федора Ошанина.

² Сб. РИО, т. 129, стр. 177.

³ Штаден рассказывает, что царь отправился в Новгород вместе со всеми опричниками. (Г. Штаден. Записки, стр. 89). По свидетельству Таубе и Крузе, в походе участвовали все опричники, богатые и бедные, кто только был боеспособен, числом будто бы до 15 тысяч. (Послание Таубе и Крузе, стр. 47). В действительности, вся опричная армия насчитывала тогда не более 2 тысяч дворян, до 2—4 тысяч их вассалов и холопов и до 1500 стрельцов.

⁴ Послание Таубе и Крузе, стр. 48; Г. Штаден. Записки, стр. 89.

⁵ Послание Таубе и Крузе, стр. 48.

как достигли яма Черного¹. Синодик подтверждает тот факт, что опричники не тронули населения Клина и приступили к массовым избиениям после вступления в Тверскую землю.

Подойдя к Твери, опричная армия обложила город со всех сторон. Царь и его свита расположились в окрестностях города, в том самом Отроче монастыре, где томился в заточении опальный Филипп Колычев. По-видимому, опричное руководство искало примирения с бывшим митрополитом. Царь предвидел, что его санкции против новгородской церкви вызовут негодование духовенства, и старался подкрепить их авторитетом Колычева. Он полагал, что Филипп не упустит случая отомстить своему злейшему врагу архиепископу Пимену, который помог опричникам низложить его с митрополии. Один из членов опричной думы Малюта Скуратов посетил Филиппа в его келье и от имени царя просил благословения на расправу с новгородцами². В награду за эту услугу Колычеву будто бы предложили вновь занять митрополичий престол. Но Колычев соглашался «благословить» царя и вернуться на митрополию только при условии упразднения опричнины. Курбский передает, будто Филипп угрожал царю и опричникам проклятием, что, вообще говоря, мало вероятно³.

Беседа опального митрополита с опричниками имела трагический исход. Когда Колычев стал в сердцах обличать неистовство «суетных», Малюта зажал ему рот подушкой («подглавием») и задушил его. Игумену монастыря было объявлено, будто узник умер от «неуставного» келейного зноя⁴. Чтобы предупредить расследование, Малюта приказал немедленно предать тело Филиппа земле. Все это произошло 23 декабря 1569 г.⁵

¹ Г. Штаден. Записки, стр. 89.

² А. Курбский. История, — РИБ, т. XXXI, стр. 315—317. Псковские летописи. Под ред. А. Н. Насонова. АН СССР, вып. 1, М. — Л., 1941, стр. 125. Явившись в келью, Малюта «умилне припадая», просил Филиппа: «Подаждь благословение царю, владыко святой, итти в Великий Новгород!». («Житие Филиппа митрополита». ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Соловецк. собр., д. № 1073/963, л. 89). Курбский передает, что Филипп пробыл в Отроче монастыре, как говорили, «мало не год целый, и аки бы посылал (царь. — Р. С.) до него и просил благословения его, да простит его, такоже и о возвращению на престол его». (См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 316).

³ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 316. По «Житию...», Филипп стал читать отходную после первых же вопросов опричника. («Житие Филиппа», л. 89 об.).

⁴ Наличие официальной версии о смерти Филиппа из-за небрежности приставов объясняет нам, почему его имя отсутствовало в делах об опальных в царском синодике.

⁵ Житие Филиппа, л. 90; А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 316.

После расправы с бывшим митрополитом царь велел ограбить тверские монастыри и церкви¹.

Тщательный анализ источников позволяет раскрыть важную особенность опричных репрессий, до сих пор ускользавшую от внимания исследователей. Таубе и Крузе сообщают, что опричники пробыли в Твери пять дней и что первые дни они занимались грабежом тверских монастырей и архиепископского дома. Затем всякие грабежи и насилия в городе были прекращены. «Граждане и купцы и ремесленники и другие стали надеяться, что грабежи не распространятся дальше». Они были вполне уверены в этом в течение двух дней, но по прошествии этого срока опричники стали громить тверской посад². Поскольку из пяти дней пребывания опричных в Твери первые четыре дня были заняты репрессиями против церкви и отдыхом, то, очевидно, разгром посада продолжался не более одного дня³. Опричники грабили торговые склады и амбары, врывались в дома посадских людей, рубили окна и двери, били домашнюю утварь.

Представление о массовой резне, учиненной опричниками в Твери, справедливо лишь отчасти. Жертвами террора стали не столько посадские люди-тверичи, сколько ссыльные жители Пскова. После изборской измены власти выселили из Пскова во внутренние районы страны пятьсот семей. С весны 1569 г. обозы с переселенцами потянулись из Пскова на восток. Переселение затянулось на много месяцев. Еще в декабре опричники застали 190 псковичей с женами и детьми в селе Медне под Тверью и 30 псковичей в Торжке. Как свидетельствует синодик, опальные псковичи подверглись поголовному истреблению⁴. Заодно с ними опричники

¹ «В Твери царь приказал грабить все — и церкви, и монастыри... то же было и в Торжке, здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви». (См. Г. Штаден. Записки, стр. 90). Царь приказал «огрбить до гола тверского епископа, монахов и всех духовных». (Послание Таубе и Крузе, стр. 48).

² Послание Таубе и Крузе, стр. 48—49.

³ В своем памфлете Таубе и Крузе утверждают, что царь совершал «кровавые дела» в Твери в течение пяти дней. Из их рассказа следует, что первые дни (включая день убийства Колычева 23 декабря 1569 г.) опричники были заняты монастырями, еще два дня (24—25 или 25—26 декабря) они отдыхали. Затем они погромили посад и никак не позднее 26—27 декабря двинулись в Новгород. Приведенный рассказ подтверждается следующим расчетом. По зимнему пути от Торжка до Новгорода считалось 295 верст, 10 ямских станций, не менее 10 суток пути. (См. И. А. Голубцов. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. — «Вопросы географии». Сб. 20, М., 1950, стр. 294). Царь прибыл в Новгород 6 января 1570 г. Следовательно, он покинул Тверь не позднее 26—27 декабря 1569 года.

⁴ Таубе и Крузе вполне подтверждают показание синодика. Они рассказывают, что царь велел переселить в Москву 470 горожан из Плескова

казнили всех пленных литовцев, содержащихся в тюрьмах и живших на посаде в Твери и Торжке. Царь подозревал, что литовские пленники были соучастниками пресловутого заговора Пимена в пользу Литвы. Из посадских людей Твери опричники избивали главным образом тех, «которые породнились и сдружились с иноземцами»¹.

**

Погромив Тверь, опричники двинулись через Бежецкую пятину к Новгороду. В синодике опальных список казненных там лиц озаглавлен: «Бежецкия пятины». Записанные ниже И. Н. Юренев и М. Ф. Васаев действительно сидели на поместьях в Бежецкой пятине, как то можно установить на основании писцовых книг².

Передовые опричные отряды во главе с В. Г. Зюзиным подошли к Новгороду 2 января и сразу же оцепили город крепкими заставами, «кабы ни один человек из града не убежал»³. Первым делом опричники взялись за богатое новгородское духовенство. Они заняли монастыри и опечатали казну в монастырях и церковных приходах города. Одновременно арестовали несколько сот игуменов, соборных старцев и попов и роздали их приставам из местных дворян со строжайшим приказом держать их «крепко во узах железных»⁴.

Спустя четыре дня в окрестности Новгорода прибыл царь Иван, остановившийся лагерем в монастыре на Городище. Его сопровождала личная охрана — 1500 опричных стрельцов и многочисленные опричные дворяне⁵. По словам местного летописца, царь свирепо-расправился с арестованными монахами. Несчастных вывели на рыночную площадь и забили «палицами насмерть», после чего развезли по монастырям для погребения⁶. Приведенное известие, по-видимому, недостоверно. Монахов держали на правеже целый год.

В воскресенье, 8 января, царь отправился в Софийский собор к обедне. На волховском мосту его торжественно встретили с крестами и иконами архиепископ Пимен и прочие ду-

и 370 горожан из Новгорода. Опричники застали их на пути в Новгород (будто бы в Клину, что неверно) и всех перебили. (См. G. Hoff. Указ. соч., стр. 16 об. — 17).

¹ Г. Штаден. Записки, стр. 90.

² Новгородские писцовые книги. Изд. Археограф. комиссией, т. VI, СПб., 1910, стр. 256, 653; 213, 609.

³ Новгородские летописи, стр. 395.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 396.

⁶ Там же, стр. 397. Соборных старцев на правеже было будто бы 500 душ.

мах
вал,
ого
ери
ни-

ховные чины. Встреча на мосту кончилась неслыханным скандалом. Грозный отказался принять благословение и перед всем народом громогласно обвинил новгородцев в измене. Архиепископ и горожане, заявил он, «зломыслием своим и с своими старцы и единомысленники» хотят его «отчину» Великий Новгород «предати иноплеменником, королю польскому Жигимонту Августу»¹.

сую
ных
же
по-
на

Несмотря на общее замешательство царь велел Пимену служить последнюю обедню. Как видно, он был слишком благочестив, чтобы пропустить богослужение в день Крещения. После обедни опричники перешли в архиепископские палаты «хлеба ясти», но едва начался невеселый пир, как царь, возопив «гласом великим с яростию», велел страже схватить Пимена и его бояр. Опричники наложили руку на сокровищницу новгородского Софийского дома, ограбили архиепископский двор и храм Софии, забрали драгоценную утварь и иконы, выломали из алтаря древние Корсунские ворота². Царский духовник Евстафий и дворецкий Л. А. Салтыков лично руководили изъятием богатейшей сокровищницы Софийского дома.

ым
род
не
ов-
али
но-
ар-
со
ез-

На другой день начался суд в царском лагере на Городище. Дознание велось с применением самых жестоких пыток. Опальных жгли на огне «некоею составною мукою огненной». Затем их привязывали к саням длинной веревкой, волокли две версты до Новгорода и сбрасывали с волховского моста в реку. Избивали не только изменников, но и всех членов их семей. По словам новгородского летописца, на волховском мосту был устроен высокий помост, с которого бросали в реку связанных по рукам и ногам женщин и детей. Опричники будто бы разъезжали по реке в лодках и с помощью рогатин и топоров топили тех, кому удавалось всплыть³. Приведенный рассказ поздней новгородской летописи внушает известные сомнения. В январе Волхов, по-видимому, был покрыт льдом, тем более что в 1570 г. зима выдалась суровая.

1 Новгородские летописи, стр. 340.

2 Новгородские летописи, стр. 341; Псковские летописи, т. 1, стр. 115; Г. Штаден. Записки, стр. 90. Иван III отобрал у новгородского владыки большую часть его земель, а также в качестве временной меры вывез в Москву богатейшую сокровищницу Софийского дома, «множество золота и серебра и съсудов его». (См. ПСРЛ, т. VIII, стр. 204). Однако Василий III в 1524 г. поставив в Новгороде можайского архимандрита, «да ему всю казну старых архиепископов и бояр ему своих дал». (ПСРЛ, т. IV, стр. 296). А. И. Никитский справедливо указывает, что удаление владычной казны из Новгорода было со стороны московских князей политической мерой. (См. А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в В. Новгороде. СПб., 1879, стр. 128—129).

3 Новгородские летописи, стр. 342; ср. ДДГ, стр. 480.

Под пытками опальные новгородцы давали любые нужные палачам показания. Таким путем после длительных допросов были «изобличены» в измене главные сообщники боярина Данилова — Пимен, новгородские дьяки и дворяне.

Местный летописец весьма точно определяет круг лиц, привлеченных к дознанию во время следствия на Городище. По его словам, царь велел привести к себе на суд «*владычных бояр и иных многих служивых людей и детей боярских и гостей и всяких градских и приказных людей и изрядных и именитых торговых людей...*»¹. (Курсив наш. — Р. С.)

В царский лагерь на Городище были доставлены архиепископские бояре кн. А. Тулупов и кн. В. Шаховской, владычный дворецкий Н. Цыплятев, Т. Пешков, конюший И. Милославский и сотни других дворян, служивших в архиепископском полку². Самые видные из архиепископских вассалов были увезены в Москву. Царь не желал казнить их до соборного суда над Пименом. Некоторые архиепископские вассалы были казнены в Новгороде. В новгородских списках синодика записаны имена Т. Пешкова³, И. Милославского с братьями⁴, многих Цыплятевых и их родственников Мусоргских.

Подробные записи синодика опальных позволяют установить поименно круг лиц, казненных в Новгороде в период разгрома⁵. Можно установить, что самыми знатными из каз-

¹ Новгородские летописи, стр. 400. В другом списке «Повести» сказано кратко: «владычных бояр и иных многих служивых людей». Там же, стр. 341). Весьма точно круг лиц, преданных суду, определен в статейном списке: «из изменного дела 78-го году на новгородского архиепискупа на Пимина и на новгородских дьяков и на подъячих, и на гостей и на *владычных приказных и на детей боярских и на подъячих...*» (Курсив наш. — Р. С.) (См. ДДГ, стр. 480). Как видно, опричники не посмели обвинить в измене все многотысячное новгородское дворянство. Главными обвиняемыми оказались, во-первых, приказная администрация Новгорода и, во-вторых, архиепископ Пимен с его вассалами — дворянами и приказными.

² Только в одном Ладожском присуде поместьями владели 30 детей боярских и слуг архиепископа. (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, М., 1905, т. I, ч. I, стр. 185, 189—192).

На Софийской стороне насчитывалось 50 дворов архиепископских детей боярских, 3 двора владычных дворецких, 9 дворов владычных подъячих и т. д., всего же 101 двор. (См. А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. Сб. Новгородского общества любителей древности, в. VI, Новгород, 1912, стр. 11).

³ Т. Пешков в 7070 (1561—1562) г. руководил описанием земель Софийского дома в Олонецком погосте. (См. Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, ч. I. СПб., 1914, стр. 536).

⁴ И. Милославский упомянут как конюший архиепископа и «владычен помещик» в документах 1547—1556 гг. (См. Расходная книга Новгородского Софийского дома за 1547—1548 гг. — Известия археологического общества, т. III, 1861, стр. 41; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, ч. I, стр. 191—192).

⁵ Подробнее см. ниже, стр. 273—274, 276—282.

ненных новгородцев были не вассалы Пимена, а крупнейшие помещики, принадлежавшие, как и боярин Данилов, к верхам боярской знати. В кратком синодике опальных, перечислявшем имена членов думы и их ближайших родственников, выдающихся воевод и приказных, из всех погибших в Новгороде лиц записаны только четверо: «Василий Данилов, Григорий Волынский, князь Андрей Бычков-Ростовский, Василий Бутурлин»¹.

Г. Волынского, поименованного в синодике, можно отождествить с Г. И. Вороным, одним из последних отпрысков могущественного боярского рода Вороных-Волынских. Г. И. Вороной служил во Ржеве, но, видимо, владел также большим отцовским поместьем в Новгороде². Он приходился двоюродным племянником известному боярину М. И. Вороному-Волынскому и, по-видимому, был его единственным наследником³.

В. А. Бутурлин был очень видным земским воеводой и в последние годы жизни служил «в окольнічьего место»⁴. Старшие братья Василия были членами Боярской думы. Курбский, сообщая о казни Василия Бутурлина, отмечает, во-первых, что с ним погибли его «единоплемянные» и, во-вторых, что Бутурлины были «сродницы» конюшему И. П. Федорову⁵. По синодику, в новгородском разгроме погибли троюродный племянник Василия Г. Д. Полуектов-Бутурлин, а также Л. Т. Бутурлин⁶.

¹ См ниже, стр. 289.

² ТКТД, стр. 114; П. А. Садиков. Очерки, стр. 367; ср. ТКТД, стр. 179; Новгородские писцовые книги. Изд. Археограф. комиссией, т. IV. СПб., 1836, стр. 252, 254, 256.

³ Родословная книга российских князей и дворян, ч. II. М., 1787, стр. 93. Ко времени новгородского похода Г. Волынский был молодым человеком и только начинал службу. В 1562—1565 гг. он исполнял должность писца в Новгороде: сохранилось упоминание о «письме» и «мере» «Григория Волынского да Федора Калитина 7071 и 72 и 73 годов». (См. Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, стр. 24). Некоторые из Волынских, например Константин, служили Пимену. (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, ч. 1. стр. 129). Современниками похода были Г. В. Волынский, показанный в родословцах бездетным, и Г. С. Волынский. (См. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I, изд. 2. СПб., 1895, стр. 112—113). Оба названных Волынских занимали весьма невысокое служебное положение и никак не могли быть записаны в краткий синодик самых знатных государевых опальных.

⁴ Сб. РИО, т. 71, стр. 348—417. В феврале 1565 г. В. А. Бутурлин служил воеводой передового полка в сражении с литовцами под Красным. В августе 1565 г. он с отрядом астраханских татар совершил поход в Ливонию. (См. Разряды, лл. 327, 329 об., 333; Псковские летописи, в. II, стр. 248). В 1566 г. Бутурлин был воеводой в Дорогобуже. (См. Разряды, л. 334).

⁵ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 303—304.

⁶ Родословная книга, ч. 1, стр. 343, 341. После казни Г. Д. Полуекто-

Кн. Андрей Матвеевич Волох Бычков-Ростовский, сын боярина кн. М. В. Быčkoвa, накануне опричнины владел помещьем в Бежецкой пятине¹. В 1565 г. он был сослан в опале на поселение в Свияжский край, но затем получил «прощение» и вернулся в Новгород. В некоторых родословцах он ошибочно назван боярином². Судя по синодику, князь Волох был казнен вместе с матерью, женой и детьми во время новгородского разгрома³.

Среди других знатных дворян опричники казнили видного опричника И. Н. Павлинова-Плещеева, а также Ивана и Илью Плещеевых. Подобно Бутурлиным, опальные Плещеевы имели могущественную и влиятельную родню в опричной думе. Казнь Плещеевых показала, что ко времени похода на Новгород влияние Басмановых окончательно рухнуло.

Самые знатные участники процесса об измене новгородцев (боярин Данилов, Бутурлин, Волинский, Плещеевы) принадлежали к верхам правящего старомосковского боярства.

Но подавляющая часть участников новгородского изменного дела принадлежала не к знати, а к среднему и низшему слою провинциального дворянства. В новгородских списках синодика названы поименно примерно 379 человек. В числе их было 211 помещиков и подьячих и 137 членов их семей. Среди прочих 30 лиц преобладали холопы, ремесленники, монахи и т. д.

Опричники подвергли террору тех новгородских помещиков, которые служили Старицким. Они убили старицкого вассала И. Сысоева и истребили всю его родню⁴. Та же участь постигла род Палицыных. Напомним, что А. Палицына была ближней боярыней Е. Старицкой и погибла вместе с ней⁵.

Еще во время суда над конюшим Федоровым казни подверглись некоторые помещики Бежецкой пятины. Конюший был крупнейшим вотчинником Бежецкого Верха и пользовался большим влиянием не только в Бежецке, но и в со-

ва его поместье в Шелонской пятине было отписано во дворец. В мае 1570 г. дьяки уже упомянули о смерти Г. Бутурлина («Гурья деи не стало»). (См. Д. Я. Самоковсов. Архивный материал, т. I, ч. I, стр. 133; ч. II, стр. 50).

¹ НПК, т. VI, стр. 872—874, 885, 910, 1060. В одном из обысков за 23 ноября 1570 г. упомянута деревня одного помещика «вопче» с кн. А. Бычковым в Водской пятине (См. Д. Я. Самоковсов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 25). «Жеребей» опального в ноябре 1570 г. еще не был, видимо, пущен в раздачу.

² См. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II, изд. 2. СПб., 1895, стр. 175.

³ Тогда же погибли кн. Е. Лобанова-Ростовская, невестка изменника боярина кн. С. В. Ростовского, знатный помещик кн. Б. Глебов-Засекин и др.

⁴ См. ниже, стр. 274.

⁵ См. ниже, стр. 272.

седней Бежецкой пятине. Возможно, это обстоятельство объясняет, почему среди казненных новгородцев было много помещиков Бежецкой пятин¹.

Глава «заговора» боярин Данилов, Г. Вороной-Волынский и В. Бутурлин принадлежали к тому кругу старомосковского боярства, который был тесно связан с высшей приказной бюрократией. Неудивительно, что уже на первой стадии «новгородского дела» опричные репрессии заделали московский приказной аппарат. Вместе с Даниловым казни подвергся московский разрядный дьяк И. Юрьев. Согласно записке о Московских приказах (начало XVII в.), в состав Боярской думы входили двое разрядных дьяков: «Разряду Московского Большого» и «Разряду Новгородского»². На соборе 1566 г. в чине дьяка Московского разряда присутствовал И. Клобуков, в чине дьяка Новгородского разряда, по-видимому, И. Юрьев³.

Во время суда в Новгороде опричники казнили главного псковского дьяка Ю. Сидорова⁴, главного новгородского дьяка А. В. Безсонова⁵, новгородских дьяков А. М. Бабкина и И. Матвеева, подьячих М. Григорьева, М. Романова⁶ и сорок

¹ В новгородских списках синодика значатся Ш. В. Чертовский и Н. У. Чертовский (тысячники II статьи из Бежецкой пятин¹), их соседи по поместью Д. В. и М. В. Кандоуровы (записаны в 1545 г. на поместье в Бежецкой пятине), А. П. Аникеев (на поместье в Бежецкой пятине в 1551 г.) и его брат Меньшой; С. И. Оплеchioев (на поместье в Бежецкой пятине в 1545 г.) и двое его братьев Давид и Петр; многочисленные дворяне Паюсовы (П. Н. и Т. Н., М. И., Г. И. и И. И. Паюсовы, А. Паюсов, И. И., П. И. и И. И. Меньшой Паюсовы, сидевшие на поместье в Бежецкой пятине в 1545 и 1551 гг.), И. Н. Юренев, М. Ф. Васаев, К. Новосильцев, Ж. Нелединский (записаны в синодике после заголовка «Бежецкия пятин¹»), З. П. Шепяков и Н. П. Шепяков (помещики Бежецкой и Водской пятин) и т. д. (См. ТКТД, стр. 95; НПК, т. VI, стр. 154—157, 594—595, 99—102, 632—636, 113—117, 213—216, 609—611, 796, 110—127; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, ч. 1, стр. 144—147). Возможно, к числу помещиков Бежецкой пятин¹ принадлежали также многочисленные дворяне Сысоевы, Котовы, Шамшевы, А. Неелов, Б. Лаптев, И. Опалев, И. Кутузов, П. Кувшинов и т. д. (См. С. Б. Веселовский. Синодик, стр. 345, 320, 359, 315, 305, 304, 300—301 и др.).

² АИ, т. II, № 355, стр. 422.

³ Подобное предположение подкрепляется тем фактом, что во время всероссийского воинского смотра в 1556 г. И. Юрьев руководил смотром новгородских дворян всех пятин. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, Приложение, стр. 32).

⁴ Ю. Сидоров записан как «большой дьяк» в Дворовую тетрадь 50-х гг. (См. ТКТД, стр. 115). На протяжении 60-х гг. он служил дьяком в Пскове. (См. сб. РИО, т. 71, стр. 115, 116, 584).

⁵ А. В. Безсонов был родственником архиепископского дворецкого Н. Цыплятева. В числе казненных синодик перечисляет Ф., Г. и А. Безсоновых, Т. и Г. Цыплятевых, а также их родню Л. и А. Мусоргских. Все названные фамилии происходили из измельчавшего боярского рода Мо-настыревых.

⁶ Имена дьяка И. Матвеева и подьячих М. Григорьева и М. Романова встречаются в ряде новгородских грамот 50—60-х гг. (См. Д. Я. Са-

других подьячих, новгородских рассыльщиков¹ и т. д. С достойным педантизмом опричники перебили сначала семейных приказных Новгорода вместе с их женами и детьми, затем холостых подьячих и рассыльщиков. В синодике опальных все названные лица записаны отдельными списками. Первый из них озаглавлен «подьячих новгороцких», в нем значится 26 приказных и 43 члена их семей. Ниже в синодике помещен второй список, озаглавленный «новгороцкие подьячие неже[натые]». В нем поименовано 14 приказных. Далее в синодике помечено: «новгороцкие розсылщики»². В основной массе своей новгородские подьячие и рассыльщики происходили из мелкопоместных дворян и детей боярских. Изредка в дьяках служили купцы и посадские люди.

На протяжении длительного времени приказную администрацию Новгорода возглавил Ф. Д. Сырков, представитель богатейшей купеческой семьи, переселившейся из Москвы в Новгород в конце XV в.³ Ф. Д. Сырков собирал подати в царскую казну со всех новгородских пятин, но затем был отстранен от должности⁴. В дни погрома бывший дьяк оказался в числе первых жертв опричнины. После долгих истязаний его убили. Все его имущество (до 12 тысяч рублей) было отобрано в казну. Так кончил свою жизнь «главный секретарь новгородский», как называет его Шлихтинг⁵. Ана-

моква сов. Архивный материал, т. 1, ч. 2, стр. 11, 13, 35, 18; Сб. РИО, т. 71, стр. 62, 73). До своего дьячества А. М. Бабкин служил в Новгороде «житничим ключником». (См. НПК, т. IV, стр. 457, 460).

¹ В числе других «разсылочных детей боярских больших дьячие избы» в Новгороде упомянут Вас. Лучанинов Веселого. (См. Архив П. М. Стрелева, т. 1. — Русская историческая библиотека, т. XXXII, Пгр., 1915, стр. 469). Его имя занесено в синодик.

² См. ниже, стр. 278—279.

³ Сырковы поддерживали тесные связи с новгородским духовенством. Дед Федора московский гость И. Сырков выстроил каменную церковь на дворище за Волховом в 1510 г. Д. И. Сырков заложил церковь на Ярославле дворище в 1529 г. и выстроил вторую церковь в 1536 г. (См. Новгородские летописи, стр. 319, 320, 322, 70). В 1543 г. Ф. Д. Сырков на собственные деньги выстроил небольшой монастырек неподалеку от Новгорода, в 1549 г. построил церковь в «своем монастыре», в 1554 г. заложил еще одну каменную церковь. Когда в 1558 г. его монастырь на Розваже улице сгорел, он отстроил его заново. В августе 1568 г. монастырек Сыркова был вполне готов, и тогда его освятил архиепископ Пимен. (См. Новгородские летописи, стр. 329, 79, 98; А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке, стр. 146—147).

⁴ Ф. Д. Сырков служил дьяком в Новгороде и собирал в казну подати в конце 40-х и первой половине 50-х годов. В 1554 г. он получил строгий приказ собрать и сдать в Москву все недоимки за 1552—1554 гг., но выполнить этот приказ не смог и был немедленно же отставлен от сбора государевой казны. (См. ДАИ, т. 1, стр. 65, 79, 146; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1, ч. 1, стр. 110 и др.).

⁵ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 30—31.

логичной была судьба новгородского «старосты большого» А. Д. Сыркова¹. Имена Сырковых и их домочадцев записаны в новгородский список синодика.

Помимо Сырковых жертвами опричников стали купец А. Тараканов² и Д. Ямской³, записанные в синодике. По-видимому, в дни погрома казни подверглись лишь единичные представители купечества, связанные с приказной администрацией и духовенством.

Суд над главными новгородскими заговорщиками в царском лагере на Городище явился центральным эпизодом всего новгородского похода. Опричные следователи и судьи действовали ускоренным методом, но и при этом условии они не могли допросить, подвергнуть пыткам, провести очные ставки, записать показания и, наконец, казнить несколько сот дворян за одну, две или три недели. Очевидно, для этого потребовалось не менее месяца, а следовательно, суд на Городище продолжался по меньшей мере до конца января 1570 года.

После изобличения и казни главных «заговорщиков» опричники взялись за монастыри. Местный летописец, рассказав о расправе на Городище, замечает: «и по скончании того государь с своими воинскими людьми начат ездити около Великого Новаграда по монастырям»⁴. По Штадену, царь Иван самолично руководил изъятием сокровищ у монастырей. «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству»⁵. Опричники забирали из монастырской казны деньги, грабили кельи, сни-

¹ Источники называют А. Д. Сыркова «старостой большим» Новгорода. (См. ДАИ, т. 1, стр. 152).

² Двор А. Тараканова оставался долгое время незанятым. Спустя 10 лет все деревянные постройки на нем сгнили и обрушились. В писцовых книгах значилось «двор пуст Ондреевский Тороканова: хором на нем нет, одна полата камена...» (См. Книга писцовая Новгорода Великого 1583—1584 гг. Изд. В. В. Майковым. — «Летописные занятия Археографической комиссии», вып. 24, СПб., 1912, стр. 219). Владелец каменных палат А. Тараканов принадлежал к богатейшей купеческой семье, переведенной из Москвы в Новгород в конце XV в. Таракановы получили «против» московских земель три новгородских боярщинки. Они не раз избирались купеческими старостами Новгорода и на свои деньги выстроили там несколько церквей. Один из членов этой семьи заседал в чине гостя на Земском соборе 1566 года. (См. А. П. П р о н ш т е й н. Великий Новгород, стр. 145).

³ После погрома власти конфисковали двор «гостиные сохи» В. А. и И. А. Ямских. Один из них получил в 1573 г. бывшее поместье Н. Цыплятева, архиепископского дворецкого. Вероятно, он, как и Цыплятев, служил у владыки. (См. Книга писцовая Новгорода, стр. 272; Б. Д. Г р е к о в. Новгородский дом св. Софии, стр. 300—301).

⁴ Новгородские летописи, стр. 343.

⁵ Г. Ш т а д е н. Записки, стр. 90.

мали колокола, громили монастырское хозяйство¹. В Вишерском монастыре они в поисках сокровищ разломали раку местного святого Саввы².

Опричное правительство наложило на новгородское черное духовенство громадную денежную контрибуцию. Архимандриты должны были внести в опричную казну по 2000 золотых, настоятели по 1000, соборные старцы по 300—500 золотых³. Менее состоятельное «белое» духовенство, городские попы платили по 40 рублей с человека⁴. С начала января опричники держали настоятелей и соборных старцев на правеже. Затем царь распорядился передать старцев приставам и «бити их приставом из утра и до вечера на правежи до искупа безщадно»⁵. Во время экзекуций погиб игумен крупнейшего Антониева монастыря Гелвасий, а также записанные в синодик старец Нередицкого монастыря Пимен и старца Е. Горбуша⁶. Монахов держали на правеже в течение целого года.

«Государев» разгром явился подлинной катастрофой для крупнейших новгородских монастырей. Черное духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли колоссальные денежные богатства, накопленные монастырями и Софийским домом в течение столетий. Но главное богатство новгородской церкви, ее земли опричное правительство не решилось тронуть, понимая, что любое посягательство на церковное землевладение вызовет самые резкие возражения со стороны всего духовенства.

Опричники «правили» деньги на 27 монастырях, стоявших в Новгороде и его окрестностях⁷. Царь Иван побывал в главнейших из них, останавливаясь в каждом на сутки. Следовательно, объезд монастырей занял несколько дней, может быть, неделю.

Участник похода опричник Штаден весьма определенно

¹ Новгородские летописи, стр. 343, 346; Послание Таубе и Крузе, стр. 50.

² Новгородские летописи, стр. 346, 343 и др. «Церкви и монастыри, — писали участники похода Таубе и Крузе, — были так ограблены, что не осталось ни одной иконы ценной в полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари». (Послание Таубе и Крузе, стр. 50).

³ См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 29—30.

⁴ Новгородские летописи, стр. 396.

⁵ Там же, стр. 396. Новгородские церковники, по-видимому, заранее узнали о походе опричнины и постарались надежно запрятать свои сокровища. Несмотря на то, что было найдено большое добро, рассказывают Таубе и Крузе, игуменов и попов били по коленям, чтобы они указали, где находятся их деньги. (Послание Таубе и Крузе, стр. 50, 49).

⁶ Новгородские летописи, стр. 337. Тогда же погиб Амос, бывший протопоп Никольского Кремлевского собора в Москве, постригшийся в одном из монастырей под именем Александра. (См. ниже, стр. 278).

⁷ Новгородские летописи, стр. 101.

утверждает, что только по возвращении из монастырского объезда царь велел громить посад. Описав поездку царя по монастырям, он замечает: «потом начали грабить город»¹. Это свидетельство подтверждается данными новгородской летописи. Летописец подробно излагает, как государь ездил «по манастырем», «потом прииде во град» и велел грабить посадских². В течение всего суда на Городище и монастырского объезда новгородский посад жил своей обычной жизнью, нормально функционировали рынки и т. д. В то время, пишет Штаден, «купцам он (царь. — Р. С.) приказал торговать и от его людей опричников брать лишь по доброй уплате»³.

Тщательный анализ источников опровергает традиционное представление, согласно которому разгром новгородского посада длился пять-шесть недель. В действительности первые четыре недели царь занят был судом на Городище. Примерно неделю он ездил по монастырям и лишь за несколько дней до отъезда из Новгорода велел разгромить посад. Очевидно, в Новгороде опричники действовали совершенно так же, как и в Твери.

В дни разгрома опричники разграбили многочисленные торговые помещения и склады Новгорода и разорили новгородский торг⁴. Все конфискованные у торговых людей деньги и наиболее ценные товары стали добычей казны. Часть товаров (привезенные из Европы и с Востока сукна, бархат и шелк) была роздана опричникам в виде награды⁵. Но основную массу товаров в Новгороде составляли традиционные предметы новгородской торговли — воск, сало, лен.

По словам современников, к моменту разгрома на купеческих складах скопились примерно двадцатилетние запасы этих товаров, предназначенных для вывоза в Европу⁶. Эти товары не представляли интереса для опричной казны. Их трудно было вывезти из города и еще труднее реализовать на внутреннем рынке. По этой причине опричники уничтожали грубые товары, сваливали большими кучами и жгли. Часть своих товаров новгородские купцы держали на складах в Нарвском порту. Царь направил в Нарву отряд в 500 человек. Опричники не тронули товаров, принадлежавших коренным жителям Нарвы и иностранным купцам, зато

¹ Г. Штаден. Записки, стр. 90.

² Новгородские летописи, стр. 343.

³ Г. Штаден. Записки, стр. 90.

⁴ Новгородский летописец пишет, что опричники грабили «по всем торгам у торговых людей в лавках всякие товары», «рассекали» и разоряли «до основания» лавки и амбары. (См. Новгородские летописи, стр. 343).

⁵ Послание Таубе и Крузе, стр. 50; Г. Штаден. Записки, стр. 90.

⁶ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 31.

разграбили и сожгли находившиеся там новгородские товары¹. В Нарве от опричников пострадало только русское купечество.

Новгородский посад стал жертвой дикого, бессмысленного погрома. Опричники грабили не только торги, но и дома посадских людей. Они ломали ворота, выставляли окна в домах. «Были снесены все новые постройки, — свидетельствует участник погрома, — было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна»². Посадских людей, которые пытались противиться насилию, убивали на месте³.

Особой свирепостью отличались меры опричины против новгородской бедноты. Зимой 1570 г. новгородские города и деревни были охвачены страшным голодом. Множество отчаявшихся голодных людей искали спасения в Новгороде. Царь решил вывести бродяжничество в Новгороде и приказал выгнать за ворота города всех нищих. Большая часть из них погибла от сильных морозов и голода. Несколько позже царь велел топить в реке тех неимущих и бродяг, которые изобличены были или подозревались в людоедстве⁴.

Наряду с Новгородом опричники погромили крупнейшие новгородские «пригороды» — древнюю Ладогу, Корелу, Орешек и Ивангород. Мелкие отряды опричников грабили поместья и деревни по всем новгородским пятинам⁵. Следы погрома обнаруживаются даже в самых отдаленных уголках Новгородской земли⁶. В некоторых местностях опричники

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 31; Г. Штаден. Записки, стр. 91.

² Г. Штаден. Записки, стр. 91.

³ По словам местного летописца, опричники избивали посадских «без пощадения и без останка». (См. Новгородские летописи, стр. 343).

⁴ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 31—32.

⁵ Предводителем одного из таких отрядов был Штаден. Из Слободы он выступил в поход с лошадьёю и двумя пешими слугами. В Новгороде опричник набрал себе много слуг из беглых холопов и бродяг. С этой шайкой он двинулся внутрь страны, грабя по пути монастыри, церкви, дворы состоятельных людей. Свой разбойный поход Штаден поспешил закончить, когда узнал о гибели опричников, побитых земскими дворянами. В Москву он вернулся с 49 лошаадьёю и 22 санями, груженными награбленным добром. (Г. Штаден. Записки, стр. 140, 144—145).

⁶ Согласно ревизии, проведенной через год после разгрома в черных волостях Кирьяжского погоста под Карелой, немало крестьянских дворов погоста запустили после опричного погрома. Крестьян «опричины замучили, живот пограбелли, двор сожгли», «опричные замучили Ивашка, а скотину его присекли, а живот пограбили, а дети збежали от царева тягла», «опричины сожгли з двором», «опричные в городки на правежи держали, там умер, животы и кони пограбелли», «живот опричные пограбили, сам под окны волочитца», «опричные кони и коровы и обелье пограбили и он осиротел и безвестно збежал», «крестьянин осиротел от опричины». (См. Обыск 21 марта 1571 г. опустевших крестьянских жеребьев в переварах черных крестьян Кирьяжского погоста Водской пятины. — Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 59—121).

наталкивались на сопротивление земских дворян и населения. По слухам, земцам будто бы удалось разбить крупный отряд из 500 опричных стрельцов¹.

Погром новгородских посадов и земель длился, по-видимому, несколько дней. 13 февраля царь вызвал в свой лагерь представителей новгородского посада «из всякой улицы по человеку» и объявил им прощение. Он заявил, что пролитая им кровь взыщется на изменнике Пимене и его злых советниках, просил жителей не скорбеть о прошедшем и объявил, что вверяет управление городом земскому боярину кн. П. Д. Пронскому. Вслед за тем Грозный отпустил посадских людей «во свояси»².

Опричные санкции против посадского населения Новгорода преследовали две основные цели. Первая из них состояла в том, чтобы пополнить пустующую опричную казну за счет ограбления богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода. Другая цель состояла в том, чтобы терроризировать посад, в особенности низшие слои городского населения, подавить в нем все элементы недовольства, ослабить опасность народного возмущения.

Вопреки общепринятому взгляду, разгром новгородского посада носил характер кратковременной акции. Напротив, опричные санкции против новгородского духовенства носили устойчивый характер и продолжались не менее двух лет. «Прощение», объявленное горожанам, не распространялось на новгородское духовенство. Руководить репрессиями против духовенства стал после отъезда царя опричник К. Д. Поливанов. Он поселился во дворе архиепископского дворца на Софийской стороне. Его подручные заняли 27 крупнейших монастырей, «у всякого монастыря по сыну боярскому»³. Что касается архиепископа Пимена и его многочисленных вассалов, то все они были отосланы под стражей в Александровскую слободу и там заключены в тюрьму. По новгородской дороге в Москву потянулись длинные обозы с награбленным добром.

После окончания новгородского погрома царь приказал всем новгородским помещикам, служившим в опричнине, немедленно покинуть свои поместья. В «великое говино» 7078 г. в Водскую пятину привезли из Новгорода «заповедную грамоту и высылную..., а велили опришных высылать из жемщины»⁴. Великое говенье приходилось в 1570 г. на неделю между 8 и 14 февраля, следовательно, приказ о высылке опричных помещиков был издан незадолго до отъезда царя из

¹ См. Г. Штаден. Записки, стр. 145.

² Новгородские летописи, стр. 344.

³ Новгородские летописи, стр. 101.

⁴ См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 50.

Новгорода. Подобная мера имела целью полностью отделить опричников от крамольного новгородского населения. Помимо всего прочего, царь опасался, что опричники-новгородцы осядут в своих поместьях и не примут участия в походе на Псков. Таково значение «заповедной грамоты» 1570 г., вызвавшей немало споров в литературе¹.

Из Новгорода опричная армия двинулась на Псков. Не позднее 19—20 февраля царь прибыл в Никольский монастырь на Любятине². Жители Пскова поспешили выразить царю полную покорность. Вдоль всех улиц, по которым должны были проехать Грозный и его свита, были расставлены столы с хлебом и солью. Глава псковского духовенства печорский игумен Корнилий, попы и монахи вышли навстречу опричнине с крестами и иконами³. Царь не пощадил Пскова, но здесь опричные репрессии носили куда более умеренный характер, нежели в Новгороде. Псковские дворяне и приказные пострадали в меньшей мере, чем новгородские. По синодику, опричники казнили здесь до 30—40 детей боярских, двух городских приказчиков и одного подьячего⁴.

В Пскове царь обратил всю свою ярость против местных церковников. С ними он расправился еще более жестоким образом, нежели с новгородскими церковниками. Особые подозрения царя вызывало руководство старейшего в России Псково-Печорского монастыря в лице игумена Корнилия и книжника Васьяна Муромцева. Многие годы Корнилий редактировал местный летописный свод, проникнутый резко выраженными антимосковскими настроениями. Печорский монастырь был цитаделью нестяжателей, пользовавшихся покровительством Сильвестра. Тесную дружбу поддерживал с печорскими старцами идеолог боярства кн. Курбский. Он видел в них своих политических единомышленников и даже пытался толкнуть их на открытый протест против опричных репрессий. После бегства Курбского в Литву его переписка со старцем Васьяном попала в руки Грозного, что немало скомпрометировало печорских монахов в глазах правительства.

Крайние антимосковские настроения и дружба с Курбским, инициатором литовских интриг в России, явились глав-

¹ См. ниже, стр. 113.

² Между Новгородом и Псковом располагались семь ямов. (См. И. А. Голубцов. Указ. соч., стр. 294. Из Новгорода опричники выступили 13 февраля. В Пскове же были в великий пост на первой неделе. (См. Псковские летописи, т. 1, стр. 116).

³ Псковские летописи, т. 1, стр. 116; А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 32; Г. Штаден. Записки, стр. 91.

⁴ В числе жертв опричнины были А. Пешков (родня архиепископского сына боярского Т. Пешкова), Б. Безсонов (родственник новгородского дьяка А. Безсонова) и др.

ной причиной подозрений Грозного против печорских старцев. По словам одного псковского летописца, игумен Корнилий был отправлен земным царем к небесному 20 февраля 1570 г.¹ Вместе с Корнилием опричники казнили нескольких других лиц. В синодике опальных псковские списки открываются следующей записью: «Изо Пскова Печерского монастыря игумена архимарита Корниля, Бориса Хвостов, Третьяка Связев, Печерского ж монастыря старца Васьян иннок Муромцев, Елену Неудачина теща, Дорофея Курцов иннок»². Васьян Муромцев был ближайшим помощником игумена Корнилия. Инок Дорофей Курцев служил за несколько лет до казни келарем в Троице-Сергиевом монастыре³. Елена доводилась тещей наместнику новгородского архиепископа в Пскове Неудаче Цыплятеву и пользовалась там большим влиянием⁴. Цыплятевы происходили из одного рода с главным новгородским дьяком А. Безсоновым. Вместе с псковскими церковниками погиб Т. Связев, родня новгородского подьячего Антония Связева, оклеветавшего кн. В. А. Старицкого.

Опричная казна наложила руку на сокровища псковских монастырей. Местные монахи были ограблены до нитки. У них отняли не только деньги, но также иконы и кресты, драгоценную церковную утварь и книги. Опричники сняли с соборов и увезли в Слободу колокола⁵.

По словам Шлихтинга, царь пощадил население Пскова, всю же ярость и жестокость обратил против черного духовенства⁶. В самом деле, антицерковная направленность опричной политики получила здесь наиболее четкое выражение.

Царь пробыл в Пскове очень недолго. Опричники, начавшие было грабить город, не успели довершить своего дела⁷.

¹ См. Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. 3, т. IX. СПб., 1831, прим. 485.

² См. ниже, стр. 281.

³ Дорофей Курцев был в 1560 г. казначеем Троицы, а затем в 1563—1568 гг. келарем. (См. С. Б. Веселовский. Синодик, стр. 304). Незадолго до новгородского похода троицкий архимандрит был сослан в Новгород. Вероятно, опала постигла и троицкого келаря: его сослали в Псков. В синодике Курцев записан в псковском списке. В троицких книгах против его имени сделана следующая помета: «убит в (70)78». (См. А. В. Горский и арх. Леонид. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры, ч. II. М., 1879, стр. 92). Дорофей Курцев был братом государственного казначея Н. А. Фуникова Курцева и близким родственником казенных ранее новгородских помещиков Фуниковых.

⁴ При посещении Пскова в 1548 г. новгородский архиепископ Феодосий преподнес дары «Неудачине теще Елене». (См. Известия Археологического общества, т. III, вып. 1, стр. 40).

⁵ Псковские летописи, т. I, стр. 116.

⁶ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 32.

⁷ Перед отъездом царь отдал опричнине на грабеж половину города. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 91). Согласно местной летописи, царь

Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники погрома Штаден, Таубе и Крузе сообщают, что царь повстречал псковского юродивого Николу и тот посоветовал ему немедленно покинуть Псков, чтобы избежать большого несчастья¹.

Псковские церковники снабдили легенду о Николе многими вымышленными подробностями. Блаженный будто бы поучал царя «много ужасными словесы еже престати от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя божия церкви». Иван не послушался юродивого и велел снять колокола с Троицкого собора. В тот же час пал лучший царский конь, пророчества Николы стали сбываться, и царь в ужасе бежал из города².

Полоумный псковский юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся перечить царю. Весьма возможно, что его пророчества ускорили отъезд опричников из Пскова: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но, так или иначе, вмешательство Николы нисколько не помешало антицерковным мероприятиям опричнины. Царь покинул Псков не раньше, чем ограбил до нитки псковское духовенство.

Псковский посад избежал погрома не вследствие вмешательства юродивого, а по причинам совсем другого свойства. Незадолго до опричного похода власти выселили из Пскова несколько сот семей, заподозренных в измене. Многих из них опричники застали под Тверью и в Торжке. По приказу царя опричники устроили псковичам кровавую баню, перебив 220 переселенцев с женами и детьми. Царя вполне удовлетворила эта резня, и только потому он пощадил остальных жителей Пскова.

Из Пскова царь уехал в Старицу, где произвел смотр опричной армии, а оттуда отправился в Слободу. Карательный поход на Новгород и Псков был окончен.

В истории кровавых «подвигов» опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного новгородского населения навсегда сделали самое понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

В новейшей литературе новгородский поход получил двой-

«повеле грабить имение у граждан, кроме церковного причту и стоял на посаде немного и отыде к Москве». (См. Псковские летописи, т. 1, стр. 116).

¹ Послание Таубе и Крузе, стр. 50; Г. Штаден. Записки, стр. 91.

² Псковские летописи, т. 1, стр. 116. Легенду о гибели царского коня передает также Пискаревский летописец. (См. Пискаревский летописец, стр. 79).

ственною оценку. А. А. Зимин подчеркивает варварский, разбойный характер опричных санкций, «бессмысленность тех форм, в которые вылилась завершающая страница борьбы Москвы с Новгородом». В то же время он усматривает в новгородском погроме некоторую объективную закономерность: «нельзя не признать тот факт, что ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода явилась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны»¹. Согласиться с подобной оценкой никак нельзя. Новгородская земля была окончательно включена в состав Русского государства после ликвидации местного вотчинного землевладения в конце XV в. Подлинными «героями» грандиозного политического процесса, известного под названием новгородского изменного дела, были выходцы из старомосковской знати (Данилов, Волынский, Бутурлин), связанные с ними приказные люди и рядовые помещики, наконец, новгородское духовенство. Удар пал на те социальные группы, которые служили наиболее надежной опорой феодальной монархии. Правильное соотношение между монархией и ее политической базой нарушилось, признаком чего явились процессы конюшего Федорова и боярина Данилова, митрополита Колычева и архиепископа Пимена. Раскол между опричным правительством и земской Боярской думой углубился, и Грозный пытался упрочить свое положение посредством кровавого террора.

Погром Новгорода не имел никакого оправдания, и причинами его, помимо ослепления опричного руководства, были разве что корыстные интересы опричной казны.

Непрекращавшаяся война, содержание опричного корпуса и дорогостоящее опричное строительство требовали от правительства чрезвычайных расходов. Между тем государственная казна была пуста. Податные поступления упали во много раз из-за неурожая и голода, поразившего страну в конце 60-х годов. Испытывая сильную финансовую нужду, правительство все чаще обращало свои взоры в сторону обладателя самых крупных денежных богатств — церкви. Но осифлянские церковники не желали поступиться своим имуществом.

Опричнина не осмелилась использовать низложение Ф. Колычева для секуляризации богатств митрополичьего дома. Но суд над митрополитом нанес сильнейший удар престижу и влиянию церкви. Этим обстоятельством и воспользовалось опричное руководство, решившее наложить руку на богатства новгородской церкви.

Сфабрикованное в опричнине новгородское «изменное»

¹ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 304—305.

дело послужило удобным предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства.

Секуляризация монастырских и церковных сокровищ явилась едва ли не главным содержанием опричного похода на Тверь, Новгород и Псков¹. «Государев разгром» надолго подорвал влияние и могущество крупнейшей в стране новгородско-псковской епархии. После низложения митрополита Филиппа и суда над архиепископом Пименом русская церковь надолго лишилась того влияния, которым она пользовалась ранее.

Благодаря секуляризации сокровищ новгородской церкви опричное правительство смогло разрешить свои финансовые затруднения и нашло средства для продолжения дорогостоящих опричных затей.

Примечательно, что опричники не решились наложить руку на главное богатство церкви, ее земли, понимая, что подобная мера вызовет единодушное осуждение со стороны всего русского духовенства.

Под предлогом борьбы с изменой опричники ограбили богатейшее торгово-промышленное население Твери, Новгорода и Пскова. Конфискованные купеческие товары и капиталы также пополнили собой опричную казну.

«Государев разгром» нанес большой ущерб посадскому населению Новгородской, Псковской и отчасти Тверской земель, на ряд лет подорвал торговлю Новгорода и Пскова с западноевропейскими странами.

В отличие от антицерковных мер, санкции опричнины против посада носили кратковременный, скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, нежели поголовное истребление населения.

Количество жертв новгородского погрома не поддается точному исчислению. Известный исследователь новгородской истории А. Г. Ильинский, опираясь на данные новгородской летописи, подсчитал, что в погроме погибло не менее 40 тысяч человек². А. А. Зимин пишет, что подобный вывод не кажется чрезмерным преувеличением, солидаризируясь, таким образом, с мнением А. Г. Ильинского³.

¹ Мнение о преимущественно антицерковной направленности опричных репрессий в Новгороде высказал уже А. М. Гневушев, опирающийся на показания позднейших писцовых книг Новгорода. (См. А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. — «Сб. Новгородского общества любителей древности», вып. 6. Новгород, 1912, стр. 18).

² А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в. — «Историческое обозрение», т. IX. СПб., 1897, стр. 37.

³ «К 60-м годам XVI в., — пишет А. А. Зимин, — конечно, новгородское население насчитывало более 30 тысяч человек. Но в таком случае вывод А. Г. Ильинского о гибели 40 тысяч жителей Новгорода и его

Однако при ближайшем рассмотрении аргументация А. Г. Ильинского не выдерживает критики. В основе его расчетов лежит недостоверное сообщение полубеллетристической «Повести о приходе царя Ивана в Новгород». Автор «Повести...» подробно описывает казни опричнины и замечает, что «таково горе и мука бысть... яко на пять недель и боле, по вся дни в воду вметаша... человек до 1000 на день», или же 1500 или 500—600 человек¹. Помножив приведенные цифры на 35 (пять недель погрома), А. Г. Ильинский искусственно получает цифру в 40 тысяч. Но, во-первых, разгром посада в Новгороде продолжался, как мы показали выше, вовсе не пять недель, а значительно меньше времени. Во-вторых, автор «Повести...» оперирует «образными», примерными цифрами. В-третьих, численность всего населения города Новгорода в XVI в. не превышала 25—30 тысяч человек².

Участники похода Таубе и Крузе значительно осторожнее определяют число жертв разгрома: 9 тысяч человек в Твери, 27 тысяч в Новгороде³. Но и эти цифры нельзя признать достоверными: опричные дипломаты Таубе и Крузе непосредственно в репрессиях не участвовали и судили об их результатах понаслышке, к тому же их сатирический памфлет против Грозного крайне тенденциозен.

Литературные источники (летописи позднего происхождения, записки-памфлеты иностранцев) не могут служить надежным основанием для суждения о числе жертв новгородского погрома. Погром поразил воображение современников, и мало кто из них избежал преувеличений в своих рассказах об этом событии⁴.

Более достоверным источником по истории новгородского разгрома является синодик опальных царя Ивана Грозного, включающий подробные списки казненных в Новгороде лиц. окрестностей не будет казаться чрезмерным преувеличением. (См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 302).

¹ Новгородские летописи, стр. 342—343.

² См. А. П. Пронштейн. Великий Новгород в XVI веке, стр. 30—34.

³ По Таубе и Крузе, 27 000 тверичей умерло от голода и 9000 перебили опричники. (См. G. Hoff. Указ. соч., стр. 17). Приведенная цифра во много раз превышает все население Твери того периода. В недостоверном тексте Послания, изданном М. Г. Рогинским, названа несообразная цифра жертв опричнины в Твери — 90 тысяч человек. (См. Послание Таубе и Крузе, стр. 49). Согласно Новгородской летописи, в Твери царь «многия люди поби и чрез Волгу ряду в два и три». (См. Новгородские летописи, стр. 337). Подобное сообщение, конечно, не слишком определено.

⁴ До иноземных послов доходили слухи о гибели 18 тысяч новгородцев (См. Донесение Джерио — *Historia Russiae Monumenta*, t. 1, p. 214). Мы не останавливаемся здесь на явно фантастическом сообщении Курбского об избиении 15 тысяч новгородцев за один только день, известиях о гибели 60 тысяч новгородцев в позднем псковском летописце и 700 тысяч в «Записках» Горсея. (См. РИБ, т. XXXI, стр. 319; Псковские летописи, т. 1, стр. 115; Д. Горсей. Записки, стр. 25).

Общее количество жертв погрома, по синодику, составляет примерно 2170—2180 человек¹. Из них менее одной пятой (455 человек) названы в синодике по именам. В большей части это представители привилегированных сословий: помещики и приказные (250—260 человек) и члены их семей (140 человек). Лица, показанные в синодике безымянно (1725 человек), были в значительной своей части выходцами из низших сословий. К этой группе принадлежали 220 опальных псковичей и еще 1505 человек, избитых отрядами Малюты Скуратова.

Нет сомнения, что записи синодика были составлены на основании подлинных документов опричнины, таких, как донесения и отчеты опричных палачей и т. д. Как мы установили выше, главным инициатором новгородского погрома был фактически Малюта Скуратов, руководивший репрессиями на протяжении всего новгородского похода. В Твери он собственноручно удушил Филиппа, в Торжке избил пленных татар. После окончания похода Малюта составил специальный отчет-«сказку» о произведенных им казнях. На

¹ Среди мемуарных источников самые достоверные сведения насчет разгрома Новгорода сообщает А. Шлихтинг. Источником его информации был, по-видимому, один из руководителей новгородского похода кн. А. И. Вяземский, который оказался в опале сразу по возвращении из Новгорода и несколько дней прятался в доме лейб-медика А. Лензея. По Шлихтингу, опричники перебили примерно 2770 человек. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 29). Выше мы имели случай отметить, что Шлихтинг в своем главном произведении «Сказаниях» очень часто произвольно интерпретирует и тенденциозно обрабатывает хорошо известные ему факты, руководствуясь полемическими целями. Так, он знал о казни в Новгороде 2770 человек, но в памфлете заявляет, что это были только «именитые люди». Новгородское простонародье, заявляет далее Шлихтинг, опричники будто бы уничтожили «до полного истребления», город сравнивали с землей. Критика наивных фальсификаций Шлихтинга не требует большого труда. В целом же его данные о жертвах новгородского погрома (если отвлечься от их полемической формы) наиболее близки к действительности. Подтверждением известию Шлихтинга служит прежде всего синодик опальных. Некоторые расхождения этих двух источников объясняются следующим. В глазах Шлихтинга казни новгородцев и псковичей были прямым следствием дела о заговоре конюшего Федорова и В. А. Старицкого, а следовательно, цифра 2770 человек включала всех лиц, казненных со времени раскрытия заговора. (См. там же, стр. 62). Если так, то его известие полностью совпадает с данными синодика. В ходе суда по делу Старицкого с 1567 г. и до разгрома Новгорода погибло до 2700—2800 человек, записанных в синодик.

Согласно позднему новгородскому летописцу, в Новгороде погибло 2770 человек будто бы в один только день. (См. Новгородские летописи, стр. 469). Сведения о 2770 новгородцах были заимствованы у Шлихтинга литовским хронистом Гваньини, работа которого была широко известна на Руси в XVII в. Оттуда, как справедливо полагает А. А. Зимин, это сообщение перешло в поздний новгородский летописец. (См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 301, прим. 2).

основании этого отчета была составлена следующая запись синодика: «По Малютине скаске в ноугороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек, ис пищали отделано 15 человек»¹. Цифра, приведенная в донесении Скуратова, дает, пожалуй, наиболее точное представление о масштабах репрессий во время новгородского похода. Как главный руководитель погрома Малюта располагал наиболее точными сведениями насчет жертв террора. Вместе с тем он не имел причин преуменьшать значение своих «подвигов». В среде опричников жестокость служила лучшим доказательством преданности царю, а милосердие к изменникам наказывалось как предательство.

Среди опальных, показанных в «сказке» Скуратова безымянно, было немало пленников. Подтверждением тому служит следующий пример. В Торжке Скуратов велел рубить головы пленным татарам, сидевшим в местной тюрьме. Татары отчаянно сопротивлялись и ранили ножом самого Малюту. Смелые в расправах с безоружным населением, опричники отступили перед татарами. Малюта просил царя срочно прислать ему в подкрепление опричных стрельцов. Прибывшие к тюрьме стрельцы перестреляли большинство из 19 находившихся там татар². Это едва ли не единственный случай, когда подручные Скуратова прибегли к помощи огнестрельного оружия. В «сказке» Малюты этот эпизод отмечен в виде записи: «ис пищалей отделано 15 человек».

Но главными жертвами опричников были не татары, а ливонские немцы и литовцы, которых считали сообщниками новгородцев и подозревали в тайных сношениях с Литвой. После занятия Полоцка многие полочане вследствие замеченной в них «шатости» были сосланы в Новгородско-Псковскую и Тверскую земли³. По свидетельству Таубе и Крузе, в Твери многие пленные полочане жили в тюрьмах и «более ста в домах»⁴. Шлихтинг передает, что только в Твери и Торжке опричники истребили до 500 полочан⁵. Таким образом, пленные составляли не менее трети опальных лиц, указанных в «сказке» Малюты.

Прочие две трети опальных лиц, до тысячи человек, были,

¹ См. ниже, стр. 273.

² А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 33—34; Послание Таубе и Крузе, стр. 49.

³ Воеводы Полоцка получили в феврале 1563 г. следующий наказ от правительства: «а будет в которых людях приметят *шатость* и тех людей, не вдруг за тея дела, *ссылати* во Псков и в Новгород... а из Новгорода *ссылати* их к *Москве*». (Курсив наш. — Р. С.). (См. Витебская старина, ч. IV, стр. 61). Следуя этому наказу, воеводы выслали в Новгородско-Псковскую землю сотни жителей Полоцка.

⁴ Послание Таубе и Крузе, стр. 49.

⁵ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 33.

по-видимому, жителями Тверской и Новгородской земель¹. Скуратов руководил репрессиями против населения на протяжении всего похода от Твери до Новгорода. В «сказке» Малюты опальные показаны безымянно. В основной массе они принадлежали к социальным низам². Это были посадские люди, крестьяне, холопы, казаки, нищие и т. д.

Донесения опричников, включенные в синодик, не отличались исчерпывающей полнотой. Многие опричники били и грабили население на свой страх и риск, независимо от распоряжений Скуратова. Если прибавить к «сказке» Малюты неучтенных опальных, то общее число жертв погрома возрастет, возможно, с двух до трех-четырёх тысяч человек.

Критический разбор источников, относящихся к новгородскому походу, показывает недостоверность известий о массовом истреблении населения Тверской и Новгородско-Псковской земель во время карательного похода Грозного на Новгород. Только в Новгородско-Псковской земле число жителей в XVI веке превышало полтора миллиона человек³. Число крестьян, погибших от опричнины, было незначительным. В большей мере пострадало посадское население Новгорода и Пскова, но и здесь число жертв опричнины не превышало нескольких процентов.

Выяснение подлинных масштабов опричных репрессий во время новгородского похода позволяет утверждать, что разгром не был и не мог быть главной причиной экономического упадка Новгородской земли в 70-х гг. XVI в. Подтверждением тому служат писцовые книги Новгорода 1581—1584 гг., сообщающие систематические сведения о времени и причинах запустения новгородского посада⁴. О. Ф. Терешкевич подверг статистической обработке материалы названных писцовых книг и в итоге пришел к выводу, что опричный разгром имел временное значение и сам по себе не мог оказать решающего влияния на запустение новгородского посада⁵. На основании тех же данных А. М. Гневушев заключил, что год опричного разгрома не выделяется среди других кризисных лет в истории Новгорода⁶. В новейшей

¹ Опальные псковичи (220 семей) показаны были в синодике отдельно.

² Мнение насчет социальной принадлежности казненных впервые высказано С. Б. Веселовским (См. С. Б. Веселовский. Синодик, стр. 254).

³ См. А. И. Копанев. Население Русского государства в XVI в. — «Исторические записки», т. 64, стр. 245.

⁴ См. Книга писцовая Новгорода Великого 1583—1584 гг., стр. 1—307.

⁵ См. О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. — «Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира». Киев, 1914, стр. 224—225.

⁶ А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в., стр. 18. См. также Н. А. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI века, стр. 130.

литературе А. А. Зимин пытался опровергнуть выводы А. М. Гневушева. Он указывает на попытки правительства заселить пустые дворы в Новгороде после 1570 г. и утверждает, что эти попытки стирали следы погрома, а следовательно, «сведения писцовых книг 1583 г. недостаточны для определения степени разорения Новгорода после похода 1570 г.»¹.

Материал писцовых книг Новгорода 80-х гг. требует критического к себе отношения. Содержащиеся в них сведения за 60-е гг. менее полны. Число и достоверность сведений возрастают по мере приближения к концу 70-х гг. Нет сомнения, что часть запустевших посадских дворов Новгорода была после погрома вновь заселена. Подобное обстоятельство искажает общую картину, но не столь значительно, как кажется на первый взгляд. На протяжении 60—70-х гг. новгородский посад приходит во все больший упадок. Каждый год из тягла выбывали десятки и сотни дворов. В таких условиях попытки заселить пустующие дворы не стирали глубоких следов разорения предыдущих лет². Чем больший масштаб имели бедствия, тем глубже были следы в позднейших описях, хотя со временем эти следы несколько стирались.

Ниже мы приводим подробную таблицу «Разорение новгородского посада в 1560—1573 гг.», составленную по данным О. Ф. Терешкевича (см. табл. 1). Приведенные в таблице цифры свидетельствуют о том, что самым тяжелым бедствием для жителей Новгорода была эпидемия чумы в 1566—1567 и в особенности в 1571 гг. Только на Софийской стороне от чумы умерло 89 тяглецов в 1566—1567 гг. и 117 в 1571 г.³.

¹ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 302.

² Д. Горсей, автор мемуаров, не отличающихся большой достоверностью, пишет, что после погрома царь велел своим военачальникам силой тащить в Новгород жителей окрестных деревень и селить их в разоренном городе. (См. Д. Горсей. Записки, стр. 26). Ссылаясь на этот рассказ Горсея, А. А. Зимин утверждает, что после погрома в Новгороде были поселены многие жители, и подчеркивает, что это — очень важное обстоятельство. (См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 301). Так ли это? Даже если принять на веру известие Горсея, то и в этом случае нельзя забывать, что распоряжения властей — это одно, а их реальные результаты — совсем другое. В 70-х гг. разорение посада прогрессировало из года в год, и к началу 80-х гг. Новгородский посад пришел в полный упадок. При таких условиях попытки заселить город не могли дать заметных результатов, даже если бы они предпринимались систематически. Но с 1571 г. власти начинают переводить жителей Новгорода в сожженную татарами Москву.

³ Здесь и ниже мы ссылаемся на данные, относящиеся к Софийской стороне. Дело в том, что массовый материал содержит только опись Софийской стороны, тогда как опись Торговой стороны сохранилась в отрывке. На Софийской стороне описано 2610 посадских дворов и мест дворовых, в том числе 1805 тяглых. Опись Торговой стороны содержит данные о 702 дворах и местах дворовых, в том числе о 550 тяглых дворах.

Таблица I

Разорение новгородского посада в 1560—1573 гг. ¹

Причины разорения	Годы выхода дворов из тягла													
	1560	1561	1562	1563	1564	1565	1566	1567	1568	1569	1570	1571	1572	1573
Всего выбыло из тягла дворов	3	8	54	34	18	26	62	161	25	66	190	240	107	55
В том числе выбыло дворов, владельцы которых умерли	3	8	50 ¹	33 ²	16	23	62 ³	159 ⁴	22	61	141 ⁵	222 ⁶	82	42
сошли безвестно (обнищав)	—	—	4	1	1	1	—	2	2	4	42	13	18	6
сведены к Москве и т. д.	—	—	—	—	1	2	—	—	1	1	5	3	6	5

I. Софийская сторона

Примечание. ¹ 1 чел. умер от поветрия

² 2 чел. умерло от поветрия

³ 39 чел. умерло от поветрия

⁴ 50 чел. умерло от поветрия

⁵ 2 чел. умерло в посохе в государственной слободе

⁶ 117 чел. умерло от поветрия

II. Торговая сторона

	1560	1561	1562	1564	1565	1566	1567	1568	1569	1570	1571	1572	1573
Всего выбыло дворов из тягла	—	—	14	1	3	1	12	3	12	26 ²	19	83	25
В том числе выбыло дворов, владельцы которых умерли	—	—	7	1	1	10 ¹	3	3	8	17	19 ³	49	8
сошли безвестно (обнищав)	—	—	7	1	2	2	—	—	3	9	—	34	15
сведены к Москве и т. д.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2

Примечание. ¹ 9 чел. умерло от поветрия

² Кроме того, 287 дворов взято под государев двор

³ 19 чел. умерло от поветрия

¹ См. О. Ф. Терешкевич. Указ. соч., стр. 202—203, 214—215.

Поветрие началось в Шелонской пятине в июле 1566 г., а затем распространилось по всем западным уездам страны. В сентябре 1566 г. Пимен известил царя, что от лихого поветрия «многие люди умирают знаменем» на «штинадцати» улицах Новгорода. Эпидемия стихла только в мае 1567 г.¹ Вторично чума посетила Новгород в 1571 г. Высшей точки эпидемия достигла к весне. В мае власти хоронили множество умерших поветрием горожан в братских могилах у стен Рождественского монастыря. Эпидемия продолжалась до глубокой осени².

Согласно писцовым книгам, от чумы и по другим причинам только на Софийской стороне запустел 161 тяглый двор в 1567 г., 190 дворов в 1570 г. и 240 дворов в 1571 году. Одной из причин разорения сотен посадских дворов (на обеих сторонах Новгорода) в 1570 г. явился опричный погром. Но значительно более важной причиной запустения был свирепствовавший тогда голод. Предыдущий год оказался неурожайным не только в Новгороде, но и в московских городах. По летописям, «недород был великой, ...рожь обратилась травою мялицею и бысть глад велий»³. Вследствие неурожая цены на рожь в Москве, Твери и других городах поднялись к зиме в 5—10 и более раз против обычных⁴. Для Новгородской земли плохой урожай и невозможность подвезти хлеб из Москвы имели катастрофические последствия. Опричники явились в Новгород в разгар страшного голода. Доведенные до отчаяния горожане крали в глухие зимние ночи тела убитых людей и питались ими, иногда солили человечину в бочках⁵. Участники похода Таубе и Крузе передают многие подробности относительно страшного голода в Твери и Новгороде. «Один человек ел другого», «трупы выкапывались из могил и съедались», «в общем тяжело говорить о том бедствии и горе, которое мы видели своими глазами». По свидетельству тех же авторов, в Твери от го-

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 404; Псковские летописи, т. II, стр. 249; Новгородские летописи, стр. 336.

² Новгородские летописи, стр. 106, III.

³ См. М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в., стр. 89.

⁴ Летописец Иосифо-Волоколамского монастыря записал под 7078 годом: «Тое ж зимы была меженина велика добре, на Москве и в Твери и на Волоце ржи четверть купили по полутора рубля и по шьтидесят алтын. И людей много мерло с голоду». (См. А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1960, стр. 21). Не только под Москвой, но и в опричном Суздале цена ржи поднялась до рубля за четверть. (См. А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве в XVI в. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 32).

⁵ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 32.

лода умерло втрое больше людей, чем погибло от опричнины¹. То же самое наблюдалось и в Новгороде.

К лету 1570 г. голод усилился и захватил очень многие районы страны. Жертвами его стали многие тысячи людей, и в первую очередь малоимущее посадское население². В одном только Новгороде в течение года от голода умерло несколько тысяч посадских людей. После сбора нового урожая голод стих, и новгородцы смогли наконец позаботиться о погребении мертвых. Летописец печально повествует, как 24 сентября «за городом у Рождества Христова на поле всем Новымгородом, всеми семи соборы отпевали умерших над скудельницею и загребли скудельницу, а душ в той скудельнице 10 тысяч, а тут был на провоженьи Иван Жьгальцо, нищий старец, который тех в скудельницах погребает»³.

Ущерб, нанесенный Новгороду голодом и чумой в 1570—1571 гг., далеко превосходил последствия опричного разгрома. Об этом свидетельствуют многочисленные описания, дозоры и обыски Новгородских земель 70-х годов.

Мелкие посады страдали от голода и чумы в еще большей мере, нежели Новгород. В течение двух лет (1570—1571) запустел на три четверти ладожский посад, насчитывавший немногим более ста дворов⁴ (см. табл. 2).

Таблица 2

Разорение Ладоги⁵

	Выбыли из тягла	
	в 1570 г.	в 1571 г.
Умерло посадских тяглых людей	7	15
В т. ч. от голода	—	7
от поветрия	—	5
Забиты праветчиками оброков	—	2
Разошлись с посада	23*	30
В т. ч. „пошли в нищих“	—	21

* Из них 2 ушли в монастырь и 2 в опричнину.

¹ Послание Таубе и Крузе, стр. 50. Таубе и Крузе утверждают, что опричники вытоптали и сожгли посевы, что и было главной причиной голода. Но какие посевы можно было сжечь в январе—феврале месяце?

² Г. Штаден. Записки, стр. 92.

³ Новгородские летописи, стр. 101.

⁴ В 1569 г. в Ладоге было 105 посадских дворов жилых и 5 мест дворовых. (См. А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в. — «Историческое обозрение», т. IX, СПб., 1897, стр. 136—137).

⁵ См. Обыск 6 мая 1572 г. — Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 305.

В феврале 1570 г. ладожане пережили «государьский разгром». Царь прислал в Ладогу кн. П. И. Борятинского с отрядом опричников, и те разгромили посад¹. Еще более свирепо в Ладоге действовали праветчики дворцовых оброков, явившиеся туда зимой 1571 г. Местные старожилы ни словом не упоминают о гибели дворовладельцев во время разгрома посада Борятинским. В то же время они отмечают, что в 1571 г. праветчики забили на правеже двух тяглецов. Значительно бóльшие опустошения наделали в Ладоге голод и чума в 1570—1571 гг.² Опричный грабеж лишь усугубил бедствие. К 1571 г. на ладожском посаде было 77 пустых тяглых дворов и только 31 жилой двор.

Аналогичная картина наблюдалась в Кореле и Орешке³. Сельская местность пострадала от опричников несравненно меньше, нежели посады. Показательным в этом смысле является обыск в десяти общинах Кирьяжского погоста под Корелой, составленный в марте 1571 г. Кирьяжский погост, заселенный в основном черносошными крестьянами, принадлежал к числу крупнейших погостов Новгородской земли. Описание кирьяжских общин уникально по количеству и точности собранных сведений. Местные общинные власти и духовенство сообщили дозорщикам исключительно подробные сведения о причинах и времени запустения общинных земель. Данные эти сведены нами в таблице 3.

Следуя данным дозорщиков, в течение более чем сорока лет (1523—1566) в погосте запустело 148 крестьянских наделов (луков), а в последующие 4½ года (с 1 сентября 1566 г. до 21 марта 1571 г.) запустело 995 луков. Ко времени дозора из 956 наделов в «живущем» оставался 51 надел, иначе говоря запустело около 95% крестьянской пашни

¹ Относительно дворов, запустевших в 1570 г., старожилы показали: «А ис тех дворов жильцы разошлись безвестно, а иные вымерли после государьского розгрому лета 7070 осьмого, как был князь Петр Иванович Борятинский». (См. Д. Я. Самоков. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 305).

² Относительно дворов, запустевших в 1571 г., жители показали: из тех дворов «жильцы разошлись безвистно и разошлись в нищих после государьского правежу лета 7079», «а которые жильцы разошлись безвистно и которые пошли в нищих з государьских правежей и от хлебного недороду и от дорогого, а иные по селам и по деревням волочась с холоду и з голоду и примерли». (Курсив наш. — Р. С.). (См. Д. Я. Самоков. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 305).

³ В Кореле и Сванском волочке в 1568—1569 гг. было 468 тяглых дворов, пустовал только один двор. К 1571 г. в Кореле числилось 410 дворов, из них 273 запустевших. (См. А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в.— ЖМНП, 1876, № 6, стр. 230; Продолжение.— «Историческое обозрение», т. IX, СПб., 1897, стр. 183; Д. Я. Самоков. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 372). В Орешке к 1572 г. из 139 дворов в «живущем» осталось только 19. (См. Д. Я. Самоков. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 363).

в погосте. Наибольшие запустения отмечены под 1567 (199 луков), 1570 (363 лука) и 1571 годами (297 луков). В эти годы умерло 554 владельца тяглых участков и разбежалось еще 199 тяглецов. Как правило, писцы без дальних слов кратко сообщают о смерти крестьян, не называя причины¹. Но выше мы отметили, что именно в 1567 и 1570—1571 гг. в Новгородской земле свирепствовали чума и голод. В «сказках» населения одной из главных причин начавшегося «великого разорения» были непомерные подати. Крестьяне массами покидали свои деревни и разбегались безвестно «от царевых податей». Жилец «от царевых податей осиротел, под окны волочитца», — записывали дозорщики, — жильцы «сбежали безвестно от голоду»; крестьянин «одолжал и безвестно сбежал от царевых податей»².

Дворцовое ведомство и казна не желали считаться с бедственным положением черносозных крестьян и любой ценой стремились выколотить из них подати. Сборщики реквизировали у крестьян хлеб и имущество, распродавали их дворы и т. д.³. С исключительной свирепостью действовал в Кирьяжском погосте праветчик царских оброков Д. Фатьянов, взыскивавший с голодающих крестьян посопный хлеб. Одного крестьянина он забил насмерть и многих пустил по миру⁴.

В дни новгородского погрома через Кирьяжский погост прошел опричный отряд, направлявшийся в Корелу. Из десяти общин погоста только три вовсе не пострадали от опричников. В семи общинах опричные убили 18 тяглых крестьян и многих ограбили⁵. Крестьяне (из 12 дворов) и кре-

¹ Писцы упоминали лишь о таких причинах гибели крестьян, как несчастные случаи, пожары, война со шведами и т. д. По подсчетам Н. Яницкого, всего за 1523—1571 гг. в погосте запустело $666\frac{3}{8}$ лука, владельцы которых умерли. В $34\frac{3}{4}$ луках крестьяне умерли с голоду, в $11\frac{3}{4}$ луках от голода умерли крестьянские дети. В остальных случаях причины смерти не сообщаются. (См. Н. Яницкий. Экономический кризис, стр. 105—106).

² По подсчетам Н. Яницкого, в 1523—1571 гг. вследствие бегства крестьян в погосте запустело $242\frac{1}{8}$ лука, вследствие ухода — еще $31\frac{3}{4}$. При этом со $119\frac{3}{4}$ луков крестьяне сбежали «безвестно» от царевых податей. Помимо того, с $236\frac{1}{2}$ луков сбежали «безвестно» от царевых податей крестьянские дети (Н. Яницкий. Экономический кризис, стр. 105—106).

³ «В деревни в Погецах лук пуст Захарки Васькова — сам умер и с детьми, запустил 78; дворишко распродали в царевы подати». (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 87).

⁴ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 107. Еще двух крестьян Фатьянов убил на правеже во владениях своеземцев. (Там же, стр. 122).

⁵ В Кокольской общине под Корелой опричники убили 7 крестьян и разорили еще 6. Одного они держали на правеже в «горотки», т. е. в Кореле: «лук пуст Федотка Ускалева, Федотка оприщные в Горотки на правежи держали, там умер, животы и кони пограбелы, запустил 78-го». (Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 106).

Таблица 3

Разорение черносошных крестьян Кирьяжского погоста

Название общины или перевары	Причины разорения крестьян	Число разорившихся крестьян и время заупустения крестьянских дворов					
		с 1523 до 1.09 1566 г.	до 1.09 1567 г.	до 1.09 1568 г.	до 1.09 1569 г.	до 1.09 1570 г.	до 23.03 1571 г.
Кирьяжская	Крестьяне: умерли ¹	1	15	5	8	11	19
	разбежались ² Всего:	1	6 26	2 15	4 14	10 24	2 29
Сорольская	Крестьяне: умерли	8	27	17	—	60	24
	разбежались Всего:	8	7 37	2 22	— 3	18 95	15 43
Казими- ровская	Крестьяне: умерли	—	14	1	—	12	4
	разбежались Всего:	—	1 15	— 1	—	— 15	1 6
Очелажская	Крестьяне умерли	1	10	9	1	36	33
	разбежались Всего:	1	3 17	4 15	1 2	7 44	13 48
Островская	Крестьяне: умерли	—	4	1	—	10	3
	разбежались Всего:	1	1 5	— 1	—	5 15	— 3

Кюлажская	Крестьяне: умерли	18	8	26	14	6	22	3	3	6	15	4	20
	разбежались Всего:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кокольская	Крестьяне: умерли	12	16	52	11	1	25	—	—	—	34	11	60
	разбежались Всего:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Петкольская	Крестьяне: умерли	2	4	8	2	—	19	7	29	—	16	3	20
	разбежались Всего:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кезвалажская	Крестьяне: умерли	—	—	—	—	—	14	2	19	2	—	—	2
	разбежались Всего:	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сосковская	Крестьяне: умерли	24	8	42	7	5	28	14	33	—	40	25	66
	разбежались Всего:	1	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого по всем общинам	Крестьяне: умерли	22	28	137	67	20	237	14	8	27	190	74	27
	разбежались Всего:	127	43	199	109	109	363	82	363	—	—	—	—

¹ Включены все случаи смерти от голода, чумы и т. д. Крестьяне, погибшие от несчастного случая, от ратных людей и др., включены в последнюю рубрику.

² Включая все прочие случаи.

стьянские дети-«сироты» (из 11 дворов) бежали из погоста от опричных насилий и грабежа. На общем фоне упадка и разорения кирьяжских общин влияние опричного разгрома было все же незначительным даже в пределах одного 1570 года.

Причины запустения (1570 г.)	Число вышедших из тягла крестьянских наделов-луков
Крестьяне умерли, в т. ч. погибли от опричников	237 18
Крестьяне-разбежались, в т. ч. от опричнины	82 12
Всего разорилось, в т. ч. от опричников	363 33

Опричный разгром не затронул и не мог затронуть всей толщи сельского населения Новгородско-Псковской земли.

Репрессии не были главной причиной крестьянского разорения на новгородских землях даже в 1570 году. Более страшным бичом для крестьян были голод, эпидемии и в особенности непосильный фискальный гнет.

Разорение Новгорода и Новгородской земли началось задолго до опричного погрома. Погром нанес большой ущерб населению и усугубил его разорение, но сам по себе он не был главной причиной упадка Новгородской земли.

Суд над конюшим Федоровым и в особенности «новгородское дело» знаменовали новый этап в политическом развитии опричнины. В первый период опричнины ее репрессии обрушились на голову титулованной знати. Однако в дальнейшем, после раскрытия «заговора» Старицкого и новгородцев, острее опричного террора все больше обращалось против правящего старомосковского боярства, церковной верхушки, среднего дворянства, иначе говоря, против тех групп населения, которые управляли земщиной и служили главной социальной опорой монархии.

ГЛАВА II

КОНЕЦ «НОВГОРОДСКОГО ДЕЛА»

Поражение турецкой армии под Астраханью не привело к прекращению турецко-татарской экспансии против России. Царские агенты в Крыму настойчиво доносили, что турки лелеют планы нового наступления на Астрахань и что возможен поход на Москву¹. В мае 1570 г. пятидесятитысячная татарская орда показалась в окрестностях Рязани и Каширы и подвергла страшному опустошению южные уезды России². Царь со всей армией выступил на Оку. Не дожидаясь подхода главных сил, опричный воевода кн. Д. И. Хворостинин поспешил к Рязани и, воспользовавшись тем, что татары рассеялись по всему уезду подобно саранче, принудил орду к отступлению. Согласно записи Разрядного приказа, Хворостинин и его товарищи «крымских воевод побили и языки многие поймали и полону много отполонили»³.

Несмотря на усиление турецко-татарской опасности и полное истощение страны, царь и его правительство приняли решение о возобновлении военных действий в Ливонии. К 1570 г. дипломатическая борьба за Ливонию вступила в новую фазу. Россия добивается перемирия с Речью Посполитой, чтобы все свои силы обратить против Швеции и изгнать шведов из Ливонии. Шведское посольство, прибывшее в Новгород в середине сентября 1569 г., было задержано там на четыре месяца⁴. В январе следующего года послы были

¹ Речи С. Мальцева в Крыму 21 ноября 1569 г. — П. А. Садиков. Поход турок и татар, стр. 158.

² Минувшей весной, писал Шлихтинг в конце 1570 г., крымские татары причинили Московии огромный вред. (А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 59; ср. Разряды, л. 356 об.; Сб. РИО, т. 71, стр. 660, 665).

³ Разряды, л. 357.

⁴ Послы категорически отказались вести переговоры с новгородским наместником кн. П. Д. Пронским и требовали свидания с царем. По энергическому выражению Грозного, шведы, придя к боярам, «уродственным обычаем стали, что болваны, и сказали, что с ними к боярам некоторого приказу нет, а прежнего обычая позабывши». (Послание Ивана Грозного стр. 618). В действительности шведы согласились «править посольство» новгородскому наместнику уже в начале декабря 1569 г. (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 175, 177).

ограблены опричниками и под конвоем увезены в Москву¹. С наступлением осени шведов сослали в Муром². Там их держали в строгом заключении и едва не уморили голодом. Из 54 членов посольской свиты 15 человек погибло от недоедания и чумы³.

В ходе подготовки войны со Швецией опричная дипломатия вновь выдвинула проект образования вассального королевства в Ливонии под эгидой царя. Русское правительство предложило ливонскую корону новому владельцу острова Эзель герцогу Магнусу, брату датского короля. В июне 1570 г. Магнус прибыл в Москву, признал себя «годовником» (вассалом) царя и был коронован ливонской короной. Соглашение, подписанное герцогом и царскими послами опричником П. В. Зайцевым и земским дьяком В. Щелкаловым, содержало одну важную оговорку⁴. Новоявленный ливонский король должен был получить все русские владения в Ливонии лишь после того, как он покорит Ревель и Ригу. До осуществления этого условия царь передал своему леннику только один небольшой ливонский замок Полчев (Оберпален) с округой⁵. Крохотное удельное княжество короля Магнуса располагалось на границе со шведскими владениями в Ливонии.

Опричное правительство надеялось, что соглашение с Магнусом обеспечит прочный военный союз с Данией. Но датская дипломатия вела хитрую игру. Она всеми силами старалась втянуть Россию в войну со Швецией и в то же время ловко отклоняла предложения Москвы о более тесном

¹ Сб. РИО, т. 129, стр. 177, 187. Кн. А. Вяземский насильно изъясил у послов верительные грамоты, секретные королевские указы и т. д. Шведские послы были ограблены в отместку за ограбление русских послов в Стокгольме.

² Во время аудиенции в Посольском приказе дьяки объявили послам, что царь на них «пороскручинился и велел отпустить в Муром город, а ссылати их с Москвы наборзе». (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 185, 190).

³ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 61; Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России. — Чтения ОИДР, 1863, кн. 1, отд. IV, стр. 157. Посольский приказ отпускал шведам 3 деньги в день на человека. Из-за голода и дороговизны этих денег не хватало на самое скудное пропитание. Послы не раз просили прибавить им корму, «зань ж хлеб в цене и им прокормитися нечим». (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 187).

⁴ Описи царского архива, стр. 79; Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Вып. 2. — Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, отд. III, стр. 32—33, 90, А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 60.

⁵ ДДГ, стр. 440. Грозный осыпал «служилого» короля щедрыми подарками и просватал ему свою племянницу кн. Ефимью Старицкую, обещав дать за ней в приданое пять бочек золота. До осуществления договора о завоевании Ливонии русское правительство предоставило Магнусу заем в 15 тысяч рублей. (Там же). По немецким источникам, заем исчислялся 50 тысячами талеров. (См. Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, вып. 2, стр. 32).

военном союзе. Отношение ее к ливонскому проекту царя было самым двусмысленным¹. Между тем опричные руководители, будучи совершенными дилетантами в сфере дипломатии, вполне полагались на легкомысленные обещания Магнуса относительно помощи датского флота против шведов и т. д. Мир между Данией и Швецией, заключенный в конце того же года, кажется, был для них неожиданностью.

Решение о войне со шведами побуждало Россию искать мирного урегулирования с Речью Посполитой². Осенью 1569 г. Боярская дума вторично пригласила в Москву королевских послов. Мирные переговоры в Москве продолжались в течение двух месяцев. 18 июня 1570 г. польско-литовские послы согласились с предложением бояр о трехлетнем перемирии и через четыре дня подписали договор³.

Внутри польско-литовского посольства, по-видимому, не было единства относительно урегулирования отношений с Москвой. К неудовольствию старших послов-поляков младшие послы-литовцы пытались сорвать соглашение. 18 июня один из членов литовской свиты хлестнул плетью царского духовника⁴. На другой день царь вызвал послов в Кремль. Опричные стрельцы силой остановили послов «не у места» и заставили их идти во дворец пешком, а затем избили людей из посольской свиты⁵.

Другой инцидент произошел во время традиционного обмена подарками. Поляки приняли царские подарки без возражений. Напротив, литовские послы Талвош и писарь Андрей дерзко отвергли «государевы поминки» и заявили, что

¹ Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. 1. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 4, отд. III, стр. 273—274.

² Известное значение тут имели династические соображения. С начала 1569 г. в Москве ходили слухи о возможном избрании на польский престол царевича Ивана (король Сигизмунд был тяжело болен и не имел наследника). Посол Ф. Мясоедов должен был проведать в Литве, «почему то слово в люди пущено, оманкою ли, или в правду того (избрания царевича. — Р. С.) хотят... и почему то слово делом не объявится, а в людех носится». (Сб. РИО, т. 71, стр. 593).

³ Сб. РИО, т. 71, стр. 615—620, 633, 734 и др.

⁴ По польской версии, литовский купчина ударил протопопа плеткой будто бы ненароком, позади себя. Однако царь и его дипломаты утверждали, что протопопа «бесчествовали», «лаяли» и «сняв с лошади, били». (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 714, 723).

⁵ Сб. РИО, т. 71, стр. 714, 783. Царь наблюдал из окон дворца, как его опричники дрались с литовцами, срывали с них шапки и цветные кафтаны. Когда «трофеи» были внесены во дворец и брошены к ногам Грозного, последний одел литовскую шапку на своего шута кн. Никиту Дурного Прозоровского и велел преклонить колено по литовскому обычаю. Шут не знал, как это делается. Тогда царь сам преклонил колено и, подняв руку, воскликнул, «гойда, гойда!» (См. And. Theiner. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. II, Romae, 1861, p. 755).

их подарки стоят дороже¹. Явившиеся на посольский двор опричники заплатили Талвошу затребованную им сумму денег; после чего изрубили в куски чистокровного скакуна, «подаренного» послом царю². При «расчете» с литовским писарем предводитель опричников сильно ударил его и вырвал полбороды³. Послам предложено было немедленно покинуть Москву. Известие об оскорблении послов произвело самое тягостное впечатление в Польше и Литве. Репрессии против шведского посла и инциденты с литовцами показывали, что во внешних сношениях опричнина все чаще прибегала к тем же приемам и методам, которыми она пользовалась внутри страны.

К середине 1570 г. дипломатическая подготовка к возобновлению борьбы за Ливонию окончилась. Россия стремительно двигалась навстречу войне с Швецией, располагая непрочным временным перемирием с Речью Посполитой, не завершив войны с турками и татарами и фактически не имея ни одного союзника. Принимая решение о возобновлении военных действий в Ливонии, царь и его правительство не желали считаться с тем, что страна была истощена войной, продолжавшейся без перерыва почти двадцать лет.

Экономическое положение России резко ухудшилось к концу 60-х гг. Вслед за Новгородской землей сильный голод охватил центральные уезды страны. Разрядный приказ специально отметил в своих погодных записях, что в 7078 г. «на Москве была меженина»⁴. Цены на рожь поднялись в 10—20 раз, до 1—1½ рублей за четверть⁵. По свидетельству очевидцев, «был тогда великий голод; из-за кусочка хлеба человек убивал человека, и много тысяч людей умерло в стране от голода...»⁶. Польские послы, выехавшие из Москвы в июле 1570 г., наблюдали страшную картину на протяжении всего пути до границы. В поле вокруг Москвы, в сто-

¹ До того литовцы выражали недовольство «кормами», отпущенными им из казны. Как передают русские посольские книги, «в кормовых запросех позадорчивее литовские послы...; от лятцких послов... в кормех лишнего прбшенья нет». (Сб. РИО, т. 71, стр. 632). Некоторые дворяне в Польше осуждали литовцев за то, что те «так негораздо делали и московским людям такие задоры чинили, а ведая московского государя грозна и сердита... они... над собою то безчестье сами учинили». (Сб. РИО, т. 71, стр. 795). Рассказывали, будто литовский посол писарь А. И. Харитонович по возвращении в Литву подвергся королевской опале «и за сторожи был, что он чинил на Москве негораздо над государскими поминки...» (Сб. РИО, т. 71, стр. 806).

² Сб. РИО, т. 71, стр. 786—787.

³ Сб. РИО, т. 71, стр. 786—787, 651.

⁴ Разряды, л. 360.

⁵ См. А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в., стр. 32—33, 114—115; А. А. Зимин. Опричнина, стр. 392—393.

⁶ Г. Штаден. Записки, стр. 92.

лице и других городах, во многих деревнях они видели множество брошенных мертвых тел. Все эти люди погибли от голода¹. В самой Москве участились убийства, голодные нападали по ночам на дома зажиточных горожан, люди питались трупами и т. д.².

Бедствия народа были неописуемы, но правительство не принимало никаких мер к тому, чтобы облегчить его страдания. Во время страшного голода, передает Г. Штаден, у царя «по дворам в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах, но он не хотел продавать его своим подданным...»³. Опасаясь нового неурожая, власти отказались продать хлеб голодающим из дворцовых запасов. Крупные землевладельцы и купцы старались придержать хлеб, чтобы сбыть его с наибольшей выгодой.

Несмотря на бедственное положение страны, опричное правительство намерено было любой ценой продолжать войну. Новые репрессии, обрушенные им на голову земщины, должны были подавить последние элементы недовольства в земской Боярской думе.

**

Расправа с конюшим И. П. Федоровым и боярином В. Д. Даниловым, кровавый погром земского Новгорода усилили раздор между опричным правительством и верхами земщины. Некоторые из наиболее высокопоставленных членов Земской думы нашли в себе мужество заявить открытый протест против кровавых репрессий опричнины. По возвращении из Новгорода царь имел длительное объяснение с государственным печатником и «канцлером» Висковатым. Печатник настойчиво советовал Ивану, чтобы тот не проливал столько крови, «в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей»⁴. В ответ на увещевания царь разразился угрозами по адресу печатника и его покровителей-бояр. «Я вас еще не истребил, а едва только начал, — заявил он, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось. Надеюсь, что смогу это сделать, а если дело дойдет до крайности и бог меня накажет и я буду принужден упасть ниц перед моим врагом, то я, скорее уступил

¹ Анд. Теінер. Указ. соч., т. II, стр. 753.

² А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 49.

³ Г. Штаден. Записки, стр. 92.

⁴ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 62.

бы ему в чем-либо великом, лишь не стать посмешищем для вас, моих холопов»¹.

Протест Висковатого был прямым выражением недовольства в среде правящего старомосковского боярства. На царя его выступление, по-видимому, произвело сильное впечатление. Объяснялось это двумя обстоятельствами.

Печатник занимал выдающееся положение в земском правительстве благодаря своим блестящим способностям и редкому уму. Выходец из низов («всенародства»), он в течение 20 лет входил в ближнюю думу царя и возглавлял дипломатическое ведомство России, Посольский приказ. Ко времени опричнины Висковатый объединил в своих руках управление различными ведомствами приказного аппарата. Вместе с казначеем Фуниковым он ведал «государеву казну», т. е. Казенный приказ². В качестве печатника Висковатый хранил большую государственную печать и утверждал («печатал») важнейшие документы, исходившие из других приказов³. Формально печатник стоял ступенью ниже царских казначеев. Фактически же Висковатый пользовался большим влиянием, нежели казначеи, а его канцелярия приобрела значение ведущего ведомства приказного аппарата управления. Недаром современники называли печатника «главным канцлером» государства⁴.

Печатник И. М. Висковатый и его сподвижник Н. Фуников пользовались поддержкой и покровительством боярского кружка Захарьиных и Шереметева, возглавлявшего земскую Боярскую думу с первых лет опричнины⁵. По существу Вис-

¹ Диалог передан Шлихтингом в «Новостях», отличающихся значительно более высокой степенью достоверности, нежели написанные позже «Сказания». (А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 62). Речь царя весьма точно выражала его характер, непомерную гордость. С точки зрения стилистической она весьма близка к подлинным произведениям и письмам Грозного.

² В начале 1570 г. турки спрашивались у русского посла Новосильцева «какой, господине, он человек (И. М. Висковатый. — Р. С.) у нашего государя на Москве и что за ним какой приказ есть ли?» Послы разъяснили, что у «царя и великого князя Иван человек приказной — печатник, да ему ж приказана государева казна ведати с казначеем с Никитою Фуниковым». (См. П. А. Садиков. Поход татар и турок, стр. 160—161, прим. 12).

³ Г. Штаден. Записки, стр. 84—85.

⁴ Послание Таубе и Крузе, стр. 51.

⁵ Захарьины, едва захватив бразды правления в начале 60-х гг., вернули Фуникова из ссылки и ввели его в состав Боярской думы. Тогда же Висковатому был пожалован чин печатника. Висковатый поддерживал тесную дружбу с Захарьиными и И. В. Большим Шереметевым. В письмах начала 70-х гг. царь желчно бранил Шереметева и его единомышленника Висковатого за различные церковные новшества. «А и в миру, — писал он, — тот Шереметев с Висковатым первья не почели за кресты ходити». Помимо того, царь обвинял Шереметева вкупе с Висковатым в

коватый вслух выразил настроение стоявшего за его спиной боярства, и это обстоятельство больше всего тревожило Грозного.

Висковатый имел особые причины протестовать против опричного террора. В начале июля 1570 г. был арестован и после жестоких пыток убит его родной брат Третьяк Висковатый¹. Печатник предпринимал отчаянные попытки спасти брата, но все было тщетно. По синодику, вместе с Третьяком погибли двое Гнильевских (братья главного старицкого дьяка В. Г. Захарова) и новгородский помещик Паюсов². Современники подтверждают, что казнь Третьяка находилась в прямой связи с делом о заговоре Старицкого и новгородцев³. Жертвами опричного террора стали также родственники казначея Н. Курцева⁴. Висковатый чувствовал, что над его головой занесен топор палача, и не желал сидеть сложа руки.

Оппозиция со стороны высших приказных чинов, входивших в Боярскую думу, явилась неприятным сюрпризом для правительства. Неудивительно, что опричное руководство решило пресечь недовольство в корне и главный удар обрушило на голову печатника и его ближайших сподвижников — казначея Фуникова и руководителей нескольких других приказов. Фуникова и других дьяков обвинили главным образом в сообщничестве с Висковатым. В день казни Иван обратился к казначею со следующими словами: «Ты погибнешь не от моей руки, не по моему внушению, или скорее не по моей вине, а твоего товарища (И. М. Висковатого. — Р. С.), его ведь ты слушался, от него всецело зависел. Даже если ты и ни в чем не прегрешил, тем не менее ты ему угождал, поэтому надлежит погибнуть обоим»⁵. Очевидно, тем же принципом руководствовались опричники при осуждении других земских дьяков: главы Поместного приказа думного дьяка В. Степанова, главы Большого прихода И. Булгакова и главы Разбойного приказа Г. Шапкина.

том, что они будто бы «ссылались» с Крымом и «наводили» на Русь бурсурманство. (См. Послания Ивана Грозного, стр. 176, 191).

¹ Третьяк Висковатый был убит тотчас после отъезда из Москвы польских послов (3 июля 1570 г.). (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 41—42).

² См. ниже, стр. 282.

³ Шлихтинг не сообщает причин казни Висковатого. Его рассказ дополняет некоторыми подробностями литовский хронист Гваньини. По его словам, Третьяк вероломно оболгал удельного князя, после чего сам стал жертвой царского произвола. (См. A. G v a g n i n i. Sarmatiae Europaeae descriptio quae Regnum Moschoviae descriptio. Krakow, 1578, Fol. 39).

⁴ См. ниже, стр. 273.

⁵ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 48.

Опричному правительству нетрудно было добиться осуждения главных земских дьяков. Опричные судьи решили присоединить их к «новгородскому делу» и обвинить по тем же статьям, что и новгородцев. Ко времени ареста Висковатого следствие по делу Пимена шло полным ходом. Царь делил труды с Малютой, проводя в застенках дни и ночи. Сотни новгородцев, содержащихся в тюрьмах Александровской слободы, стали жертвами чудовищных пыток. Под пытками они признавались в любых преступлениях. Согласно следственным материалам, «в том деле с пыток (! — Р. С.) многие (опальные. — Р. С.) про ту измену на новгородцкого архиепископа Пимина и на его советников и на себя говорили»¹. С помощью пыток и шантажа опричники без труда за получили нужные им показания против печатника и его покровителей из боярского кружка Захарьиных. В частности, опальные новгородцы показали, будто Пимен и его сообщники «ссылалися к Москве... с казначеем с Микитою с Фуниковым и с печатником с Иваном Михайловым Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Яковля...»². Московских дьяков обвинили в том, что они намерены были посадить на престол Старицкого и в то же время сдать литовцам Новгород. Но гласности было предано лишь второе обвинение. Власти объявили, будто печатник «написал королю польскому, обещал ему предать крепость Новгородскую и Псковскую»³. Царь нимало не сомневался в справедливости подобных обвинений и в конце 1570 г. поручил дать соответствующие официальные разъяснения в Литве. На вопрос: «почему государь ваш казнил казначея Микиту Фуникова, печатника Ивана Михайлова и дьяков и детей боярских и подъячих многих?» — послы должны были отвечать литовцам: «Али вам то ведомо?» ... «которую был думу государьский изменник Курбской и с вами с паны с радюю и с теми государьскими изменники ссылались, измену здумали которую измену учинить и государю нашему бог тое их измену и ваше лукавство объявил и они потому и казнены... А Новугороду и Пскову за Литвой быти непригоже»⁴. (Курсив наш. — Р. С.)

Заодно опричное правительство решило использовать осуждение печатника для оправдания внешнеполитических провалов и неудач, вызванных некомпетентным вмешательством царя и его советников в дела Посольского приказа. Изменой главы этого приказа Висковатого стали объяснять и поход турок на Астрахань в 1569 г. и разорение татарами южных уездов в следующем году. Печатник будто бы писал

¹ ДДГ, стр. 480.

² Там же.

³ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 47.

⁴ Сб. РИО, т. 71, стр. 786—787.

султану, увещевая его послать войска к Астрахани и Казани¹. Он же будто бы побудил напасть на Русь крымских татар². Все эти обвинения в двойной и даже тройной измене были абсурдны, но опричные следователи и судьи давно утратили чувство меры и не заботились о правдоподобности собственных измышлений. Суд над печатником был скорым и неправым. В конце июня Висковатый привел к благополучному концу сложные и ответственные переговоры с литовскими послами, а вскоре после 3 июля попал под стражу³. Спустя три недели печатник и его соратники сложили головы на плахе.

Падению Висковатого способствовали внутренние распри, раздиравшие высшую приказную бюрократию. Против печатника интриговали влиятельные думные дьяки братья Щелкаловы. Старший из братьев, А. Я. Щелкалов, возглавлял в то время центральное военное ведомство — Разрядный приказ⁴. Он не обладал талантами Висковатого, и его главным достоинством была невероятная работоспособность. Младший из братьев, В. Я. Щелкалов, руководил в середине 60-х гг. Разбойным приказом, заведовал тюрьмами, «мастерами заплечными и палачами»⁵. Щелкалов помогал оприч-

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 47. За год до казни Висковатый посылал тайную грамоту в Кафу к Касим паше, назначенному руководить походом турок на Астрахань. Печатник пытался подкупить продажного пашу, чтобы предотвратить турецкое вторжение. Попытка эта не удалась. В феврале-марте 1570 г. русский посол Новосильцев, будучи в Кафе, особо интересовался вопросом, что случилось с тайными грамотами Висковатого.

² Отзвуком подобных обвинений бесспорно явилось сообщение опричника Штадена о том, что Висковатый «был расположен ко всем татарам и помогал им», что он «был не прочь, чтобы крымский царь забрал Русскую землю». (См. Г. Штаден. Записки, стр. 85).

³ Сб. РИО, т. 71, стр. 722. Еще 12 июля от имени печатника Висковатого была составлена грамота польским послам. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 747).

⁴ Сб. РИО, т. 71, стр. 345, 395, 630, т. 129, стр. 191. А. Я. Щелкалов получил думный титул в первые годы опричнины. Он участвовал в заседаниях Боярской думы в июле 1566 г., 18 мая 1568 г. и 25 мая 1570 г. (Сб. РИО, т. 71, стр. 139, 565, 666; СГГД, ч. 1, № 192, стр. 548).

⁵ В неизвестное время дьяки В. Я. Щелкалов и М. Вислый составили и скрепили своими подписями Уставную книгу Разбойного приказа. (См. ААЭ, т. II, стр. 386). Названную книгу нельзя отождествлять с аналогичной книгой Разбойного приказа 1555—1556 гг., не имевшей приписей Щелкалова и Вислого. (См. Памятники русского права (XV—XVII вв.), вып. IV, изд. под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956, стр. 356—370). В 50-х гг. В. Я. Щелкалов вообще не имел дьяческого чина, а Вислый служил дворцовым дьяком. (См. Разряды, лл. 232, 238 об.). Очевидно, они могли составить книгу Разбойного приказа лишь в 60-х гг., когда В. Я. Щелкалов получил дьячество. В приговорной грамоте Земского собора 1566 г. Щелкалов и Вислый записаны вместе среди приказных, не входивших в думу. (См. СГГД, ч. 1, № 192, стр. 553). Разбойные дьяки в думу не входили. В 1567 г. Щелкалов ездил с посольством в Литву и вскоре после этого

нине в проведении розысков об измене. Перед самым новгородским походом он самолично возил царю анонимный донос на Ф. Новосильцева, обвинявшегося в непригожих речах про государя¹. После похода В. Я. Щелкалов руководил казнью новгородских изменников на Москве. Он вычитал Висковатому его вины, попутно награждал его ударами плети, а затем прочел приговор осужденным новгородцам.

Незадолго до гибели Висковатый судился с Щелкаловым и проиграл дело. Он должен был заплатить Щелкалову «за бесчестье» 200 рублей, но заявил судьям, что платить ему нечем и предложил в счет денег одну из своих вотчин. После смерти печатника его вотчины поделили между собой опричный боярин князь В. И. Темкин и В. Я. Щелкалов². В свое время Темкин был главным следователем по делу митрополита. В деле Висковатого он, как и Щелкалов, видимо, сыграл зловещую роль. Примечательно, что помимо переяславской вотчины печатника Щелкалов получил также его поместье (1000 четвертей пашни) в Мещевском уезде³.

С падением Висковатого братья Щелкаловы сосредоточили в своих руках управление важнейшими Приказами государства. А. Я. Щелкалов наряду с Разрядным приказом (его он возглавлял уже в марте—июне 1570 г.) стал руководить Казанским дворцом (октябрь 1570 г.) и Посольской избой⁴. В. Я. Щелкалов, служивший вместе с братом в Посольском приказе, к началу 1571 г. получил почетный титул «введенного дьяка»⁵. По-видимому, стараниями Щелкаловых пост печатника в Казенном приказе занял их приспешник Б. И. Сукин⁶.

был пожалован в думные дьяки. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 565, 666). О компетенции Разбойного приказа см.: Г. Котошихин. О России царствования Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 114.

¹ Описи царского архива, стр. 37.

² Раздел переяславской вотчины занял несколько месяцев и был завершен только 15 марта 1571 года. (См. АИ, т. 1, № 180, стр. 341—342). Позже Щелкаловы отдали полученную ими вотчину Висковатого в Троице-Сергиев монастырь. (См. Писцовые книги Московского государства XVI в. Под ред. Н. В. Калачева, ч. 1, отд. 1. СПб., 1872, стр. 830).

³ АИ, т. 1, № 181, стр. 342—343.

⁴ См. Сб. РИО, т. 71, стр. 630; т. 129, стр. 191, 196, 199; А. И. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разряд. М., 1898, № 198.

⁵ АИ, т. 1, № 180, стр. 341—343.

⁶ Согласно дальнейшим легендам, Сукин заслужил расположение А. Я. Щелкалова тем, что возвел к нему «на постелю» свою сестру. В свою очередь Щелкаловы будто бы помогли Борису Сукину разбогатеть. Посланный «для денежных сборов» в провинцию, Сукин сильно нажился: «для Щелкаловых не смели ему Борису и слова молвить, грабил как хотел», богатая «паче меры». (См. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 215). В действительности Б. И. Сукин получил первый думный чин задолго до победы «партии» Щелкаловых: уже на Земском соборе 1566 г. он присутствовал как думный человек «у бояр в суде». (См. СГГД, ч. 1, № 192, стр. 548).

В. О. АХ ИЛ АЛ е. М Ва му те Ч. ое О- Г- В- О- О- О- О- М О- О- ДИ О- УЛ ых ИК б). ар- ва- 2). Де- в. Ш- ие ОЮ Де- ся: КО- ки, ИИ Г. I,

Гибель печатника Висковатого и казначея Фуникова символизировала крупнейшее поражение той группировки земского правительства, к которой принадлежали Захарьины, И. В. Большой Шереметев и др. После смерти Фуникова царь вопреки традиции назначил главным казначеем представителя высшей титулованной знати князя В. В. Мосальского¹. Таким путем он рассчитывал вырвать центральный приказной аппарат земщины из-под контроля старомосковской знати или во всяком случае ослабить этот контроль.

**
*

Низложение Филиппа ослабило церковную оппозицию, но не уничтожило ее вовсе, поскольку за спиной церкви стояло недовольное боярство земщины. Подготавливая поход на Новгород, опричное правительство подвергло духовенство новым гонениям. Власти арестовали троицкого архимандрита Памву и заточили его в Хутынский монастырь². Архимандрит крупнейшего в стране Троицко-Сергиева монастыря считался первым лицом среди всех монахов³. Памва был к тому же учеником митрополита Кирилла и его преемником на посту архимандрита в Троице. Расправа с ним послужила грозным предостережением митрополиту.

Накануне похода на Новгород царь прислал Кириллу послание с просьбой, «чтоб он бояр и всяких людей о службе безо всякие хитрости утверждал попрежнему»⁴. С помощью церкви правительство старалось предотвратить возможные протесты земских бояр против террористических действий опричнины. Кирилл немедленно уведомил царя, что исполнил его приказание и со всем священным собором «бояр и всяких

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 59.

² По данным вкладной книги Троицко-Сергиева монастыря, игуменами монастыря были: Елевферий (до 9 декабря 1562 г.), Меркурий (до 4 ноября 1566 г.), Кирилл (до 4 ноября 1568 г.) и, наконец, Памва (до 27 апреля 1569 г.). (См. Московское отделение архива АН СССР, фонд С. Б. Веселовского (№ 620), опись 1, № 19, л. 13 об.). Окончательно судьба Памвы решилась в дни суда над Старицкими. 13 ноября 1569 г. его привезли в Новгород и заточили в Хутынский монастырь. (См. Новгородские летописи, стр. 100). После Памвы в Троицу был прислан бывший андрониковский архимандрит Ф. Вятка, близкий к опричному правительству. (См. П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 139, 169).

³ Особое положение Троицко-Сергиева монастыря получило официальное признание в начале 60-х гг., когда по совету Макария в монастыре была учреждена архимандрития. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 331).

⁴ Ко времени получения царского послания Кирилл не знал, где находился Грозный с опричниной. Поэтому его отписка к царю не имела точного адреса. «писана в 78-м году, — значилось в архивной описи, — а куды к царю Ивану та отписка писана, того не объявилось». (ДДГ, стр. 483).

чинов людей утверждал, чтоб ему, государю, служили безо всякие хитрости». Лишь после этого Иван известил митрополита об «измене» новгородского архиепископа Пимена и его аресте. Священный собор в Москве поспешил публично осудить Пимена. В разгар новгородского погрома Кирилл и епископы направили царю грамоту с сообщением, что «приговорили они на соборе новгородцкому архиепископу Пимину против государевы грамоты за его безчинье священная не действовати». Пимен был выдан опричнине головой. Но высшее духовенство переусердствовало, угождая царю. В третьем послании из Новгорода царь дал знать митрополиту, что «архиепископу Пимину служити не велено», но просил до окончания следствия не лишать его архиепископского сана, «А сану б с нево, — писал царь, — до подлинного сыску и до соборного уложения не снимати»¹.

Опричное правительство знало, что ограбление новгородской церкви вызвало глубокое негодование всего духовенства, и с особенной тщательностью подготавливало суд над Пименом. В свое время новгородский архиепископ помог властям низложить митрополита Филиппа Колычева, чем немало скомпрометировал себя в глазах многих членов священного собора. Теперь власти решили использовать имя и авторитет опального митрополита, чтобы оправдать расправу с его «гонителями» Пименом и другими лицами. Соловецкий игумен Паисий, давший ложные показания против Филиппа, был сослан в заточение на о. Валаам. Соборные старцы Соловецкого монастыря, выступавшие на суде в роли свидетелей, были разосланы в ссылку «по иным странам»². Самый рьяный помощник Пимена на соборе, низложившем Колычева, рязанский архиепископ Филофей подвергся опале. Царь «изверже его из сану»³. В то же время были казнены некоторые из близких к нему лиц. Согласно синодику, незадолго до суда над Пименом опричники убили архимандрита Солотчинского монастыря, крупнейшего монастыря Рязанского епископства⁴. Тогда же царь приказал убить архимандрита

¹ ДДГ, стр. 483.

² Житие Филиппа, л. 91. На место Паисия в Соловки был прислан в 1570—1571 (7079) гг. игумен Варлаам. (См. Летописец Соловецкий. Изд. арх. Досифеем, М., 1833, стр. 31.

³ Житие Филиппа, л. 91. Точное время низложения Филофея неизвестно.

⁴ Солотчинский монастырь расположен в 15 верстах от Рязани. В синодике имя «солотчинского архимарита» не названо. Основываясь на одном, наименее исправном списке синодика (МБ-3), С. Б. Веселовский предположил, что казненным архимандритом был Роман Палицын. (См. С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 433). Но ни в одном исправном списке синодика имя архимандрита не расшифровано, а Роман Палицын записан совсем в другом месте. В истории Солотчинского мона-

Нижегородского Печорского монастыря Митрофана¹. Названные архимандриты записаны в синодике среди лиц, погибших в июле 1570 г.²

Крутые меры в отношении духовенства призваны были предотвратить выступление церковной оппозиции на соборе, созванном для суда над Пименом. Собор заседал в Москве во второй половине июля 1570 г. Церковники были запуганы кровавым террором и не осмелились возражать царю. Против Пимена выступили царские «ласкатели» — опричный симоновский архимандрит, кирилловский игумен, новый троицкий архимандрит Ф. Вятка и др. Все эти лица были щедро вознаграждены после собора³. Противников Пимена охотно поддержали те члены собора, которые не могли простить ему интриг против Филиппа. Помимо всего прочего, Пимен был одним из последних видных иерархов, тяготевших к нестяжателям, и это обстоятельство не могло не сказаться на отношении к нему осифлянского большинства собора.

После недолгого судебного разбирательства собор объявил о низложении Пимена. Опального архиепископа заточили в Никольский монастырь в Веневе, где он вскоре же умер. По авторитетному свидетельству новгородского архиепископского летописца, Пимен жил после своего «владычества», т. е. после низложения из владык, год и два месяца

стыря той поры не было архимандрита по имени Роман. Зато известно, что в 1568—1570 гг. там архимандритом Исаак Сумин, бывший казначей епископа Филофея Рязанского. Сумин пытался спастись от царской опалы и в 1568—1569 (7077) гг. пожертвовал коня опричному Симонову монастырю. Но его надежды на заступничество опричного духовенства не сбылись. (См. Вкладная книга Симонова монастыря. ГПБ, Отд. рукописей, F IV, № 348, стр. 92; Солотчинский монастырь. Составил арх. Македоний. Рязань, 1886). Исаак был архимандритом еще 29 апреля 1570 года. (См. РИБ, т. II, стр. 976—977).

¹ Вплоть до 5 апреля 1570 г. архимандритом Печорского монастыря был Иоаким. Его преемником стал Митрофан, который архимандритом очень недолго и был казнен опричниками. (См. П. Строев. Указ. соч., стр. 610).

² См. ниже, стр. 283.

³ Царь щедро жаловал Кириллову монастырю земли и привилегии, оказывал ему различные знаки внимания и т. д. В период «новгородского дела» монастырь получил из казны крупную вотчину в Дмитровском уезде «по князе» В. А. Старицком (23 января 1570 г.). (См. Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625), т. 1, вып. 2. СПб., 1910, Приложение, стр. 50; П. А. Садилов. Очерки, стр. 444—445). В тот же период царь пожаловал монахам серебряные кубок и чару (в 7078 г.), 100 пудов меду (в 7079 г.), 2000 рублей (в 7080 г.). (См. ЗОРСА, т. 1, стр. 88, 87).

Троицко-Сергиев монастырь получил от казны льготу на запустевшие и «повоеванные» земли (17 марта и 12 октября 1571 г.). Тяготевший к нему Махрицкий монастырь получил жалованную тарханную грамоту на земли в Переяславском уезде (27 марта 1571 г.). (См. С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 174, 175).

без шести дней. Умер он 25 сентября 1571 г., следовательно, сана лишился 18—20 июля 1570 г.¹

Через несколько дней после осуждения Пимена царь отдал приказ о казни всех его «сообщников» — новгородских дворян и приказных, а также главных московских дьяков. Накануне массовой экзекуции опричники терроризировали земщину новыми убийствами. В полдень 21 июля опричные войска ворвались на земскую половину Москвы. Опричники оцепили дворы земского боярина кн. П. С. Серебряного и земского дьяка К. С. Мясода Вислого. По приказу царя Малюта вытащил боярина из палат и отрубил ему голову². В то же время опричник Б. Арцыбашев расправился с Вислым³.

Со времени пострижения Курлятева царь неустанно преследовал ненавистный ему род князей Оболенских. Со смертью кн. П. С. Серебряного Оболенские были окончательно изгнаны из земской Боярской думы. Петр Серебряный был одним из старейших земских воевод, но, вопреки легендам, он никогда не был выдающимся военачальником и не раз терпел поражения на поле боя⁴. Одним из лучших воевод своего времени был старший брат Петра Василий Серебряный. Царь не мог обойтись без его услуг и, пока он был жив, щадил его младшего брата. Но в 1568 г. боярина кн. С. В. Серебряного «застрелило поветрием» в Полоцке⁵. Это решило судьбу Петра Серебряного.

Поводы для казни земских деятелей были самыми ни-

¹ Новгородские летописи, стр. 107, 148, 345. Другой Новгородский летописец сообщает, что Пимен был архиепископом в Новгороде 17 лет, 2 месяца и 9 дней (с 6 декабря 1552 г. по 15 февраля 1570 г.) и что он бысть сведен на Москве» 5 месяцев и 10 дней, иначе говоря, — с 15 февраля по 25 июля 1570 г. (См. Новгородские летописи, стр. 107).

² А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 4.

³ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 44. Шлихтинг называет казненного «знатным мужем», в другом месте — царским секретарем, т. е. дьяком. Гваньини называет его имя — «Мясоед» и «Мясоедовский» (Там же, стр. 37, 56, 57). Шлихтинг рассказывает о казни Серебряного и «земского дьяка» как очевидец. Достоверность его рассказа подтверждается документальной записью синодика опальных: «князя Петра боярин Серебреный, дьяка Мясода Вислон, князя Александра Ярослав княж Петров племянник, Леваша подъячей». (См. ниже, стр. 283). По Шлихтингу, казнь произошла в Ильин день, т. е. 20 июля 1570 года. Однако более точную дату (21 июля, день преставления М. Вислого) сообщают Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 44; ЗОРСА, т. 1, стр. 78).

⁴ По словам Курбского, Серебряный был «муж нарочит в воинстве и богат». (См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 280). Поражение под Копием в 1567 г. не оборвало карьеры Серебряного. В 1569 г. он возглавил поход под Астрахань против турок. 25 мая 1570 г. царь выступил против татар, выслав вперед арьергард во главе с кн. Серебряным. (См. Разряды, л. 356 об. и др.).

⁵ Разряды, л. 343.

чтожными. Так, на Мясоеда донесли, будто его жена «худо говорит» об Иване Васильевиче. Опричники сначала повесили виновную на воротах мужнина двора, а позже убили и самого дьяка¹.

Нападение на земщину завершилось избиением заключенных, находившихся в московских тюрьмах. По Шлихтингу, среди убитых было 160 литовских пленнх, но это известие не подтверждается синодиком опальных².

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 37, 44, 56, 57. В период опричнины М. Вислый занимался не совсем понятными земельными махинациями. (См. П. А. Садиков. Из истории опричнины, стр. 156). В 7076 (1567—1568) году Мясоед купил у казанских ссыльных и высленных из опричнины детей боярских 29 деревень, починков и пустошей на Белозере, затратив на них номинально 580 рублей. (См. Исторический архив, т. III, № 21—24, 26—27; стр. 215—220, 222—224). Возможно, что в связи с этой покупкой он занял у Кирилло-Белозерского монастыря 200 рублей по кабалам и одновременно же отказал этому монастырю свою белозерскую вотчину — с. Никитское по духовной «памятке» и по данной грамоте. (См. Архив П. М. Строева, т. 1, стр. 487—494). Другую вотчину, с. Онтушево, купленную им в свое время за 120 рублей, дьяк отказал тогда же сыну племянника (о покупке Онтушева см.: С. Шумков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. II. СПб., 1900, стр. 12). Прошел год, и в 7077 г. Вислый вынужден был продать с. Онтушево и все купли предыдущих лет кирилловским монахам. Продажа совершилась «по государеву цареву... жалованью и приказу». (См. Исторический архив, т. III, № 30, стр. 228). По словам П. А. Садикова, дьяк Вислый занимался земельными спекуляциями в самых широких масштабах. (См. П. А. Садиков. Из истории опричнины, стр. 156—157). Но в сделках 7076—7077 гг. Вислый выступает не как спекулянт, а скорее как подставное лицо, агент богатого монастыря. Он «продает» монастырю земли, номинально стоившие 700 рублей, всего лишь за 400 рублей, после чего остается должен монастырю 43 рубля в счет старой кабалы на 200 рублей, частично погашенной. Последнюю свою духовную грамоту дьяк составил «в нынешнем 7077 году» и подписал в 7078 г. В ней Мясоед просил кирилловского игумена наделить из его «живота» (белозерской вотчины) жену Марью «как им, государем моим, бог известит». (См. Архив П. М. Строева, т. 1, стр. 501—504).

² В «Сказаниях» Шлихтинг пишет, будто в трех московских тюрьмах содержалось по 55 пленнх в каждой, всего же 165 человек. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 45). В своих «Новостях», составленных ранее «Сказания», он называет другую цифру — 140 человек — и добавляет, что все они были взяты в плен в Изборске в январе 1569 г. (См. там же, стр. 61). Но достоверно известно, что изборских пленников было около 100 человек, причем половину из них отпустили в Литву в обмен на 10 русских пленников еще летом 1569 г. Вторую половину (примерно 50 человек) русское правительство предложило обменять на 40 жителей Изборска, задержанных в Литве. 26 июня 1570 г. бояре уведомили литовских послов, что царь готов вернуть пленнх в Литву в обмен на старую икону из Виленского собора, находившуюся там «в затворе». Русские соглашались на то, чтобы из киота иконы были вынуты драгоценные камни. На это предложение литовские послы отвечали уклончиво, обещав доложить о русских предложениях королю. (Сб. РИО, т. 71, стр. 609, 743—744). Очевидно, слуги, холопы и простолюдины, находившиеся в числе изборских пленнх в России, не очень интересовали литовское правительство. Что касается всех прочих литовских пленнх в России, то сам

25 июля 1570 г. Грозный велел казнить лиц, осужденных по делу об измене Пимена и новгородцев¹. Местом казни была избрана обширная рыночная площадь в Китай-городе, именовавшаяся Поганой лужей.

В день казни царь Иван явился на площадь в сопровождении многочисленной вооруженной свиты. Полторы тысячи конных стрельцов оцепили Поганую лужу с трех сторон. Еще накануне опричные мастеровые сделали необходимые приготовления к экзекуции, забили в землю колья и т. д.²

Вступление опричных войск на земскую половину Москвы и приготовления к казням вызвали панику среди столичного населения. Люди спешили спрятаться в домах. Улицы и площади опустели.

Такой оборот дела озадачил царя Ивана, который поспешил обратиться к народу с увещеваниями. Очевидцы передают, что царь разъезжал по всей площади, уговаривал жителей отбросить страх, приказывал им «подойти посмотреть поближе, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев»³. В речах Грозного заключалось одно поразительное признание. «Изобличив» в измене главных московских дьяков, опричное руководство серьезно помышляло о том, чтобы покарать все земское население Москвы и учинить в столице такой же погром, как и в Новгороде. Однако здравый смысл взял верх, и новые чудовищные планы опричнины так и не были осуществлены.

Шлихтинг пишет, что все они в количестве около 500 человек были отведены в Смоленск для обмена на русских пленных. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 61). В записке, составленной секретарем королевского посольства в Москве, значилось, что царь отпустил в Польшу 400 пленников поляков и удержал остальных («всех знатных»!), требуя в виде выкупа икону божьей матери Виленской. (См. Е. Ф. Шмурло. Россия и Италия, т. II, в. 2. СПб., 1913, стр. 246). Тенденциозность этого сообщения очевидна. Русское правительство никогда не предлагало менять знатных пленников на икону. Жертвами насилия опричнины стали те 40—50 изборокских пленников, относительно обмена которых не было достигнуто договоренности. Шлихтинг называет имена 8 казненных пленников, из которых один был холопом, другой служителем, третий «незнатным лицом» и т. д. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 44—45).

¹ По Шлихтингу, экзекуция произошла в праздник, день святого Якова, т. е. 25 июля 1570 г. По кормовым книгам, опальных Н. Фуникова с товарищами действительно поминали 25 июля. (См. А. А. Титов. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881, стр. 5; А. А. Титов. Вкладные и кормовые книги Иосифова монастыря. — Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, вып. V, ч. 2. М., 1906, стр. 46, 72).

² А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 46; Послание Таубе и Крузе, стр. 51. По Пискаревскому летописцу, «сам царь выеха вооружася в доспехе и в шоломе и с копием и повеле казнити дияка Ивана Висковатого...» (См. Пискаревский летописец, стр. 78—79).

³ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 46.

Паника, вызванная прибытием опричников, постепенно улеглась, и народ заполнил рыночную площадь. В этот момент царь вновь обратился к «черни» и, «стоя в середине ее, спросил, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников». В ответ раздались громкие крики: «Живи, преблагий царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их»¹. «Глас народа», всенародное одобрение опричной расправы были, конечно, сплошной фикцией.

После речи к народу царь «великодушно» объявил о помиловании более чем половины осужденных. Из 300 опальных, выведенных на площадь, примерно 184 человека были отведены в сторону и тут же переданы на поруки земским боярам и дворянам. Царь Иван будто бы заявил: «Вот возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собой, не имею никакого суда над ними»².

После отпуска помилованных земский дьяк В. Я. Щелкалов стал громко вычитывать остальным осужденным их «вины», и начались казни³.

Первыми казни подверглись члены земской Боярской думы печатник И. М. Висковатый и главный казначей Н. А. Фуников, руководитель Поместного приказа В. Степанов⁴, руководитель приказа Большой казны И. Булгаков и руководитель Разбойного приказа Г. Шапкин с их семьями.

Опричники пытались заставить Висковатого публично признаться в своих «преступлениях» и просить царя о помиловании. Однако гордый печатник отвечал на все уговоры проклятиями: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» — были его последние слова.

Висковатого раздели донага и привязали к бревнам, составленным наподобие креста. По желанию царя роль палачей взяли на себя присутствовавшие на площади дворяне и приказные. Казнь Висковатого начал Малюта и кончил опричный подьячий И. Реутов. Печатника, висевшего на кресте, разрезали живьем на части.

После печатника на лобное место вывели Фуникова. Казначей вел себя с таким же достоинством, как и Висковатый, и также отказался признать себя виновным. Фуникова сва-

¹ Там же.

² Там же.

³ В архиве, согласно позднейшей описи, хранился «приговор государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и царевича Ивана о тех изменниках, ково казнить смертью, и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и царевич Иван Иванович выезжали и Китай-город на полое место сами и велели тем изменникам вины их вычести перед собой и их казнити». (ДДГ, стр. 481).

⁴ Подлинная фамилия В. Степанова была Угримов. (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1, ч. 2, стр. 19). Угримовы происходили из мелких провинциальных детей боярских.

рили, обливая попеременно крутым кипятком и студеной водой. За Фуниковым пришел черед другим руководителям приказов. Дьяка Г. Шапкина казнил кн. В. И. Темкин, дьяка И. Булгакова — земский боярин И. П. Яковлев-Захарьин¹.

Казни на Поганой луже продолжались четыре часа. По определению самых различных авторов, опричники избили до 116 (Шлихтинг), 120 (Пискаревский летописец), 130 человек (Штаден)². Эти показания современников полностью подтверждаются царским синодиком опальных. В текст синодика включен полный поименный перечень казненных, насчитывающий до 120—130 лиц³. Это были главным образом новгородские дворяне и приказные, привезенные в Москву из Слободы.

Тотчас после казни московских дьяков опричники обезглавили главных новгородских дьяков К. Румянцева и Б. Ростовцева⁴. За ними последовали многие знатные вассалы новгородского архиепископа: кн. А. Тулупов-Стародубский, кн. В. Шаховской-Ярославский, псковский наместник владыки и его дворецкий Неудача Цыплятев, сын последнего Никита, архиепископские дворяне Ч. Бартенев⁵, Г. Милославский (родня архиепископского конюшего), С. Пешков (родня архиепископского дворянина Т. Пешкова), Б. Мартьянов⁶, владычный дьяк М. Дубнев, архиепископский чашник Ш. Волынский, а также помещики различных новгородских пятин: Курцевы, Палицыны, Матвеевы, Чертовский, Сысоев, Аникеев, Паюсов, Рязанцев, Кроткий, Жданский. По синодику, казни

¹ См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 47; Г. Штаден. Записки, стр. 92; Послание Таубе и Крузе, стр. 51; Пискаревский летописец, стр. 79.

² А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 46. Г. Штаден. Записки, стр. 92; Пискаревский летописец, стр. 78.

³ А. А. Зимин полагает, что в числе казненных были А. Безсонов, В. Захаров, возможно, И. Г. Выродков и т. д. (См. А. А. Зимин. Опричина, стр. 439). Судя по синодику, все эти лица погибли совсем в другое время.

⁴ Б. Ростовцев исполнял службу новгородского дьяка в сентябре—декабре 1569 г. перед самым новгородским разгромом. (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 174—177).

⁵ Курбский, сообщая о казни кн. А. Тулупова и Н. Цыплятева, указывает, что «были тые даны на послужение великия церкви Софии» Новгородской. (См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 319). По новгородским писцовым книгам, князя Андрея Тулупова «не стало в государеве опале». В августе 1571 г. его поместье было передано другим лицам. (См. Д. Я. Самоковцов. Архивный материал, т. 1, ч. 2, стр. 35). Курбский особо отмечает, что архиепископский дворецкий Н. Цыплятев был «искусен и богат зело». (См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 319).

⁶ Мартьяновы служили архиепископу. (См. Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, стр. 538).

подверглось до 50—70 новгородских дворян и приказных и еще несколько десятков лиц из числа дворцовой прислуги¹.

Присутствовавший на площади А. Шлихтинг передает, что в числе других опричники убили царского повара, будто бы пытавшегося отравить царя по наущению Старицкого. Имя повара записано в синодике опальных в списке 25 июля 1570 г. Это Алексей Молявин, последний из сыновей повара Молявы, убитого в день суда над Старицким на Богане², Алексей был, очевидно, одним из главных свидетелей обвинения по делу о заговоре Старицких. Участь доносчика-повара разделили повар А. Быков, какой-то истопник, подключник И. Кайсаров, часовой мастер Суета, четыре конюха, какой-то скоморох и т. д.³. Во время суда над Старицким и боярином Даниловым опричники охотно пользовались доносами дворцовой прислуги. После завершения суда в их услугах больше не нуждались.

Помимо новгородцев и дворцовой прислуги в тот же день погибли несколько московских дворян (П. Д. Софроновский и пр.) и трое московских подьячих⁴. В целом московский приказной аппарат избежал участи новгородского. Правительство опасалось дезорганизовать сложный механизм государственного управления.

Массовая экзекуция новгородцев завершилась спустя одну-две недели после 25 июля 1570 г. На этот раз жертвами опричины стали семьи опальных новгородских дьяков и дворян. По словам очевидцев, погибло примерно 80 человек — жен и детей «изменников»⁵. Более точные данные на этот счет сообщает синодик, где записаны общим списком более 60 женщин и детей, членов семей новгородцев, убитых 25 июля. Среди них были семьи кн. Тулупова, К. Румянцева, Б. Ростовцева и т. д.⁶. Все они были утоплены в реке. То, что произошло в свое время в Новгороде на Волховском мосту, повторилось отчасти в Москве.

В день массовых казней 25 июля 1570 г. царь помиловал около 180 человек опальных новгородских дворян. Отнюдь не все из «прощенных» были отпущены на свободу. Среди подлинных дел о суде над новгородцами хранился «список, за дьячьёю пометою, хто кажен, и хто куды в тюрьму по-

¹ См. ниже, стр. 283—285.

² См. ниже, стр. 275.

³ См. ниже, стр. 284—285.

⁴ Среди них был московский подьячий Верещагин. В документах 7076 г. упоминается подьячий С. Н. Верещагин, «из Поместной избы», участник поземельных сделок М. Вислого. (См. Исторический архив, т. III, стр. 22—24, 217—219 и др.).

⁵ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 49.

⁶ См. ниже, стр. 286.

слан, и кто отпущен и дан на поруки»¹. По Новгородской летописи, часть помилованных новгородцев «по многом испытании» была разослана «по иным градам» на жительство². Некоторые опальные были отпущены на свободу и «пожалованы». Согласно подлинным документам, в ходе суда над новгородцами «многие (опальные. — Р. С.) казнены смертью, розными казнями, а иные розосланы по тюрьмам, а до кого дело не дошло, и те освобождены, а иные и пожалованы»³.

**

Опричина была по существу своему политической мерой. Задачи ее, будучи узкими сами по себе, сводились к подавлению любой оппозиции самодержавной власти, с чьей бы стороны она ни исходила: со стороны боярской знати и дворянских верхов, крупных духовных феодалов, приказной бюрократии и т. д. На шестом году существования опричина в основном выполнила свои задачи и тем самым исчерпала себя. Под тяжестью кровавого террора исчезли все видимые признаки недовольства в стране. Все кругом безмолвствовало. Но террор также чрезмерно усилил влияние опричного руководства, образовавшего как бы «правительство над правительством». Именно по этой причине царя крайне встревожили первые же серьезные разногласия с руководителями опричной думы, связанные с решением о разгроме Новгорода. В конечном итоге Басманов и Вяземский стали жертвами созданного ими же самими сыскного ведомства опричины. Кн. А. Вяземский был сильно скомпрометирован попыткой предупредить архиепископа Пимена о готовившемся походе на Новгород. На него донес его же собственный приспешник ловчий Григорий Ловчиков. Басмановы были отстранены от дел до начала новгородского похода. Обер-палачи опричины Малюта Скуратов и Василий Грязной использовали донос Ловчикова, чтобы окончательно свергнуть старое руководство опричины.

«Новгородское дело» оборвало карьеру Басмановых и Вяземского, этих наиболее видных руководителей опричины в пору ее возникновения и расцвета. Согласно подлинным документам, изменник Пимен и новгородцы будто бы «ссылались к Москве з бояры с Алексеем Басмановым и с сыном его с Федором... да со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новагорода и Пскова»⁴.

Вскоре после низложения Пимена казни подверглись двое

¹ ДДГ, стр. 480—481.

² Новгородские летописи, стр. 345.

³ ДДГ, стр. 480.

⁴ Там же.

опричных бояр — А. Д. Басманов и З. И. Очин и видный опричный воевода И. И. Очин. Катастрофа постигла весь род Плещеевых разом, свидетельством чего служит следующая запись царского синодика опальных: «Алексия, сына его Петра Басмановы, Захарью, Иона Плещеевы»¹. Царь пощадил кравчего Ф. А. Басманова, но сослал его на Белозеро, где тот умер в тюрьме². Опала и казнь Басмановых привели к тому, что Плещеевы были изгнаны из опричнины всем родом. В Разрядах опричных походов за май и сентябрь 1570 г., а также май 1571 г. Плещеевы не фигурировали³.

Одновременно с Басмановыми опале подвергся кн. А. Вяземский⁴. Спасаясь от царского гнева, бывший руководитель опричнины укрылся в доме царского лейб-медика Лензея, где оставался в течение пяти дней. Убежище его было вскоре же обнаружено. Царь велел арестовать Вяземского и подвергнуть его торговой казни. Опричного оружничего били палками на рыночной площади, принуждая вносить ежедневно 1000, затем 500 и 300 рублей⁵. Шлихтинг, видевший Вяземского в доме Лензея, писал: «несчастный до сих пор подвергается непрерывному избиению»⁶. Поскольку Шлихтинг бежал из России вскоре после сентября 1570 г., то, очевидно, его сведения относились к осени этого года. Позже опальный оружничий был сослан в посад Городецкий на Волге и там умер в тюрьме «в железных оковах»⁷. С удалением Вяземского из опричнины были изгнаны все его многочисленные родственники. С мая 1570 г. их имена полностью исчезли из опричных разрядов.

¹ См. ниже, стр. 287.

² См. Челобитье Басмановых.— А. А. Федотов-Чеховский. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I, Киев, 1860, № 94, стр. 266. По утверждению Курбского, Федор Басманов избежал казни страшной ценой. Он будто бы сам «последи зарезал рукою своею отца своего Алексея, преславного похлебника, а по их языку, мальяка и губителя своего и святоруские земли». (См. А. Курбский. История.— РИБ, т. XXXI, стр. 305). Насколько достоверно известие Курбского, трудно сказать.

³ Дольше других удержался в опричнине И. Д. Колодка-Плещеев, получивший назначение воеводы у Антония Великого в мае 1570 г. (Разряды, л. 356 об.).

⁴ По словам Шлихтинга, царь велел убить из засады одного из братьев оружничего и нескольких его челядинцев. Подтверждением его рассказа служит синодик опальных, в котором записаны Иван и Грязной Вяземские. (См. ниже, стр. 282; А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 32—33).

⁵ Вяземский, чтобы откупиться от торговой казни, стал называть имена богатых московских купцов, будто бы занимавших у него деньги. Последние вынуждены были платить несуществующие долги.

⁶ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 33.

⁷ Г. Штаден. Записки, стр. 96.

Вскоре после падения Басмановых царь и его новые советники приступили к систематическому разгрому опричной думы и изгнанию из нее старомосковской знати.

**
*

Персональные перемены в составе опричного руководства не привели первоначально к каким-нибудь заметным изменениям в принципах и целях опричной политики.

На период после «новгородского дела» приходится последнее крупное расширение территории опричнины. Этот факт бесспорно доказывает, что в тот период опричное правительство продолжало укреплять свою социальную и военную базу.

23 февраля 1571 г. в Новгород прибыли опричные дьяки С. Ф. Мишурич и А. М. Милюков-Старой, отписавшие в опричнину Торговую сторону Новгорода, Бежецкую и Обонежскую пятины. Главный новгородский воевода князь П. Д. Пронский, правивший земским Новгородом в течение полутора лет, покинул свою резиденцию на Софийской стороне и переехал в опричнину на Торговую сторону¹. Пронский помогал опричникам громить новгородцев в 1570 г., и эта его заслуга получила теперь официальное признание². Знатный земский боярин был принят на службу в опричный двор³.

В целях набора новых контингентов в опричное войско администрация провела генеральный смотр дворян двух опричных пятин. Судя по данным Разрядных книг, в результате опричного «перебора» численность служилых людей в Бежецкой пятине сократилась не очень значительно, а, следовательно, основная масса местных служилых людей поступила на опричную службу.

Численность дворян по Разрядам⁴

	1563 г.	1572 г.
Бежецкая пятина	536	450 (400)

¹ «Да князя Петра Даниловича Пронского (царь. — Р. С.) взял к себе на Торговую сторону, к тем же дьяком, быти им в одном месте». (См. Новгородские летописи, стр. 105).

² См. Г. Штаден. Записки, стр. 90.

³ В. Б. Кобрин полагает, что П. Д. Пронский стал опричником с начала 1570 г. Но это неверно: Пронский управлял земским Новгородом до начала 1571 года. (См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Грозного. — Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960, стр. 67).

⁴ Витебская старина, ч. IV, стр. 27; В. И. Буганов. Документы о сражении при Молодях 1572 г. — «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 174. По-видимому, в Разряде 1572 г. допущена описка: отряд поме-

Некоторая часть бежецких помещиков все же была выселена из опричнины. В основном это были родственники новгородских дворян, казненных ранее в связи с «новгородским изменным делом»¹. К октябрю 1571 г. переселенцы получили новые поместья в земских пограничных уездах — Себеже, Усвяте и др. После разгрома Новгорода и казни многих помещиков Бежецкой пятины в 1570 г. там образовался значительный фонд свободных земель, что и позволило властям избежать массовых выселений дворян из этой опричной пятины. В Обонежской пятине было много «черных» и оброчных государственных земель, которые, по-видимому, также использовались для испомещения опричников. В Новгородской земле полностью отсутствовало светское вотчинное землевладение, поэтому весь земельный пересмотр сводился здесь к перераспределению поместного фонда и раздаче дворянам государственных земель.

Опричная армия получила крупнейшее за всю свою историю пополнение: в ее состав влилось более пятисот новгородских дворян². Распространив опричные привилегии на часть служилых людей Новгородской земли, опричные власти раскололи новгородское дворянство, одну из самых влиятельных военно-служилых корпораций страны. Тем самым они ослабили земщину и одновременно расширили собственную военную базу³. Царь, утративший доверие к старому

помещиков Бежецкой пятины фигурирует в нем дважды. В одном случае упомянуто 450 дворян, в другом — 400. Согласно разряду Ливонского похода 1577 г., в Бежецкой пятине числилось 505 помещиков, фактически же на службу явилось 343 человека. (См. «Военный журнал», 1852, № 1, стр. 95—97).

¹ К их числу принадлежали дворяне П. Ф., В. Я. и М. Я. Пыжевы-Отяевы из рода Хвостовых; И. С. Мусоргский из рода Монастыревых, З. М. и С. М. Сысоевы, А. Т. Аникеев, И. И. и М. И. Баскаковы, К. Г. Паюсов, З. С. Лаптев, З. М. Опалев. Помимо них высылке подверглись помещики В. В., К. В., С. В., З. З., И. А. и В. Г. Харламовы, И. Д., Д. Д., С. И. Моклоковы, С. С. Корсаков, Н. Н. Нечаев, И. Ф. Путятин. (См. Писцовые книги земель Полоцкого повета, розданных 7 октября 1571 г. детям боярским Бежецкой и Обонежской пятин. Писцовые книги Московского государства XVI в. Изд. под ред. Н. В. Калачева, СПб., 1872, т. 1, отд. 1, стр. 540).

² Непонятно, пишет С. Б. Веселовский, зачем царь взял в опричину Бежецкую и Обонежскую пятины, в которых было не более двух-трех десятков помещиков. Очевидно, С. Б. Веселовский не учел показаний Разрядных книг. (См. С. Б. Веселовский. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году. — «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 93).

³ По мнению А. А. Зимина, в 1569—1571 гг. в опричной земельной политике наметился новый сдвиг. Иван IV забирает в опричину уже ряд уездов. «Это мероприятие по своим целям резко отличалось от задач создания опричной территории, как они мыслились в 1565 г. Теперь дело шло о том, чтобы путем опричных переселений в уезды, которые царь рассматривал как очаги смуты, ликвидировать в них социальную базу воз-

опричному руководству, стремился создать в лице новгородских опричников такую силу, которую можно было противопоставить старой опричной гвардии. Новгородские служилые люди более всего пострадали от террора старых опричников.

Царь рассчитывал превратить Новгород в главный опорный пункт опричнины на северо-западе. В опричной половине Новгорода против земского кремля предполагалось выстроить мощный опричный замок. В течение короткого времени власти расчистили место для строительства новой крепости, пустив на слом 227 дворов на Торговой стороне¹. Под «государев двор» были взяты казенный Денежный двор, 32 нетяглых двора, принадлежавших помещикам и духовенству, и 190 тяглых дворов, владельцами которых были в подавляющем большинстве «молодые» и «средние» посадские люди². Опричники изгоняли горожан из их жилищ, а дворы их пускали на слом или перевозили на новые места.

Через три месяца после утверждения опричнины в Новгороде татары сожгли дотла Москву, и казна вынуждена была обратить все наличные средства на восстановление столицы. Вследствие этого строительные работы в Новгороде, а также Вологде и других опричных центрах были прекращены.

Важное значение для оценки опричной политики в Новгороде имеет вопрос о взаимоотношениях между опричниной и церковью. В течение длительного времени после «государева погрома» политика в отношении Новгорода сохраняла ярко выраженный антицерковный характер. Созванный в Москве для суда над Пименом священный собор покорно одобрил опричные репрессии против новгородской церкви и тем самым дал повод царю для новых гонений против новгородского черного духовенства.

можных заговоров и мятежей». (А. А. Зимин. Опричнина, стр. 334). Зачисление Новгорода в опричину имело несколько иные цели, т. к. произошло в иных условиях, нежели зачисление Суздаля и других уездов в 1565 г., но различия эти едва ли носили принципиальный характер. Главной целью было, как и прежде, укрепление военной базы опричнины посредством набора новых контингентов среди уездных дворян. Факты массового переселения в Новгород опричных служилых людей из других уездов нам неизвестны.

¹ Подготовка к строительству началась через месяц после опричного разгрома Новгорода. На стройке использовался барщинный труд посадских тяглых людей. Как записал новгородский летописец, 13 марта 1570 г. «на Торговой стороне от Волхова все дворы очистили, нарядили площадью, а ставити на том месте двор государев». (Новгородские летописи, стр. 100).

² См. Книга писцовая Новгорода Великого 1583—1584 гг., стр. 221—222, 272—273; О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение Великого Новгорода, стр. 206.

29 августа 1570 г. новгородцы получили из Москвы распоряжение немедленно собрать по монастырям все жалованные грамоты и отправить их в Москву¹. На другой день, повествует новгородская летопись, «взял государь по манастырем грамоты к себе, к Москве, жалованыи, по всем»². Изъятие документов из монастырских архивов осуществили опричные приставы, посаженные в крупнейшие новгородские монастыри в период «государева погрома»³. Вся операция продолжалась один-два дня. В такой короткий срок исполнители не имели возможности детально разобраться в монастырских архивах и, по-видимому, изымали всю документацию без разбора. В новых мероприятиях опричнины таилась опасность, перед которой бледнели все предыдущие бедствия духовенства — разграбление казны, разгром монастырского хозяйства и т. д. Жалованные грамоты служили главным подтверждением права монастырей на земли и привилегии, сохраненные ими после присоединения Новгорода к Москве.

В конце концов опричное правительство все же не осмелилось посягнуть на земельные богатства церкви. Наибольшие его вождедения вызывали по-прежнему денежные богатства и сокровища монастырей, с помощью которых можно было пополнить вечно пустующую опричную казну.

Покидая Новгород в феврале 1570 г., царь оставил там своих эмиссаров К. Д. Поливанова и У. В. Безопишева. Главный опричный эмиссар Поливанов занял резиденцию новгородского дворецкого на Софийской стороне. Отсюда он руководил продолжавшимися реквизициями монастырских богатств. В период с 13 февраля до 13 октября 1570 г. опричники взыскали с монастырей тринадцать тысяч рублей. Специальный царский посланник опричник П. Г. Совин в середине октября вывез собранные деньги в Москву⁴. В декабре 1570 г. опричное правительство приняло решение о прекращении реквизиций в Новгороде. 5 января 1571 г. в Новгород прибыл Д. И. Черемисинов с распоряжением снять монастырских старцев с правежа. Через несколько дней из Новгорода в Москву двинулись обозы с монастырской казной и добром. В повозках были уложены доправленные на монахах деньги, «иные считанные, а иные не считанные», а также «запасы на всех монастырех, которые не заплатили»⁵.

¹ Монастыри находились в ведении Дворцовых приказов. Распоряжение относительно новгородских монастырей исходило, скорее всего, из опричного дворца. Оно было подписано И. Кудровым и М. Грабаром.

² Новгородские летописи, стр. 100.

³ Там же, стр. 102.

⁴ Там же, стр. 101.

⁵ Там же. Новгородские попы разделили участь монашествующей братии. Многие из них были увезены в Москву и там поставлены на правеж. Городские попы не располагали богатствами монастырей и не могли

Причины, побудившие опричнину прекратить гонения против духовенства, довольно просты. К началу 1571 г. власти приурочили объявление о переходе половины Новгородской земли в «государеву светлость» опричнину.

Новгородская церковь лишена была руководства в течение почти двух лет со дня ареста Пимена. Правительство разрешило восстановить высшую церковную иерархию в Новгороде лишь после того, как там утвердились и пустили глубокие корни опричные порядки¹. Решение о посылке в Новгород нового архиепископа объяснялось в значительной мере тем, что новая опричная администрация Новгорода нуждалась в авторитете церкви.

В конце 1571 г. на архиепископство в Новгород был прислан Леонид, бывший архимандрит кремлевского Чудова монастыря². Ученик и преемник известного царского «ласкателя» Левкия, в свое время заслужившего проклятия от Курбского, Леонид пользовался полным доверием опричного руководства.

Едва прибыв в Новгород, новый архиепископ принялся вымогать подарки у своих подчиненных³. Во время церковной службы он стал ругать юрьевского архимандрита Феоктиста за то, что тот не «кажет» и не подписывает у него «настойной грамоты». Феоктист достаточно хорошо знал корыстолюбивого владыку и решил объясниться с ним начистоту: «тоби дии у мене хочется содрать, а мне тебе нечего дать; ...хочешь де с меня, владыко, и ризы здери, и я о том не тужю»⁴.

При посещении Новгорода в 1572 г. царь пожаловал новгородскому духовенству «милостинные деньги», которые це-

откупиться от опричников, ввиду чего власти решили доправить недостающую сумму на новгородцах. После годового правежа, 30 декабря 1570 г., в Новгород прибыл поповский праветчик М. М. Кузьмин. Но и на этом правеж не кончился. Последние новгородские попы (Ф. Шепочев и др.) были отпущены из Москвы в Новгород только в сентябре 1571 г. (Новгородские летописи, стр. 101, 106—107).

¹ Во Пскове высшая иерархия была восстановлена несколько раньше, чем в Новгороде. Кафедра главнейшего Псковского монастыря пустовала полтора года. Наконец, 15 июня 1571 г. в Печоры явился новый архимандрит Сильвестр. (См. Новгородские летописи, стр. 102). Печорские архимандриты фактически возглавляли все местное псковское духовенство. В сентябре 1571 г. митрополит назначил нового архимандрита в Юрьев монастырь в Новгороде. (См. там же, стр. 107).

² Новгородские летописи, стр. 108.

³ 13 января 1572 г. Леонид объявил, что будет штрафовать попов и монахов, которые осмелятся звонить в колокола раньше, чем позвонят у Софии. Сумма штрафа была исключительно велика и составляла 2 рубля новгородских. Это первое распоряжение архиепископа сильно охладило радость местного духовенства по поводу назначения нового пастыря. (См. Новгородские летописи, стр. 109).

⁴ Новгородские летописи, стр. 113.

ликом присвоил себе Леонид. Игумены и попы пытались искать справедливости у Ивана Васильевича. Тогда архиепископ вызвал всех жалобщиков в Софийский собор, велел им снять ризы и обругал последними словами: «Собаки, воры, изменники, да и все новгородцы с вами, вы де меня оболгали великому князю»¹. Оскорбленные священники отказались служить обедню во всех городских церквях. Разразился скандал, который удалось замять лишь после вмешательства царя. Леонид объявил «прощение» монахам, но еще целый месяц держал гнев на городских священников². Вскоре он придрался к софийским дьякам и поставил их на правож, требуя по полтине с головы за их опоздания, «что дьяки не ходят к началу к церкви»³. Жадный архиепископ не упускал случая поживиться за счет своих подчиненных и открыто третировал их как изменников.

После утверждения опричных порядков в Новгороде власти отказались от прежней политики реквизиций в отношении духовенства. Тем не менее, с полного согласия нового владыки, они продолжали облагать местные монастыри различными поборами и повинностями⁴. Леонид был типичным церковным деятелем времен опричнины, беспринципным, скупым, нечестным стяжателем. В его лице опричная администрация нашла достойного подражателя и помощника. Новый архиепископ полностью подчинил новгородскую церковь целям опричной политики.

**

Вследствие крайней скудости источников многие стороны внутренней политики опричнины до сих пор слабо освещены в литературе. В частности, недостаточно полно изучены различные аспекты экономических мероприятий опричнины, ее торговая политика, заботы о развитии дворцового хозяйства и т. д.

Во время государева погрома опричная казна наложила руку на денежные богатства купечества Новгорода. После зачисления Торговой стороны в опричнину власти подвергли новгородскую торговлю более систематической эксплуатации. По своим оборотам новгородская торговля стояла на одном

¹ Новгородские летописи, стр. 102.

² Там же, стр. 102—103, 117.

³ Там же, стр. 118.

⁴ 11 февраля 1572 г. опричные дьяки «велели по всем монастырем новгородским слуги монастырские ставити, с лошадми и с пансыри, со всем запасом к Москве на службу». В августе того же года они распорядились «на государя на болотех сина косити по манастырем, без отмины, чей хто ни буди» и т. д. (См. Новгородские летописи, стр. 110, 119).

уровне с торговлей богатых городов Поморья, попавших под опричный контроль при учреждении опричнины. Значительным стимулом для ее развития явилось присоединение к России крупного морского порта Нарвы. Через Нарву Русь вела в 60—70-х гг. оживленную торговлю с немецкими Ганзейскими городами, Голландией, Англией и другими странами. Потоки товарных грузов, направлявшихся из Западной Европы в Москву, не могли миновать опричных таможенных застав в Новгороде. На нарвском рынке хозяйничало богатейшее купечество Новгорода и Пскова. С переходом торговой стороны в опричину казна стала извлекать крупные выгоды из Нарвской торговли.

Спустя три недели по прибытии в Новгород опричные дьяки издали новую таможенную грамоту (17 марта 1571 г.), регламентировавшую деятельность новгородского рынка¹. Они обложили повышенными сборами земских торговцев с Софийской стороны², ввели в действие систему строжайших наказаний за нарушение правил торговли³. Мелочная опека и регламентация — таковы наиболее характерные черты опричной таможенной политики в Новгороде⁴. На словах опричная Таможенная грамота ограждала местное купечество от злоупотреблений таможенных чиновников⁵. На деле новгородская торговля стала заповедным полем для обогащения казны и администрации⁶.

Для верного суждения о торговой политике опричнины немаловажное значение имеет вопрос об особых взаимоотношениях между опричниной и английскими купцами, членами крупнейшей иностранной купеческой компании в Рос-

¹ ААЭ, т. 1, № 282, стр. 328.

² Купцы с Торговой стороны платили 1½ деньги сбора на один рубль проданного товара. Софийцы, желавшие продать товар на Торговой стороне, приравнивались к жителям пригородов и волостей и платили 4 деньги. (См. ААЭ, т. 1, стр. 320, 326).

³ Купцу грозила казнь «от государя», его товар конфисковывался в казну в случае нарушения правил торговли. Приезжие купцы могли останавливаться только в гостиных дворах. Если они ставились во дворе посадских людей, их товары реквизировались «по тому же, как и на Москве». Если кто-нибудь из жителей пускал к себе купца-постояльца, у него конфисковывали двор.

⁴ Ср. Орешковская Таможенная грамота 1 января 1563 г. — ДАИ, т. 1, № 116, стр. 163.

⁵ На словах Таможенная грамота 1571 г. предписывала чиновникам «ни в которых пошлинах ничем не корыстоваться и поминков и посулов не имати ни у кого». В то же время при недоборе пошлин «против прежних лет» опричная администрация взыскивала с тамошников вдвое, независимо от рыночной конъюнктуры. (См. ААЭ, т. 1, стр. 327).

⁶ Например, опричные наместники извлекали немалую выгоду из работ торговли на новгородском рынке. За каждого человека, проданного «в полницу», наместник и его пристав получали алтын и две деньги «с головы». (ААЭ, т. 1, стр. 324).

сии. Английская компания была зачислена в опричнину в конце 60-х годов вследствие настоятельных домогательств англичан. Жалованная грамота, выданная из опричнины 20 июля 1569 г., закрепила за английскими купцами все их прежние привилегии, дарованные двумя годами ранее, и предоставила новые права. Русское правительство отвергло все просьбы англичан о предоставлении им монопольного права торговли на Белом море. В то же время оно принимало все меры к тому, чтобы расширить вновь заведенную морскую торговлю с Англией на севере. Царь предоставил английским купцам право беспошлинной торговли по всей России¹. Англичане могли чеканить русские деньги из иностранных серебряных талеров и т. д.² Щедрые льготы и привилегии должны были привлечь в страну английский торговый капитал. Сами же по себе все эти меры носили, по-видимому, временный характер, доказательством чему служит аннулирование жалованной грамоты англичан в 1570 году³.

Предоставление некоторых привилегий английской компании продиктовано было заботами о развитии промышленности в России. Выше мы упоминали о том, что под контролем опричнины оказались важнейшие центры соляной промышленности. Наряду с солеварением опричная казна проявляла интерес к некоторым другим отраслям промышленности, в том числе к железорудной промышленности. По утверждению опричных дипломатов Таубе и Крузе, в опричнину была зачислена Кашира (Kasiria)⁴, Барберини, посетивший Россию в середине 60-х гг., передает, что в Кашире находились большие железные рудокопии⁵.

Испытывая острую нужду в военных материалах и оружии, опричное правительство предпринимало меры к расширению производства железа в опричнине. В частности, оно разрешило членам английской купеческой компании искать в опричных северных уездах залежи железа, «а там, где они удачно найдут его, построить дома для выделки этого же-

¹ Подробнее см.: И. Любименко. Торговля России с Англией и Голландией в 1533—1649 гг. — Известия АН СССР, VII серия. Л., 1933, № 10.

² В соответствии с жалованной грамотой 20 июля 1569 г. в ведение опричной администрации перешли все дворы и торговые фактории компании. В виде исключения англичанам разрешено было сохранить главный торговый дом на Варварке в земской половине Москвы, а также все дворы и торговые склады в Нарве и других земских городах. (См. И. Гамель. Англичане в России в XVI—XVII столетиях. СПб., 1865. Приложение к т. VIII «Записок Академии наук», стр. 90—91; Ю. Толстой. Указ. соч., стр. 135).

³ См. И. Любименко. Указ. соч., стр. 739.

⁴ G. Hoff. Указ. соч., стр. 7 об.

⁵ В. Любич-Романович. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1843, стр. 14.

леза». Предоставляя англичанам концессию на разработку железорудных месторождений, русское правительство выдвинуло ряд условий, которые были подробно определены в царской грамоте. В ней сказано было также, что пожалование англичанам концессии имело целью поощрение «великой торговли к выгоде как компании, так и России»¹.

Опричные власти разрешили англичанам перестроить и расширить канатную мануфактуру в Вологде и передали им участок земли (150 × 50 сажень) в окрестностях английского торгового дома в Вологде². По некоторым сведениям, англичане выстроили полотняную мануфактуру, на которой выделялся грубый холст³.

Любопытно, что именно опричное правительство впервые в истории России предоставило концессию иностранному капиталу⁴. Концессии располагались в северных уездах страны на территории опричнины.

Экономические мероприятия опричнины затрагивали не только сферу торговли и промышленности. Предметом особых забот опричной администрации служило дворцовое хозяйство. Примером тому была организация государевой слободы в дворцовой волости Холыни под Новгородом в первой половине 1572 года⁵. В неизвестное нам время власти конфис-

¹ Казна обязалась предоставить английской компании крупные участки земли для строительства рудников и заводов и «леса на пять или шесть миль в окружности упомянутых домов», т. е. заводов. Согласно царской жалованной грамоте, компания должна была выписать из Англии мастеров для работы на своих мануфактурах, в особенности же «для обучения нашего народа этому искусству». Опричные власти специально оговаривали право забирать часть произведенного железа на нужды казны. Железо, вывозившееся в Англию, было обложено пошлиной в размере одной деньги с фунта. Англичанам запрещалось нарушать границы отведенных под завод участков, а также основывать деревни или фермы в местах порубки леса. (См. R. Hakluyt. The principal Navigations, Voyages and Discoveries, Hakluyts Voyges, vol. I. London, 1600, p. 378—382; См. также В. Н. Кашин. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1925, стр. 89.

² Прежде мануфактура располагалась в отдалении от торгового дома компании. (См. В. Н. Кашин. Указ. соч., стр. 89). Известны имена мастеровых, работавших на канатной мануфактуре в Вологде. Один из них, Р. Вилсон, заключил контракт на четыре года и получал 9 фунтов стерлингов в год. Двое других, Р. Бленд и Д. Бошель, взяты были на 6 лет на жалованье в 5—6 фунтов.

³ Управляющим полотняной мануфактуры был Ф. Олдер (См. И. Гамель. Указ. соч., стр. 78).

⁴ Ко времени опричнины относятся также и первые попытки России получить концессии за рубежом. В январе 1572 г. царь Иван потребовал от Швеции «место дать серебряную руду блиско (русского. — Р. С.) рубежа, а не будет такова места блиско рубежа, и Ягану королю прислати царскому величеству мастеров добрых, которые знают руду серебряную». (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 212).

⁵ В начале XVI в. в селе Холынь насчитывалось 20 тяглых дворов и 29 дворов рыболовов. В середине века к Холыни тянуло 19 деревень. (См.

ковали у Софийского дома и приписали к Холыни несколько смежных деревень¹. Приказчики начала свозить в дворцовую волость старожильцев, вышедших в соседние волости². Некто Т. Линеv за несколько месяцев успел «навести» в дворцовую волость более полусотни крестьян и выдал им в виде ссуды 70 рублей³. В Холыни была устроена торгово-промышленная слобода, для заселения которой власти употребили весьма необычный прием. Они сажали в государственной слободе всевозможных кабальных людей и монастырских детенышей, которые освобождались от прежней зависимости и получали ссуду. Как передает новгородская летопись, 24 августа 1572 года «в Новгороде кликали, которые люди кабальные и всякие и монастырские, чей хто ни буди, и они бы шли во государьскую слободу на Холыню, и государь дает по пяти рублей, по человеку посмотри, а льгота на пять лет»⁴.

Сведения об освобождении кабальных холопов в Новгороде служат своего рода иллюстрацией к одному малоизвестному известию опричника Штадена. Однажды, рассказывает Штаден, он посетил опричный двор и там убедился, «что боярские холопы получили разрешение (уходить от своих господ) во время голода. Тогда к своим (прежним холо-

Новгородские писцовые книги. Изд. Археограф. комиссией, т. V. СПб., 1905, стр. 300, 220—221).

Ввиду близости новгородского рынка волость платила в казну крупный денежный оброк: 26 рублей 2 алтына и 3 деньги (из них 1 рубль 8 алтын и 4 деньги «за хлеб»), а также 3 рубля 8 алтын за рыбную ловлю, 1 рубль 8 алтын и 4 деньги за наместничью пошлину и т. д. После заведения государственной пашни в середине XVI в. для волостных крестьян была введена барщинная повинность.

¹ См. Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, стр. 23—24. Не ранее осени 1572 г. к Холыни было приписано крупное село Коростыня со многими деревнями, прежде находившееся в поместье. Еще в августе 1572 г. Коростыня была отдана опричному дьяку П. Григорьеву. (См. Д. Я. Самоков. Архивный материал, т. 1, ч. 2, стр. 99).

² «По цареву наказу, — значилось в отчете администрации, — привез Туруса Линеv старых жильцов в государево село Холынь с Броннич Истома Яковлева сына Лакомца и посадил его в старый его двор, на пол-обжи; Истома взял рубль денег». (См. Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, стр. 23—24).

³ Опричные власти умудрились покрыть расходы, связанные с заселением Холыни, за счет «церковных денег», т. е. средств Софийского дома. Т. Линеv передал опричным дьякам холынские «книги... и (крестьянские.— Р. С.) записи и отчет деньгам церковным». (См. Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, стр. 23—24).

⁴ Новгородские летописи, стр. 121. Опричные власти не имели в виду поселения в Холыни всех явившихся туда кабальных людей и монастырских работников. Они отобрали из их среды лучших ремесленников и мастеров и выдали им ссуду значительно большую, чем крестьянам-старожилам.

пам) я прибавил еще нескольких»¹. Вставки, сделанные И. И. Полосиным при переводе текста Штадена, при всей их гипотетичности являются достаточно убедительными. Одним из подтверждений тому служит приведенное выше известие новгородской летописи.

Частичное освобождение кабальных людей в те годы имело свои причины. В годы голода и разорения многие господа отказывались кормить дворовых и кабальных людей, и те вынуждены были питаться подаянием, бродяжничали и умирали от голода. Все эти люди, пополнявшие собой ряды городского люмпен-пролетариата, представляли исключительную социальную опасность в глазах властей². Этим и вызваны были частичные уступки низам в те годы³.

Организация царской слободы в Холыни обнаруживала еще одну любопытную особенность опричной политики в Новгороде в начале 70-х годов. В тех случаях, когда того требовали интересы казны, опричная администрация не склонна была считаться с чьими бы то ни было интересами, будь то новгородские монастыри или прочие холоповладельцы⁴.

**
*

Опричина утвердилась в Новгороде в тот момент, когда экономика Новгородской земли испытывала глубокий упадок. Дозорщики, посланные в различные пятины Новгорода, с полной очевидностью выяснили, что одной из главных причин упадка крестьянского производства были, помимо неурожаев, усиление фискального гнета, непосильность царёвых податей для разоренных крестьян⁵. Однако новая админист-

¹ Г. Штаден. Записки, стр. 145. Штаден посетил опричный двор, «когда в стране еще свирепствовала чума», иначе говоря, в конце 1570 или 1571 г.

² См. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. Л., 1951, стр. 67—76.

³ Возможно, что опричные мероприятия послужили прецедентом для известного закона о холопах, изданного во время голода 1603 г. бывшим опричником Б. Ф. Годуновым. Закон освобождал холопов, которых не кормят их господа, «а велят им кормиться собою, и те их холопы помирают голодом». Холопам выдавались отпускные в приказе Холопьяго суда в Москве. (См. АИ, т. II, № 44).

⁴ Во второй половине XVI в. служилая кабала получила широкое распространение на новгородских поместных землях. (См. В. М. Панях. Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Изд. «Наука», Л., 1967).

⁵ Усиление фискального гнета было в середине века столь значительным, что рост государственных податей даже несколько обгонял рост помещичьих оброков. В 1554—1566 гг. лишь немногие помещики Бежецкой пятины взимали со своих крестьян денежный рублевый оброк, тогда как казна повысила подати до двух рублей уже к 1561—1562 гг. Только в 70-х гг. рублевый оброк в пользу помещика получил более широкое распространение. (См. НПК, т. VI, стр. 942 и др.; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 134—135, 152 и др.; НПК, т. V, стр. 635, 662 и др.).

рация Новгорода не желала считаться с донесениями собственных агентов. Несмотря на полное разорение крестьян, она продолжала неукоснительно взыскивать с них казенные подати и недоимки за прошлые годы.

Когда податное население Ладоги, разоренное голодом и опричным погромом, не выполнило своих обязательств перед дворцом и не сдало «государьской обиходной рыбы», туда были присланы специальные праветчики¹. Они убили на правеже двух рыболовов, многих пустили по миру. По существу они причинили городу больший ущерб, нежели опричный отряд Борятинского, громивший Ладогу в 1570 году. Праветчики выколотили оброки из населения, но зато окончательно разорили один из старейших посадов Новгородской земли².

Разорение Новгородской земли и невозможность взыскать с населения денежные налоги побуждали администрацию увеличивать казенные натуральные повинности³. Согласно новгородской летописи, только за первое полугодие 1572 г. власти по крайней мере четыре-пять раз привлекали посадское население Новгорода к исполнению различных казенных работ. Весной 1572 г. жители участвовали в сооружении нового моста на Волховце: «мост делали через Волховцо на лодьях, пригоном со всего города и с волостей и с манастырей и было нужно людям добре»⁴. Через несколько месяцев к дорожной повинности было привлечено население всей Новгородской земли: «на государя по всем дорогам мосты мостили и дороги чистили»⁵.

¹ Ладога издавна была центром дворцовых и оброчных владений. В середине XVI в. дворцу принадлежало в Ладоге семь рядков и три непашенных деревни со 116 дворами и 146 рыболовами. К Ладоге тянули дворцовые волости (34 обжи) и великокняжеские оброчные волости (267 обеж). (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1, ч. 1, стр. 177—178). Ладожские рыболовы доставляли дворцу «государьскую обиходную рыбу», а также платили денежный оброк. В 1565 г. в опричину перешел Ладожский порог, к которому были приписаны затем некоторые окрестные местности, в том числе Михайловский погост на Волхове. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 395; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 364.

² См. Обыск 6 мая 1572 г. — Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 305. Праветчики разорили 30 посадских дворов.

³ Осведомленный псковский летописец отметил два момента, характерные для фискальной политики после погрома 1570 г.: во-первых, распространение натуральных повинностей и, во-вторых, обнищание населения из-за непосильных поборов. Царь разгромил Новгород и приказал жителям «правити посоху под наряд и мосты мостити в Ливонскую землю и Вифлянскую и зелеиную руду збирати; и от того налогу и правежу вси люди новгородцы и псковичи обнищаца и в посоху пойдоша сами, а давати стало нечево». (См. Псковские летописи, т. II, стр. 261—262).

⁴ Новгородские летописи, стр. 113.

⁵ Там же, стр. 120.

В мае—июне 1572 г. опричная администрация привлекла жителей к строительству государева опричного зámка. Каждый двор должен был выставить по одному работнику¹. Строительство вели «пригоном», иначе говоря, на работу сгоняли все тяглое население.

В июле 1572 г. власти предписали новгородскому посаду снарядить посошных людей — казаков «своих дворов с улицы» для перевозки пушек из Новгорода в Псков. Одновременно они реквизировали у посадских людей гужевой транспорт для перевозки казенных грузов: «да и телеги того же дни имали в Новигороде, двоеколкы, и с лошади, у старост по всим улицам, на государя»².

В том же году новгородские посошные люди должны были отвезти в ливонские города для размещенных там войск хлеб, собранный в Новгороде³.

Приведенные сведения, относящиеся к весьма непродолжительному периоду времени, показывают, что господство опричных порядков в Новгороде ознаменовалось расцветом всевозможных барщинных работ.

На первых порах старания опричной администрации, неукоснительно взыскивавшей налоги и умножавшей барщинные повинности, давали известные выгоды опричной казне. Но затем выгоды обращались убытками. Опричные реквизиции подрывали самый источник государственных доходов.

Неуспешные заботы опричной администрации о пополнении казны и привлечении населения к разнообразным работам немало способствовали окончательному разорению Новгородской земли.

**
**

В «сказках», поданных новгородским властям в начале 70-х гг., местное население указывало на непосильность царских податей как главную причину начавшегося разорения. Но не следует забывать, что составителями «сказок» были не только крестьяне, но и местные помещики. Если бы крестьяне имели возможность высказаться в полный голос, то обнаружилось бы, что они страдают от помещичьих оброков и повинностей не меньше, чем от царских податей.

¹ В мае 1572 г. «со всего Великого Новгорода со всякого двора ставили по человеку к государьскому делу... двор (царский. — Р. С.) чистить и огород ровняти, ставити государевы около конюшни; да иных людей посылали на Хутыню конюшней у Спаса ставить к государьскому проезду» и т. д. Через месяц посадские люди по царскому указу разобрали земские судебные избы и на их месте копали подшев, чтобы «на том мисте ставить полата». (См. Новгородские летописи, стр. 113, 110, 115, 117).

² Новгородские летописи, стр. 118.

³ ДАИ, т. 1, № 125, стр. 182.

В годы опричнины новгородские помещики усиленно эксплуатировали крестьян, пересматривали оброки и вводили барщину. Важное значение для суждения о развитии ренты на Новгородской земле имеют так называемые послушные грамоты на крестьян. И. И. Полосин, а также И. И. Смирнов и А. А. Зимин отметили существенные изменения формуляра названных грамот в третьей четверти XVI века¹. В послушных грамотах 50-х гг. предписывалось, чтобы крестьяне приходили к помещику «и слушали его во всем и доход ему денежный и хлебный и мелкий доход давали по старине, как есте давали прежним помещикам»². С начала 60-х гг. послушные грамоты приобрели новый вид: «И вы бы все крестьяне... (помещика. — *P. C.*) и его прикащиков слушали, пашню его пахали, где себе учинит, и оброк платили, чем вас изоброчит»³. К началу 70-х гг. приведенная формула послушных грамот получила повсеместное распространение. По предположению И. И. Полосина, новая редакция поместных грамот, предоставлявших помещикам право на переоброчку крестьян, может быть тесно связана с испомещением опричников в Новгороде⁴. Приведенная точка зрения нуждается в уточнении. Во-первых, И. И. Полосин строит свой вывод исключительно на материале земской Шелонской пятины, в которой опричники не испомещались вплоть до отмены опричнины. Во-вторых, формуляр послушных грамот претерпел перемену уже в начале 60-х гг., т. е. задолго до утверждения опричных порядков в Новгороде. В-третьих, предположение И. И. Полосина не согласуется с показанием такого массового источника, каким являются новгородские писцовые книги. Проведенное нами специальное исследование движения феодальной ренты на Новгородских землях в XV—XVI вв. обнаружило тот любопытный факт, что массовые переоброчки новгородских крестьян осуществлялись как бы толчками. После массовой переоброчки конца XV в. наступает длительный перерыв вплоть до конца 40-х гг. XVI в. Сопоставление писцовых книг конца 30-х гг. с книгами на-

¹ См. И. И. Полосин. Поместное право и крестьянская крепость В кн.: И. И. Полосин. Социально-политическая история России XV—начала XVII вв., М., 1963, стр. 41—51; И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. — «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 67; Его же. Восстание Болотникова 1606—1607 гг., стр. 46; А. А. Зимин. Опричнина, стр. 413—415.

² Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I, ч. II, стр. 34, а также стр. 18, 19, 26, 11, 35.

³ Там же, стр. 12.

⁴ И. И. Полосин. Указ. соч., стр. 47, 49. И. И. Смирнов также связывал формулу «послушных» грамот 70-х гг. с опричниной, утверждая, что она характеризует «освещение законом практики опричнины». (См. И. И. Смирнов. Классовые противоречия, стр. 67).

чала 50-х гг. показывает, что с конца 40-х гг. помещики повсеместно пересматривают и повышают крестьянские платежи. Следовательно, уже в 50-х гг. ссылка послушных грамот на оброк «по старине» во многих случаях не имела реального значения¹. В 50—60-х гг. новгородские помещики, судя по писцовым книгам, повышали денежные оброки, расширяли барскую запашку, вводили в своих поместьях барщинную повинность². Все эти экономические факты с некоторым запозданием получили отражение в юридической документации, в частности в послушных грамотах 60—70-х гг.

Массовый пересмотр крестьянских повинностей во второй половине XVI в. относится к числу крупнейших экономических явлений столетия. Подробнейшие сведения об этом пересмотре³ содержат новгородские писцовые книги, а также многие другие источники, например литературные свидетельства современников. Негодуя на худородных дворян, получавших поместья в опричнине, Таубе и Крузе писали о них следующее: «стали брать с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели. Бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет»³. В действительности же усиление феодальной эксплуатации в годы опричнины объяснялось не только и не столько мародерством опричных дворян, сколько явлениями более глубокого экономического порядка. Оброки повышали и опричные и земские помещики. Движение феодальной ренты (переоброчки и развитие барщины) определялось в первую очередь экономическими условиями, общими для опричнины и земщины. К числу таких условий можно отнести рост городов и формирование местных рынков, расширение хлебной торговли, обесценение денег и, наконец, «великое разорение» конца 60-х и 70-х годов. Пересмотр помещичьих повинностей начался задолго до опричнины и продолжался после ее отмены.

Новейшие исследования показали, что в 60—70-х гг. усилился произвол дворян-помещиков в отношении крестьянского населения. И прежде помещики нередко вывозили крестьян на свои земли «насильством», без отказа и не в срок.

¹ См. Р. Г. Скрынников. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV—XVI вв. Автореферат. Л., 1958, стр. 14—16. В нашей диссертационной работе мы отметили, что в московских послушных грамотах указания на переоброчку («оброк, чем помещик изоброчит») проявляются уже в 1540, 1550 и 1555 гг., и сделали вывод о том, что на московских землях переоброчка шла своими путями.

² Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI в. — Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 188. Л., 1959, стр. 284—290.

³ Послание Таубе и Крузе, стр. 36.

Теперь подобные случаи, по-видимому, участились¹. Пользуясь полной безнаказанностью, опричные дети боярские свозили к себе крестьян из земских владений. «Кто не хотел добром переходить от земских под опричных, тех вывозили насильством и не по сроку, вместе с тем увозились или сжигались дворы»². Описанная практика, однако, не получила юридического оформления в период опричнины. Никаких законодательных мер, отменяющих или ограничивающих право Юрьева дня, тогда не было принято³.

**

Вследствие гибели всех опричных архивов источники по истории внутренней политики опричнины отличаются крайней скудностью. Исключением являются источники новгородского происхождения начала 70-х гг., которые сохранились сравнительно хорошо. Новгородские источники сообщают интересные подробности относительно повседневной деятельности опричной администрации и ее взаимоотношений с земщиной.

Земская администрация Новгорода ведала новгородским Кремлем и большей частью Новгородской земли. Но во главе ее были поставлены люди малоавторитетные, занимавшие до того невысокое служебное положение. Первоначально земскую администрацию возглавлял дьяк Д. Бартенев, а затем воевода князь Т. И. Долгорукий⁴.

Земские власти подвергались всяческому унижению со стороны опричнины. Осенью 1571 г. в Новгород прибыл опричник Суббота Осорьин, имевший особое поручение от

¹ Власти сквозь пальцы смотрели на нарушения закона опричниками, но когда дело касалось дворцовых владений или перехода крестьян в земщину, они принимали меры против вывозов и самовольных выходов крестьян. (См. А. А. З и м и н. Опричина, стр. 419—421).

² Г. Штаден. Записки, стр. 95. На новгородских землях крестьян свозили в «Малютину волость», при этом с них взыскивали недоимки «царские невыплаты». (См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 320).

³ В 1570 г. власти «велели опричных высылать из жемщины» и в связи с этим прислали в Водскую пятину «заповедную и высылную грамоту». С. И. Тхоржевский полагал, что речь шла о первом случае введения «заповедных лет» и временной отмене Юрьева дня. Его мнение разделял И. И. Полосин. (См. С. И. Тхоржевский. Поместье и крестьянская крепость. — «Архив истории труда в России», т. 1, Л., 1924, стр. 85—86; И. И. Полосин. Указ. соч., стр. 54). Последующие исследования показали, что это предположение неосновательно. (См. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. II. М., 1954, стр. 304; А. А. З и м и н. Опричина, стр. 422).

⁴ Новгородские летописи, стр. 105.

Родня новгородского воеводы князь И. Долгорукий заведовал в Москве полицией, Земским двором. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 80).

царя¹. Незадолго до возвращения в Москву он решил развлечься в земщине. Явившись на Софийскую сторону с компанией потешных, опричник велел пустить в земскую дьячью избу медведей. Перепуганные насмерть «подьячие из избы из сытницы сверху метались вон из окон». Главный земский дьяк Бартенев, как видно, пытался урезонить опричника, но тот избил его в кровь и запер в комнате с медведем. Зверь помял земца и изорвал на нем платье. В одном кафтане дьяка отнесли на его подворье. Земские власти поспешно покинули приказы, «из дьячей избы... вон вышли и дьячью заперли». Опричники же продолжали озоровать на Софийской стороне: избивали людей, травили и драли их медведями. «А в те поры, — замечает летописец, — много в людех учинилось изрону»².

Власти земского Новгорода непосредственно испытали на себе действие опричнины, но то, что было эксцессом по отношению к представителям привилегированных сословий, являлось правилом в отношении к простому народу. Утверждение опричных порядков в Новгороде ознаменовалось всевозможными злоупотреблениями и насилиями, лихоимством и волокитой в судах и т. д. По свидетельству осведомленного псковского летописца, когда царь забрал Новгород в опричнину и посадил там своих наместников, «бысть живущим продажа велика и поклепы и подметы и от сего мнози людие поидоша в нищем образе, скитаяся по чюжим странам»³.

Деятельность опричной администрации в Новгороде была весьма разнообразной и охватывала различные сферы жизни.

Вследствие острых социальных противоречий новгородские власти никогда не пользовались авторитетом среди

¹ По мнению А. А. Зимина, Суббота Осорьин был опричником, «зато сомнительны связи с опричниной новгородца Осетра Субботы». (А. А. Зимин. Опричнина, стр. 350, 351). На самом деле это одно и то же лицо, фамилия которого неверно записана местным новгородским летописцем. Царь прислал в Новгород Субботу Осорьина (он же Суббота Осетр) с весьма необычным поручением. Опричник должен был привести в Москву к царской свадьбе лучших новгородских скоморохов и ученых медведей для медвежьих потех. По этому случаю власти произвели в Новгороде специальную перепись. По всем городам и волостям были переписаны и взяты на государево имя «веселые люди» и медведи. (См. Новгородские летописи, стр. 107). Царский приказ был выполнен неукоснительно. За полтора месяца до свадьбы царя с Марфой Собакиной «Осетр» выехал в Москву с целой ватагой веселых новгородских скоморохов. Следом ехали подводы с медведями. По возвращении в Слободу Осорьин гулял на царской свадьбе, притом на пиру он заведовал всей столовой рухлядью и, вероятно, застольными потехами. (См. Разряды, л. 372). Будь Осетр новгородцем, да еще и земцем, его бы ждала верная казнь за нападение на Приказную избу. Осорьин, как и другие опричники, пользовался полной безнаказанностью.

² Новгородские летописи, стр. 107.

³ Псковские летописи, вып. 1, стр. 115.

«меньших людей» города. Бессилие администрации издавна служило предметом насмешек для недоброжелателей Новгорода. Авторы «Сказания о градах» писали о его жителях следующее: «А бояре в нем (Новгороде. — Р. С.) меньшими людьми наряжати не могут, а меншиа их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо»¹.

Едва ли не на другой день по приезде в Новгород опричные дьяки принялись исправлять нравы крамольного города. Первым делом они взялись за искоренение пьянства среди жителей и «заповедали: винщиком не торговати,.. а поймают винщика с вином, или пьяного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечют с великого мосту»².

Указ против пьянства стал применяться с последней зимней недели. Неудивительно, что для многих гуляк купание в ледяной волховской воде имело печальный исход. Более всех страдали от опричных «забот» о нравственности «меньшие люди»: многочисленные ярыжки, подмастерья, холопы, нищий люд, словом — все те, кого за непочтение к властям называли лихими людьми.

По замыслу администрации, меры против пьянства должны были устрашить строптивую новгородскую чернь и укрепить авторитет новых властей. Отчасти эти меры были продиктованы финансовыми соображениями. Жестокие преследования виноторговцев, видимо, явились следствием ограничения или частичной отмены привилегии новгородской посадской общины на производство и продажу вина. Эти меры должны были увеличить доходы казны от виноторговли³.

¹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 255.

² Новгородские летописи, стр. 105.

³ Московские власти пытались ввести в Новгороде казенную виноторговлю еще во времена боярского правления. При Шуйских в Новгород прибыл дьяк, устроивший там восемь корчемных дворов. (Новгородские летописи, стр. 128). Опасное брожение в народе и восстание в Опочке побудили правительство уступить требованиям посадского населения и отменить ненавистную казенную виноторговлю. В конце 1547 г. правительство отставило корчмы и «питие кабацкое» в Новгороде, в результате чего винное дело вновь перешло в ведение посадской общины. Казна установила особую квоту производства и продажи вина по разверстке («на разруб»): полтора ведра вина горького, две бочки пива и шесть ведер меда на 30 человек. (Там же, стр. 78). Винокурением и виноторговлей заведовали старосты каждого «конца» и улицы города, державшие своих винщиков. Дворы подобных винщиков описаны в писцовых книгах Новгорода 80-х гг.: «место пусто тяглое Сенкинское винника», винник Копос (умер в 7078 г.), винник Орефа (умер в 7080 г.) и т. д. (См. Писцовые книги Новгорода Великого 1583—1584 гг., стр. 189, 191, 194). Помимо посадской общины виноторговлей промышляли в разных концах Новгородской земли казна и царская администрация. Например, на посаде в Ладогe корчму держал царский наместник. (См. Д. Я. Самоковсов. Архивный материал, т. 1, ч. 1, стр. 181). В Москве и других городах кабаки приносили казне немалые барыши. Бедняки, мастеровые, работные люди, случалось, спускали в кабаке все имущество до последней рубашки. В кабаках пили

Опричные власти Новгорода проявили исключительную расторопность по части различных полицейских мер. В свое время авторы обличительного «Сказания о градах» упомянули о бессилии администрации и всегдашних беспорядках, царящих в Новгороде. Особенно возмущало их то, что в Новгороде нет ни стен, ни ворот, «хто хочет, тот идет и выидет, а сторожен нету»¹.

Опричная администрация начала свою деятельность с устранения подобного беспорядка. Опричники «заповедали перевозникам через Волхов людей перевозити, а ходити по великому мосту велели, ...да и сторожню уставили, на великом мосту решотки»². Решеточная стража была устроена в Новгороде по московскому образцу³. С наступлением вечера решетки запирались и всякое сообщение между опричной и земской частью Новгорода прекращалось на всю ночь.

Бесспорным достоинством опричной администрации в Новгороде было умение добиться неукоснительного исполнения ее распоряжений. Но авторитет опричных властей основывался исключительно на принуждении и строжайших полицейских мерах. Насилие и свирепый террор были основными принципами политики опричнины в отношении населения⁴.

за здоровье царя, и никто, даже близкие люди не смели вызвать и увести человека из питейного заведения, чтобы не помешать приращению царского дохода. (См. Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 65).

¹ См. А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 255.

² Новгородские летописи, стр. 105.

³ Г. Штаден. Записки, стр. 136 и др.

⁴ Опричная администрация держала новгородцев в постоянном страхе, немало примеров чему приводят местные летописи. Сошлемся на один из них. 25 мая 1571 г. множество горожан собралось к обедне в Пятницкую церковь на Ярославле двореце. Едва кончилась служба и ударили в колокола, как в народе поднялась страшная паника, «смятение было таково: ...побежали люди, весь народ, мужи и жены, от церкви по всем странам, и друг на друга метался, невидимым страхом Божиим гонимы, и товаров много истеряли» (Новгородские летописи, стр. 106). Осенью того же года опричники ввели в Новгороде чрезвычайные меры, чтобы покончить с чумой. Дворы, в которых умирал «знамением» хотя бы один человек, немедленно заколачивались. Вместе с мертвецом замуровывалась вся семья. Через окошко в воротах обреченных кормили всей улицей. Власти запретили хоронить умерших под городом и повсюду расставили заставы. Священникам не разрешали исповедовать больных «знамением» православных, в случае послушания их сжигали «с теми же людьми з болными». (Там же, стр. 111). Во время пребывания царя в Новгороде летом 1572 г. власти приняли меры к предотвращению пожаров. Дьяки «по всему Новгороду не велели изб топити, и ноугородци делали печи в огородах и по двором, где хлебы печи и колачи». (Там же, стр. 102). Указ, воспрещавший топить печи в избах, был безукоризненным с точки зрения целей администрации, но населению он причинил массу хлопот.

**
*!

Время господства опричных порядков в Новгороде ознаменовалось повсеместным расширением барщинных повинностей, увеличением податей и помещичьих оброков, общим усилением феодальной эксплуатации крестьянства. Стихийные бедствия, неурожай и чума, тяжесть податей и оброков, наконец, война вызывали массовое разорение крестьянства. Тысячи крестьян погибли от голода и чумы, многие бросали насиженные места и бежали на окраины государства. Все это неизбежно обостряло социальные противоречия в стране.

Нет сомнения, что усиление феодального гнета, а также укрепление аппарата власти феодальной монархии в годы опричнины подготовили почву для окончательного торжества крепостничества в России в конце XVI века.

ГЛАВА III

ОПРИЧНИНА ПОСЛЕ ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО ПОЖАРА

Планируя войну с Швецией, русское правительство возлагало большие надежды на союз с крупнейшей морской державой — Англией. Но миссия опричника А. Г. Совина в Англию завершилась полной неудачей. Английская королева отклонила проект союзного договора, одобренный ее собственным послом в Вологде¹. Крушение планов англо-русского союза побудило царя немедленно аннулировать привилегии, дарованные Английской компании, и конфисковать часть ее товаров².

Русское правительство не слишком спешило с ратификацией трехлетнего перемирия, подписанного в Москве летом 1570 г. «Великое посольство» прибыло в Литву с запозданием³. Возглавлял посольство крещеный татарин кн. И. М. Канбаров, человек малоавторитетный и не имевший думного чина. Причиной подобного отношения правительства к литовским делам была, по-видимому, крайняя непопуляр-

¹ А. Г. Совин доставил Грозному грамоты королевы Елизаветы летом 1570 г. Отклоняя предложенный царем проект союзного договора, королева ограничилась туманными обещаниями относительно «дружественного и сестринского союза». Королевский совет направил в Москву тайную грамоту, согласно которой Грозному и его семье было обещано убежище в Англии в случае, если их постигнет «несчастливая случайность» и «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» они вынуждены будут покинуть свое государство. (См. Ю. Толстой. Указ. соч., стр. 86, 93—96).

² В письме королеве от 24 октября 1570 г. царь писал: «А наше дело зделала еси не потому, как посол твой (Рандольф. — Р. С.) приговорил... И коли уж так, и мы те дела отставим на сторону». Далее царь требовал вернуть все жалованные грамоты, выданные им английской компании, и сообщал, что «все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делах по сей день, не в грамоты». (См. Послания Ивана Грозного, стр. 142—143).

³ Русские великие послы, которых ждали на литовской границе не позднее 6 января 1571 г., прибыли туда только 25 февраля. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 787—788, 791).

ность готовившегося мирного соглашения в среде земского дворянства¹.

Мир был настоятельной необходимостью для Речи Посполитой, и 8 мая 1571 г. престарелый польский король Сигизмунд II ратифицировал трехлетнее перемирие с Россией². Мирное урегулирование на западных русских границах было непрочным и непродолжительным, но оно развязало России руки для войны с Швецией.

25 июня 1570 г. Боярская дума утвердила решение о посылке войск под Ревель (Колывань)³. Решение это фактически означало войну против Швеции⁴. Русские не случайно направили свой удар против Ревеля. С падением этой крепости шведскому владычеству в Эстляндии пришел бы неизбежный конец⁵. Как крупный порт и торговый центр Ревель имел самое важное значение для утверждения России на Балтийском море.

Продолжавшаяся датско-шведская война позволяла России надеяться на поддержку со стороны Дании и ее флота⁶. Герцог Магнус определенно обещал царю военную помощь Дании⁷. Однако опричная дипломатия допустила досадный промах, доверившись обещаниям герцога. В разгар осады русскими Ревеля Дания заключила мир с Швецией. Таким образом, расчеты опричной дипломатии на союз с Данией не оправдали себя.

Ливонский король подступил к Ревелю 21 августа 1570 г. Его армия насчитывала около тысячи человек, включая наемных кнехтов и три эскадрона ливонских дворян⁸. Этих сил было совершенно недостаточно для осады крепости, однако

¹ «Бояре или дворяне и их сыновья (точнее — дети боярские. — *Р. С.*) недовольны, что великий князь (Иван IV. — *Р. С.*) заключил мир с в. к. в.» (польским королем. — *Р. С.*). (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 60). Свое отношение к планам войны и завоевания Ливонии земское дворянство достаточно определенно продемонстрировало на Земском соборе 1566 года.

² Сб. РИО, т. 71, стр. 796—797;

³ Разряды, л. 357 об.

⁴ В 1564 г. между Россией и Швецией было подписано семилетнее перемирие, срок которого истекал 21 ноября 1571 года.

⁵ Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, стр. 574—576.

⁶ В 1569 г. датский флот подверг Ревель сильной и длительной бомбардировке.

⁷ Датская дипломатия с осени 1569 г. прилагала самые энергичные усилия к тому, чтобы побудить царя к войне против Швеции. Датские дипломаты присутствовали при заключении соглашения между Магнусом и царем летом 1570 г. Несколько раньше Магнус просил своего брата датского короля прислать флот под Ревель. (См. Письмо датского короля к Грозному от 5 апреля 1571 г. — Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. 2. — Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, отд. III, стр. 59—60).

⁸ Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. III. Рига, 1880, стр. 195.

Магнус полагался более на увещевания, нежели на силу¹. В начале сентября русские подвезли легкую артиллерию из Нарвы, но бомбардировка причинила городу мало вреда. 16 октября в окрестности Ревеля прибыли царские воеводы с армией в 4—5 тысяч человек². Но и после этого военные действия против ревельцев велись очень вяло. Не имея осадной артиллерии, воеводы не могли штурмовать крепость. Именно в период полного бездействия Магнус писал ревельцам, что он «вовсе не думал снимать осады, а лишь поджидает прибытия князя Юрия (Токмакова) с огромными военными силами и нарядом»³. Силы, собранные в Пскове под начальством кн. Ю. Токмакова, были в действительности незначительны, примерно 3 тысячи человек⁴. Токмаков должен был доставить под Ревель осадную артиллерию, находившуюся в Пскове со времени неудачного похода 1567 года. По-видимому, псковская армия должна была подойти к Ревелю в начале его осады, но из-за осенней распутицы переход затянулся на несколько месяцев. Воевода Токмаков с осадной артиллерией прибыл под стены Ревеля только 12 января 1571 г. Наступившие морозы сильно затруднили осадные работы, и воеводы не смогли придвинуть пушки достаточно близко к стенам города. Полуторамесячная бомбардировка города не дала желаемых результатов. Сказалось и то обстоятельство, что Ревель не был блокирован с моря и поддерживал связь с Швецией⁵. Глубокой осенью в осажденном городе вспыхнула чума. Вскоре эпидемия перекинулась в русский лагерь и произвела там сильные опустошения⁶. Воеводы вынуждены были признать свое поражение и 16 мар-

¹ В первые месяцы осады Магнус писал бесконечные письма властям Ревеля.

² Воеводы выступили из Новгорода под Ревель 17 сентября 1570 г. (См. Новгородские летописи, стр. 100—101; А. Чумиков. Осада Ревеля (1570—1571) герцогом Магнусом. — Чтения ОИДР, 1891, кн. 2, стр. 23—24; А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 60; Прибалтийский сборник, т. III, стр. 200). Подобно Магнусу, царские воеводы сочли необходимым обратиться к ревельцам с воззванием, в котором угрожали им гибелью. Именем царя они требовали сдать город царскому «голдовнику» и обещали ревельским купцам открыть путь во все места России для свободного торга. (См. А. Чумиков. Указ. соч., стр. 24).

³ А. Чумиков. Указ. соч., стр. 21.

⁴ См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 60. В Псков были присланы также воеводы кн. М. Ю. Лыков из Полоцка и кн. Н. Крапоткин из Феллина с отрядами. Они сопровождали Магнуса под Ревель. (См. Разряды, л. 357 об.).

⁵ Швеция не могла выделить в помощь Ревелю военных сил и в конце сентября отозвала большие корабли с ревельского рейда. Но ее флот продолжал снабжать город необходимым провиантом и снаряжением. (См. А. Чумиков. Указ. соч., стр. 25; Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, ч. III, стр. 33; Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, стр. 588).

⁶ Прибалтийский сборник, т. III, стр. 200.

та 1571 г. отступили от стен крепости¹. Так бесславно кончилась тридцатинедельная осада Ревеля.

В период осады Ревеля Швеция, Дания и Любек заключили Штетинский мир (13 декабря 1570 г.), согласно которому все владения Магнуса в Ливонии (о. Эзель и провинция Вик) передавались в собственность датской короны². В результате единственным владением «ливонского» короля в Ливонии остался замок Оберпален, полученный им от царя.

В период осады Ревеля русскими войсками Швеция, истощенная длительной войной и внутренней смутой, предпринимала лихорадочные усилия к тому, чтобы избежать войны с Россией. Несмотря на арест шведских послов в Москве, король Юхан III решил направить на Русь новых послов и просил для них опасные грамоты³. В октябре 1570 г. шведские гонцы прибыли в Новгород, но там их держали всю зиму⁴. Когда гонцы были допущены в Москву, один из них, Г. Янс, заявил о своем желании перейти на царскую службу и сообщил царю исключительно важные сведения⁵. По его словам, новые шведские послы, которые всю зиму ждали опасных грамот на русской границе, уполномочены были подписать с царем мир на любых, даже самых тяжелых условиях «толко б однолично помиритца». Швеция не могла продолжать войну и готова была уступить России Ревель⁶.

После бесед с Янсом царь Иван спешно отослал в Швецию давно запрошенную опасную грамоту на шведских послов, но было уже поздно. К весне 1571 г. ситуация резко изменилась не в пользу России. Швеция добилась мира с Данией. Магнус и царские воеводы потерпели поражение под Ревелем, несмотря на то, что шведы не могли выделить даже небольшие силы в помощь ревельцам. В мае 1571 г. татары сожгли Москву. Все это позволило шведскому правительству полностью снять вопрос об уступке русским Ревеля.

Опричная дипломатия потерпела новое, ничем не прикрытое поражение. Она не смогла использовать единственную

¹ Вспомогательная татарская конница, вторгшаяся зимой 1571 г. в Финляндию, была отпущена в Россию еще раньше. 14 марта татары проследовали через Новгород, везя с собой множество пленников. (См. Новгородские летописи, стр. 102).

² См. Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, отд. III, стр. 77.

³ В грамоте от 1 сентября 1570 г. Юхан III именовал царя «государем земли Лифляндские» и предлагал мир и доброе соседство. (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 200—201).

⁴ Сб. РИО, т. 129, стр. 193, 196.

⁵ Гриша Янс побывал до того в русском плену. Он служил толмачом в Посольском приказе, женился на русской и получил поместье в Клину. Позже он был отпущен на родину. (Сб. РИО, т. 129, стр. 196).

⁶ Сб. РИО, т. 129, стр. 196—197. Новым послом в России был назначен королевский наместник Финляндии.

в своем роде возможность решить мирными средствами исход борьбы за Ревель. Причиной неудачи была некомпетентность опричной дипломатии. Что касается земского Посольского приказа, то он лишился своих наиболее авторитетных и дальновидных руководителей еще летом 1570 г. Новое руководство — дьяки Щелкаловы — не обладали достаточным опытом и старались главным образом услужить царю, которым руководило скорее чувство нетерпения, нежели трезвый расчет¹.

Борьба за Ревель вынудила Россию направить значительную часть своих военных сил в Прибалтику. Между тем на южных границах Руси возникла сложная и опасная ситуация. Война между Россией и Крымским ханством вступила в критическую фазу. Сторожевые разъезды в Донкове донесли 3—9 сентября 1570 г. о появлении 30 тысяч татар на Донце и Осколе. До 6—7 тысяч татар подступили 12 сентября к Новосили². В Москве были получены сведения о движении всей крымской орды на Русь. Для отражения набега на Оку выступили земские войска. 16 сентября туда же направился из Слободы царь Иван со всей опричниной³. После трехдневного пребывания в Серпухове царь с боярами приговорил отставить поход, поскольку «все станишники во всех местах, где сказывали, видели людей и по сокме смечали и до 30 тысяч, и то солгали!»⁴. Земские полки оставались на Оке до 8 октября, а затем были распущены по домам.

По-видимому, в связи с просчетами сторожевой службы правительство решило полностью реорганизовать ее и поручило это дело кн. М. И. Воротынскому и дьякам Разрядного приказа⁵.

¹ Значительную активность опричная дипломатия проявила лишь по части тайных интриг против Швеции. Во время свидания с царем в слободе гонец Янс сообщил, что по пути на Русь он виделся с низложенным королем Эриком XIV, сидевшим в Абосской тюрьме. Через Янса Эрик передал Грозному устную просьбу, «чтобы государь прислал рать свою в Финскую землю к Абову... а город худ и людей в нем нет, только в нем сторожи стерегут короля Ирика человек со сто, а он сидит з женою и з детми». (Сб. РИО, т. 129, стр. 197). В апреле 1571 г. Янс был отпущен в Швецию с тайной грамотой к Эрику. Грозный известил абосского пленника, что готов помочь ему («твоей нуже пособствовать») и послать войска в Швецию («подвиг свой з болшою ратью учинив, на всю Свескую землю меч свой послати»). (Послания Ивана Грозного, стр. 625). Тайная миссия Янса не увенчалась успехом. По возвращении в Швецию он был арестован, письмо царя попало в руки Юхана III. Интриги опричнины ухудшили русско-шведские отношения.

² Разряды, лл. 360 об., 361. Из Рыльска станицы сообщали: «А от стад лошадиных прыск и ржание великия». (Там же, л. 358 об). Из Путивля доносили о разгроме татарами русской «сторожи». (Там же, л. 359).

³ Разряды, л. 361 об.

⁴ Там же, л. 363 об.

⁵ См. И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича.

В январе—феврале 1571 г. в Москву были вызваны станичные головы и «вожи» со всей южной границы. На основании их показаний Разрядный приказ составил подробную роспись пограничной службы, а затем послал на границу инспекцию в составе воевод кн. М. Тюфякина и Д. Ржевского¹.

Несмотря на все принятые меры, новое татарское вторжение застало русское командование врасплох. Сторожевая служба не выполнила своих функций в силу нескольких обстоятельств. Прежде всего, реорганизация сторожевой службы не была завершена к моменту нашествия татар². Кроме того, на некоторых участках границы охрана была ослаблена в результате реорганизации³. Возможно также, что в момент вторжения донесениям пограничников не было придано должного значения. Ложная тревога, поднятая станичниками в сентябре 1570 г., вызвала гнев царя; памятуя об этом, воеводы не желали вторично навлечь беду на свою голову⁴.

Крымскому хану удалось объединить для похода на Русь военные силы всех крупнейших татарских орд. Во вторжении участвовали крымская орда, малые ногаи, Большая ногайская орда. Крымские эмиссары поддерживали тайные сношения с казанскими и астраханскими феодалами, черемисой и другими народами Поволжья, ждавшими благоприятного времени для восстания против русского владычества.

В момент вторжения армия крымского хана насчитывала не менее 40 тысяч всадников, включая крымцев, ногаев и черкасские отряды⁵. Русское командование, застигнутое врас-

ча. — Чтения ОИДР, 1846, кн. IV, отд. 1, Источники, стр. 5; см. также С. Л. Марголин. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. — В кн. «Военно-исторический сборник», М., 1948.

¹ В росписи было точно указано, «из которого города и по которым местом и до коих мест пригож станицам ездити, и в которых местех сторожам на сторожах стояти и до коих мест... от которые сторожи розъездом быти, и в которых местех на поле головам стояти для береженья от приходу воинских людей» (См. И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 6, 7 и др.). 6 марта 1571 г. Боярская дума решила увеличить жалованье путивльским станичным головам, «которые ездят из Путивля на поле в станице», наделить путивльских сторожей поместьями на землях «у посадов», «в 80-м году на зиму», т. е. в самом конце 1571 г. (Там же, стр. 14—15).

² Татарское вторжение застало инспекцию Тюфякина на р. Самаре. (См. И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 19).

³ До реформы пограничной службы охрану границы в районе Кром несли 5 сторожевых станиц, из которых четыре были упразднены во время реорганизации. Именно через Кромы татары двинулись на Русь в мае 1571 г. (См. И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 12).

⁴ В документы Разрядного приказа донесения сторожей за май 1571 г. вовсе не были внесены.

⁵ В армии хана было 30—40 тысяч крымских татар и 1—1½ тысячи всадников из Большой ногайской орды. (См. Чтения ОИДР, 1848, кн. 9, отд. IV, стр. 296; Послание Таубе и Крузе, стр. 58). По словам Штадена,

плох, успело собрать на границе не более 6 тысяч человек¹. Таким образом, татары располагали не менее чем шестикратным перевесом сил.

В мае 1571 г. татары вторглись на Русь из района Северного Донца и Дона. Не имея точных сведений о местонахождении царских воевод, хан намеревался напасть на Козельск и ограбить пограничные уезды². Но на границе к татарам перебежало несколько земских дворян и опричников, которые единодушно уверяли хана, что на подступах к Москве нет крупных военных сил, что многие воинские люди находятся в Ливонии, вся Русь разорена и т. д.³. В такой ситуации татары предприняли наступление на Москву.

16 мая царь с опричниной выступил из Москвы в Серпухов на помощь земским воеводам. Из-за немногочисленности опричников их «разрядили» только на три полка⁴. Впереди двигался сторожевой полк боярина В. П. Яковлева, за ним — передовой полк кн. М. Т. Черкасского и государев полк во главе с первым дворовым воеводой кн. Ф. М. Трубецким⁵. Во время перехода к Серпухову пронесся слух, будто в на-

во вторжении будто бы участвовало до 30 тысяч ногайской конницы. (Г. Штаден. Записки, стр. 61—62, 116).

¹ Осенью 1570 г. русское командование, предупрежденное о вторжении заблаговременно, собрало на Оке около 20 тысяч воинов. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 59). С наступлением зимы отборные силы русской армии (до 7—10 тысяч человек) были посланы под Ревель. Из-за потерь и утомления эти силы, деморализованные поражением под Ревелем, не могли принять участия в отражении татар. По-видимому, царь немногим преувеличивал, когда, вспоминая о вторжении крымцев в мае 1571 г., жаловался польскому послу: «татар было 40 тысяч, а моих только 6, равно ли это?». (См. Чтения ОИДР, 1848, кн. 9, отд. IV, стр. 296).

² В то время как хан достиг Молочных Вод, к нему был приведен перебежчик — галицкий сын боярский Башуй Сумароков, бежавший с Дона в Азов. Изменник заявил хану, что «на Москве и во всех городех по два года была меженина великая и мор великой и межениною, де, и мором воинские многие люди и чернь вымерли, а иных, де, многих людей государь казнил в своей опале, а государь, де, живет в Слободе, а воинские, де, люди в немцах. И против, де, тебя в собранье людей нет. И царю, де, говорил, чтоб царь (хан. — Р. С.) шел прямо к Москве». Но хан боялся «истерять людей» и намерен был ограничиться нападением на козельскую «украину». (ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 14, лл. 23 об. — 24 об.).

³ На сторону врага перешли несколько детей боярских из Белева, Калуги и Серпухова, а позже несколько новокрещенных татар. (ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 14, лл. 25—26 об.).

⁴ Перебежчик К. Тишенков сообщил татарам, что царя с опричниной «чают» в Серпухове, но людей с ним мало, и стать ему против хана «не с кем». Несколько позже его показания подтвердили перебежчики из опричнины, заявившие, что царь хочет идти в Серпухов «славы для», а стати ему против татар некем. (ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 14, лл. 26 — 26 об.).

⁵ См. Разрядная книга 1475—1598 гг. Подготовка текста В. И. Буганова. М., 1966, стр. 239—240.

беге участвует отец Черкасского, что и послужило причиной казни командира передового полка¹.

Новейший исследователь опричнины А. А. Зимин полагает, что татары предприняли фронтальную атаку и прорвали приокские укрепления². Он ссылается на поздний летописец начала XVII в., свидетельство которого, на наш взгляд, не заслуживает доверия. Разрядные росписи и прочие документальные источники доказывают, что татары перешли Оку не под Серпуховом, а в районе Кром. Оттуда через Жиздру и Угру они вышли в тыл Серпухову³. (См. карту 1).

Во время похода к Серпухову царь оставался в полной уверенности, что татары продолжают двигаться по дороге Тула—Серпухов. Земская армия надежно прикрывала серпуховские переправы. Но крымская орда «перелезла» Угру и беспрепятственно обошла приокские укрепления с запада, намереваясь отрезать русскую армию с тыла⁴.

В этой критической ситуации Грозный принял решение оставить армию⁵. Официальные разряды лаконично сооб-

¹ Г. Штаден. Записки, стр. 62, 106, 116. Некоторые исследователи преувеличивали последствия казни Черкасского. Так, С. Б. Веселовский ошибочно считал, что Черкасский был главнокомандующим всей опрично-земской армии, выступившей против татар. Казнь главнокомандующего будто бы вызвала в полках замешательство, которым и воспользовался хан Девлет-Гирей. (См. С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 306—307).

² «Крымский хан появился под Тулой, сжег ее посады, затем разгромил под Серпуховом опричный отряд Я. Ф. Волынского и переправился через Оку». (См. А. А. Зимин. Опричина Ивана Грозного. «Мысль», М., 1964, стр. 452).

³ В начале 1572 г. Разрядный приказ составил инструкцию воеводам, каким образом они должны будут действовать, если хан вновь двинется на Москву «старую (прошлогоднею. — Р. С.) дорогою», «Оку *вверху* перелезет и пойдет на Болхов», а оттуда на Угру. (См. Исторический архив, 1959, № 4, стр. 170). Приведенное известие находит подтверждение в «Книге Большому Чертежу», согласно которой в окрестностях Кром на верхней Оке находился «брод Быстрой, а в тот брод лезли татаровя, как в 79 году шел крымской царь под Москву». (См. Книга Большому Чертежу. Подг. к печати К. Н. Сербиной. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 114—115). По сведениям одного летописца, хан «шол на Колугу, а Оку реку возился выше Калуги на усть реки Яченки». (ГПБ, Отдел рукописей, F IV, № 726, л. 796 об.).

⁴ Один из перебежчиков, К. Тишенков, указал хану на то, что «Свиная дорога» не охраняется воеводами, и настойчиво советовал ему, не мешкая, идти на Москву: «Ты, де, государь, поди прямо к Москве, — сказал Тишенков, — а вож, де, государь, тебе через Оку и до Москвы яз, а будет де государь, тебе до Москвы встреча., и ты, де, государь, вели меня казнить». (ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 14, л. 26).

⁵ Год спустя Грозный желчно упрекал воевод за то, что те не уведомили его своевременно о движении татар. «...Передо мною пошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском войске знать не дали... а хотя бы тысячу моих людей потеряли, и мне бы двоих татар привели, и то бы за великое дело счел, а силы бы татарской не испугался». (См. Чтения ОИДР, 1848, кн. 9, отд. IV, стр. 296).

щают, что Иван Васильевич «тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собрати, а не успели»¹. В сопровождении немногочисленной свиты царь ускакал через Бронницу в Ростов, откуда он мог в случае опасности уехать в Вологду².

Между тем подвижная татарская конница устремилась к Москве, угрожая отрезать пути отступления на север малочисленным русским войскам. В районе Серпухова татары разгромили сторожевой отряд опричного воеводы Я. Волынского³. Не имея достаточных сил, чтобы остановить татар, русские поспешно отступили к Москве⁴. 23 мая воеводы подошли к Москве и укрылись за стенами Земляного города. Опричные полки расположились за Неглинной в опричных кварталах столицы. Полк правой руки (из земщины), ставший по другую сторону р. Москвы на Якимовской улице, защищал Крымский вал и Калужские ворота. Большой полк разместился на Большой Варламовской улице со стороны Серпуховской дороги. Передовой полк выдвинулся на Таганский луг и оборонял подступы к городу со стороны села Коломенского и Рязанской дороги⁵.

Татары, следовавшие по пятам за русскими, вышли в окрестности Москвы в тот же день, что и воеводы. Хан разбил свой лагерь неподалеку от села Коломенского⁶. В первый день татары разграбили незащищенные слободы и монастыри в окрестностях столицы. Воеводы тревожили врага вылазками⁷.

¹ Разряды, л. 370.

² Полное собрание русских летописей. Изд. Археограф. комиссией, т. XIII, ч. 1, СПб., 1904, стр. 301; ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 14, л. 29; Разряды, л. 370; Г. Штаден. Записки, стр. 66; Послание Таубе и Крузе, «Русский исторический журнал», кн. 8, Пгр., 1922, стр. 53; Пискаревский летописец, «Материалы по истории СССР XV—XVII вв.», т. II. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 79; Д. Горсей. Записки о Московии XVI века. СПб., 1909, стр. 28; А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия о г. Вологде. М., 1780, стр. 60.

³ См. ЦГАДА. Крымские дела, ф. 123, № 14, л. 28. Спустя полгода Я. Волынский командовал сторожевым полком в походе на шведов. (Синбирский сборник, ч. 1, М., 1844, стр. 31).

⁴ Таубе и Крузе утверждают, будто на Оке татарам удалось разбить и расстроить на время «толпу московитов» и будто «несчастный воевода» убежал. (См. G. Hoff. Указ. соч., стр. 20 об.). В издании М. Г. Рогинского этот эпизод передан с искажением. (См. Послание Таубе и Крузе, стр. 52). В действительности, на Оке имели место только небольшие стычки. Русская армия отступила к Москве, сохраняя порядок. Согласно разрядной росписи, «...как царь (хан Девлет-Гирей. — Р. С.) реку перелез, и бояре з берегу пошли к Москве по полком; в большом полку — бояре князь Иван Дмитриевич Бельский» и др. (См. Разряды, л. 369).

⁵ Разряды, л. 369 об.

⁶ Послание Таубе и Крузе, стр. 53.

⁷ Царь утверждал, что воеводы погубили Москву своей полной бездейтельностью. «А если бы тысяча человек защищала Москву, Москва бы их и сама себя оборонила. Но когда старшие не хотели, как же меньшим

На другой день татары в разных местах подожгли предместья Москвы и Земляной город. Утром 24 мая стояла ясная и тихая погода, без ветра. Но затем внезапно поднялась буря, и пламя стало быстро распространяться по всему городу¹.

При начале пожара по всем церквам и монастырям столицы ударили в набат. По мере распространения огня непрерывно звонившие колокола замолкали один за другим. Сорвались на землю колокола опричной церкви за Неглинной, большие колокола кремлевских соборов. Затем город потрясли сильные взрывы. Взлетели на воздух пороховые погреба, устроенные в Кремле и Китай-городе «в зеленых башнях»². От взрывов, сообщает Пискаревский летописец, «вырвало две стены городских у Кремля»³. При появлении татар население московского посада и окрестных деревень укрылось за крепостными стенами⁴. Когда начался пожар, толпы народа бросились к северным воротам. В воротах и прилежащих к ним узких улочках образовались заторы, люди «в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними»⁵. Кому удавалось спастись от пожара, гибли в ужасающей давке.

Находившаяся в Москве армия понесла тяжелые потери. Полки, стоявшие на тесных улицах Земляного города, утратили всякий порядок и смешались с населением, бежавшим из горящих кварталов. Главный воевода Бельский укрылся на своем подворье в Кремле, где и «затхнул от пожарного зною»⁶. Во время пожара погибли земский воевода боярин М. И. Вороной-Волынский, множество дворян и детей боярских⁷. Опричник Штаден пишет, будто после пожара «в жи-

было оборониться?» (Чтения ОИДР, 1848, кн. 9, отд. IV, стр. 296). На самом деле воеводы предпринимали вылазки против татар. В стычке был ранен русский главнокомандующий кн. И. Д. Бельский. (Исторический архив, кн. VII, 1951, стр. 225; А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских сборников, ч. 1. СПб., 1882, стр. 140).

¹ А. А. Зимин отвергает показания некоторых менее осведомленных летописцев и вполне основательно заключает, что пожар Москвы произошел 24 мая. (См. А. А. Зимин. Опричина, стр. 454, прим. 2). Эту дату называют все наиболее важные источники. (ПСРЛ, т. XIII, стр. 300; Новгородские летописи, стр. 105; ГПБ, Отдел рукописей, F IV, № 726, л. 796 об.).

² См. Г. Штаден. Записки, стр. 106—107, 109—110.

³ Пискаревский летописец, стр. 80.

⁴ В Кремле, Земляном городе и пригородах, передает очевидец, «все дома и улицы были так полны народа, что некуда было протиснуться». (См. Н. Стороженко. Материалы для истории России, извлеченные из рукописей Британского музея в Лондоне. — Чтения ОИДР, 1870, кн. 3, отд. IV, стр. 6).

⁵ См. Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 96.

⁶ Разряды, л. 270, Пискаревский летописец, стр. 79.

⁷ Разряды, л. 370. В синодике, найденном М. Е. Бычковой, указано

вых не осталось и 300 боеспособных людей»¹. Наименьшие потери понес передовой полк воеводы кн. М. И. Воротынского, стоявший на Таганском лугу и энергично отбивавшийся от татар².

В течение трех часов Китай-город, Кремль, Земляной город и предместья столицы выгорели дотла³. Татары пытались грабить горящую Москву, но те из них, кому удавалось проникнуть за крепостные стены, гибли в огне⁴.

На другой день после пожара татары отступили по рязанской дороге в степи. Крымское нашествие причинило невиданные опустошения южным уездам страны. Татары разорили 36 городов к югу от Оки, увели в плен десятки тысяч жителей, захватили большие табуны лошадей⁵.

В то время как Москву истребляло пламя, царь молился, затворившись в древнем Ростовском монастыре⁶. Получив известие об отступлении татар, он вернулся в столицу, откуда уехал в подмосковные дворцовые села. Здесь он принял крымских гонцов, передавших ему ханское послание и «поминки» в виде ножа⁷.

более 200 дворян и приказных, погибших во время московского пожара. (ГПБ, Отдел рукописей, Ф IV, № 254, лл. 33—45; А. А. Зимин. Опричнина, стр. 455).

¹ Г. Штаден. Записки, стр. 106.

² После отхода татар Воротынский с уцелевшими отрядами ходил «проводить» хана до дикого поля. Следуя по пятам за татарской армией, он громил отставшие татарские отряды, занимавшиеся мародерством. (См. Разряды, л. 370).

³ См. Разряды, л. 370; Пискаревский летописец, стр. 79; ГПБ, Отдел рукописей, Ф IV, № 726, л. 797; Прибалтийский сборник, т. III, стр. 204; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», кн. VII. М.—Л., 1951, стр. 225.

⁴ Г. Штаден. Записки, стр. 107.

⁵ Послание Таубе и Крузе, стр. 53—54. Крымский посол хвастался в Литве, будто татары перебили на Руси до 60 тысяч человек и столько же увели в плен. (См. С. А. Аннинский. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо. — «Исторический архив», т. III. М.—Л., 1940, стр. 388).

⁶ Позже царь сетовал на то, что воеводы не известили его своевременно о гибели столицы. «Москву уже сожгли, а меня не извещали 10 дней. Ведь это измена не малая...» (Чтения ОИДР, 1848, кн. 9, отд. IV, стр. 296).

⁷ Царь принял гонца в дворцовом селе Братошине 15 июня 1571 года. Переговоры с самого начала приобрели крайне драматический характер, что породило впоследствии немало слухов и легенд. Передавали, что крымские гонцы явились к царю в грубых овчинах и вели себя крайне дерзко. (См. Д. Горсей. Записки, стр. 29). Несколько иначе о том же эпизоде рассказывает поздний Пискаревский летописец. Гонцы потребовали у царя дань («выход»), тогда тот будто бы «нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью, и бояря. И послом отказал: „видишь де меня, в чем я? Так де меня царь (хан. — Р. С.) зделал! Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!...». (Пискаревский летописец, стр. 80, см. также свидетельство Д. Принца. — Чтения ОИДР,

Правительство сознавало, что разоренная страна не в состоянии продолжать войну с таким сильным противником, как Крым и Турция. Поэтому оно пыталось любой ценой добиться мира на южной границе. 17 июня царь уведомил ханских гонцов, что готов «поступиться» Астраханью в пользу Крыма, если хан согласится заключить с Россией военный союз, «дружбу и братство»¹. «И коли то тебе, брату нашему, гневно, — писал царь Девлет-Гирею по поводу Астрахани, — и мы Астрахани тебе, брату нашему, хотим поступиться»². В Крыму уступки России были сочтены недостаточными и просьбы царя о мире и союзе отклонены. После сожжения Москвы крымцы, поощряемые турками, выдвинули план полного военного разгрома Русского государства.

**
*

Москва была разорена дотла. Понадобилось два месяца, чтобы очистить город от обломков³. По некоторым сведениям, в Москве в те дни заседал Земский собор, на который были приглашены митрополит и духовенство, князья и важнейшие из дворян⁴. На нем обсуждался вопрос о восстановлении столицы. Земщина должна была выделить значительные суммы на то, чтобы отстроить и укрепить Москву. Новая планировка города была продиктована в первую очередь военными соображениями. Посадским людям запрещено было строить дворы за пределами крепостной стены, вследствие чего значительная часть старого посада, особенно в южной части столицы, превратилась в пустырь⁵. Внешней границей города стал земляной вал трехсаженной ширины, соединявший внешние ворота. Ворота и внутренняя крепость были отстроены из бревен и снаружи обложены землей и дерном⁶. По решению правительства в Москву были принудительно пе-

1876, кн. 3, отд. III, стр. 29). Царь и в самом деле встречал гонцов в траурном платье. Девлет-Гирей требовал от России уступки мусульманских юртов, Казани и Астрахани. Послание хана было составлено в дерзких и оскорбительных выражениях. Он писал Грозному: «Жгу и пустошу, то все для Казани и для Астрахани», «был б в тебе срам и дородство, и ты пришел бы против нас». (См. ЦГАДА, Крымские дела, № 13, лл. 407—408).

¹ ЦГАДА. Крымские дела, № 13, лл. 410—410 об.

² Там же, л. 416 об. В то же время своему послу в Крыму царь наказал в случае передачи Астрахани татарам отстаивать право Москвы вместе с Крымом утверждать ханов на астраханском престоле.

³ Н. Стороженко. Указ. соч., стр. 7. Разряды, л. 370.

⁴ Д. Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 28.

⁵ Согласно официальной документации, после пожара «царь и великий князь уложил вперед посадом всем быти в городе, а за городом посадом не быти и хоромы ставити велел малые для огня, потому и посад ныне мал...» (ЦГАДА, Дела Польского двора, кн. 10, л. 204).

⁶ См. Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 22.

реселены купцы и ремесленники из крупнейших городов страны, в том числе сто купеческих семей из Новгорода¹. Против собственной воли купцы должны были тратить значительные денежные средства на постройку домов в Москве². Со своей стороны казна предоставила переселенцам щедрые льготы и освободила их на несколько лет от податей³.

Как и любая другая военная кампания, война с татарами в мае 1571 г. сопровождалась единичными актами измены с той и другой стороны. На поле к татарам перебежали Кудеяр Тишенков и несколько других земских дворян и опричников. Изменники указали врагу кратчайшие пути на Москву. Царь усмотрел в этом факте продолжение боярских интриг против трона⁴. В беседе с польским посланником в сентябре 1572 г. он недвусмысленно высказал свои подозрения относительно действий земских воевод в дни нашествия татар на Москву. «Ваши государей своих любят, — заявил он поляку, — а мои меня навели на татарское войско. В четырех милях я об них не знал»⁵. Много позже английский посол Д. Флетчер собрал интересную информацию, согласно которой царь покинул армию и уехал из Москвы, «потому что сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам»⁶.

В связи с розыском о новой боярской измене были арестованы многие воеводы, и в числе их кн. И. Ф. Мстиславский. Его оговорил служилый татарин, именуемый в источниках «Барымским царевичем»⁷. В дни, когда татары шли к Москве, царевич пытался перебежать к единоплеменникам, но был пойман и допрошен под пыткой. Стараясь смягчить свою вину, он заявил, что действовал по приказу руководителя Боярской думы Мстиславского и Ф. И. Салтыкова. Они будто бы и послали его к хану, «а приказали с ним,

¹ В октябре 1571 г. в Москву выехали 60 купеческих семей из опричнины с Торговой стороны и 40 семей из земщины с Софийской стороны. (См. Новгородские летописи, стр. 110—111).

² Г. Штаден. Записки, стр. 67.

³ «В городе, — писал Штаден, — живут только торговые люди, набранные из других городов; самые богатые противу их воли должны были пустить свои деньги в постройку домов и дворов». (См. Г. Штаден. Записки, стр. 67).

⁴ Спустя два года царь Иван, беседуя с крымским послом, заявил следующее: «Брат наш (хан Девлет-Гирей. — Р. С.) сослався с нашими изменники з бояры, да пошел на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестью встречу розбойника Кудеяра Тишенкова». (См. ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 14, л. 179).

⁵ Чтения ОИДР, 1848, кн. 9, отд. IV, стр. 296.

⁶ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 95—96.

⁷ Сын знатного крымского сановника «мурза Абысланов сын Барымского» участвовал в набеге на Донков в 1568 г. и тогда же отъехал на царскую службу. (ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 13, лл. 158—159.)

чтобы царь (Девлет-Гирей. — Р. С.) воротился к Москве, и только придет к Москве, и Москва будет его»¹.

Царь использовал показания пойманного перебежчика, чтобы возложить всю ответственность за майскую катастрофу на руководителей Боярской думы². Мстиславский вынужден был подписать специальную грамоту, в которой признался перед всем народом, что он вместе с товарищами навел татар на «святые места» и своей изменой погубил Москву³. Боярина обвинили в таком тяжелом преступлении, за которое любой другой немедленно бы поплатился головой. Мстиславский же избежал казни. Грозный не только сохранил ему жизнь, но и вернул первому удельному князю его родовые владения, Юхотское удельное княжество⁴. Мстиславский был освобожден из-под стражи после того как за него поручились священный собор и бояре. Впервые в истории опричнины за опального земского боярина ходатайствовали члены не только земской, но и опричной думы⁵. Осенью 1571 г. Мстиславский был назначен главным новгородским наместником и отослан в Новгород⁶.

¹ См. С. К. Богоявленский. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма. — Чтения ОИДР, 1912, кн. 2, стр. 32. В январе 1574 г. из крымского плена на Русь вернулось несколько холопов Мстиславского. На допросе они во всем запирались, пока не были подвергнуты пытке огнем. Царь лично допрашивал холопов, чтобы получить улики против Мстиславского. Одному из них он задал следующий вопрос: «как отпустили были в Крым князь Иван Мстиславский да Федор Салтыков Барымского царевича, и тебе в Крымулучилось ли слышать...». Боярский слуга ответил: «То, государь, в Крымулучилось мне слышать: как царь приходил к Москве и Москву зжег, и князь Иван Мстиславский да Федор Салтыков Барымского царевича с Москвы были отпустили ко царю, а приказали с ним, чтобы царь воротился к Москве... Да того деи Барымского царевича ты, государь, поймал». (Т а м ж е).

² В земской армии Мстиславский командовал полком правой руки и был вторым лицом после главнокомандующего кн. И. Д. Бельского. С гибелью Бельского он принял на себя командование всей русской армией, следовательно он нес наибольшую ответственность за сожжение Москвы. Но Мстиславского судили не как военачальника, понесшего поражение, а как заговорщика и государственного преступника.

³ Собрание государственных грамот и договоров, ч. 1. М., 1813, № 196, стр. 561—562. Мстиславского объявили чуть ли не вероотступником. С него взяли письменное обязательство, «впредь будучи, вера христианская держати твердо, в вере не соблажняться и к иной вере не приставати». (Т а м ж е).

⁴ Подробнее см. стр. 198—201.

⁵ За Мстиславского поручились опричники боярин кн. Н. Р. Одоевский и окольный кн. Д. И. Хворостинин, земский боярин М. Я. Морозов и 285 княжат и детей боярских. В случае измены Мстиславского поручители должны были ответить за него собственными головами, а также заплатить в казну 40 тысяч рублей. (См. СГГД, ч. 1, № 199, стр. 582. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине VII—VIII. Белград, 1940, стр. 176).

⁶ Первые письма царя к Мстиславскому в Новгород помечены 2 сентября 1571 г. (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 207, 215—216).

Суд над Мстиславским имел отчетливо выраженные политические цели: народу был указан виновник ужасного поражения и гибели многих тысяч людей. Получены были доказательства того, что ненавистное боярство продолжает интриги против царя и что корни измены гнездятся в Боярской думе. Несмотря на опалу, Мстиславский сохранил положение официального руководителя земской думы. Но он был фигурой совершенно бесцветной в политическом отношении и лишь номинально числился главой земского правительства. Подлинной властью в земской Боярской думе пользовалась с начала опричнины старомосковская нетитулованная знать, группировавшаяся вокруг бояр Захарьиных. Процесс Мстиславского послужил удобным предлогом для жестоких репрессий против Захарьиных.

Захарьины вследствие многих обстоятельств занимали совершенно особое положение в земской Боярской думе. Они контролировали важнейшие отрасли приказного аппарата, включая дворцовое ведомство. Оплотом их влияния был также двор наследника царевича Ивана. После вступления во второй брак Грозный «разделился» со своими сыновьями и выделил им придворный штат, бояр и дворян, вошедших в их «особный двор». Долгое время главным боярином наследника был опричный боярин В. П. Яковлев-Захарьин, состоявший при племяннике в качестве «близкого человека» и «гофмейстера» — дворецкого¹. Влиятельными лицами при дворе наследника царевича Ивана были его родной дядя земский боярин Н. Р. Юрьев, а также дяди И. П. Яковлев и С. В. Яковлев. Двор наследника сохранял тесную связь с земщиной, поскольку на протяжении всей опричнины дворцовые люди царевичей получали жалованье в земском приказе Большого прихода².

Положение Захарьиных пошатнулось после казни их давних приспешников и ставленников казначея Н. А. Фуникова и печатника И. М. Висковатого, возглавлявших всю иерархию московских приказных чинов. Захарьины не могли оставаться равнодушными зрителями расправы с ними.

«Новгородское дело» повлекло за собой розыск о «московской измене». Опричники готовились учинить в столице такой же погром, как и в Новгороде. В день казни Висковатого

¹ Разрядная книга 1475—1598 гг., стр. 227; Послание Таубе и Крузе, стр. 54. Первым оруженосцем в свите царевича Ивана, т. е. фактически его оружничим, был П. В. Юрьев-Захарьин, троюродный брат наследника. (См. Разрядная книга 1475—1598 гг., стр. 228).

² «Сытного дворца дворцовые люди, которые были у царевичев, а государево жалованье имали из Большого приходу». (См. Д. Н. Альшиц. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. — Исторический архив, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 54).

царь объявил народу с лобного места, что «в душе у него было намерение погубить всех жителей города (Москвы. — Р. С.), но он сложил уже с них гнев»¹. Перспектива повторения в Москве новгородских событий пугала руководителей земщины, которые, конечно, никак не могли сочувствовать новым сумасбродным замыслам Грозного. Очень возможно, что Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы таким путем хоть немного образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору.

Отношения между царем Иваном и его сыном были, по-видимому, довольно натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный, Иван нередко избивал сына. Между тем царевичу исполнилось 17 лет, и он обладал нравом не менее крутым, чем отец². Грозный давно не доверял Захарьиным и очень боялся, как бы они не впутали наследника в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг стоявшего за спиной царевича боярства зашли столь далеко, что в июне 1570 г. он публично объявил о намерении лишить сына прав на престол и сделать своим наследником «ливонского короля» Магнуса. Во время официального приема в Кремле царь Иван в присутствии земской Боярской думы и иностранных послов обратился к Магнусу со следующей речью: «Любезный брат, ввиду доверия, питаемого ко мне вами и немецким народом, и преданности моей последнему (ибо сам я немецкого происхождения и саксонской крови), несмотря на то, что я имею двух сыновей—одного семнадцати и другого тринадцати лет, ваша светлость, когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны, и я так искореню и принижу моих неверных подданных, что попру их ногами»³. Очевидец, передавший речь Грозного, не лишен был проницательности. Царь, говорит он, оказал много чести Магнусу только для того, чтобы нагнать страх на своих подданных. Тем не менее опрометчивые заявления царя, сделанные в присутствии бояр и послов, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника.

После новгородского разгрома раздор между царем и земской Боярской думой достиг высшего предела. Грозный не упускал случая унижить земских бояр. Запуганные тер-

¹ См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 46.

² Там же, стр. 26.

³ Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. — Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, отд. III, стр. 34. Автор донесения о поездке в Москву был очевидцем того, что произошло в Кремле. Во время приема он находился в свите Магнуса и хорошо слышал все, что произнес царь. Свои показания он составил 11 сентября 1570 г., т. е. по свежей памяти.

рором, руководители земщины покорно сносили сумасбродство Ивана¹.

Слухи о распрях царя с наследником и земским боярством достигли Польши. Папский посол Портико, выжидавший в Варшаве благоприятного момента для поездки в Москву, направил 3 января 1571 г. письмо в Рим, в котором сообщил о том, что из Москвы прибыл один человек, сказавший, что русские послы приедут в Польшу с запозданием из-за распрей между царем и сыном, страшной эпидемии чумы и т. д.² Можно полагать, что все эти сведения были записаны Портико со слов Шлихтинга и что таким образом мы имеем возможность пополнить «Сказания» Шлихтинга исключительно важными сведениями, которые сам он старательно замалчивал в мемуарах, написанных по поручению польских дипломатов. В пользу нашего предположения говорят следующие факты. Во-первых, Шлихтинг бежал в Польшу в самом конце 1570 г., письмо же папского посла датировано 3 января 1571 года. Во-вторых, как письмо Портико, так и первая письменная записка Шлихтинга («Новости из Московии») начинаются с сообщения о задержке московских послов из-за мора. В-третьих, московский беглец сообщил подробности, которые могли быть известны лишь человеку, близкому ко двору и хорошо осведомленному относительно семейных дел царя, но именно таким лицом был слуга и переводчик царского лейб-медика. Шлихтинг сообщил Портико, что раздор в царской семье привел к открытому разрыву между царем и наследником и что на стороне последнего выступили многие влиятельные и знатные лица: «Между отцом (царем Иваном. — Р. С.) и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие — к сыну, и сила в оружии»³.

Раздор в царской семье получил широкую огласку в земщине. О нем говорили не только при дворе, но и в народе. Не случайно одной из самых популярных исторических песен XVI века стала песня о гневе Грозного на сына. Среди множества вариантов этой песни, записанных со слов

¹ Польские послы, посетившие кремлевский дворец в июне 1570 г., с удивлением наблюдали за непристойными и грубыми выходками царского шута, доставлявшими видимое удовольствие царю Ивану. Шут, передвигаясь на четвереньках, устрашал обнаженными ягодицами знатных земских господ, собравшихся в Кремле. Как утверждали польские послы, шут потешался над земцами по приказу Грозного. (См. And. Theiner. *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, t. II. Romae, 1861, p. 755).

² См. Е. Ф. Шмурло. *Россия и Италия*, т. II, вып. 2. СПб., 1913, стр. 230.

³ Там же.

народных сказителей спустя столетия, наибольший интерес представляет краткая редакция¹. Содержание песни таково: царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и задумался над тем, «как бы вывести измену из каменной Москвы!» Но тут «взговорит Малюта злодей Скурлатович». «Ах ты го́й еси, царь Иван Васильевич! Не вывести тебе изменушки до веку: сидит супротивник супротив тебя...» Жертвой навета стал царский сын. Послушав Малюту, Грозный велел отвести царевича для казни «на Лужу поганую». Но за опального вступился боярин Никита Романович: «Ты Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!» Благодаря заступничеству Захарьина царевич был спасен².

Несмотря на легендарность некоторых мотивов песни «О гневе Грозного», в основе ее лежали реальные факты³. В ней сказано, что полный разрыв между царем и его сыном произошел после похода на Новгород и Псков, в тот момент, когда царь решил вывести измену в Москве, что царевича поддерживали Захарьины, будто бы спасшие его от гибели. С наветами против царевича выступил Скуратов. Песня называет Поганую лужу местом предполагаемой казни царевича. Но именно на Поганой луже были казнены после новгородского погрома «канцлер» Висковатый и другие московские «изменники». Одного из этих изменников —

¹ См. Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, № 221, стр. 358. Указанное издание является лучшим и наиболее полным собранием исторических песен о Грозном. Издатель песен Б. Н. Путилов полагает, что среди 60 вариантов песни «О гневе Грозного» наиболее распространенной и, по-видимому, типичной для данного сюжета можно считать подробную редакцию. (См. там же, стр. 655). Ниже мы покажем, что предпочтение следует отдать краткой редакции, так как это единственная редакция, восходящая к XVI веку.

² Исторические песни, № 221, стр. 358—360. В пространной редакции сюжет пополнен многими вымышленными подробностями. Царь выводил измену не только в Новгороде и Пскове, что соответствует действительности, но и в Казани и Астрахани и даже Чернигове и Киеве. (Там же, № 200, стр. 287—291; № 247, стр. 418—420 и др.). Опальным царевичем был будто бы «старший» сын Дмитрий, на которого донес царевич Федор. (Там же, № 20, стр. 288). В других вариантах опале подвергся сам Федор. (Там же, № 223, стр. 361, № 247, стр. 419 и др.). Грозный будто бы велит казнить сына на поле Куликовом. (Там же, № 247, стр. 419).

³ Б. Н. Путилов справедливо отвергает мнение большинства исследователей, видевших конкретно-историческую основу песни «О гневе Грозного» в факте убийства царевича Ивана в 1581 г. «Песню о гневе Ивана Грозного на сына, — пишет он, — правильнее рассматривать как произведение с вполне вымышленным сюжетом, в котором нашли отражение некоторые существенные стороны политической жизни времени царствования Ивана Грозного, как они воспринимались и осмыслялись народом». (См. Исторические песни, стр. 655). В действительности, сюжет песни «О гневе» не был вымышленным.

Н. Фуникова — опричники сварили живьем. В песне этот факт также получил отражение. После гибели царевича Иван Васильевич будто бы грозил боярам: «Я вас, бояре, всех в котле сварю!»

В исторических песнях раздор в царской семье имел благополучный исход. Захарьины спасли царевича, и в награду Грозный выдал им на расправу Скуратова. На самом деле все было иначе. После того как Малюта окончательно захватил власть в опричной думе, боярский кружок Захарьиных подвергся настоящему разгрому.

Новгородское изменное дело бросило тень подозрения на старейшего из бояр Захарьиных В. М. Юрьева и боярина С. В. Яковлева¹. Яковлев был объявлен главным сообщником новгородского архиепископа Пимена в земском правительстве и отправлен в почетную ссылку на воеводство в Смоленск². В. М. Юрьева обвинили, по-видимому, в еще более тяжких преступлениях, нежели Яковлева. Сам Юрьев умер за два года до того, как началось расследование новгородской измены, и потому царь выместил гнев на членах его семьи. Не позднее весны 1571 г. он приказал убить дочь Юрьева вместе с ее младенцем-сыном. Иван запретил похоронить убитых и велел бросить их тела во дворе супруга Юрьевой опричника кн. М. Т. Черкасского³. Такое надругательство возмутило всех Захарьиных и их родню и вызвало негодование при дворе наследника, которому Юрьева приходилась троюродной сестрой.

В самом начале января 1571 г. опричники арестовали в лагере под Ревелем боярина И. П. Яковлева и в оковах увезли его в Москву за какие-то «воровские проделки»⁴.

¹ В царском архиве хранилось «дело Прокоша Цвиленева, что сказал на него наугороцкий подьячий Богданко Прокофьев государское дело и про зсылку Василия Михайловича Юрьева». (Описи царского архива, стр. 44). Богатый гость Прокофий Цвиленев был казнен в Москве в дни суда над Пименом. Вместе с ним погиб его родственник Плохой Цвиленев, бывший новгородский дьяк (См. ниже, стр. 283). Плохой подвергся опале и был под стражей увезен из Новгорода в 1567 г., через три месяца после смерти В. М. Юрьева. (Новгородские летописи, стр. 96).

² ДДГ, стр. 480. С. В. Яковлев находился в Смоленске вплоть до весны 1571 г. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 791, 794).

³ G. Hoff. Указ. соч., стр. 11 об. Сын В. М. Юрьева Протасий исполнял службу главного оруженосца при дворе наследника в 1567—1570 гг. К началу 1571 г. он был отстранен от службы. Будучи мальчиком, Протасий избежал участи сестры, но лишь на время. Спустя пять лет царь велел казнить также и его. Таким путем была полностью искоренена старшая ветвь рода Захарьиных-Юрьевых.

⁴ А. Чумиков. Указ. соч., стр. 29. Во время осады Ревеля произошло резкое столкновение между И. П. Яковлевым и Магнусом. В этом споре царь принял сторону датчанина и подверг опале своих воевод. В разгар осады приближенные «ливонского короля» уведомили ревельцев об аресте Яковлева и В. И. Умного. В своем письме они писали, будто

После московского пожара опале подвергся дворецкий наследника боярин В. П. Яковлев. По приказу Грозного братья Яковлевы были насмерть забиты палками¹. Примерно в то же время, во всяком случае никак не ранее весны 1571 г., опричники убили боярина С. В. Яковлева и его малолетнего сына Никиту².

По-видимому, царская опала грозила также ближайшему родственнику Захарьиных И. В. Большому Шереметеву, который также был одним из ведущих деятелей земского правительства и после опалы конюшего Федорова занял его место в качестве главы московской семибоярщины³. Ища спасения от царского гнева, Шереметев в мае 1571 г. уехал в Кирилло-Белозерский монастырь и 7 июня постригся в монахи⁴. Самое имя строптивого боярина вызывало у Гроз-

«зловредные воеводы» хотели оклеветать Магнуса в глазах царя и ввергнуть добрый город Ревель в вечную погибель. «Когда царь узнал о таких воровских проделках воевод и опричников, узнал о жестоких грабежах, убийствах и пожарах, то... приказал в прошлую субботу увезти отсюда обоих воевод в оковах, удалил всех опричников и назначил других двух воевод с бесчисленной силой, *нарядом* и пр.; все это *на днях* должно сюда прибыть и будет жесточайшим способом направлено против вас и было бы уже вами изведено, если бы не воровство Петровича». (См. А. Чумиков. Указ. соч., стр. 29—30). Время составления приведенного послания неизвестно. Можно отметить несколько моментов, имеющих существенное значение для его датировки. Во-первых, в подшивке писем ревельского магистрата оно помещено за письмом от 4 января, из которого следует, что 4 января магистрат ничего не знал об аресте воевод и отзыве опричников. Во-вторых, в письме к ревельцам сказано, что на днях сюда придут подкрепления с *нарядом*. Подкрепления действительно прибыли 12 января 1571 г. (См. выше, стр. 120). Таким образом, можно утверждать, что письмо было составлено между 4 и 12 января 1571 г. Авторы письма упоминают о том, что воеводы осадного корпуса были арестованы «в последнюю субботу». В промежутке времени между 4 и 12 января суббота падает на 6 января.

¹ G. Hoff. Указ. соч., стр. 22. Имена братьев Яковлевых записаны в синодике опальных в одном месте с кн. М. Т. Черкасским. (См. ниже, стр. 287). Отметим, что во время московской катастрофы в мае 1571 г. В. П. Яковлев командовал опричным сторожевым полком. (См. Разряды, л. 368).

² См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 297. Согласно Кормовым книгам, С. В. Яковлева и его сына Никиту поминали 24 мая. (См. Синодик Новоспасского монастыря. ГИМ, Собр. Новоспасское, № 13, л. 81). В синодике опальных имя Яковлева отсутствует.

³ Разряды, д. 337 об., Сб. РИО, т. 71, стр. 666, т. 129, стр. 190. Стремясь обеспечить себя на случай катастрофы, Шереметев ранее осени 1570 г. отказал Кирилло-Белозерскому монастырю богатую вотчину. (См. Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря. — Записки отделения русской и славянской археологии, т. 1. СПб., 1851, стр. 61).

⁴ А. А. Зимин полагает, что Шереметев постригся в монахи летом 1570 г. (См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 439). Однако подлинные вкладные книги Кирилло-Белозерского монастыря сообщают другую дату. 28 мая 1571 года татары сожгли шереметевскую вотчину — село Шибутово, «а Иван Шереметев приехал в монастырь после того пожара да дал то село Шибутово вкладом июня в 6 день», еще ничего не зная о происшед-

ного приступы ярости. В известном письме к кирилловским старцам царь называл Иону Шереметева «бесовым сыном» и обвинял его во всевозможных злых кознях¹. Несомненно Шереметев одел рясу из-за раздора с Грозным.

Царская опала не миновала еще одного близкого родственника Захарьиных, опричника кн. М. Т. Черкасского. В начале 1571 г. Черкасский с помощью подставного лица подьячего Айгустова, попытался расправиться с земским дьяком В. Щелкаловым. Но доносчик-подьячий не выдержал пытки и вскоре же сознался, «что он сставлял на Василья многие дела по науку князя Михайла Черкасского»². В связи с розыском об измене Юрьева царь велел казнить жену и сына Черкасского³. Вскоре та же судьба постигла и самого Черкасского. Во время нападения татар он был назначен воеводой передового полка и получил приказ выступить в Серпухов. Между 16 и 23 мая 1571 г. Черкасский был зарублен опричными стрельцами на дороге между Москвой и Серпуховом⁴. Царь опасался предательства со стороны шурина⁵.

После московского пожара опричники подвергли разшей катастрофе. На другой день он принял пострижение. Этой датой помечен «постригальный корм» Ионы Шереметева. (См. Вкладные и кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря. — ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей. Кир.-Бел., № 78/1317, лл. 80 об. — 81; № 95/1332, л. 151 об.). В Кирилло-Белозерском монастыре Шереметев пользовался всевозможными привилегиями. За монастырем он выстроил двор для прислуги и хранения всевозможных припасов, держал отдельную кухню и стол и устраивал для братии богатые трапезы. (Послания Ивана Грозного, стр. 172).

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 175.

² ААЭ, т. 1, № 281, стр. 315—316. 12 февраля 1571 г. опричный суд постановил конфисковать у Айгустова все его имущество и передать его «за бесчестье» дьяку Щелкалову.

³ Царь то осыпал милостями своего шурина, то жестоко издевался над ним. Однажды он велел привязать диких медведей к воротам его дома. В другой раз опричник должен был в течение двух недель входить в свой дом через ворота, на которых были повешены его слуги. Не позднее осени 1570 г. Черкасский был подвергнут торговой казни, избит палками на рыночной площади. (А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 23—24). Молодой горец занимал самое высокое положение в официальной опричной иерархии, но подлинное его влияние на дела опричнины было, по-видимому, невелико, в особенности после смерти царицы Марии.

⁴ См. Послание Таубе и Крузе, стр. 54; Г. Штаден. Записки, стр. 62, 97; Разряды, лл. 367 об., 369. Официальная версия гибели кн. М. Т. Черкасского, предназначенная для Крыма, гласила: «Князь Михайло Черкасский был в полку со царевыми и великого князя воеводами и в царев приход ехал из полку в полк и изгиб безвестно. И ныне ведома про него нет, где изгиб. А хто молвит, что его царь и великий князь велел убити, и... то говорят ложно...». (ЦГАДА, Крымские дела, ф. 123, № 13, лл. 448 об. — 449).

⁵ К началу 70-х гг. влияние России на Северном Кавказе ослабло, свидетельством чему было участие некоторых черкесских князей в набегах на Русь в 1571 г. После выступления опричной армии против татар про-

грому кружок Захарьиных и их родни, возглавлявший правительство земщины. Из четырех членов семьи Захарьиных, входивших в Боярскую думу в начале 70-х гг., только один, самый молодой из них, Н. Р. Юрьев избежал гибели. Старейший боярин И. В. Большой Шереметев ушел в монастырь. После казни опричного боярина В. П. Яковлева-Захарьина и кн. М. Т. Черкасского царь подверг жесточайшему террору старомосковскую знать, руководившую опричной думой.

Гонениям прежде других подверглись Морозовы, входившие в опричную думу. Власти объявили опричного кравчего Ф. И. Салтыкова-Морозова главным сообщником изменника Мстиславского. По утверждению Таубе и Крузе, Салтыков подвергся торговой казни и затем был осужден на вечное тюремное заключение¹. В действительности же его казнили вместе с другими руководителями опричнины. В синодике опальных мы находим следующую запись: «Князя Василиа Темкина и сына его князя Иона; Федора Салтыкова»². Двоюродный брат Федора опричный боярин и дворецкий Л. А. Салтыков был насильственно пострижен в монахи и заточен в Троицко-Сергиев монастырь, а затем казнен³.

Видного члена опричной думы боярина И. Я. Чеботова

несся слух, будто вместе с ханом на Москву идет отец опричного воеводы князь Темгрюк со многими тысячами конных кабардинцев. Любопытно, что царские послы, отправленные в Литву в том же году, должны были категорически опровергнуть все слухи об измене черкесов. На вопрос: «А нечто вспроят, что царицы и великой княгини Марьи не стало, и черкесы, чаю, вашему не служат», послы отвечали, что все черкесы будто бы служат по-старому. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 782). Смерть царицы Марии Черкасской поставила служилых черкесских князей в несколько двусмысленное положение. Прошла молва, что царица была отравлена по приказу самого царя. Опричник Г. Штаден прямо пишет, что царь Иван «бесчестно обошелся» с дочерью кн. Темгрюка. Это будто бы и послужило причиной союза между Кабардой и Крымом. В опричнине слухи об участии Темгрюка в татарском набеге 1571 г. приобрели самое широкое распространение. Штаден трижды упоминает об этом эпизоде, нимало не сомневаясь в его достоверности. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 62, 106, 116). Однако современные исследователи подвергают сомнению известие Штадена. (См. Е. Н. Кушева. Указ. соч., стр. 284, 285; В. Б. Кобрин. Указ. соч., стр. 87).

¹ См. G. Hoff. Указ. соч., стр. 22. Накануне опричнины Ф. Салтыков был назначен «великим послом» в Крым и должен был подписать союзный договор с ханом. (См. Ф. Лашков. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством. Симферополь, 1891, стр. 28; Сб. РИО, т. 71, стр. 194). На Земском соборе 1566 г. он присутствовал в дворянах I статьи, в 1569 г. исполнял дипломатическую службу, представлял царю польского гонца. (См. Сб. РИО, т. 71, стр. 615). Прежде Салтыкова кравчим был царский фаворит Ф. Басманов (до 1570 г.).

² См. ниже, стр. 288.

³ Послание Таубе и Крузе, стр. 54; А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 303. По некоторым сведениям, Л. А. Салтыков командовал

царь велел заточить в Борисоглебский монастырь в Ростове¹.

И. Ф. Воронцов был самым знатным из думных дворян в опричнине. В разрядах за сентябрь 1570 г. он записан в списке думных дворян вторым после кн. С. А. Черкасского². Это последнее упоминание о нем в опричных разрядах. По утверждению Курбского, он был казнен³.

Думный дворянин П. В. Зайцев уступал Воронцову в смысле знатности, но не в смысле влияния. В конце 1570 г. он находился в Москве в качестве одного из правителей («начальных бояр») опричной части столицы⁴. В сентябрьском разряде 1570 г. он записан вторым воеводой «с Москвы из опричнины»⁵. Штаден рассказывает, что после казни Черкасского и Темкина опричники повесили Петра Зайцева на воротах собственного дома⁶. Опричный ясельничий погиб в период времени между 18 июня и 7 сентября 1571 года⁷. Зайцев был ближайшим сподвижником Басмановых и одним из главных руководителей опричнины при ее учреждении.

После майской катастрофы царь Иван велел утопить в реке видного опричного боярина кн. В. И. Темкина и его сына опричного воеводу кн. Ивана⁸. Примечательно, что Темкины записаны в синодике вместе с Ф. Салтыковым.

Инициатором казней 1571 г. был глава опричного сыскного ведомства Малюта Скуратов. Добившись отставки Басманова и Вяземского, он обезглавил опричное правительство, а затем довершил разгром старого опричного руководства. Свирепые репрессии против новгородских изменников и «виновников» майской катастрофы позволили Скуратову окончательно захватить власть в свои руки.

новгородской карательной экспедицией. Осенью 1570 г. он сопровождал царя против татар в качестве ближнего боярина, а его сын был первым оруженосцем в свите царя. В майском походе 1571 г. Салтыковы уже не участвовали. (См. Разряды, лл. 360, 361, об. — 362, 368).

¹ См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 г.», М., 1960, стр. 83—84.

² Разряды, л. 359 об.

³ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 304.

⁴ Г. Штаден. Записки, стр. 134.

⁵ Разряды, л. 359 об.

⁶ Г. Штаден. Записки, стр. 97. По словам Таубе и Крузе, царь, опалившись на Зайцева, велел казнить его семью, а позже велел убить его самого. (Послание Таубе и Крузе, стр. 41).

⁷ 18 июня 7079 г. Петр Зайцев пожертвовал в Троицко-Сергиев монастырь 20 рублей, а 7 сентября 7080 г. на помин его души пожертвовали 23 рубля. (См. Вкладные книги Троицко-Сергиева монастыря. — Архив АН СССР, ф. 620, опись 1, № 19, л. 335; С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 385).

⁸ Г. Штаден. Записки, стр. 97; А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 283.

Розыск об участии верхушки опричнины в «заговоре» внушил царю страх за свою безопасность в опричнине. Подозрительный, нервный самодержец, отделившийся в свое время от ненадежной земщины и искавший убежища в опричнине, высказывает теперь намерение покинуть также и опричнину. В разгар следствия о «заговоре» в июне 1571 г. он писал в Крым послу А. Нагому с товарищами: «А ныне есте ни в земском, ни в опришнине, и вы б нам послужили, чтобы вам к нам приехати, оже даст бог, к нашей милости»¹. Как бы то ни было, но свое жалованье Нагому царь все же посылал «из опришнины».

Царица Мария Черкасская умерла в конце 1569 г., и вскоре Грозный стал хлопотать о новом браке. Как только кончились смотрины, продолжавшиеся год, он объявил о помолвке с юной, шестнадцатилетней красавицей Марфой Собакиной². Свахами Марфы были жена и дочь Малюты, ее дружками на свадьбе оказались сам Малюта и его зять Борис Годунов³. Весьма возможно, что Бельский сосватал царю свою дальнюю родственницу и таким образом породнился с царской семьей⁴. Выбор царской невесты обнаружил, что в интимнейших вопросах царь полагался на советы Скуратова не меньше, чем при расследовании заговоров.

Третий брак Грозного был самым непродолжительным. После помолвки невеста, цветущая молодая девушка, стала

¹ Цит. по статье П. А. Садикова «Царь и опричник». — Сб. «Века», т. 1. Пгр., 1924, стр. 60.

² В 1570 г. опричные писцы произвели по всей стране перепись дворянских девок-невест, отобрали 2000 самых здоровых и красивых из них и свезли их в Слободу. Из 2000 невест царь выбрал сначала 24, а затем 12 девиц. «И о девицах, — говорилось в соборном приговоре 1572 г., — много испытанию бывшу, потом же надолзе времени избра себе невесту, дочь Василя Собакина». (ААЭ, т. 1, № 284, стр. 329; см. также Послание Таубе и Крузе, стр. 55; Г. Штаден. Записки, стр. 95). 26 июня 1571 г. царь объявил о своей помолвке с Собакиной. В тот же день состоялась помолвка наследника престола царевича Ивана с Е. Б. Сабуровой-Вислоухой. Собакины были коломенскими дворянами, Вислоухие — псковскими помещиками. Ни те, ни другие не принадлежали к высшей знати и не были до того в Боярской думе.

³ Разряды, лл. 372 об., 373 об.

⁴ Как отметил В. Б. Кобрин, после смерти Малюты царь пожертвовал на помин его души огромный денежный вклад в 150 рублей, больший, чем по собственным дочерям Анне и Марье, по брату Юрию, по царице Марфе. (См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 24). Чтобы объяснить особые отношения между Скуратовым и Грозным, В. Б. Кобрин выдвинул гипотезу о том, что «может быть, Бельские — бывшие холопы московских князей». (Там же). Однако холопство Бельских никак не объясняет ни крупные жертвования царя на Малюту, ни стремление самых знатных родов (например, Шуйских) породниться с семьей Скуратова спустя много лет после его смерти. Нам представляется, что все эти факты можно объяснить родством Малюты с царской семьей.

недомогать, «сохнуть»¹. Все же, несмотря на ее очевидную болезнь, Иван к полному удовольствию своих советников «положился на бога» и 28 октября 1571 г. сыграл свадьбу в Александровской слободе. 4 ноября наследник царевич Иван отпраздновал свою свадьбу с Е. Сабуровой. Царица Марфа была в то время совсем плоха и через неделю скончалась².

Иван и сваты Марфы считали, что царицу «счаровали» недруги. Вскоре же после ее смерти было во всеуслышание объявлено, будто «ненавидяй добра враг воздвиже ближних своих многих людей враждовати на царицу Марфу, еще в девицах сущи, точию имя царское возложено на ней, и тако ей отраву злую учиниша»³.

Родовитая боярская знать и в особенности старая родня царя Захарьины не одобряли третьего - брака Ивана Васильевича. Они были недовольны, в частности, и тем обстоятельством, что царь поспешил ввести своих новых родственников в Боярскую думу. В силу своего худородства ни Собакины, ни Вислоухие не могли претендовать на получение думных чинов, тем не менее Грозный пожаловал боярство В. С. Большому Собакину, Б. Ю. Вислоухому и В. Б. Сабурову и сделал окольными Г. С. Собакина и В. С. Меньшого Собакина⁴.

**
*

Со времени суда над конюшим И. П. Федоровым и до великого московского пожара машина опричного террора действовала безостановочно. Ее жертвами стали тысячи людей, от высшей титулованной знати до черных посадских людей, крестьян и холопов. В отличие от первых лет опричнины террор наиболее глубоко поразил в эти годы правящее старомосковское боярство, составлявшее опору монархии в опричнине и земщине. Царской опале подверглись наиболее могущественные группировки старомосковского боярства, возглавлявшие как земскую Боярскую думу (Челяднины, Захарьины, Шереметевы, Колычевы, Даниловы и пр.), так и опричное правительство (Плещеевы, Салтыковы, Чеботовы, Воронцовы). Парадоксально, что наибольшим преследованиям в годы массового террора подверглась та группировка правящего старомосковского боярства, детищем которой была сама опричнина.

¹ Передавали, будто мать переслала Марфе через одного придворного какое-то зелье, которое та выпила, чтобы «приобрести плодородие». Зелье будто бы и явилось причиной болезни. (См. Даниил Принц фон Бухау. Начало и возвышение Московии. — Чтения ОИДР, 1876, кн. III, отд. IV, стр. 28).

² Новгородские летописи, стр. 108.

³ ААЭ, т. 1, № 284, стр. 329.

⁴ Разряды, лл. 372 об, 458 и др.; Древняя Российская Вивлиофика, т. XX. М., 1791, стр. 52—53.

ГЛАВА IV

ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ

После голода 1569—1570 гг. страну поразила чума¹. К осени 1570 г. эпидемия охватила 28 городов в Центральной и Северо-Западной России².

Из центральных и западных районов чума быстро распространилась на северные и восточные районы, захватив Вологду и Устюг³. В Устюге за время эпидемии умерло 12 тысяч посадских людей⁴.

В различных районах страны от Новгорода до Костро-

¹ По мнению некоторых исследователей, в России была эпидемия сыпного тифа. (См. К. Г. Васильев, А. Е. Сегал. История эпидемий в России. М., 1960, стр. 44; А. А. Зимин. Опричнина, стр. 394). Подобное предположение едва ли справедливо. Альберт Шлихтинг без обиняков утверждает, что Россию в 1570 г. опустошила чума. Между тем Шлихтинг служил у царского лейб-медика, опытного бельгийского врача Лензея и вместе со своим господином пережил московскую эпидемию. (См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 59). Другой очевидец, служилый немец Г. Штаден, также отмечает, что в Москве была чума. (См. Г. Штаден, Записки, стр. 106). В 1571 г. от чумы сильно пострадали Эстляндия и Польша. (См. Прибалтийский сборник, т. III, стр. 201, 207; Е. Ф. Шмурло. Россия и Италия, т. 2, вып. 1. СПб., 1908, стр. 43). По русским источникам, люди умирали «знамением», «прищем да железую». Эти симптомы ближе всего напоминают бубонную чуму.

² А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 59; Г. Штаден. Записки, стр. 92; Новгородские летописи, стр. 101, 106.

³ См. А. А. Засецкий. Указ. соч., стр. 60.

⁴ «На Устюзе на посаде померло, скажут, 12 тысяч, опроче прихожих, а попов осталось на посаде шесть». (См. Устюжский летописный свод. Подг. к печати К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 109).

мы мор продолжался до осени 1571 г.¹ В Костроме за один только сентябрь умерло 73 посадских человека².

Власти пытались бороться с эпидемией посредством драконовских мер. По всем дорогам были устроены воинские заставы. Всех, кто пытался выехать из мест, пораженных чумой, хватали и сжигали на больших кострах, вместе со всем имуществом, лошадьми и повозками. В городах стража наглухо заколачивала чумные дворы с мертвецами и вполне здоровыми людьми³. Но все эти меры оказались малоэффективными.

Неурожай 1569 г., голод и эпидемии 1570—1571 гг. принесли гибель и разорение тысячам и десяткам тысяч людей⁴. Бедствие довершили опустошительные вторжения татар, разграбивших богатейшую Рязанскую землю в 1570 г. и разоривших Москву и южные уезды в 1571 г. Результатом этих бедствий было невиданное разорение страны⁵. Сохранившиеся поземельные описания начала 70-х годов зафиксировали подробные сведения о массовом разорении, бегстве и гибели крестьян в тот период.

В 1571 г. писцы составили систематическое описание деревень и сел Шелонской пятины (книга сохранилась в отрывке). Согласно описанию, процент пустых крестьянских обож на поместных землях Шелонской пятины возрос

¹ Новгородские летописи, стр. 111; Разряды, лл. 370 об. — 371.

² Разряды, лл. 370—371. Согласно летописи Иосифо-Волоколамского монастыря, в 7078 г. «мор был добре велик: в Осифове монастыре преставилося 74 братье, а миряня, слуги и дети и мастера все вымерли и села все пусты, отчясти ся что остало». (См. А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв., стр. 22) Власти Троицкого монастыря жаловались в марте 1571 г., что в их вотчине «крестьяня от глада и от поветрея вымерли» и крестьян «ни тридцатаго жеребья» не осталось. («Сборник князя Хилкова». СПб., 1879, № 59). Из Суздаля власти Покровского монастыря писали царю, что «нынешнего де году было поветрее, людей монастырские и крестьяня вымерли во всех деревнях». (Из грамоты 20 апреля 1572 г. — См. С. М. Каштанов. К изучению опричнины Ивана Грозного. — «История СССР», 1963, № 2, стр. 115).

³ См. Г. Штаден. Записки, стр. 92. Новгородская летопись при описании чумы в Новгороде замечает: «много людей помроша, а которые люди побегоша из града и тех беглецов имаша и жгоша». (Новгородская летопись, стр. 336).

⁴ Перебежчик Кудеяр Тишенков показал в Крыму в 1571 г., что «на Москве и во всех московских городех по два года была меженина великая и мор великой». (ЦГАДА, Крымские дела, № 14, л. 25 об.). Пискаревский летописец отметил, что в 7078 (1570) г. «и на другой год [7079 (1571) г. — Р. С.] на Москве был мор и по всем градом руским; а в осьмом мор и глад». (Пискаревский летописец, стр. 80).

⁵ См. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, т. II, стр. 233—256; А. Г. Маньков. О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI века. — «История СССР», 1959, № 4, стр. 143; С. М. Каштанов. К изучению опричнины Ивана Грозного, стр. 114; А. А. Зимин. Опричнина, стр. 389—408.

в 1571 г. до 60,28%¹. Это значит, что на новгородских землях разорились примерно половина или несколько больше крестьянских хозяйств.

Неурожай, голодовка, поветрие, а также непосильность податей выступают в «сказках» местного населения как основная причина разорения. Когда в 1571 г. чиновники прибыли в Шелонскую пятину «добирать пустоту», жители сообщили им: «запустели у нас те деревни от податей, и з голоду люди померли, а иные з голоду люди поразошлись»².

Жалобы крестьян на непосильность тягла весьма симптоматичны. Одной из главнейших причин деградации сельского хозяйства в последние годы опричнины было чрезмерное усиление фискального гнета и помещичьей эксплуатации, опричные правежи и погромы.

Эпидемии и неурожай неоднократно поражали Россию в первой половине XVI в. В некоторых случаях стихийные бедствия носили исключительно тяжелый характер³. И тем не менее они не могли сами по себе вызвать в тот период общего упадка производительных сил. Голод и чума 1569—1571 гг., протекавшие в исключительно неблагоприятных социальных условиях, привели к значительно более тяжелым последствиям.

**

Стихийные бедствия и татарские набеги причиняли стране неопишуемые бедствия. Но опричники были для населения страшнее татар⁴.

¹ См. Н. А. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области в XVI веке, стр. 21, 23, 32, 48. См. также В. Ф. Загорский. История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI вв.— ЖМЮ, 1909, декабрь, стр. 203.

² НПК, т. V, стр. 441—442. Некоторые погосты Шелонской пятины запустели в начале 70-х гг. почти что полностью. Писцы, прибывшие в Рождественский Сиверский погост, записали: «Запустил... тот... погост 78 году от лихого повитрия, а детей боярских — помещиков и крестьян в том Усть-Сиверском погосте нет с тех лет и по ся места никакого жила». (См. Записки Русского географического общества, кн. 8, 1853, Приложение 4, стр. 120). Прежде того писцы ездили в Сиверский погост в 1576 году и обнаружили там «живущего полторы выти и пустого перелогом 170 вытей... а имянно про ти деревни и про земли распросити в том погосте не у кого, потому что попов и детей боярских и крестьян нет». (См. НПК, т. V, стр. 637—638).

³ Например, в Новгородской земле в 1506—1508 гг. от чумы умерло более 15 тысяч человек, а в 1552 г. будто бы — 279 594 человека. (См. ПСРЛ, т. III, стр. 244, 251—252).

⁴ «В источниках есть много указаний на то, что с течением времени в опричнине дисциплина падала, и опричник стал вырождаться в простого разбойника». (С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 192).

Царь Иван оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить неправду бояр-правителей, злоупотребления судей и т. д. На деле же опричина привела к неслыханному произволу. Судьи видели свою главную цель в охране привилегий опричнины и открыто покровительствовали грабителям и ворам из числа опричников¹. Эти последние в свою очередь широко использовали легальные возможности для всевозможных мошеннических проделок. По свидетельству очевидцев, они подбрасывали вещи во дворы земцев, вызывали их в суд и по суду взыскивали крупные денежные штрафы².

Произвол опричнины в отношении крестьян не знал предела. Но от него страдали также и земские дворяне. Опричники не упускали случая округлить свои владения за счет земщины. Понравившиеся им уголья и пашню они обводили двухсаженным рвом, которым обычно разделялись владения земских и опричных. Запуганные террором земцы не осмеливались нарушить опричную границу.

Самым обширным полем злоупотреблений опричнины служили так называемые политические дела. Опричник мог схватить земца за шею и, отведя в суд, пожаловаться, будто тот «позорит его и всю опричину». В таких случаях истец, как правило, получал имущество земца, а арестованного ждали верная тюрьма и плаха³.

Бесчинства опричнины достигли апогея ко времени «новгородского изменного дела». Кровавый погром федоровских вотчин, Твери, Новгорода и Пскова возвели открытый грабеж в ранг государственной политики. Более всего погромы деморализовали саму опричину. Злоупотребления опричнины являются предметом скорее уголовной хроники, нежели истории, но обойти их полным молчанием совершенно невозможно.

Страну разоряли чума и голод, дороги были полны голодающих, в городах не успевали хоронить мертвых. Сре-

¹ «Великий князь, — рассказывает опричник Штаден, — послал в земщину приказ: «судите праведно, наши виноваты не были бы». «Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом». (См. Г. Штаден. Записки, стр. 86).

² Послание Таубе и Крузе, стр. 38. Многие земские дворяне и купцы закладывались со своими вотчинами и имуществом за известных им опричников или фиктивно продавали им свои земли, чтобы оградить себя от насилий прочей опричнины. Однако покровители использовали заклад, чтобы поживиться имуществом закладчиков. Захватив его, они расторгли сделку, ссылаясь на то, что им строго запрещено общаться с земцами. Любые попытки земцев найти управу на опричника в опричном суде, даже простая попытка взыскать долг терпели неудачу.

³ Послание Таубе и Крузе, стр. 38.

ди всех этих бедствий опричники творили любые мерзости, безнаказанно убивали и грабили людей¹.

«Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия». Так, замечает Штаден, «начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно!»².

Царь и его приспешники не давали согласия на прямой разбой и душегубство. Но они создали опричные привилегии и подчинили им право и суд, они санкционировали погромы в Новгородской земле. Следовательно, на них лежала главная вина за беззакония опричнины.

После падения старого опричного руководства царская дума пополнилась земскими дворянами. В земщине возмущение против опричных злоупотреблений было повсеместным. Власти не могли больше игнорировать это обстоятельство. Наиболее дальновидные члены думы стали сознавать опасность полной деморализации опричнины и попытались как-то бороться с ней.

После казни Басмановых царь велел подобрать жалобы земских дворян и расследовать наиболее вопиющие злоупотребления опричников. «По своей прихоти и воле, — повествует Штаден, — опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил «довольно!»³.

Телега опричного правосудия сделала настолько крутой поворот, что под ее колесами оказались очень многие видные опричники. В феврале 1571 г. царь велел судить за уголовные преступления члена опричной думы кн. В. И. Темкина. Как выяснилось на суде, опричный боярин отказался выплатить крупный долг дьяку Н. А. Парфеньеву и убил его сына⁴. Специальная судная комиссия во главе с кн. М. Т. Черкасским доложила дело царю, который приказал

¹ Опричники составляли ложные указы об аресте различных лиц, главным образом богатых дворян и купцов, и с помощью таких наказов вымогали у них деньги. Вламываясь ночью во дворы земских, они хватали и жестоко мучили людей, пока не получали «всей наличности». Деньги и добро они забирали будто бы в царскую казну. Во время смуты невест для царя в 1571 г. некоторые из опричных с подложными наказами отправились в ливонские города. Там они вымогали деньги у богатых посадских людей, угрожая забрать их дочерей в Москву. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 95).

² Г. Штаден. Записки, стр. 95—96.

³ Там же, стр. 96.

⁴ «...бил челом государю царю и великому князю Микита Оксентьев о сына своего убитой голове». (См. Грамота 13 февраля 1571 г. П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, № 51, стр. 256). В самом начале опричнины Н. А. Парфеньев служил в дьяках у митрополита Афанасия. Тогда же он поручился за опального боярина И. П. Яковлева. (См. СГГД, ч. 1, № 184, стр. 509).

«за сына ево (Парфеньева. — Р. С.) убитую голову и за долг на боярине на князе Василье Темкине-Ростовском взять 900 рублей денег»¹. 4 февраля 1571 г. Парфеньеву была передана одна из вотчин Темкина — с. Хрептово, оцененное в 600 рублей. 13 февраля опричная комиссия приговорила конфисковать в пользу Парфеньева также и другую вотчину Темкина, две трети села Олферовского ценою в 300 рублей.

Одновременно суд удовлетворил иск сына боярского В. И. Волкова, которому опричный боярин отказался вернуть взятые в долг 150 рублей. В счет этого долга у Темкина была конфискована последняя треть села Олферовского².

Необычный приговор суда можно объяснить многими обстоятельствами. Прежде всего, казнь Басмановых и Вяземского разрушила круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. Далее в дело вмешался царь, который любил показную строгость и создал себе репутацию поборника справедливости. Помимо всего прочего, Грозный примерно наказывал опричных, чтобы примириться с земщиной.

После отставки старого руководства царь приказал судьям строго расследовать преступления своих людей. Земцы получили право опротестовать в судебном порядке неверно составленные долговые расписки и кабалы. «Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, — писал Штаден, — земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников»³.

Попытки положить конец наиболее вопиющим злоупотреблениям опричнины не затрагивали основ опричного режима, но проводились они с обычной для Грозного решительностью и беспощадностью и вызвали сильное недовольство в опричном корпусе. «Тогда, — пишет Штаден, — великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины»⁴. Передают, что после московского пожара царь велел казнить около сотни дворян, среди них очень многих видных опричников⁵. Правительство все меньше доверяло своим преторианцам.

**
*

В самые последние годы существования опричнины произошло полное обновление состава опричного правительства.

¹ П. А. Садиков. Из истории опричнины, № 50, стр. 255.

² Там же, стр. 259.

³ См. Г. Штаден. Записки, стр. 96—97.

⁴ Там же, стр. 96.

⁵ G. Hoff. Указ. соч., стр. 22.

При Басманове безраздельным влиянием в опричнине пользовалась старомосковская знать. После «новгородского дела» ее место постепенно занимают удельные князья (Ф. М. Трубецкой и Н. Р. Одоевский) и представители высшей титулованной знати (князья Пронские, Суздальские-Шуйские, Оболенский, Стародубский, Хованский).

Кн. Ф. М. Трубецкой был младшим родственником князей Бельских и Мстиславских, происходя из рода гедиминовичей. В опричнину он попал около мая 1570 г.¹ В силу своего происхождения удельный князь в местническом отношении далеко превосходил прочих членов опричной думы. 16 мая 1571 г. он был назначен главным дворовым воеводой и возглавил царский полк². Отметим, что царский шурин удельный князь М. Т. Черкасский возглавлял в том же походе передовой полк опричной армии и, таким образом, занимал низший пост. К осени 1571 года Трубецкой получил из опричнины боярский титул и вошел в опричную думу как один из главных ее руководителей³. Среди всех «новых» опричных бояр он пользовался наибольшим доверием царя Ивана. Только двое бояр были допущены на царскую свадьбу в октябре 1571 г. Первым из них был Трубецкой⁴. Зимой 1571 г. опричный боярин сопровождал царя в Новгород в чине первого дворового воеводы⁵.

Удельный князь Н. Р. Одоевский попал в опричнину несколько позже, нежели Трубецкой. Он оставался в земщине до мая 1570 г., а в сентябре командовал опричным полком правой руки в Тарусе⁶. Отметим, что воевода правой руки был вторым лицом в армии после главнокомандующего. Вскоре после мая 1571 г. Одоевский получил титул боярина и вошел в опричную думу⁷. В свое время опричные репрес-

¹ В первые годы опричнины Трубецкой служил в земских воеводах. (См. Разряды, лл. 319, 322, 325, 329 об.). Между 13 и 22 мая 1570 г. Трубецкой был послан в Калугу как «оприщинский воевода». 4 сентября он вновь был послан в Калугу во главе четырех опричных полков. После 22 сентября Ф. М. Трубецкому был подчинен опричный боярин кн. В. А. Сицкий. (Там же, лл. 356—356 об., 359 об., 361, 364 об.).

² Разряды, лл. 361 об., 368 и др.

³ Впервые с боярским чином Трубецкой упомянут в Разряде свадьбы царя с М. Собакиной в октябре 1571 г. (Разряды, л. 372).

⁴ Вместе с Трубецким в свадебных празднествах участвовали его жена, мать и тетка. (См. Разряды, л. 372 об.).

⁵ Разряды, л. 374 об. В связи с возвышением кн. Ф. М. Трубецкого в опричнину попали некоторые из его родственников. Один из них, кн. Н. Р. Трубецкой, в мае 1571 г. исполнял службу рынды с большим саадаком в опричной свите царя. (Там же, л. 368).

⁶ Разряды, лл. 329 об., 330, 335, 351 об., 356, 364 об.

⁷ Впервые Одоевский упомянут как боярин в поручной грамоте кн. И. Ф. Мстиславского, составленной вскоре после мая 1571 г. (См. СГГД, ч. 1, стр. 561—562).

сии не миновали семьи Одоевских. Сестра Н. Р. Одоевского, бывшая замужем за кн. В. А. Старицким, и ее дочь были отравлены в октябре 1569 года. Таким образом, новый опричный боярин принадлежал к знати, непосредственно затронутый опричными репрессиями.

Примерно в одно время с Одоевским опричниками стали князья Пронские. Со времени «новгородского дела» Пронские пользовались неизменным доверием царя. В июле 1569 г. кн. С. Д. Пронский был назначен воеводой Смоленска вместо кн. И. А. Шуйского, заподозренного в измене. Примерно через год после этого он был принят в опричнину, а к концу 1571 г. ему был пожалован в опричнине боярский титул¹. Его старший брат боярин кн. П. Д. Пронский помогал опричникам громить Новгород и оставался главным воеводой земского Новгорода после погрома². Наместник Новгорода стал опричником и вошел в опричную думу после того, как в феврале 1571 г. царь забрал значительную часть Новгородской земли в опричнину³. В декабре 1571 г. и весной 1572 г. братья Пронские сопровождали царя в Новгород как бояре из опричнины⁴. Немногочисленный род Пронских непосредственно испытал на себе действие опричного террора. Кн. В. Ф. Пронский был казнен летом 1566 г., боярин И. И. Пронский погиб около 1569 г. Отметим, что опричный боярин кн. П. Д. Пронский не только был близким родственником кн. В. А. Старицкого, но и служил в его уделе на протяжении многих лет.

К осени 1570 г. в опричнине оказался бывший старицкий дворецкий кн. А. П. Хованский, приходившийся двоюродным племянником княгине Ефросинье⁵. Примерно в то же время членом опричной думы стал окольничий Н. В. Борисов-Бороздин, другой родственник кн. Е. Старицкой⁶.

¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 605; Разряды лл. 363, 374 об.

² «По утрам, — рассказывают очевидцы погрома, — когда великий князь подъезжал из лагеря к городу, ему навстречу выезжал начальник города (боярин Пронский. — Р. С.) и великий князь узнавал таким образом, что происходило в городе за ночь». (См. Г. Штаден, Записки, стр. 90).

³ Новгородские летописи, стр. 105.

⁴ Разряды, лл. 374 об., 458.

⁵ В 1560 г. Хованский командовал старицкими удельными войсками при осаде Феллина, а после роспуска старицкого двора служил в 1564 г. царским воеводой. Будучи в земщине, Хованский в 1570 (7078) г. был послан вторым воеводой в Полоцк. К осени 1570 г. кн. А. П. Хованский перешел в опричнину и занял там видное положение. Между 22 сентября и 23 октября 1570 г. он служил в Тарусе вторым воеводой полка правой руки под начальством кн. Н. Р. Одоевского. (См. Разряды, лл. 361, 363; В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 82).

⁶ По матери кн. Ефросинья Старицкая была Борисовой. В 1567 и 1569—1570 гг. Н. В. Борисов служил земским воеводой в Полоцке. Вскоре после 4 сентября 1570 г. он получил назначение из опричнины и занял

В числе немногих доверенных лиц окольных Н. В. Борисов сопровождал царя в его поездках в Новгород зимой 1571—1572 г. и весной 1572 г.¹

В последние годы опричнины в состав опричного правительства вошло немало родственников и вассалов кн. В. А. Старицкого, в том числе кн. Н. Р. Одоевский и Н. В. Борисов, старицкие бояре кн. П. Д. Пронский и кн. В. И. Темкин, старицкий дворецкий кн. А. П. Хованский и др. Некоторые исследователи объясняют этот факт предательством бывших старицких вассалов и участием их в расправе над кн. В. А. Старицким².

На наш взгляд, появление нового элемента в составе опричной думы следует связывать в первую очередь с падением старого руководства и начавшейся реорганизацией опричнины.

Подготавливая почву для окончательной расправы со старой опричной гвардией и полной ликвидации опричнины, Грозный стремился обеспечить себе поддержку тех сил, которые более всего пострадали от опричных порядков.

В то же время он старался выставить прежних руководителей опричнины единственными виновниками насилий и злоупотреблений опричнины. Наказание их должно было послужить прологом к «примирению» царя с земщиной и полной ликвидации опричных порядков. Тем же целям служило зачисление в опричину лиц, семьи которых пострадали от опричного террора.

В этом плане следует рассматривать зачисление в опричину некоторых видных представителей рода князей Суздальских, Стародубских и Оболенских.

Не позднее лета 1570 г. опричником стал видный воевода кн. В. И. Барбашин-Суздальский³. К весне 1572 г. в опричину попал боярин кн. И. А. Шуйский. Во время похода в Новгород в 1572 г. он числился первым боярином из опричнины и официально занимал более высокое поло-

место второго воеводы полка правой руки, а затем — передового полка. (См. Разряды, лл. 359, 364 об.). Одновременно в опричину попал Г. Н. Борисов, двоюродный дядя окольного, служивший старицким воеводой в 1551—1563 гг. (См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 27).

¹ Разряды, лл. 374 об, 458.

² «Мотивы привлечения в состав опричного корпуса кн. П. Д. Пронского, — пишет В. Б. Кобрин, — сомнений не вызывают. Скорее всего Пронский активно участвовал в расправе над Владимиром Андреевичем». Хованский, по мнению Кобрин, также оказал какие-то услуги центральной власти в связи с делом Старицкого (См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 67, 83). Однако никаких доказательств предательства старицких слуг своему бывшему сюзерену нет.

³ Разряды, лл. 359, 363.

жение, нежели опричные бояре князя Пронские и Сицкий¹. Кн. И. А. Шуйский стал одним из первых бояр опричной думы накануне полной ликвидации опричнины².

К весне 1572 г. в состав опричной думы вошел кн. О. М. Щербатый-Оболенский. В чине опричного окольного Щербатый сопровождал царя в Новгород³. Летом того же года он ездил из Новгорода с царским «жалованным словом и с денежным жалованьем» к войскам, собранным на Оке для отражения татар⁴.

Из князей Стародубских успешную карьеру в конце опричнины сделал кн. Б. Д. Тулупов. Во время похода на татар в сентябре 1570 г. он служил первым опричным головой⁵. В весеннем походе 1572 г. в Новгород Тулупов ездил «с сонопалы» за царем⁶. Летом того же года он породнился с царской семьей, выдав свою двоюродную сестру за царского шурина Г. А. Колтовского⁷. В следующем году Тулупов был пожалован в окольные⁸.

Из старых опричных бояр чистку 1570—1571 гг. пережили немногие лица, в их числе боярин кн. В. А. Сицкий-Ярославский, Колычевы и Бутурлины. Однако положение их было, по-видимому, очень шатким. Окольный В. И. Умной был арестован вместе с И. П. Яковлевым под Ревелем и увезен в оковах в Россию в январе 1571 г. Он избежал казни, но был полностью отстранен от дел. Только весной 1572 г. он получил назначение в полки против татар. Ранее лета 1572 г. опричный боярин Ф. И. Умной пытался местничать с «молодым» боярином В. Б. Сабуровым, новой царской родней. Местничество закончилось для опричника катастрофой. Он был выдан Сабурову головой⁹. Вскоре же Ф. И. Умной ушел в монастырь¹⁰.

Из всех окольных только Д. А. Бутурлин получил приглашение на царскую свадьбу в октябре 1571 года¹¹. Спустя

¹ Кн. И. А. Шуйский получил боярский чин на земской службе весной 1571 г. Как воевода земского сторожевого полка он участвовал в обороне Москвы от татар в мае этого года. (См. Разряды, лл. 359, 367, 369, 370).

² Любопытно, что в опричнине Шуйские породнились с М. Скуратовым. Последний отдал в род Шуйских свою дочь с приданым, вотчиной на 660 четвертей земли в опричном Переяславском уезде. (См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 24).

³ Разряды, л. 458.

⁴ Там же, л. 462.

⁵ Там же, л. 363.

⁶ Там же, л. 459.

⁷ Новгородские летописи, стр. 118, 120.

⁸ Разряды, лл. 473 об., 491. Согласно дворовому списку 20 марта 1573 г., Тулупову был положен высший денежный оклад в 500 рублей. (См. Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 20).

⁹ Разряды, л. 466.

¹⁰ См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 43.

¹¹ Разряды, л. 372 об.

Синц-
р оп-
л кн.
льни-
того
нним
нним
е оп-
а на
м го-
в ез-
н по-
сест-
ощем
режи-
Яро-
и
мной
ем и
каз-
сною
ранее
мест-
цар-
ка-
е же
при-
туся
есною
ороне
(370).
рато-
чиной
Коб-
марта
блей

несколько месяцев он сопровождал царя в Новгород вме-
сте с другими доверенными лицами¹. Следует заметить, что
Бутурлины испытали на себе действие опричного террора.
Во время новгородского разгрома казни подвергся В. А. Бу-
турлин, младший брат опричного окольного.

В последнем опричном правительстве старомосковская
знать уступила место удельным князьям (Трубецкой, Одо-
евский) и отчасти суздальской знати. Но это не означало,
будто опричина в конечном итоге дала верх титулованной
знати.

Последнее опричное правительство отличалось одной ха-
рактерной особенностью. Вошедшие в нее представители
титулованной знати были в большинстве людьми сравни-
тельно молодыми. К примеру, будущие опричные бояре
князья Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Одоевский, С. Д. Пронский
служили есаулами в полоцком походе, всего лишь за два
года до введения опричины². В годы террора они остава-
лись в тени и ничем не скомпрометировали себя. В полити-
ческом отношении большинство из них было людьми совер-
шенно бесцветными.

Опричники Таубе и Крузе весьма метко характеризовали
последнее опричное правительство, заметив, что при особе
царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей или
молодых ротозеев³. Титулованная молодежь принадлежала
ко второй категории. Ее роль в известной мере сводилась
к внешнему представительству. Опричному двору нужен
был новый, блестящий фасад, поскольку старый утратил
всякую привлекательность.

Опричное думное дворянство пострадало в период чист-
ки 1570—1571 гг. значительно меньше, нежели опричная
знать. Жертвами репрессий стали учредители опричины
Вяземский и Зайцев, связавшие свою судьбу с группиров-
кой Плещеевых. Все же прочие думные дворяне (М. Л. Ску-
ратов, В. Г. Грязной, И. С. Черемисинов, Р. В. Олферов,
В. Г. Зюзин) и почти вся приказная бюрократия благопо-
лучно пережили чистку.

Из всех опричных думных дворян наивысшего могуще-
ства к концу опричины достиг М. Л. Скуратов-Бельский.
Сосватав царю Марфу Собакину, он, по-видимому, пород-
нился с царской семьей⁴. Такое предположение объясняет
нам, почему после свадьбы Малюта был назначен на пост
второго дворового воеводы, один из высших воеводских по-
стов, на который он никак не мог претендовать в силу сво-

¹ Там же, л. 455.

² Витебская старина, т. IV, стр. 40—41.

³ Послание Таубе и Крузе, стр. 54.

⁴ См. выше, стр. 141.

его худородства¹. Назначение дворовым воеводой весной 1572 г. было венцом служебной карьеры Скуратова². Как дворянин «ближние думы царя» Малюта с начала 1572 г. участвовал в ответственных дипломатических переговорах с Крымом и Литвой³. Во время похода на Пайду в январе 1573 г. Скуратов не получил воеводского назначения и находился в ближней свите царя как дворянин «з бояры». Под стенами Пайды он и погиб⁴. Смерть Малюты не отразилась на положении его родни, выдвинувшей из своей среды знаменитого впоследствии Б. Я. Бельского⁵.

Скуратов стал играть выдающуюся роль в опричнине в период массового террора благодаря чрезмерному усилению сыскного ведомства, которым он руководил. Царь, живший в постоянном страхе перед воображаемыми заговорами, слепо доверял Малюте и видел в нем своего всегдашнего спасителя. Руками Скуратова царь расправился со старой опричной гвардией. Подручные Малюты казнили Басманова и подавили все признаки недовольства внутри опричнины. Ко времени ликвидации опричнины Скуратов не только не утратил своего влияния, но, напротив, достиг наивысшего могущества.

Знатному боярству имена Малюты и Богдана Бельских были столь же ненавистны, как и имя основателя опричнины Басманова-Плещеева. Курбский желчно бранил царя за то, что тот по дьявольскому наущению приблизил «прескверных паразитов и маньяков», «прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарищи», «кромешников или опришников кровоядных»⁶.

Ко времени новгородского погрома наибольшим влиянием в опричнине пользовались наряду с Бельским дворяне Ильины. В период массовой чистки опричного двора в 1571 г. их положение сильно пошатнулось. По приказу царя был отравлен «ближний спальник» Г. Б. Большой Грязной, убит начальник и судья опричного Земского двора в Москве

¹ Еще в сентябре 1570 г. Скуратов числился четвертым по списку дворян в царском стане, в январе 1572 г. он назван первым среди дворян, «которые живут у государя в думе». (Разряды, л. 363; Сб. РИО, т. 129, стр. 216). Интересно, что родня Скуратова получила первые почетные назначения в свите царя только осенью 1570 г. (Разряды, л. 361 об.).

² Разряды, л. 459 об.

³ См. В. Новодворский. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582 гг.). СПб., 1904, Приложение, стр. 5, 14; В. Б. Курбский. Состав опричного двора, стр. 23.

⁴ Разряды, л. 467 об.

⁵ После похода 1573 г. Б. Я. Бельский получил один из высших дворовых окладов, в 250 рублей. (См. Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 20).

⁶ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 155.

Г. Б. Меньшой, заживо сожжен сын судьи Никита¹. В. Г. Грязной избежал участи своих двоюродных братьев, но лишился прежнего доверия Грозного и не был приглашен на царскую свадьбу в 1571 г.² Если в тот период Василий сохранил титул думного дворянина, то этим он был обязан всецело покровительству старого своего друга М. Л. Скуратова³. На другой день после гибели Малюты Ильины были изгнаны из думы. В. Ф. Ошанин получил назначение на воеводство в замок Пайдю, а позже был арестован и в опале увезен в Москву⁴. В. Г. Грязного царь отослал в почетную ссылку в Нарву, а оттуда в небольшую крепость Донков на крымской границе. Богатейшее поместье Грязного в Новгороде было передано к весне 1573 г. другим лицам⁵. Во время службы в степи Грязной попал в плен к татарам⁶. Письма Василия к царю, составленные в плену в 1573—1577 гг., дают весьма точное представление о характере и достоинствах главного сподвижника Малюты. Веселый сотрапезник, завоевавший благосклонность царя застольными шутками, Васюшка Грязной предстает перед нами как человек невероятно хвастливый, тщеславный и легкомысленный. Оправдывая свое пленение, он с серьезным видом уверял царя, будто все его 115 лучников побежали от врага, а он один сцепился с 250 татарами. Когда его повалили наземь, он «над собой укусил шти человек до смерти, а двадцать да дву ранил». В крымском плену он (неведомо как) «государевых собак изменников... всех перекусал же, все вдруг (!) перепропали, одна соба-

¹ Послание Таубе и Крузе, стр. 54; Г. Штаден. Записки, стр. 97. Таубе и Крузе, сообщившие о казни спальника Грязного, покинули Россию в конце 1571 г. Отсюда можно заключить, что он погиб не позднее 1571 года.

² П. А. Садиков посвятил В. Г. Грязному небольшой очерк. (См. П. А. Садиков. Царь и опричник. — Сб. «Века». Пгр., 1924). По его мнению, «фавор» Грязного кончился после пленения думного дворянина. На самом же деле все произошло значительно раньше, тотчас после московского пожара. Веселые застольные шутки, за которые царь любил Васютку, спустя несколько лет стали предметом саркастических насмешек: «Али ты чаял, — писал царь Грязному в 1574 г. — что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити?» (Послания Ивана Грозного, стр. 193).

³ Вместе с Малютой Грязной участвовал в походе на Пайдю как дворянин «з бояры». (См. Синбирский сборник, ч. 1. Изд. Д. Валуева, М., 1844, стр. 37).

⁴ Разряды, л. 472; Синбирский сборник, стр. 36.

⁵ Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1, ч. 2, стр. 76—78.

⁶ См. П. А. Садиков. Царь и опричник, стр. 47. Послания Ивана Грозного, стр. 567; Древняя Российская Вивлиофика, т. XIII. М., 1790, стр. 441.

ка остался — Кудеяр, и тот, по моим грехом, маленько свернулся...»¹.

Обращение Грязного к царю («ты, государь, аки бог — и мала и велика чинишь»), в котором видели чуть ли не манифест худородного опричного дворянства, было всего лишь раболепной выходкой впавшего в немилость опричного фаворита.

В самом конце опричнины в первые ряды опричного думного дворянства выдвинулись дворяне Нащокины. Род Нащокиных пострадал от опричного террора в 1569 г., но это обстоятельство благоприятствовало их карьере к концу опричнины. Одним из влиятельнейших членов опричной думы стал к 1572 г. дворянин Р. В. Олферов-Нащокин². Происходя из родовитой, но довольно захудалой дворянской семьи, Олферов в первые годы опричнины выступал в скромной роли дворянского головы³. Однако перед отменой опричнины в его карьере наступили важные перемены. Несмотря на полную безграмотность, он стал по милости царя опричным печатником и возглавил весь приказной аппарат опричнины⁴. В качестве «печатника и думного дворянина» Олферов сопровождал царя в Новгород зимой 1571—1572 гг., а затем вторично — весной 1572 г.⁵. В Новгороде в январе 1572 г. Олферов был послан на Казенный двор в помощники к главному земскому казначею кн. В. В. Литвинову-Мосальскому. Гордый опричный временщик затеял местничество с казначеем и, нимало не смущаясь, заявил в челобитной царю: «Я, холоп твой, не ведаю, почему Мосальское князи и хто они»⁶. Государственный казначей не только стерпел подобное бесчестье, но и смиренно заявил, что «своего родства Мосальских князей не помнят», «Ро-

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 567. Грязной добавлял, что «за тех изменников (которых он перекусал и «извел» в Крыму. — Р. С.) царь (хан. — Р. С.) хотел (его — Р. С.) казнити». Будучи в Крыму, Грязной самочинно и притом бестолково вмешивался в дипломатические переговоры между царскими послами и ханом, за что получил строгий выговор из Москвы. Царь велел бывшему фавориту «не дуровать» и не вмешиваться не в свое дело. (См. П. А. Садииков. Царь и опричина, стр. 74—75).

² Как значится в одном местническом деле, опричный голова Роман Пивов говорил про Романа Олферова, что «их роду были многие в Можайске в приказщикех городовых, а иные де в холопех». (См. Н. П. Лихачев. Местнические дела 1563—1605 гг. СПб., 1894, стр. 10).

³ Р. Олферов служил в Одоеве в 1568 г., строил крепость на Колыванской дороге в 1570 г. (См. Разряды, л. 346; Синбирский сборник, стр. 26).

⁴ Опричный печатник говорил: «яз грамот не прочитаю, потому что яз грамоте не умею». (См. Н. П. Лихачев. Местнические дела, стр. 10).

⁵ Разряды, лл. 374 об., 458. В чине печатника Р. В. Олферов явил царю дары польского посланника Воропая в сентябре 1572 г. (См. В. Новгородский. Указ. соч. Приложение, стр. 13).

⁶ Разряды, л. 456.

ман (Олферов. — Р. С.) — человек великой, а я человек молодой», и что «счету он с Романом не держит никоторова»¹. В местническом деле безграмотный печатник предстает перед нами как «великий человек» опричнины².

К концу опричнины видную роль в опричной думе играли дворяне Годуновы. После смерти В. Ф. Наумова чин постельничего перешел к Д. И. Годунову³. Последний упрочил свое положение, женив племянника Бориса на дочери всеильного Скуратова⁴.

После падения Плещеевых и последующих массовых чисток значение думного дворянства внутри опричной думы заметно усилилось. В лице Бельских, Ильиных и Олферовых худородное дворянство заняло прочные позиции в царской ближней думе.

В период всевластия Скуратова при опричном дворе с успехом подвизались всевозможные проходимцы и авантюристы, к разряду которых принадлежал и сам Малюта. Большое влияние на Грозного приобрел в то время вестфальский астролог и медик Е. Бомелей⁵. Он умело использовал подозрительность царя, предсказывал различные беды

¹ Там же, лл. 456 об., 455 об.

² Видное положение в опричнине занял двоюродный брат печатника М. А. Безнин-Нащокин. После московского пожара он руководил постройкой Москвы, а затем был определен в дядьки к царевичу Федору. (См. В. Б. К о б р и н. Состав опричного двора, стр. 52).

³ Царь назначил Д. И. Годунова «у постели быти», а затем «за саньми ходити» на свадьбе в октябре 1571 года. Как первый постельничий Д. И. Годунов записан в весеннем и сентябрьском Разрядах 1572 г. (См. Разряды, лл. 373 об., 372, 458, 467).

⁴ В 1570—1572 гг. В. Ф. Годунов неизменно служил оруженосцем в свите царевича Ивана. (См. Разряды, лл. 363, 368 об., 459). В сентябре 1570 г. Борис и его брат успешно местничали с сыном опричного боярина кн. Ф. Сицким. (Там же, л. 362 об.). На царской свадьбе в октябре 1571 г. Борис присутствовал в качестве дружки царицы Марфы Собакиной. (Там же, лл. 372—374). Зять Малюты был, однако, слишком молод, чтобы играть в опричном правительстве сколько-нибудь самостоятельную роль. По списку 20 марта 1573 г., ему был положен скромный оклад в 50 рублей. (См. Д. Н. А л ь ш и ц. Новый документ, стр. 21).

⁵ Будучи в Англии, Бомелей был заключен лондонским архиепископом в тюрьму за колдовство. Из тюрьмы он писал канцлеру о бедствиях, будто бы угрожавших Англии, и утверждал, что он один знает средства предотвратить их. По просьбе русского посла Совина Бомелей был освобожден из темницы с условием, что немедленно покинет страну. Вместе с Совиным он приехал в Москву летом 1570 г. (См. И. Г а м е л ь. Англичане в России, стр. 97—98). После гибели бельгийца А. Лензея в мае 1571 г. он стал лейб-медиком Грозного и придворным астрологом. Курбский не раз упрекал за это царя. «Яко нам zde поведают (не вем, есть ли правда), — писал беглый боярин, — чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях». (См. РИБ, т. XXXI, стр. 156).

и советовал, как избавиться от них¹. По своим нравственным качествам новый царский медик стоял на одном уровне с Бельскими. Он приготовлял яды для отравления впавших в немилость придворных, собственноручно умертвил спальника Грязного и т. д.². Возвышение астролога служило симптомом полного упадка опричнины³.

**
*

Характеристика опричного правительства была бы неполной без упоминания о личности царя Ивана. Современники склонны были сильно преувеличивать влияние склонностей и прихотей Грозного на ход событий. Но историк впал бы в противоположную крайность, если бы вздумал отрицать значение деятельности Грозного для истории России XVI века.

Для суждений о личности царя Ивана самым надежным основанием служат, пожалуй, его многочисленные литературные сочинения. В своих писаниях Грозный предстает как человек, от природы одаренный острым умом. Его достоинства весьма необычны для людей его положения. Это публицистический талант, большой политический темперамент. При чтении переписки царя с Курбским трудно отделаться от впечатления, что первый как борец и писатель был на голову выше даже самых талантливых своих противников.

Отзывы современников о Грозном весьма противоречивы, но почти все они признают за ним острый ум и бесспорную образованность.

Младший современник Грозного дьяк Иван Тимофеев, строго критиковавший царя за жестокость и мнительность, отдает дань его достоинствам: царь Иван «крепок во бранех и мудромен зело о всех, во всем роде своем изряден быв премудростию», «добре... он грамотечное о истинне по

¹ Как писал английский посол Д. Горсей, царь видел, что «каждый новый день угрожает более прежнего дня его безопасности, и, не зная, как ему избежать и уйти от беды, совещался с Елисеем Бомелием, хитрым обманщиком, английским врачом, известным математиком и „магиком“». (См. Д. Горсей. Записки, стр. 32, 34—35).

² Послание Таубе и Крузе, стр. 54.

³ Бомелей снискал себе мрачную славу на Руси. Отзвуком ее может служить рассказ псковского летописца о «лютом волхве» Елисее, который «положи на царя страхование» и «много множества роду боярскаго взусти убити цареви, последи же и самого (царя. — Р. С.) приведе наконец, еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшие побити». (См. Псковские летописи, т. II, стр. 262). Справедливости ради заметим, что рассказ Псковской летописи грешит преувеличением. Во-первых, мысль о бегстве в Англию родилась в голове Грозного за много лет до знакомства с Бомелеем. Во-вторых, немецкий астролог прибыл в Россию, когда опричный террор пошел на убыль.

философех научение сведый, к сим же и внешнее немнение»¹.

Знавшие царя иноземцы отмечают его природный ум и опытность. Надобно полагать по всему, писал австрийский посол Даниил фон Бухау, он (царь) ума необыкновенного². Примерно так же отзывались о Грозном итальянец Фоскарини и английский посол Д. Горсей. Это настоящий скиф, заявлял Горсей, остроумен, жесток, кровожаден, безжалостен; его собственная опытность помогла ему в управлении государством и общественными делами³.

Было бы неверно игнорировать все приведенные мнения о личности Грозного и его необычных достоинствах.

В какой же мере личность царя оказала воздействие на важнейшие события того времени? При Сильвестре и Адашеве Иван всецело подчинялся авторитету наставников и друзей, что бесспорно ограничивало его собственное влияние на дела управления. После отстранения вождей Рады и введения опричнины все переменялось. Грозный, казалось бы, достиг неограниченной власти. Почти все современники сходились в мнении, будто влияние московского „тирана“ на дела управления было почти безграничным⁴. Но в этом пункте они не избежали преувеличения.

Опричнина явилась любимым детищем Грозного, но она никогда не была делом исключительно его ума и энергии. В важнейших событиях опричнины рядом с царем Иваном

¹ Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати О. А. Державиной. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 150, 17. В апологетических тонах отзывался о Грозном неизвестный автор «Повести книги сея от прежних лет» начала XVII в.: «муж чюдного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен». (См. РИБ, т. XIII, стр. 619—620).

² Даниил фон Бухау. Начало и возвышение Московии. — Чтения ОИДР, 1876, кн. 3, отд. IV, стр. 27.

³ Д. Горсей. Записки, стр. 63. Литовский посол и государственный секретарь А. Харитонович после длинной речи царя льстиво заявил ему: «твой государской от бога дарованный разум кроме (выше. — Р. С.) человеческого разума». (Сб. РИО, т. 71, стр. 689).

⁴ «Я думаю, что и турку так не повинуются, как повинуются москвиту, ибо это великий тиран», — писал венецианский посол, побывавший в Москве в год новгородского разгрома. (См. *Historia Russia Monumenta*, t. I, S. 214). Австрийский посол, посетивший Русь вскоре после опричнины, писал о Грозном следующее: «Он такой могущественный властелин, что никто тому не поверит, не бывши в этом государстве. Но всего более замечательно безграничное послушание подданных своему государю». (См. Донесение о Московии Иоанна Пернштейна 27 мая 1575 г. — Чтения ОИДР, 1876, кн. 2, отд. IV, стр. 18). Как показал Ф. Вержбовский, подлинным автором «Донесения...» Пернштейна был австрийский посол И. Кобенцель, ездивший в Москву в 1575—1576 гг. (См. Ф. Вержбовский. Донесение И. Кобенцеля о Московии от 1576 г. М., 1901, стр. IX; Его же. Посольство И. Кобенцеля в Москву в 1575—1576 гг. — Материалы по истории Московского государства в XVI и XVII столетиях, вып. 1. Варшава, 1891).

неизменно выступает целая плеяда деятелей практического склада: Басманов и Вяземский, позже Малюта Скуратов и прочие руководители опричного правительства. На первый взгляд все эти люди кажутся послушными исполнителями распоряжений Грозного, его произвола. Но подлинное их влияние на опричную политику было исключительно велико.

По мере нарастания террора все большее значение в политической жизни государства приобретал новый важный элемент — всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. На протяжении всей опричины он жил затворником в Слободе под надежной охраной и никуда не выезжал иначе, как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно поддерживали в нем его подозрения.

В пору кровавых оргий опричины царь действует как человек, ослепленный страхом. Как заметил однажды Энгельс, эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас. «Напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх»¹.

Кровавый террор наложил глубокую печать на все стороны политической жизни общества. Никогда еще не расцветали столь пышным цветом низкопоклонство и славословие монарха. «Ласкатели» и сотрапезники без всякой меры превозносили мудрость и непогрешимость правителя².

Под влиянием страха и неумеренных славословий Грозный, несмотря на свой природный ум, все больше утрачивал перспективу, становился нетерпим к любому противоречию и упрямо совершал ошибку за ошибкой. В конце концов он окружил себя людьми самыми сомнительными, отъявленными карьеристами и палачами.

Опричина создала видимость всевластия московского самодержца. Но в царстве опричного террора правитель сам стал игрушкой в руках авантюристов типа Малюты Скуратова.

Чрезмерная подозрительность Грозного отчасти объясняется патологией его личности. В дни отречения от престо-

¹ Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу от 4 сентября 1870 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 33. М., 1964, стр. 45.

² Новые советники «восхваляше... и возношаше и глаголаше... царя велика, непобедима и храбра». (См. А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 269).

ла царь пережил сильное нервное потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. В ближайшие годы царь, до того обладавший несокрушимым здоровьем, начинает настойчиво искать опытных врачей в заморских странах. После новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что бог покарал Ивана неизлечимой болезнью¹. Очевидцы передают, что царь был подвержен припадкам, во время которых он приходил «как бы в безумие», на губах его выступала пена, он «бесился на встречных» и т. д.² Внезапные вспышки ярости и невероятная подозрительность царя связаны были, по-видимому, с какой-то нервной болезнью³. Но все же влияние недуга на характер Грозного и события его времени не следует преувеличивать⁴. Жестокость Грозного нельзя объяснить патологическими причинами. Даже здесь решающее значение имело влияние феодальной морали и права. Вся мрачная, затхлая атмосфера средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежением к достоинству и жизни человека, всевозможными нелепыми суевериями. Царь Иван Васильевич не был чем-то исключительным в длинной веренице средневековых правителей-тиранов⁵.

¹ После нашествия опричных на Новгород бог «болети неисцелно ему (царю. — Р. С.) сотвори». (См. *Временник Ивана Тимофеева*, стр. 14). Исследования М. М. Герасимова обнаружили, что в последние годы царь Иван был поражен тяжелым недугом. Вследствие значительного отложения остеофитов на костях позвоночник Ивана лишился подвижности и весь его торс оказался как бы в жестком корсете. Остеофиты вызывали приступы чрезмерной, длительной боли. По мнению М. М. Герасимова, болезнь развилась в последние пять-шесть лет жизни Ивана.

² Чтения ОИДР, 1876, кн. 3, отд. IV, стр. 27. Австрийский посол, описывая внешность царя, вскользь упоминает о том, что Иван, как и все москвитяне, имел лицо «багровое и красное как кровь» будто бы от того, что ударял челом в землю на молитвах. (Т а м ж е).

³ Дьяк Тимофеев пишет, что царь «к ярости удобь подвижен бе, купно по естеству и за гнев». (Курсив наш. — Р. С.). (См. *Временник Ивана Тимофеева*, стр. 11).

⁴ Некоторые исследователи склонны крайне преувеличивать патологию личности Грозного. П. И. Ковалевский утверждал даже, будто царь подвержен был неврастению и его характер параноика с манией преследования сказался в создании опричнины. Этот свой вывод он обосновывал рассуждениями самого общего характера. К примеру, он писал, что у царя после венчания «резко выражается страсть многих неустойчивых людей (дегенератов) возможно чаще и возможно больше фигурировать, произносить речи, появляться к народу и блуждать по государству». (См. П. И. К о в а л е в с к и й. *Иоанн Грозный и его душевное состояние*, в. 2. Харьков, 1893, стр. 82).

⁵ Недостаток достоверных свидетельств не позволяет составить достаточно полное представление о личности Грозного и даже его внешнем облике. Среди немногих сохранившихся портретов царя наиболее достоверен так называемый «копенгагенский портрет», писанный неизвестным лицом в XVI в. и увезенный из Москвы одним из датских послов в 1677 г. Лицо изображенного на нем человека отмечено незаурядными чертами:

Современников поражало сумасбродство, которому предавался царь. В некоторых случаях оно носило вполне невинный характер. На свадьбе царской племянницы Старицкой гости плясали под напев псалма св. Афанасия, причем сорокапятiletний царь плясал вместе с молодыми иноками, по головам которых он отбивал такт жезлом¹. Во время

высокий лоб с большими залысинами, удлинённый, немного крючковатый нос, пышная борода. Как отметил уже М. М. Герасимов, «копенгагенский портрет» написан в условной, почти иконописной манере, что значительно снижает его ценность. В благообразном царском лике на фреске Новоспасского монастыря индивидуальность вовсе неразличима. Явно полемическим представляется портрет Грозного из немецкого летучего листка XVI в., на котором изображен хитрый, жестокий азиат в косматой шапке. В позднем портрете Ивана из титулярника XVII в. все схематично — и орлиный нос и грозно сдвинутые брови. (Важнейшие портреты царя воспроизведены в книге «Послания Ивана Грозного, стр. 8, 288, 400, 384, 472.) Весьма существенным дополнением к сохранившимся портретам служат литературные описания, среди которых наибольшей известностью пользуется описание из так называемой повести кн. Катыева первой половины XVII в., подлинный автор которой неизвестен. «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плечи имея высоки, груди широки, мышцы толсты...» (Русская историческая библиотека, т. XIII. СПб., 1908, стб. 619—620). Приведенный литературный портрет Грозного, по-видимому, не отличается большой точностью. В самом деле, автор его пишет, будто у царя были серые глаза, но с этим никак не согласуется то, что сам Грозный писал о людях с серыми глазами: «Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже серы (в других списках «зекры», т. е. голубые. — Р. С.) очи имуща?» (См. Послания Ивана Грозного, стр. 52, 608). Составитель портрета писал, будто царь имел «сухо тело». На самом деле царь к концу жизни (а только тогда и мог видеть его автор повести) отличался полнотой. Отмеченные несообразности, возможно, объясняются тем, что автор описал внешность Грозного с чужих слов. Его утверждение насчет «нелепого образа» носят явно полемический характер. Даже враги Грозного из числа его современников, не жалевшие красок, чтобы очернить тирана, ни словом не обмолвились относительно его отталкивающей наружности. Более объективные наблюдатели (например, англичанин Д. Горсей, на протяжении многих лет близко знавший царя, а также итальянские купцы и др.) определенно утверждают, что Иван обладал привлекательной внешностью и даже был хорош собой. (См. Д. Горсей. Записки, стр. 21, 63; В. Огородников. Донесение о Московии второй половины XVI в. — Чтения ОИДР, 1913, кн. 2, отд. II, стр. 11, 13—14). По-видимому, царь Иван отличался внешним благообразием и во всяком случае в его облике не было выражения жестокости. В этом пункте первый документальный портрет Грозного, выполненный М. М. Герасимовым, не вполне согласуется с показаниями источников. С наибольшей достоверностью внешность Грозного описал австрийский посол Даниил фон Бухау, посетивший Москву в то время, когда царю исполнилось сорок пять лет. По его словам, царь был очень высокого роста, полон сил и довольно толст, с длинной и густой бородой рыжего цвета с небольшим оттенком черноты, с обритой головой, с большими глазами, которые постоянно бегают и наблюдают всё самым тщательным образом. Более всего австрийца покорила царственная осанка Грозного. (См. Чтения ОИДР, 1876, кн. 3, отд. IV, стр. 27).

¹ См. А. Чумиков. Осада Ревеля. — Чтения ОИДР, 1891, кв. 2, отд. IV, стр. 32.

великих пиров во дворце царь Иван не прочь был потешиться и подшутить не только над иноками, но и над ближними боярами¹.

Иностранцев, посещавших двор Грозного, поражал царивший там дух тщеславия и высокомерия. Московиты, писал австрийский посол фон Бухау, горды и надменны. Не считаясь с историей, они чрезвычайно превозносят все свое и этим хвастовством и тщеславием думают придать достоинство своему князю².

В то время как народ бедствовал от голода и нищеты, двор поражал иностранцев показной роскошью и богатством. Торжественные приемы, пиры в царском дворце обходились казне в десятки тысяч рублей ежегодно. Не дешевле стоили предметы роскоши (драгоценные камни, к которым царь питал особое пристрастие, ткани), закупавшиеся для царской семьи за границей³.

**
*

Проект создания в Ливонии вассального королевства окончательно рухнул после неудачной осады Ревеля. Авторы проекта опричные дипломаты «боярин» Таубе и Крузе изменили царю и 21 октября 1571 г. подняли вооруженный мятеж в Юрьеве⁴. Мятеж был подавлен в течение двух ча-

¹ Однажды, передает Пискаревский летописец, царь призвал к себе бояр и дворян и всяких чинов людей на пир и «жаловал без числа своею царскою чашою и (велел.— *Р. С.*) чашником безпрестанно носить и поить. И как почали прохладжаться и всяким глумлением глумиться: овии стихи пояше, а овии песни воспевати и собаки звати, и всякия срамныя слова глаголати. И... царь... повеле их речи слушати и писати тайно. И наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такие люди разумныя и смиренныя от его царского синклита, такие слова простыя глаголюще; и показаше те речи им, и они сами удивишася сему чюдеси». (См. Пискаревский летописец, стр. 85).

² Чтения ОИДР, 1876, кн. 4, отд. IV, стр. 67.

³ В. Любич-Романович. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII столетиях, стр. 28, 31—32; Я. Ульфелд. Путешествие в Россию.— Чтения ОИДР, 1883, кн. 2, отд. III, стр. 33—35; Донесение о Московии Иоанна Пернштейна.— Чтения ОИДР, 1876, кн. 2, отд. IV, стр. 12—13.

⁴ За месяц или два до мятежа Таубе и Крузе завели секретные переговоры с литовским правительством. Через своего тайного эмиссара Д. Каля они обещали литовцам, что захватят Юрьев и передадут его королю, если за это «будут пользоваться такими же почестями и имениями (в Польше.— *Р. С.*), какими пользовались у великого князя». Король ответил согласием. Польские войска в Рижском округе получили приказ оказать мятежникам военную помощь. (См. Летопись Ф. Ниештедта. Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. IV. Рига, 1883, стр. 41—42). Согласно ливонским и датским источникам, мятеж в Юрьеве произошел 21 октября 1571 г. (См. Прибалтийский сборник, т. III, стр. 207; Отчет о сношениях Магнуса с царем Иваном.— Ю. Щербачев. Акты копенгагенского архива.— Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, отд. IV, стр. 98).

сов, но Таубе и Крузе удалось бежать в Литву. Король Сигизмунд пожаловал им земли и замки, а также баронский титул. Измена любимцев, составляющих цвет опричного дипломатического корпуса, поразила царя Ивана. Сначала он обратился к беглецам с длинными увещеваниями, прося их вернуться в Россию¹. Затем он стал требовать их выдачи от Речи Посполитой. Получив отказ, Иван велел казнить многих ливонских пленников.

Мятеж, поднятый видными опричниками, усилил недоверие царя к старой опричной гвардии и тем самым способствовал быстрейшей отмене опричнины.

Перемирие между Речью Посполитой и Россией постоянно нарушалось². Военные действия на западной границе могли возобновиться в любой момент. Однако угроза татарского вторжения вынудила русское правительство искать более прочного мирного урегулирования с поляками. Весною 1572 г. в Москву прибыл литовский посол М. Гарабурда, достигший соглашения с московским правительством о союзе против турок и татар³. Смерть короля Сигизмунда II Августа и разгром татар под Москвой дали новое направление русско-польским отношениям. Надеясь использовать в своих интересах польское бескорольевье, царь Иван ультимативно потребовал присылки в Москву польско-литовского посольства. В случае неисполнения этого требования он грозил немедленным занятием всей Ливонии.

Даже в этот период московское правительство считало своим главным противником в Ливонии не поляков, а шведов. Еще на исходе 1571 г. царь и Боярская дума приговорили идти войной на «непослушника» короля Юхана III

Через несколько дней после мятежа, 24 октября 1571 г., Таубе и Крузе обратились с письмом к шведскому военачальнику в Ливонии, извещая его о своем разрыве с царем. (См. *Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands*, т. III, 1887, стр. 315. См. также А. Браудо. Письмо Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру. *Журн. Мин. народн. просв.*, 1890, т. X, стр. 390). По некоторым данным, мятеж в Юрьеве произошел 21 декабря. Известно, что царь Иван прибыл в Новгород 24 декабря 1571 г. «И в те поры, — сообщают русские источники, — к государю из Юрьева пригнали и сказали, что отъехал от государя из Юрьева князь Иван Тув да Илерд Круш к литовскому королю». (См. *Исторический архив*, 1959, № 6, стр. 116).

¹ См. А. Чумиков. Указ. соч., стр. 31.

² См. В. Новодворский. Указ. соч., стр. 5. Вассал Грозного Магнус опустошил окрестности Пернова в литовской Ливонии. После этого русские выстроили недалеко от Вильны замок Таурус и поставили в нем гарнизон.

³ Царь соглашался вернуть Литве Полоцк в обмен на литовские владения в Ливонии: город Ригу и земли к востоку от Двины. (Сведения о переговорах с Гарабурдой изложены царем в его письме в Литву от 15 июля 1573 г. См. В. Новодворский. Указ. соч., Приложения, стр. 5).

«за его неисправленье»¹. Иван с войсками прибыл в Новгород, отряды татарской конницы перешли шведскую границу и стали разорять Финляндию². Поскольку шведы отказывались выполнить ультимативное требование Москвы относительно присылки новых послов, царь решил отпустить на родину старого посла епископа Павла Абосского, томившегося в ссылке в Муроме. Царское послание Юхану III, переданное послу, было составлено в самых заносчивых и высокомерных выражениях³. Царь требовал, чтобы шведский король признал себя вассалом русской короны, а его титул был бы включен в царский титул, чтобы он немедленно уступил России Колывань и т. д.⁴. Шведский посол выразил согласие с некоторыми из этих требований с единственной целью остановить войну на шведской границе и выбраться из России⁵.

Опричная дипломатия, упустившая блестящие возможности осенью 1570 г., с явным запозданием пыталась теперь добиться от Швеции уступки Ревеля. Дипломатические усилия были подкреплены военными демонстрациями на шведской границе. 1 июня 1572 г. Грозный с ближним двором и стрельцами прибыл в Новгород. Под предлогом войны со шведами царь покинул столицу, которой грозило татарское нашествие. После отражения татар он намерен был дожидаться подхода армии с южных границ и предпринять на-

¹ Сб. РИО, т. 129, стр. 207. Царь требовал от Швеции присылки новых послов к 1 октября 1571 г. Если они не придут, писал Грозный, мы, взяв твоих первых послов, хотим «своего царского величества двором в свеских островех витати, о том и тебя от своих уст хотим спросити, которым обычаем такие непотребства в твоей земле учинились». (См. Н. Н j ä r n e. Ur brevexlingen emellan Johan III och Ivan Vasilievitj. — «Historiskt Bibliothek», 1880, VII, Приложение, стр. 7).

² Новгородские летописи, стр. 108; Разряды, лл. 375, 376; Сб. РИО, т. 129, стр. 221, 224.

³ «Будучи еще в терпении, — писал он королю, — на время тебя есмь Ягана короля пожаловали, свой подвиг отвратили, сами есмь в твою землю не пошли и рати свои уняли...». (Сб. РИО, т. 129, стр. 222).

⁴ Грозный требовал от шведского короля полного повиновения, «о всем быти Ягану королю у царьского величества в его воле... не отступну». Король должен был посылать на царскую службу отряд в 1500 человек. (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 212—213). «А без Ливонские земли, — писал царь шведу, — тебе ничем нашего государьского величества не умолити, ...и что тебе ни писати, и тем тебе твоей земле не защитити». (Сб. РИО, т. 129, стр. 222).

⁵ Посол письменно обязался, что Швеция немедленно направит в Новгород послов, которые подпишут мир с новгородским наместником, что король будет беспрепятственно пропускать через свои владения купцов и мастеров на Русь и с Руси, что шведское правительство выплатит контрибуцию в 10 тысяч талеров, снарядит на царскую службу вспомогательный отряд в 200 конных стрелков и пришлет мастеров для разработки серебряных руд. (См. Сб. РИО, т. 129, стр. 210—216, 219—221).

ступление в Ливонию¹. Но сражение на южных границах затянулось, оборонявшая Москву армия понесла тяжелые потери. Правительство вынуждено было отложить поход в Ливонию. 11 августа 1572 г. Иван направил шведскому королю бранное письмо, в котором предупреждал о том, что в декабре он снова будет в Новгороде². «И ты толды посмотришь, как мы и люди наши учнем у тебя миру просить»³. На этот раз Грозный сдержал свое слово. Зимой 1572—1573 гг. он с большой армией вторгся в шведскую Ливонию и овладел Пайдой, но идти на Ревель не осмелился.

В начале 70-х гг. решение ливонского вопроса было сильно затруднено для России вследствие неблагоприятной военной ситуации на ее южных границах. После сожжения Москвы татарами царь пытался любой ценой заполучить мир с Крымом. Он велел разрушить Сунженский городок на Тереке, опорный пункт русского владычества на Северном Кавказе, и обещал хану уступить Астрахань. Однако в Крыму взяла верх военная партия, под влиянием которой мирные предложения Москвы были отвергнуты.

Как никогда прежде, Русь была ослаблена длительным голодом и чумой. Ее армия понесла тяжелые поражения под Ревелем и Москвой. Русская столица была беззащитна, так как старые ее укрепления были уничтожены пожаром, а новые, наспех возведенные, не могли полностью заменить их. Военные неудачи поколебали господство России в Среднем и Нижнем Поволжье и в Прикаспии. Большая ногайская орда, самое крупное после Крыма татарское ханство, окончательно порвала вассальные отношения с Москвой и приняла участие в войне против России. Покоренные народы Поволжья астраханские и казанские татары, черемисы и другие пришли в движение и попытались сбросить власть царя. Как передают современники, во время набега хана на Москву они подняли восстание, напали на русские гарнизоны, сожгли несколько незащищенных посадов и увели многих пленных⁴. Будучи вассалом Османской империи Крымское ханство опиралось в войне с Россией на

¹ В конце июля 1572 г. царь узнал о вторжении татар и немедленно же велел грузить артиллерию в суда и везти в Псков для похода в Ливонию. (См. Новгородские летописи, стр. 118).

² В тот же день царь велел выгрузить артиллерию из судов. (Новгородские летописи, стр. 120).

³ Послания Ивана Грозного, стр. 145—146. Я надеялся, писал царь шведскому королю, «что уже ты и Свейская земля в своих глупостях познаетесь», но обманулся: и «ваше воровство все наруже, опрометывается как бы гад, розными видами». (Т а м ж е).

⁴ Г. Штаден. Записки, стр. 62, 114.

поддержку крупнейшей в Европе военной державы. Союзниками Крыма выступили многие адыгейские князьки.

Крымский хан рассчитывал разгромить Россию и отторгнуть у нее Среднее и Нижнее Поволжье. Но его планы не ограничивались этими целями. Крымцы намеревались захватить Москву и восстановить давнюю зависимость Руси от татар¹. Накануне вторжения хан Девлет-Гирей приказал расписать и распределить между знатнейшими татарскими мурзами уезды и города России². Рассказывают, будто хан хвастался перед турками, что заберет в течение года всю Русскую землю, а царя Ивана пленным уведет в Крым³. Султан направил в Крым специальную миссию для участия в завоевательном походе на Русь.

Силы, участвовавшие в походе, были весьма значительны. Помимо крымской орды, насчитывавшей до 40—60 тысяч всадников, хан привел с собой много тысяч всадников из Большой и Малой ногайских орд, а также черкесов. Ханскую артиллерию обслуживали турецкие пушкари.

Русское правительство было осведомлено о военных приготовлениях в Крыму и прекрасно сознавало всю опасность положения. Не имея возможности остановить татар в степи на границе, оно всячески укрепляло оборонительные сооружения на Оке под Москвой⁴. Осенью 1571 г. сторожевые станции выжгли степь на громадном пространстве между Донковым, Новосилью, Орлом и Путивлем, чтобы лишить

¹ Накануне похода хан Девлет-Гирей заявил нагайцам, что он «едет в Москву на царство». (См. Г. Д. Бурдей. Молдинская битва 1572 года. — Ученые записки Института славяноведения, т. XXVI, 1963, стр. 50). Указанная работа Г. Д. Бурдея является наиболее подробным и притом новейшим исследованием по истории русско-татарской войны 1572 года.

² Г. Штаден. Записки, стр. 61, 111. Свидетельство Штадена подтверждают русские источники. «И прииде царь с великими похвалами и с многими силами на Рускую землю, — сообщает Пискаревский летописец, — и росписав всю Рускую землю, комуждо что дати, как при Батые». (См. Пискаревский летописец, стр. 80).

³ Г. Штаден. Записки, стр. 61. Крымский хан был настолько уверен в успехе, что накануне похода снабдил своих купцов проезжими грамотами в Астрахань и Казань и разрешил им бесплатный торг на Волге. Многие из этих купцов попали в плен к русским. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 115).

⁴ Ока была укреплена на всем пространстве между Коломной, Серпуховом и Калугой. Укрепления состояли из двух частоколов высотой более 1,2 метра и окопов, вырытых за частоколом и предназначенных для стрельцов. Самые сильные укрепления возводились на главнейших переправах. Частоколы и прочие укрепления на Оке были сооружены за короткое время с помощью посошных людей и крестьян, обложенных тяжелыми барщинными повинностями. Крестьяне рубили бревна для частокола, возили лес, рыли землю. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 110, 151).

татарскую конницу подножного корма на зиму и весну 1572 г.¹.

В апреле 1572 г. московское командование сосредоточило на Оке всю земско-опричную армию². В ее составе было около 12 тысяч дворян, 2035 стрельцов и 3800 казаков. Вместе с ополчениями северных городов армия насчитывала немногим более 20 тысяч человек³. Это составляло не менее $\frac{4}{5}$ военных сил страны⁴.

Русская армия была развернута на Оке в следующем порядке. Воевода Воротынский с большим полком (8255 человек), артиллерией и гуляй-городом стал в Коломне, закрыв пути к Москве со стороны Рязани. Где-то в районе Коломны был сооружен гуляй-город, небольшая крепость на колесах⁵. Воевода кн. Н. Р. Одоевский с полком правой руки (3590 человек) расположился в Тарусе. Воевода кн. А. В. Репнин с полком левой руки (1651 человек) стал на Лопасне. Сторожевой полк кн. И. П. Шуйского (2063 человека) находился между Коломной и Серпуховом в Кашире. Все эти полки должны были оборонять Тульско-Серпуховскую дорогу на Москву (см. карту 1).

Московское командование учитывало возможность того, что татары могут обойти приокские укрепления с запада и двинуться к Москве через Угру «старой дорогой», то есть той же дорогой, что во время набега весной 1571 г. На этот случай командование выдвинуло на крайний правый фланг

¹ См. И. Д. Беляев. Указ. соч., стр. 21.

² На Оке был проведен смотр «государевым людем... бяром и дворяном и детем боярским и дворовым и городовым, конской и их даточным людем, хто что дал государю в полк людей». (Разряды, л. 461 об.).

³ Разряды, лл. 462—465; В. И. Буганов. Новый документ о сражении на Молодях в 1572 году. — Исторический архив, 1959, № 4, стр. 174—179. Разряды не учитывают численность боевых холопов, сопровождавших в походе дворян. По самому примерному подсчету, на двенадцатитысячное дворянское ополчение приходилось самое большее 20—25 тысяч холопов. Следовательно, с ними численность армии не превышала 40—45 тысяч человек. По мнению Г. Д. Бурдея, у Воротынского было 60—65 тысяч человек, возможно и больше. (См. Г. Д. Бурдей. Молдинская битва, стр. 59). В действительности боевой состав армии был значительно меньшим. Заметим также, что боеспособность помещичьих холопов была очень невысока.

⁴ В походе на Полоцк участвовало около 25—26 тысяч дворян, стрельцов и казаков, а также 5 тысяч татар. Но правительство не могло использовать татар в войне с Крымом. Помимо того, несколько тысяч дворян и стрельцов находились с весны 1572 г. с царем в Новгороде.

⁵ Подвижная крепость (гуляй-город) состояла из двойной деревянной стены, построенной из досок и плетеного хвороста и снабженной амбразурами. Стены легко разбирались, крепились на телеги и перевозились с места на место. Стрельцы располагались внутри двойной стены, в простенке, шириной около 2—3 метров. При надобности гуляй-город растягивался на пространстве в несколько километров. (См. Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 88—89).

в Калугу передовой полк во главе с талантливым опричным воеводой кн. Д. И. Хворостининым¹. Вопреки традиции передовой полк (4475 человек) значительно превосходил по численности полк правой, а равно и левой руки. Хворостинину был придан подвижный речной отряд, «вятчане в струзах» (900 человек) для обороны переправ через Оку.

Хан Девлет-Гирей вторгся на Русь 23 июля 1572 г. Подвижная татарская конница устремилась к Туле. Миновав Тулу, татарские отряды повернули на запад и 26 июля пытались перейти Оку выше Серпухова, на Сенькином броду, но были отбиты от переправ передовым полком кн. И. П. Шуйского. На другой день хан со всей ордой вышел к главным серпуховским переправам через Оку. Здесь татары натолкнулись на прочную оборону. Русская армия ждала противника за Окой на сильно укрепленных позициях. Против переправ русские установили гуляй-город. Татары обстреляли его из-за Оки, не причинив русским ни малейшего вреда. Воеводы не отвечали на выстрелы.

В ночь с 27 на 28 июля хан возобновил атаку в районе Сенькина брода, направив туда ногайскую конницу во главе с Теребердей-мурзой. Глубокой ночью ногайцы разогнали две сотни дворян, охранявших брод, и захватили переправу. Вскоре же к Сенькину броду подоспела вся татарская армия, в авангарде которой шел Дивей-мурза. Началась переправа главных сил татарской армии². Между тем подвижная ногайская конница, развивая наступление, за ночь

¹ Опричник кн. Д. И. Хворостинин состоял вторым воеводой при более знатном воеводе кн. А. П. Хованском, но фактически полком командовал он (подробнее см. ниже).

² По мнению Г. Д. Бурдея, ногайцы перешли Оку у Сенькина брода в ночь под 27 июля, затем Дивей-мурза форсировал реку против с. Дракино, главные же силы во главе с ханом перешли Сенькин брод в ночь под 28 июля, т. е. на сутки позже. (См. Г. Д. Бурдей. Молдинская битва, стр. 68—69). Представляется невероятным, чтобы после переправы ногайцев Сенькин брод в течение суток находился не в чьих руках и чтобы русские воеводы, находившиеся в нескольких часах пути, не попытались вновь запереть его. Мнение Г. Д. Бурдея противоречит показанию источников. Согласно Разрядам, «Крымской царь пришел к Оке реке к берегу июля в 27 день», «в неделю»; «а как крымской царь приходил... и Теребердей мурза... пришел на Сенькин перевоз в ночи»; «в неделю (27 июля. — Р. С.) царь крымской Оку реку перелез», «и тое ночи крымской царь на том же Сенкине перевозе перелез Оку со всеми полками». (См. Разряды, лл. 463—463 об.; В. И. Буганов. Документы, стр. 179). Г. Д. Бурдей исходит из предположения, будто татары перешли Оку в разных местах. Но это едва ли справедливо. Участник сражения Штаден рассказывает, что хан и Дивей-мурза перешли Оку несколькими милями выше Серпухова. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 151). По Пискаревскому летописцу, хан «пришел на воевод с Тулы от города», затем поднялся по Оке и переправился против Дракина, что вполне совпадает с показаниями Штадена. (См. Пискаревский летописец, стр. 80). Переправа против Дракина, очевидно, и носила название Сенькин брод (см. карту 1).

ушла далеко на север. По разрядам, Теребердей «круг Москвы отнял все дороги, а не воевал ничего»¹.

Воевода Воротынский узнал о захвате Сенькина брода рано утром 28 июля, в понедельник². Первым к месту переправы татар подоспел кн. Д. И. Хворостинин с передовым полком. Однако задержать хана на Сенькином броду он не мог. Главные силы татарской армии уже перешли Оку. Татары смяли дозоры передового полка. Командир дозоров бравый опричник Штаден бежал с поля боя и из кустов видел, как хан «со всей своей силой пошел вдоль по берегу»³. Хворостинин не принял боя с главными силами татарской армии. У него не было ни артиллерии, ни гуляй-города, и он не мог остановить 60-тысячную конную армию, имея 2390 дворян и 535 стрельцов. К тому же Разрядный приказ категорически предписал воеводам не сходить с ханом «на походе», «на полах без крепостей»⁴.

Первое серьезное столкновение с татарами произошло в тот же день в верхнем течении р. Нары («верх Нары»), когда воеводы кн. Н. Р. Одоевский и Ф. В. Шереметев с полком правой руки попытались приостановить продвижение хана к Москве⁵. Русские разряды ничего не сообщают об исходе боя на Наре помимо того, что воевода Федор Шереметев «побежал и саadak с себя скинул, а дело было князю Никите (Одоевскому. — Р. С.) одному, а было большое»⁶. Попытка остановить татар на Наре не удалась. Выйдя на серпуховскую дорогу, хан стал быстро двигаться к Москве.

¹ Разряды, л. 463.

² «а бояром и воеводам пришла весть в понедельник рано, что крымской царь перелез через Оку». (Разряды, л. 463).

³ Г. Д. Бурдей пишет, что разведывательный отряд Штадена в 300 человек не получил вовремя помощи от Хворостинина и был разбит крымцами. (См. Г. Д. Бурдей. Молодинская битва, стр. 69). В этом случае он принимает на веру рассказ самого Штадена. Но рассказ немецкого авантюриста при ближайшем рассмотрении оказывается сплошным хвостовством. По Штадену, в его дозоре было будто бы 300 князей и бояр. На самом же деле старицкий помещик Штаден командовал старичанами, которых в полку Хворостинина насчитывалось 40 человек. Все они были детьми боярскими, а отнюдь не боярами. Завидев противника, повествует Штаден, он бесстрашно атаковал несколько тысяч татарских всадников, а затем, не получив помощи, бросил отряд и спрятался на берегу Оки под кручей. Достоверным во всем этом рассказе является одно. Бравый немец-опричник бежал с поля боя в первые минуты сражения. (Г. Штаден. Записки, стр. 151).

⁴ В. И. Буганов. Документы, стр. 167—170.

⁵ Разряды, л. 462 об.

⁶ Синбирский сборник, стр. 35. О сражении на Наре упоминает, по видимому, также Устюжский летописец. По его словам, Воротынский с «московской силой» встретил татар у Оки и «дело делали у Оки день», но «крымский царь от воеводы отшел ночью и пошел был к Москве». (См. Летописец, содержащий в себе российскую историю. М., 1781, стр. 193—194).

В арьергарде татарской армии находились сыновья Девлет-Гирея с многочисленной отборной конницей. По пятам за татарскими арьергардами двигался передовой полк кн. Д. И. Хворостинина, за которым следовала вся армия Воротынского¹. Уклонившись от боя с главными силами, Хворостинин выждал благоприятный момент и в тот же день, 28 июля, атаковал татарские арьергарды. Его полк настиг татарскую конницу в 45 верстах от Москвы на Молодях. Татары не выдержали удара и обратились в бегство. По разрядам, Хворостинин «домчал» сторожевой татарский полк до ханской ставки. Передают, будто царевичи настоятельно советовали хану остановить движение к Москве: «к Москве иттить не по што, — говорили они, — московские люди побили нас здесь, а на Москве у них не без людей же»².

В помощь сыновьям хан направил до 12 тысяч крымских и ногайских всадников. Обладая подавляющим перевесом сил, татары опрокинули полк Хворостинина и начали его преследовать. Хворостинин отступил к гуляй-городу, стоявшему к югу от Молодей, и, увлекая за собой татар, прошел под самыми стенами подвижной крепости. Залпы русских пушек, стрелявших в упор, внесли сильные опустошения в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять³.

Неудача на Молодях вынудила Девлет-Гирея приостановить наступление на Москву. Татары остановились за Пахрой примерно в 30 верстах от русской столицы и простояли там весь следующий день, готовясь к решительному сражению⁴. 30 июля хан перешел Пахру и направился к Молодям, где расположилась вся русская армия. Воеводы добились бесспорного успеха, вынудив хана отступить от Москвы и принять бой на избранной ими позиции.

Русская армия расположилась на Молодях у р. Рожая. В центре оборонительной позиции, на холме, стоял гуляй-город, окруженный наспех вырытыми рвами⁵. За стенами гуляй-города укрылся большой полк со всей артиллерией.

¹ По Пискаревскому летописцу, с Сенькина брода хан и воеводы будто бы «пошли к Москве разными дорогами». (См. Пискаревский летописец, стр. 80).

² Разряды, л. 463 об.

³ «и на том бою (на Молодях, 28 июля. — Р. С.) многих татар побили, и царь крымской от того убоялся, к Москве не пошел, что государевы бояре и воеводы идут за ним». (Разряды, л. 463 об.).

⁴ Разряды, л. 463 об.

⁵ Воеводы пришли на Молоди «за три часа до цареву приходу и с обозом со всех дорог... и обоз поставили и ров выкопали и травитися стали». (Пискаревский летописец, стр. 80). В письме к царю хан упомянул, что во время его похода на Русь воеводы «хворостом зделали двор, да около того ров копали». (Грамота от 23 августа 1572 г. — В. И. Буганов. Документы, стр. 181).

Прочие полки «стояли за гуляй-городом, недалече от города», прикрывая большой полк с тыла и флангов.

Быстро преодолев расстояние от Пахры до Рожая, татары всей массой обрушились на русские полки. Главные их усилия были обращены против стоявшего в гуляй-городе большого полка. Полк отразил неприятеля сильной пушечной и ружейной пальбой. По-видимому, татары подверглись фланговым атакам со стороны полков, стоявших за стенами гуляй-города. Во время атаки сторожевого полка, кн. И. П. Шуйского опричный дворянин-суздалец Т. Аталыкин пленил главнокомандующего татарской армии Дивеймурзу. В тот же день в плен к русским попал астраханский царевич. Кровопролитное сражение продолжалось целый день. Потери татар были значительны. В числе убитых находились трое знатных ширинских мурз и предводитель ногайцев Теребердей-мурза¹.

Не добившись успеха, хан прекратил атаки и в течение двух дней приводил в порядок свою расстроенную армию.

Русские одержали победу в сражении, однако победа в любой момент грозила обернуться поражением. Сильно поредевшие полки вынуждены были укрыться за стенами гуляй-города. Хранившиеся в городе запасы продовольствия быстро кончились, и в «полках учал быти голод людем и лошадем великой»². Причиной «великого голода» было, по-видимому, то, что татары, обладавшие громадным численным превосходством, осуществили полное окружение армии Воротынского.

После двухдневного затишья Девлет-Гирей 2 августа возобновил штурм гуляй-города, направив к нему все свои конные и пешие полки³. Атакой руководили ханские сыновья, получившие приказ во что бы то ни стало «выбить» у русских Дивей-мурзу. Невзирая на потери, татары упорно пытались опрокинуть неустойчивые стены гуляй-города,

¹ Разряды, л. 464; В. И. Буганов. Документы, стр. 180.

² Пискаревский летописец, стр. 80. Дворяне вынуждены были забивать своих лошадей и питаться их мясом. Пленный Дивей-мурза дерзко заявил Воротынскому, что, будь он на воле, он выморил бы гарнизон гуляй-города в 5—6 дней. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 111).

³ Разряды, л. 464; В. И. Буганов. Документы, стр. 180. Хан спешил со штурмом, опасаясь подхода к Воротынскому подкреплений из Новгорода и Ливонии. Передают, будто царь Иван направил к Воротынскому ложную грамоту с обещанием прислать в помощь 40-тысячную армию во главе с Магнусом. Грамота была перехвачена татарами и передана хану. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 112). Несколько иначе тот же эпизод передан поздним Пискаревским летописцем. Главный московский воевода кн. Ю. Токмаков, «умысля, послал гонца к воеводам з грамотами в обоз, чтобы сидели безстрашно: а идет рать наугородцкая многая, и царь (хан. — Р. С.) того гонца взял и пытал и казнил, а сам пошел тотчас назад». (Пискаревский летописец, стр. 80).

«изымались у города за стену руками, и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчисленно много».

К концу дня, когда натиск татар начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход сражения. Воевода Воротынский с полками покинул гуляй-город и, продвигаясь по дну лощины позади укреплений, скрытно вышел в тыл татарам. Оборона гуляй-города была поручена кн. Д. И. Хворостину, в распоряжение которого поступили вся артиллерия и немногочисленный отряд немецких наемников. По условному сигналу Хворостинин сделал залп из всех пушек, затем с немцами «вылез» из крепости и напал на врага. В тот же момент с тыла на татар обрушились полки Воротынского. Татары не выдержали внезапного удара и бросились бежать. Множество их было перебито и взято в плен. В числе убитых были сын хана Девлет-Гирея и его внук, сын калги-царевича. В руки воевод попало много знатных крымских и ногайских мурз.

3 августа русские продолжали преследование неприятеля и разгромили арьергарды, оставленные ханом на Оке и насчитывавшие до 5 тысяч всадников.

Согласно укоренившейся традиции, славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе кн. М. И. Воротынскому¹. Подобное мнение представляется нам неверным.

Назначение Воротынского главнокомандующим объясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью². После гибели Бельского и «измены» Мстиславского Воротынский стал первым боярином земщины и возглавил армию в полном соответствии с местническими порядками.

Подлинным героем сражения на Молодях был не Воротынский, а молодой опричный воевода кн. Д. И. Хворостинин, формально занимавший пост второго воеводы передового полка. На его исключительные заслуги в войнах с татарами указывает хорошо осведомленный современник Д. Флетчер³. За два года до битвы на Молодях Хворости-

¹ См. С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 311, 370; Г. Д. Бурдей. Молдинская битва, стр. 52, 57.

² «...царь назначил Воротынского главным воеводой, по-видимому, не по своим симпатиям и доверию к нему, а под давлением общественного мнения военной среды... Его (Воротынского. — Р. С.) военные таланты были хорошо известны и полякам и татарам». (См. С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 311).

³ Главными воеводами, пишет Флетчер, русское правительство назначало лиц из нескольких наиболее знатных фамилий. Они обычно не обладали никакими особыми дарованиями, однако к ним в помощники всегда назначали воеводу далеко не столь знатного, как они, но выдающегося

нин нанес сильное поражение крымцам под Рязанью. Но в полной мере его военный талант раскрылся во время войны с татарами в 1572 году. Именно Хворостинин разгромил татарские арьергарды 28 июля, а затем во время решающего сражения 2 августа принял на себя командование гуляй-городом.

Сражение на Молодях 1572 г. относится к числу значительнейших событий военной истории XVI в. Разгромив в открытом сражении татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар военному могуществу Крыма. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 г. и разгром крымской орды под Москвой в 1572 г. знаменовали крупнейшее поражение турецко-татарской экспансии в Восточной Европе.

Блестящая победа объединенной земско-опричной армии над татарами оказала определенное воздействие на внутренние дела государства, ускорив отмену опричнины.

**
*

Накануне татарского нашествия царь Иван покинул столицу и под предлогом войны со шведами укрылся в Новгороде. По-видимому, во время пребывания в Новгороде Грозный вспомнил о своем незаконченном духовном завещании и подверг его самой основательной переделке. Одним из обстоятельств, побудивших царя к этому, была его женитьба на Анне Алексеевне Колтовской.

Иван Васильевич недолго горевал по царице Марфе Собакиной и вскоре выбрал себе новую невесту. Анна Колтовская происходила из небогатого, измельчавшего дворянского рода. Колтовские числились дворянами Коломенского уезда и в служебном отношении стояли очень невысоко, изредка дослуживаясь до низшего воеводского чина¹. По своему худородству Анна была незавидной партией. Боярство осудило царя, впрочем, не столько за выбор, сколько за решение о четвертом браке. С точки зрения церковных правил такой брак был безусловно воспрещен. После смерти митрополита Кирилла (8 февраля 1572 г.) царь, пользуясь безначалием церкви, добился разрешения на брак

по храбрости и опытности в ратном деле, так что фактически он распоряжается всем с одобрения первого воеводы. «Теперь главный у них муж, наиболее употребляемый в военное время, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, старый и опытный воин, оказавший, как говорят, большие услуги в войнах с татарами и поляками». (См. Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 81—82).

¹ ТКТД, стр. 159. О родословии Колтовских см. «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. XI, отд. 1. СПб., 1903.

с Колтовской¹. В мае царь сыграл свадьбу, а в июне был уже в Новгороде. Вскоре же он внес в черновик завещания разделы, касавшиеся имущественного положения и уделов его новой жены и возможных детей, а также включил в духовную короткое, но чрезвычайно многозначительное распоряжение об опричнине. «А что есьми учинил опришнину, — писал он, — и то на воле детей моих, Ивана и Федора, *как им прибыльнее*, и чинят, а образец им учинен готов»². Распоряжение обнаружило полное равнодушие Грозного к судьбе опричнины. По существу вопрос о дальнейшем существовании или отмене опричных порядков царь целиком передавал на усмотрение своих наследников.

Опричнина не была формально упразднена в начале 1572 г., но множество признаков указывало на то, что опричные порядки доживают последние дни³. Против обыкновения правительство не зачислило в опришнину никаких новых уездов и городов в начале 1572 г. В то же время остановилось строительство опричных крепостей и укреплений⁴. В мае 1572 г. царь Иван сообщил английскому послу

¹ 29 апреля 1572 г. собор разрешил царю четвертый брак, «ради его теплого умиления и покаяния», обнаружив тем самым полную зависимость от царской власти. Во искупление «греха» духовенство наложило на царя различные «воспрещения». Чтобы не было «соблазна» простым людям, собор строго указал всем «человецем», от бояр до простых, «да не дерзнет (никто. — Р. С.) таковая сотворити, четвертому браку сочетатися»; «аще кто гордостию дмяся или от неразумия дерзнет таковая сотворити... да будет таковой за дерзость по священным правилом проклят». (См. ААЭ, т. 1, № 284, стр. 331).

² ДДГ, стр. 444. Выражение о «прибыльности» опричнины ничего общего не имело с современным понятием прибыли и не связано было с финансовыми соображениями. 22 марта 1572 г. при участии Грозного Разряд составил наказ воеводам об обороне Москвы от татар. Заключительные слова этого важного наказа были, возможно, продиктованы самим царем Иваном. Здесь мы находим ту же терминологию, что и в приписках к завещанию. «А о всем о своем деле и о земском, — значилось в наказе, — царь и великий князь положил на бозе и на вас, боярех и воеводах, как лудче и государеву делу *прибыльнее* так, прося у бога милости, и промышляти». (В. И. Буганов. Документы, стр. 174).

³ Новгородские летописи, стр. 119—120. Ссылки на отдельное существование опричнины и земщины попадаются в официальной документации вплоть до весны 1572 г. Так, накануне похода против татар Разрядный приказ предписал Воротынскому устроить перевозки на Оке, «а суды большие поотписать по Оке по реке сильно, будет надобно в земском и в опришнине, сколько где мочно взять». (См. В. И. Буганов. Документы, стр. 172). В. И. Буганов относит наказ к началу 1572 г., но эта датировка может быть уточнена. Во-первых, царь выехал из Новгорода 18 января и прибыл в Москву не ранее середины марта. Наказ был составлен после его приезда. Во-вторых, наказ предписывал Воротынскому произвести смотр войскам в Коломне. Этот смотр действительно произошел в апреле 1572 г. Таким образом, наказ был составлен не ранее конца марта и не позднее апреля 1572 г.

⁴ Английский инженер Х. Локк, руководивший строительством вологодской крепости, в письме из России от 19 мая 1572 г. писал, что не

о прекращении секретных переговоров, относительно предоставления ему убежища в Англии, хотя и сделал при этом некоторые оговорки¹.

Царь и его сподвижники долго медлили и колебались, прежде чем решились полностью покончить с опричниной. Известие о разгроме татар под Москвой, по-видимому, положило конец их колебаниям. 6 августа 1572 г. в Новгород прибыли сеунчи от Воротынского². В честь великой победы по всему Новгороду весь день до полуночи звонили колокола. Празднества, во время которых пиры сменялись торжественными молебнами, длились две недели.

Среди забав и пиров царь не забывал других своих дел. Местный летописец поместил между записями о празднествах 8 и 9 августа 1572 г. следующее лаконичное сообщение: «того же лета царь православный многих *своих* детей боярских метал в Волхову реку, с камением топил»³. В Новгород царя сопровождали особо доверенные дворяне, главным образом из числа опричнины. Они-то и стали жертвами царского гнева⁴. Новое руководство старалось держать в страхе опричную гвардию в момент, когда роспуск опричного корпуса и ликвидация опричных привилегий стали в порядок дня.

**
*

Правительство готовилось к упразднению опричных порядков исподволь, по-видимому, с конца 1571 г.⁵ Связан-

знает, будет ли царь продолжать свои постройки, и выражал желание вернуться на родину. (См. И. Гамель. Указ. соч., стр. 78).

¹ Сб. РИО, т. 38, стр. 94. Мы теперь, заявил царь, все наши государские и тайные дела с Англией «отложим на время в сторону, потому что переменили наши намерения на другое, но впоследствии к этим делам, может быть, придется вернуться вновь». (См. Ю. Толстой. Указ. соч., стр. 143, 134; Чтения ОИДР, 1884, кн. 4, отд. III, стр. 85).

² Памятуя о гневе царя при сожжении Москвы в 1571 г., воеводы прислали ему личное оружие хана, захваченное на поле сражения. Спустя несколько дней в Новгород привезли пленного Дивей-мурзу. (См. Новгородские летописи, стр. 119—120).

³ Новгородские летописи, стр. 120.

⁴ С. Б. Веселовский приводит показание родословцев о том, что царь казнил своего дворянина З. И. Сабурова «в 9 году (т. е. в 7079 г. — Р. С.), посадил его в Волхов». (См. С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 433). Сопоставляя показание родословца с летописной записью, Веселовский делает вывод о том, что Сабуров погиб летом 1571 (7079) года. Но, во-первых, З. Сабуров вплоть до начала 1572 г. служил наместником Орешка, после чего был вызван царем в Новгород и назначен воеводой передового полка. (См. ДРВ, т. XIII, стр. 429). Во-вторых, в летописи речь идет о казнях лета 1572 (7080) г., а не 1571 года.

⁵ Л. М. Сухотин полагает, что первые признаки нового правительственного курса можно обнаружить уже в мае 1570 г., когда проводятся первые совместные заседания опричной и земской Боярской думы и со-

ные с этим мероприятия затрагивали самые разнообразные сферы: административную, военную, поземельную и т. д.

Казни и судебные преследования расстроили механизм опричного управления. Опричная администрация, прежде деятельная и энергичная, была охвачена паралитическим состоянием. Штаден, посетивший в 1571 г. главную резиденцию опричнины в Москве, был поражен царившим там запустением. «Когда я пришел на Опричный двор, все дела стояли без движения», «все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе»¹.

Примером постепенной отмены опричной системы управления могут служить преобразования в Новгороде зимой 1571—1572 гг. Прежде все управление Новгородом осуществлял опричный боярин кн. П. Д. Пронский. В январе 1572 г. царь объявил о восстановлении в Новгороде древнего наместничества и назначил первым наместником главу земской Боярской думы кн. И. Ф. Мстиславского. Опричник кн. П. Д. Пронский был назначен вторым наместником и переведен с опричной Торговой стороны в Земскую половину под начало Мстиславского. В результате опричная половина Новгорода была изъята из-под безраздельного контроля опричнины. С января 1572 г. наместники стали рассылать по Новгороду судебных исполнителей («недельщиков»), возродили старинные судебные порядки («поле») ². Раздельному управлению Новгорода пришел конец, хотя формально деление земли на две половины — опричнину и земщину — продолжало существовать. Двое опричных дьяков С. Ф. Мишури и В. С. Нелюб-Суков распорядились на Торговой стороне, земский дьяк И. Д. Собака — на Софийской стороне.

Новгородское наместничество, просуществовавшее немногим более полугода, послужило ступенькой к оконча-

ставляются разрядные росписи о совместных действиях против татар опричных и земских полков. (См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, VII—VIII. Белград, 1940, стр. 166—167).

¹ Г. Штаден. Записки, стр. 145. «Когда великий князь приводил это в исполнение, в стране еще свирепствовала чума». (Там же). Чума продолжалась до осени 1571 г. К этому времени и относится эпизод, описанный Штаденом.

² Очевидцы, наблюдавшие перестройку управления в Новгороде, записали: «той же зимы в Новгороде (царь. — Р. С.) вставил наместника по старине, да и полям быти в Великом Новгороде по старине, да и наместником государь велел жити по старине в своих дворах, за рекою, князю Ивану Федоровичю Мстиславскому да князю Петру Даниловичю Пронскому; да того же месяца (января. — Р. С.) в 20, в неделю, почели ходить неделщики от наместников в Новгороде; да на опришной стороне два дьяка...». (Курсив наш. — Р. С.) (См. Новгородские летописи, стр. 109).

тельному объединению опричной и земской половин Новгорода. Покидая Новгород в августе 1572 г., царь Иван оставил там «управу чинити людем, без себе» боярина кн. С. Д. Пронского и дьяков П. Суворова и В. Шербину¹. Таким путем в городе была окончательно восстановлена единая администрация.

После введения в Новгороде единого управления произошло объединение Казенного ведомства. 7 января 1572 г. царь послал опричного печатника Р. В. Олферова на Казенный двор в помощники к главному земскому казначею кн. В. В. Мосальскому². Через три дня опричная казна была переведена с государева двора на Никитской улице в церковные подвалы на Ярославле двореце³. Спустя месяц, 9—10 февраля, в Новгород прибыло 450 возов, груженых золотыми и серебряными слитками, звонкой монетой и драгоценностями⁴. Все эти сокровища были сложены в одном месте, на Ярославле двореце, и находились в ведении главного земского казначея и его помощника опричного печатника. Когда в августе 1572 г. царь велел отправить сокровищницу в Москву, надобность в ее разделе окончательно отпала.

С осени 1571 г. началось постепенное слияние военных сил опричины и земщины⁵. Прежде опричные воеводы могли служить лишь в опричных войсках под начальством своих воевод. Теперь опричники получали общие назначения с земцами и нередко поступали под начальство старших земских воевод. Во время перехода армии из Москвы в Новгород командование было вверено земскому боярину кн. И. Ф. Мстиславскому, которому были подчинены опричные воеводы боярин кн. Н. Р. Одоевский и окольный кн. Д. И. Хворостинин⁶. Во время похода русских войск из Орешка в Финляндию в декабре 1571 г. большим полком командовал земский воевода И. М. Большой Морозов, пере-

¹ Новгородские летописи, стр. 121.

² Разряды, л. 455.

³ Новгородские летописи, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 110. По предположению С. Б. Веселовского, в Новгород было доставлено до 10 тысяч пудов серебра и золота, оценивавшиеся во много миллионов рублей. (См. С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 311).

⁵ Этот факт впервые отмечен в литературе Л. М. Сухотиным. (См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине. 1. Вопрос об отмене опричины. Белград, 1931, стр. 17). Л. М. Сухотин считает, что после сожжения Москвы отдельная опричная армия была уничтожена. «Армия отныне едина, и этим объединением армии второй и очень важный шаг к примирению между опричниной и земщиной сделан». (Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, VII—VIII. Белград, 1940, стр. 174—175).

⁶ Разряды, лл. 375—375 об.

довым полком опричник кн. Д. М. Щербатый, сторожевым опричник Я. Ф. Попадейкин-Волынский¹. В походе на Выборг зимой того же года опричный боярин кн. В. А. Сицкий был подчинен земскому воеводе З. И. Сабурову, не имевшему думного титула².

Весной 1572 г. смешанная земско-опричная армия выступила на Оку против татар. В этом походе воеводы получили назначение независимо от принадлежности к опричнине или земщине. Разрядный приказ укомплектовал полки, полностью игнорируя деление дворян на опричнину и земщину. Так, главнокомандующим армией и воеводой большого полка был назначен земский боярин кн. М. И. Воротынский. Ему непосредственно подчинялись земские отряды шелонских помещиков и опричные отряды вязьмичей и суздальцев. Воеводой полка правой руки стал опричный боярин кн. Н. Р. Одоевский, в полку которого были и земцы и опричники³. Судя по росписи, Разрядный приказ самым тщательным образом перемешал между собой военные силы опричнины и земщины.

Много лет должности дворовых воевод занимали опричники, подчиненный им государев полк формировался исключительно из одних опричников. С конца 1571 г. царь назначает на некоторые из дворовых должностей земских бояр. Так, в первом походе против шведов во главе государева полка стояли дворовые воеводы опричный боярин кн. Ф. М. Трубецкой и земский боярин И. В. Меньшой Шереметев⁴. Списки чинов, сопровождавших царя в этом походе, разделены на две половины подзаголовками: «бояре из опришнины», «з земского»⁵. Во время нового похода царя в Новгород весной 1572 г. был составлен последний опричный разряд. Список чинов, сопровождавших царя, имеет обычный заголовок — «боярин из опришнины», но наряду с опричниками в этом списке значатся земцы окольные Г. С. и В. С. Собакины, дворяне Колтовские, служилый молдавский воеводич Радун, думные дьяки Щелкаловы и др.⁶.

Объединение опричных и земских военных сил и подчинение опричных воевод земским свидетельствовали о том, что опричнина все больше утрачивала значение привилегированного охранного корпуса, своего рода преторианской гвардии царя. Многочисленные перегородки между оприч-

¹ Там же, л. 375.

² Там же, л. 376.

³ См. В. И. Буганов. Документы, стр. 174—176.

⁴ Разряды, лл. 376 об.—377.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 458.

ниной и земщиной, воздвигнутые в сфере военного и административного управления, падали одна за другой.

С августа 1572 г. правительство приступает к пересмотру служилого землевладения в опричных уездах. Следствием новой земельной перетасовки было то, что наиболее влиятельные опричные дворяне поспешили избавиться от своих поместий в опричнине и переселялись в земщину.

Пронырливый опричный дьяк Петр Григорьев подыскал себе поместье в земской Шелонской пятине Новгорода, включавшее богатое село Коростыню с боярской усадьбой, крупной боярской запашкой и вишневым садом. 19 августа 1572 г. он выправил себе грамоту на новое поместье, а к марту 1573 г. окончательно избавился от старых владений в опричнине и «против... старого медынского поместья» получил в Шелони еще одно поместье. По окладу Григорьеву полагалось до 1800 четвертей пашни¹.

Думный дворянин В. Г. Грязной присмотрел себе в земской Шелонской пятине крупное сельцо Дворицы с 1800 четвертями пашни и добился того, что владелец Двориц земский помещик С. Г. Лодыгин был переведен в опричный Козельский уезд². По челобитью Грязного, «Семейку Лодыгина пожаловал государь в его оклад в Козелске из Василева помеся Грязново»³. Опричный Козельский уезд был дотла разорен татарами, так что обмен оказался совершенно неравноценным. Несколько позже Грязной, сохранив за собой лучшие земли лодыгинского поместья, присоединил к ним 1000 четвертей из поместья земского дворянина Грибакина⁴. К 10 октября 1572 г. Грязной получил в Шелонской пятине 2400 четвертей пашни, окончательно перейдя из опричнины в земщину.

Опричный окольный В. И. Умной отказался от поместья в опричнине и к февралю 1573 г. получил полный поместный оклад (3000 четвертей пашни) в земской Шелонской пятине⁵.

Родня Малюты Б. Я. Бельский перебрался в ту же пятину и к февралю 1573 г. получил там около 1800 четвертей пашни⁶. Опричный голова И. Баушев приобрел в Ше-

¹ См. Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. 1, ч. 2, стр. 99. Здесь и ниже размеры пашни даны в пересчете на три поля.

² Там же, стр. 101—102, 52—53. Сельцом Дворицы владели длительное время помещики Квашнины. (См. НПК, т. IV, стр. 22, 436, 439). Поместье представляло столь лакомый кусок, что после опалы Грязного его поспешил прибрать к рукам царский шурин Н. Р. Юрьев.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 101—102, 53—54.

⁵ Там же, стр. 59, 65, 67—68.

⁶ Там же, стр. 60—61.

лонии поместье на 440 четвертей, но уже в марте 1573 г. лишился его¹.

Бегство опричных начальных людей в земщину не оставляло сомнений в том, что отныне опричнине пришел конец.

Земельный пересмотр в опричных уездах связан был с упразднением привилегий опричнины в области землевладения. Поступая в опричнину, дворяне получали сверх обычного оклада от 150 до 300 четвертей пашни. Позже земельные оклады опричнины и земщины были уравнены, и опричники должны были вернуть излишки их прежним владельцам. Обстоятельства, при которых произошел земельный пересмотр в опричнине, живо описаны опричником Штаденем. Рассказав о битве с татарами в июле — августе 1572 г., он продолжает: «Когда эта игра была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского хана. Великий князь долее не мог без них обходиться. Опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья»².

Приведенный рассказ находит подтверждение в земельных делах 70-х годов, указывающих на возвращение земских дворян и бывшие опричные уезды. Старинные переяславские вотчинники Таратины получили назад вотчину село Селиваново в Переяславском уезде в 7080 г., то есть не позднее августа 1572 г. В данной грамоте Махрищскому монастырю (7083 г.) Таратины писали: «Старая наша вотчина, отца нашего благословение, что нас государь царь пожаловал, велел нам тое вотчину отдати в 80-м году»³.

¹ Там же, стр. 70—71.

² «Благодаря этому, — продолжает Г. Штаден, — я лишился моих поместий и вотчин и уже не числился в боярской книге» (См. Г. Штаден. Записки, стр. 152). Бесспорно, Штаден описал земельный пересмотр в опричнине на основании собственного опыта. Как раз в этот момент он лишился всех своих владений в Старицком опричном уезде. Казна конфисковала у него село Тесмино, бывшее владение Хлопова, дворецкого кн. В. А. Старицкого, а также села Красное и Новое с шестью деревнями, бывшие владения князей Оболенских. (См. там же, стр. 130—131, 134, 125). После разгрома татар Штаден был вовсе исключен из дворянских «смотренных» списков. Свое изгнание со службы Штаден весьма наивно объясняет тем, что его имя забыли внести в списки. По-видимому, отставка Штадена вызвана была двумя обстоятельствами: во-первых, дезертирством его с поля боя во время войны с татарами и, во-вторых, общим пересмотром землевладения в связи с отменой опричнины.

³ Цит. по книге С. Б. Веселовского (См. С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 199). По мнению С. Б. Веселовского, после отмены опричнины «возврат вотчин, а может быть, и поместий был не личной милостью, оказанной тем или иным лицам, а общей мерой... Вероятно, возврат был невозможен, если опричник, получивший вотчину в поместье, не бросил ее, а продолжал владеть. Такие случаи, по-видимому, были редки, так как опричники заустошали данные им земли, «не проча себе и детям», т. е. будучи неуверены в прочности своего положения, а после от-

Предпринятая правительством земельная перетасовка касалась различных слоев опричного дворянства в неодинаковой мере. В наибольшей мере она затронула верхний слой опричного корпуса, то есть тех дворян, которые успели выслужить в опричнине чины и поместья, а также тех «иногородцев», которые были переведены в опричнину из других уездов. В их руки перешла значительная часть вотчинных и поместных земель, конфискованных у земских дворян. Мелкие служилые люди из числа местных землевладельцев были затронуты земельным пересмотром в значительно меньшей степени. Основная масса мелкого и мельчайшего дворянства опричных уездов сохранила в своих руках старинные земли, но, по-видимому, должна была расстаться с «додачами» и дополнительными поместьями, полученными из опричнины. Поскольку они получали дополнительные земли исключительно на поместном праве, пересмотр землевладения в опричных уездах свелся главным образом к перераспределению фонда поместных земель.

Разрешив земским дворянам вернуться в свои прежние уезды, правительство вынуждено было отчасти удовлетворить их настойчивые требования о возвращении им вотчинных родовых земель, конфискованных в опричнину. В результате часть вотчинных земель, поступивших в поместный оборот при учреждении опричнины, оказалась вновь изъята из поместного оборота¹. Такое значение имел новый земельный пересмотр в опричных уездах, вызванный упразднением опричных порядков.

Подобно тому как в начале опричнины власти не могли добиться полной, без всяких исключений, высылки из опричных уездов всех землевладельцев-неопричников, так и теперь указ о возвращении старинных вотчин земским дворянам не был и не мог быть осуществлен полностью. Происходило это не только из-за приказной волокиты и негодности бюрократического аппарата, но и вследствие противодействия всей массы дворян бывших опричных уездов.

**

Своеобразным послесловием к опричнине послужило земельное законодательство конца 1572 г.

мены опричнины бросали их». (Там же, стр. 198). Интересные данные о возврате вотчин после отмены опричнины С. Б. Веселовский приводит в другой своей работе. (См. С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси XVI в. — «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 109—110).

¹ «С этим пришел опричнине конец, — писал Г. Штаден. — И все земские, кто (только) оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками». (См. Г. Штаден. Записки, стр. 110).

Отмена опричнины и возврат земцам конфискованных у них вотчин породили надежду на полную и окончательную отмену всевозможных ограничений крупнейшего княжеского и монастырского вотчинного землевладения, определенных Уложением 1562 года¹. Но надежды земского боярства и духовенства не оправдались. Правительство добилось от Боярской думы и священного собора принятия специального приговора 9 октября 1572 г., подтвердившего действительность царского Уложения о княжеских вотчинах 15 января 1562 г.

Новый приговор воспрещал удельным князьям Воротынским, Одоевским, Трубецким, а также князьям Ростовским, Ярославским, Стародубским и другим свободно распоряжаться своими старинными родовыми вотчинами: «и тем вотчинам, — значилось в приговоре 1572 г., — быти по старому государеву Уложению (15 января 1562 г. — *Р. С.*)... и про все вотчины княжие такие ж один приговор»². Право передачи родовых вотчин ограничено было третьим коленом. Правнуки и вся родня в четвертом колене не могли наследовать выморочных родовых вотчин.

Приговор 1572 г. ограничивал права членов Боярской думы на земельные владения, как родовые, так и пожалованные из казны. Наследники боярина могли получить вотчину «государского данья» только при наличии специальной оговорки в жалованной грамоте. В противном случае жалованные вотчины переходили в казну сразу после смерти боярина. «А у котораго в грамоте будет ему одному вотчина написана (как это часто делалось. — *Р. С.*), и после его та вотчина на государя»³.

Таким образом, после отмены опричнины правительство твердо заявило о своем намерении по-прежнему придерживаться политики ограничения крупного княжеско-боярского землевладения в пользу казны.

¹ По мнению Л. М. Сухотина, издание Уложения 1572 г. было вызвано «обстановкой момента»: отменой опричнины и возвращением отнятых вотчин прежним владельцам. (См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, II—VI. Белград, 1936, стр. 49). С. Б. Веселовский систематизировал данные о росте землевладения 30 крупнейших монастырей в 1552—1590 гг. и пришел к выводу, что к 1571 г. в связи с опалами, казнями и выселениями опричнины отчуждение земель служилых людей в пользу монастырей приобрело катастрофический характер и что в 1572—1578 гг. катастрофа продолжалась, несмотря на отмену опричнины. Монастыри использовали благоприятную для них ситуацию, а «царь Иван вовсе не думал принимать какие-либо меры против катастрофического обезземеливания „воинского чина“ и по-прежнему равнодушно относился к этому». (С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси XVI века. — «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 104, 110—111).

² АИ, т. 1, № 154, стр. 270.

³ Там же.

Низложение митрополита Филиппа, разгром опричниками Новгородско-Псковского архиепископства серьезно ослабили могущество церкви, что позволило правительству возобновить наступление против крупного церковного землевладения на другой день после отмены опричнины.

Согласно приговору 1572 г., любые земельные пожертвования крупным монастырям полностью запрещались. Если какой-нибудь вотчинник завещал монастырю, «ино, — значилось в указе, — ее (вотчину. — *Р. С.*) в Поместной избе не записывати, а отдавати ее роду и племени, *служилым людем*, чтоб в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила»¹. (*Курсив наш. — Р. С.*).

Антимонастырский земельный закон 1572 года имел ту особенность, что в нем декларировались уступки «служилым людям». Послеопричное правительство царя Ивана явно искало популярности среди земских служилых людей.

Среди духовенства попытки ограничить земельные богатства монастырей вызвали сильный ропот. На протяжении всей опричнины царь выказывал неизменную дружбу и расположение монахам Кириллова, Симонова, Чудова монастырей². Картина заметно меняется после издания закона 1572 года. В сентябре 1573 г. царь пишет обширное послание в Кирилло-Белозерский монастырь, в котором дает волю своему раздражению против бывших любимцев старцев опричного Симонова монастыря, чудовских монахов и т. д.³. Наибольшее негодование Грозного вызывает то, что монастыри пускаются во все тяжкие, чтобы прибрать к рукам бо-

¹ АИ, т. 1, № 154, стр. 270. Исключение делалось для «малоземельных» монастырей, но и они могли принять земельные пожертвования лишь «доложа государя», с боярского приговора. Только одну серьезную уступку правительство сделало всему черному духовенству в целом. По приговору 1572 г., наследники вотчин, некогда пожертвованных монастырям, лишались права выкупа родовых земель: «а монастырских вотчин вотчимем вперед не выкупати».

² Накануне опричнины чудовский архимандрит Левкий был одним из главных духовных советников Ивана, за что заслужил яростные проклятия от Курбского. Его преемники также пользовались уважением царя, а один из них, архимандрит Леонид, был возведен в сан новгородского архиепископа в декабре 1571 г. Еще большим доверием Ивана пользовался Кирилло-Белозерский монастырь, в стенах которого царю и его сыновьям были отведены в 1567—1570 гг. особые кельи. Симоновский монастырь удостоился чести быть принятым в опричнину. Двое архимандритов, чудовский и симоновский, сопровождали царя в Новгород зимой 1571—1572 гг.

³ Монастырские власти, писал царь, стали вводить послабления в строгий устав монастырской жизни, «да помалу, помалу и до сего, яко же и сами видите, на Симонове кроме сокровенных раб божиих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда быша среди царствующего града пред нашими очима — нам и вам видимо» (Послания Ивана Грозного, стр. 172).

гатые боярские вотчины. Монахи оправдывают свою дружбу с боярами тем, что без покровительства бояр, без их «даяний» монастыри вконец оскудеют. Царь спешит опровергнуть эти оправдания и указывает на то, что «святии мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися»¹. Согласно версии Грозного, монастыри скудеют из-за упадка благочестия. Ныне даже «у Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел: ни пострижется никто и не даст никто ничего»². Царь предпочитает не упоминать о том, что год назад он запретил всякие земельные «даяния» монастырям и что это и было причиной «оскудения» монастырей³. Вся его аргументация сводится к оправданию антимонастырских мер, проведенных на другой день после отмены опричнины.

**
*

В литературе давно высказывалось мнение о том, что отмена опричнины носила формальный характер, что после 1572 г. она лишь получила новое наименование «двор» и в таком виде продолжала существовать до конца царствования Грозного⁴. Делалось также предположение, что после 1572 г. опричное устройство впервые распространилось на всю территорию Русского государства⁵. Некоторые авторы, оспаривавшие мнение об отмене опричнины, ссылались, в частности, на факт замены опричнины «двором» в 1573 г. Д. Н. Альшиц на основании опубликованного им «Списка дворовых людей от 20 марта 1573 г.» сделал вывод о том,

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 180. «Не глаголи никто же студныя сия глаголы: яко только нам з бояры не знатся—ино монастырь без даяния оскудеет». (Т а м ж е).

² Послания Ивана Грозного, стр. 180.

³ В письме к кирилловским старцам Грозный с похвалой отзываясь лишь о двух небольших монастырьках—Александровском на Свири и Глушицком близ Вологды. Там «только,—пишет он,— бояре не стрыгутся и они божиею благодатию процветают...» (Послания Ивана Грозного, стр. 173). Из всех монастырей только самым мелким разрешено было по закону 1572 г. принимать земельные пожертвования. Боярская знать издавна поддерживала дружбу с крупнейшими монастырями и реже жертвовала земли мелким монастырькам.

⁴ С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пгр., 1923, стр. 122. П. А. Садиков. Очерки, стр. 44. Взгляд С. Ф. Платонова решительно оспаривали Л. М. Сухотин и С. Б. Веселовский. Первому из них принадлежит подробный обзор мнений историков об отмене опричнины. (См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, вып. 1. Белград, 1931, стр. 2—6, 21; С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 190—199).

⁵ А. А. Зимин. Опричнина.— В кн. Очерки истории СССР (конец XV—начало XVII вв.). АН СССР, М., 1955, стр. 313. В дальнейшем А. А. Зимин отказался от первоначальной точки зрения и сделал вывод о ликвидации опричнины в 1572 г. (См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 477).

что «в структуре опричного двора и его личном составе с марта 1572 г. по март 1573 г. не произошло никаких изменений, кроме принятия в его состав нескольких незначительных приказных»¹. Приведенное мнение, в основе которого лежит источник документального происхождения, нуждается в специальном разборе. За исходный пункт сравнения Д. Н. Альшиц берет март 1572 г., но все известные нам данные о составе опричного двора в марте 1572 г. говорят скорее в пользу мнения о радикальных переменах в составе двора к марту 1573 г. Во-первых, в опричном корпусе уже при его учреждении служило до тысячи дворян и детей боярских, а к 1572 г. их число увеличилось в несколько раз, между тем как в дворовом списке 1573 г. записано не более 600—700 служилых людей. Во-вторых, в список 1573 г. не попала подавляющая часть опричных начальных людей, включая опричных бояр князей Пронских, Н. Р. Одоевского, В. А. Сицкого, а также И. А. Бутурлина, окольного Д. А. Бутурлина и т. д. Уже одно это показывает, что о полной идентичности нового «двора» и старого опричного двора не может быть и речи.

Дворовая ведомость 1573 г. была составлена при следующих обстоятельствах. В январе 1573 г. царь Иван предпринял поход в Ливонию и занял шведский замок Пайду, после чего вернулся со своим «двором» в Новгород. С наступлением весны пришло время очередной раздачи жалованья дворянам, и 20 марта царь «пометил» свое жалованье «по окладу» дворовым людям, находившимся при нем². Список 20 марта 1573 г. имел значение простой финансовой ведомости, значение которой было исчерпано с раздачей жалованья дворовым чинам. Список не отличался полнотой. В нем от-

¹ Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 7.

Точка зрения Д. Н. Альшица встретила веские возражения со стороны О. А. Яковлевой и В. Б. Кобрин. По предположению О. А. Яковлевой, наличие многих опричников в списке 1573 г. объясняется тем, что этот список включал только лиц, принятых на службу в дворцовое ведомство, а среди них опричников было особенно много. (См. О. А. Яковлева. К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573) г. — Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР, т. 13, Саранск, 1951). По мнению В. Б. Кобрин, количество лиц, определенно служивших ранее в опричнине, в списке 1573 г. слишком невелико, чтобы можно было прийти к определенному выводу о характере документа, который мог быть одним из опричных «смотренных» списков или сводкой опричных и земских списков. (См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 18). В. И. Корецкий приводит новый аргумент в пользу гипотезы Д. Н. Альшица, отмечая наличие в списке 1573 г. нескольких десятков опричников, в 1571 г. испомещенных в Обонежской пятине. (См. В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — «Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 45).

² Жалованье дворянам в конце XVI—начале XVII вв. раздавали обычно к Благовещенью, т. е. к 26 марта. (См. АИ, т. II, № 355, стр. 423).

сутствует номинальный глава нового «двора» боярин кн. Ф. М. Трубецкой, служивший главным дворцовым воеводой в январе 1573 г. и в апреле 1574 г.¹ Список подробно определяет жалованье низшим чинам дворцового Постельного приказа, но в нем не упомянут глава этого ведомства постельничий Д. И. Годунов, который в качестве дворцового сопровождал царя в походах 1573—1574 гг.² В списке не названы дворцовые степенные ключники Сытенного приказа, зато помечены их заместители путные ключники с их штатом, всегда сопровождавшие царя в походах³.

Несмотря на известную неполноту, список 20 марта дает богатейший материал для суждения о принципах формирования «двора» после отмены опричнины. Прежде всего, этот документ неопровержимо доказывает, что наряду с опричниками⁴ в состав нового «двора» вошли многие земские дворяне⁵. Таким путем была уничтожена одна из важнейших привилегий опричнины. Двор перестал быть исключительно опричным по своему составу, хотя на первых порах в нем численно преобладали бывшие опричники⁶. Принципиально новым было то, что впервые после многих лет земцы получили доступ к высшим дворцовым должностям⁷.

«Двор» 1573 г. являлся не более чем осколком прежнего опричного двора. После основательной чистки, которой подверглась преторианская гвардия в 1570—1572 гг., на дворцовой службе осталось служить не более пятой части старых опричников. Другой особенностью нового «двора» было то, что он не был органически связан со старыми опричными уездами⁸. К началу 1573 г. многие видные дворцовые чины

¹ Разряды, лл. 467 об., 490 об.

² Там же, лл. 467, 491.

³ Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 51, 55, 58; Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 74, 77, 80.

⁴ Например, В. Г. Зюзин, дьяк П. Григорьев, Бельские, кн. Козловские, Бастановы, Осорьин, Панины, Годуновы и т. д.

⁵ Например, кн. И. М. Глинский, кн. И. С. Городецкий, Г. Г. Колычев и более десятка других Колычевых, земский дьяк П. Суворов и т. д. В разряде конца 1571 г. возле имени Г. Г. Колычева записано «з земского», «з стрелецкие избы», в Разряде зимы 1572—1573 гг. — «стрелецкого приказу». (Разряды, лл. 375 об., 467 об.).

⁶ Ведавшие дворцовыми назначениями лица по большей части служили ранее в опричнине, они руководствовались в первую очередь соображениями родства и приятельства.

⁷ Когда весной 1574 г. царь выступил против татар, «он разметил своих государевых дворцовых бояр и окольных и дворян и детей боярских с собою». Из трех главных дворцовых воевод двое являлись бывшими опричниками, а третий, Ф. Ф. Нагой, — бывшим земцем. (Разряды, л. 491).

⁸ Когда в июле 1573 г. высшие дворцовые чины вели переговоры с литовцами, двум из них были присвоены сугубо земские титулы: окольный В. И. Умной числился наместником Нижегородским, М. В. Колычев —

получили обширные поместья в земской Шелонской пятине. В их числе были окольниковый В. И. Умнои, М. Т. Плещеев, Б. Я. Бельский, П. Григорьев, Б. В. Воейков и другие. В той же пятине наряду с дворовыми испомещены были в те же месяцы и земцы, в их числе известный земский боярин Н. Р. Юрьев¹. Местные помещики Шелонской пятины в подавляющем большинстве сохранили свои владения вплоть до того времени, когда Шелонь была взята в 1575 г. в удел.

По списку 1573 г., «новый двор» имел традиционную структуру. Из всех записанных в нем служилых людей (числом 671 человек) около трети (226 человек) получали жалованье как дворовые. Все прочие числились как городовые («дети боярские, которым государево денежное жалованье з города»). К первой категории принадлежали думные чины, головы и т. д. вплоть до дворовых подьячих и писцов. Их оклады колебались от 600 до 5 рублей. Ко второй категории принадлежали городовые дети боярские, получавшие от 14 до 3 рублей жалованья.

Самый низший разряд дворовых составляли дворовые приказные люди, прислуга и мастера, служившие в четырех дворцовых приказах — Постельном, Бронном, Конюшенном и Сытном. По случаю свадьбы Магнуса царь захватил с собой в Новгород 1223 дворовых из названных приказов².

После отмены опричнины дворцовые приказы пополнились земскими дворовыми людьми, но в целом их штаты не претерпели существенных перемен³. Правительство не имело ни

наместником Ивангородским, и только кн. Б. Д. Тулупов носил титул наместника опричной Старой Руссы. (См. В. Новодворский. Указ. соч., Приложение, стр. 8—9).

¹ Д. Я. Самоковсов. Архивный материал, т. I, ч. 2, стр. 59—60, 65—66, 76, 77—78; 61—62; 58—59; 70.

² Царь мог забрать в Новгород лишь часть дворцовой прислуги. Общая численность штатной дворцовой прислуги в столице и дворцовых селах составляла, вероятно, не одну, а много тысяч людей. Отметим, что в Списке 20 марта целиком отсутствуют штаты сокольничего и ловчего приказов. Очевидно, царю не было нужды везти в Новгород многочисленное охотничье ведомство, насчитывавшее много сотен псарей и дворовых.

³ Не позднее августа 1572 (7080) г. в состав Сытного двора была зачислена большая группа «нсвиков», сытников и подключников. (См. Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 54, 55, 59). Из земского Большого дворца на службу в «новый двор» перешел ключник М. Недюрев, возглавивший Сытный дворец. В ведомости 20 марта под заголовком «Сытного дворца» записан «путный ключник» Меншик Недюрев. «Государева ему жалованья в земском 50 рублей, а в опричнине ему оклад не бывал». Второй «путный ключник», бывший опричник В. Матисов получал вдвое меньший оклад. (См. Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 51). Сытный дворец пополнился дворовыми людьми царевичей Ивана и Федора. Еще до учреждения опричнины Грозный выделил сыновьям двор в Кремле, который считался земским. Люди этого двора служили «у царевичев, а государево жалованье имали в Большом приходе», т. е. в земщине. (См. Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 54, 57, 61).

малейшей нужды распускать высококвалифицированных мастеров (оружейников, портных, поваров) и набирать невесть где новых, тем более, что персональный состав дворовых людей подвергался многократным и тщательным проверкам. В царском архиве в 70-х гг. хранилась в отдельном ящике обширная документация, «сыски родства ключников, и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, и помясов и всяких дворовых людей»¹.

С отменой опричнины государев удел слился с земщиной. Отныне отпала необходимость в содержании прежнего многочисленного опричного двора, поставлявшего кадры для командного состава опричной армии и уездной опричной администрации. Важнейшими особенностями реформы двора после отмены опричнины были ликвидация привилегий прежнего опричного дворянства и допуск на дворовую службу бывших земских дворян, а также сокращение состава двора, не коснувшееся дворцовых приказов.

**

Последним достойным завершением опричных деяний явился царский указ о запрещении употреблять самое название опричнины². Грозный не велел помянуть опричнину под страхом следующего наказания: «виновного (болтавшего об опричнине) обнажали по пояс и били кнутом на торгу»³. Подобная мера вполне соответствовала общему стилю опричнины. На первый взгляд она была свидетельством полного искоренения опричных порядков, а также служила своеобразной оценкой итогов опричнины со стороны Грозного и его «нового руководства». Но более вероятным нам кажется другое объяснение. Власти боялись нежелательных толков и стремились предотвратить критику ненавистных опричных порядков посредством полного умолчания о них.

¹ Описи царского архива, стр. 39.

² Л. М. Сухотин выдвинул предположение о том, что указ об окончательной отмене опричнины был издан в самом начале нового года, может быть, 1 сентября 1572 г. (См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, II—IV. Белград, 1936, стр. 49).

³ Г. Штаден. Записки, стр. 110.

ГЛАВА V

ОПРИЧНИНА И ПОСЛЕДНИЕ УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕНИЯ НА РУСИ

Исследование судеб крупнейшего привилегированного землевладения в период опричнины имеет большое значение для оценки опричной политики и ее результатов. В свое время С. Ф. Платонов высказал гипотезу, согласно которой опричнина подвергла крупное княжеско-вотчинное землевладение систематической ломке. В основе этой гипотезы лежало два предположения: первое, что «в опричное управление были введены за немногими и незначительными исключениями все те места, в которых ранее существовали старые удельные княжества»; и второе, что вотчинники были в массовом порядке выселены из опричных уездов¹. В конечном счете С. Ф. Платонов свел проблему земельной политики опричнины к вопросу о территориальном составе опричных владений. Исследование этого вопроса продолжили П. А. Садиков и С. Б. Веселовский. П. А. Садиков проделал большую работу по уточнению времени перехода в опричину различных уездов. По существу он не вышел из рамок гипотезы С. Ф. Платонова². Напротив, С. Б. Веселовский подверг названную гипотезу решительной критике, доказав, что в опричину при ее учреждении вошли уезды с сильно развитым помещным землевладением, тогда как центры княжеско-вотчинного землевладения оставались в основном вне опричнины³. Отвергнув тезис о «противокняжеской» политике Грозного, С. Б. Веселовский солидаризировался с мнением В. О. Ключевского, который считал, что опричнина не изменила порядков и свелась к уничтожению лиц⁴.

¹ С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты, стр. 110.

² П. А. Садиков. Очерки, стр. 50—51, 64 и др.

³ С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 156—185; его же. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году. — «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 88—91.

⁴ С. Б. Веселовский. Учреждение опричного двора, стр. 103—104; его же. Исследования, стр. 24—28.

В новейшей литературе наметилось две точки зрения по вопросу об отношении опричнины к княжеско-вотчинному землевладению и, в частности, к княжеским уделам. Представитель одной из этих точек зрения С. Б. Веселовский считает, что в 60—70-х гг. политика Грозного в отношении уделов не выходила из рамок традиционной политики великих князей Ивана III и Василия III: поскольку уделы утратили всякое политическое значение еще в XV веке, на долю Грозного выпала сравнительно легкая задача — убрать последние остатки разложившегося удельного строя¹. Иной точки зрения придерживаются А. А. Зимин и С. М. Каштанов. По мнению С. М. Каштанова, «субъективной целью правительства (в опричнину. — Р. С.) было уничтожение последних уделов и искоренение удельно-княжеского сепаратизма». «Строго говоря, — пишет он, — опричнина была обращена своим острием против последних уделов, их она и уничтожила»². А. А. Зимин считает, что «основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности»³. В подтверждение тезиса об антиудельной направленности политики Ивана IV он указывает на факт ликвидации Старицкого удела в годы опричнины⁴. Последующий анализ истории уделов в годы опричнины приводит А. А. Зимины к выводу, который в известной мере противоречит его собственному тезису. «Опричная гроза, — пишет он, — миновала крупнейшие княжеско-боярские фамилии Мстиславских, Воротынских, Бельских, Шуйских, Глинских, Одоевских, Романовых-Юрьевых»⁵. Все названные фамилии (кроме Шуйских и Юрьевых) принадлежали как раз к разряду высшей удельной знати и владели самыми крупными удельными княжениями на Руси. Чтобы устранить отмеченное противоречие, А. А. Зимин проводит резкое разграничение между более крупными (Старицким) и менее крупными (всеми остальными) уделами⁶.

¹ С. Б. Веселовский. Последние уделы Северо-Восточной Руси. — Исторические записки. АН СССР, 1947, т. 22, стр. 127.

² С. М. Каштанов. К изучению опричнины Ивана Грозного. — История СССР, 1963, № 2, стр. 116—117.

³ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 477.

⁴ «Прослеживая эту в целом твердую линию политики Ивана IV, нужно, конечно, учесть, что правительство ее придерживалось не всегда последовательно». (А. А. Зимин. Опричнина, стр. 478).

⁵ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 370.

⁶ По мнению А. А. Зимины, Старицкое княжество было наиболее мощным форпостом удельной децентрализации и раздробленности на Руси, тогда как все прочие удельные княжества, включая уделы Мстиславского, Воротынского и др., были остатками удельной обособленности, которые не представляли никакой политической опасности для самодержавной власти. (А. А. Зимин. Опричнина, стр. 362—363.) Представляется, что

Такое резкое разграничение едва ли правомерно. Владения названных княжеских фамилий уступали по своим размерам владениям Старицких князей, тем не менее их уделы принадлежали к разряду крупнейшего удельно-вотчинного землевладения. В состав уделов входили многие укрепленные замки и городки, сотни деревень, десятки тысяч четвертей пашни. Служилые князья держали в своих городках наместников, бояр и воевод, под их знаменами служили сотни дворян, многочисленные стрелецкие отряды. Владетели наследственных родовых уделов осуществляли всю полноту власти на территории своих княжеств: они облагали население различными поборами и повинностями, содержали полицию и тюрьмы, творили суд и расправу по собственным законам. Компетенция владетелей жалованных уделов-вотчин имела некоторые ограничения.

Наличие удельных княжений оказывало определенное воздействие на политическую структуру и политическое развитие русского общества в XVI веке. Наряду с крупнейшим привилегированным землевладением титулованной и старомосковской знати уделы составляли основы самого существования аристократической Боярской думы, высшего органа в политической системе феодальной монархии XVI века.

Крупнейшими удельными княжениями в середине XVI в. владели братья царя князя В. А. Старицкий и Ю. В. Углицкий.

Князю Владимиру Андреевичу принадлежали города Старица, Алексин и Верея. Более 20 лет бразды правления уделом держала в своих руках мать удельного князя Ефросинья, женщина упорная и честолюбивая, не раз пытавшаяся заполучить царский престол для своего недалекого и безвольного сына. Раздор между царем и Старицкими возник вне связи с опричниной и задолго до ее учреждения. Конфликт привел к полному разрыву летом 1563 года, когда царь приказал высшему духовенству судить Ефросинью и ее сына. 5 августа 1563 г. княгиня Ефросинья была насильственно пострижена в монахини¹. Князь Владимир также не избежал наказания и, по-видимому, был сослан в Старицу². Правительство Старицкого удела было распущено. Только после «прощения» брата осенью 1563 г. царь Иван «вотчиною... своею (Стариц-

выводы относительно антиудельной политики опричнины должны опираться на факты, относящиеся к истории не только Старицкого, но и всех других уделов. В целом же вопрос об уделах неотделим от вопроса о судьбах княжеско-боярского землевладения в целом: уделы были одной из форм крупнейшего княжеско-вотчинного землевладения, а удельные князья были лишь первыми среди бояр.

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 368.

² Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 294. Изд. ЛГУ, 1966, стр. 184—185.

ким уделом. — Р. С.) повеле ему (князю Владимиру — Р. С.) владети по прежнему обычаю»¹. В новую думу Старицкого удела вошли бояре, дворяне и приказные из состава царского двора, пользовавшиеся полным доверием Грозного. В октябре 1563 г. правительство отобрало у Старицкого Вышгород и предоставило взамен городок Романов в Поволжье².

А. А. Зимин уделяет исключительное внимание перипетиям «длительной борьбы Ивана Грозного с крупнейшим удельным владыкой опричной поры Владимиром Старицким», считая, что основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару по таким оплотам удельной децентрализации, как Старицкий удел и т. д.³. В действительности политика Грозного в отношении Старицкого княжения отличалась редкой непоследовательностью. Правительство имело все основания ликвидировать удел после осуждения Старицких священным собором в 1563 г., но оно не сделало этого. Только через год после учреждения опричнины царь отобрал у князя Владимира города Старицу, Алексин и Верею, предоставив ему взамен Дмитровское удельное княжение с городами Дмитровом, Боровском и Звенигородом. Променянные земли были примерно равноценны. А в некоторых отношениях мена носила почетный для удельного князя характер. В свое время Иван III отказал Дмитров и Звенигород своему второму сыну, старшему из удельных, тогда как Старица досталась пятому его сыну, младшему из удельных. Обмен земель уничтожил политическое влияние Старицких в пределах их наследственного удела. Такая мера имела значение санкции против удельного князя, но санкции осторожной, не отличавшейся ни решительностью, ни последовательностью.

Дмитровское удельное княжение, образованное в годы опричнины, просуществовало в течение почти четырех лет (1566—1569 гг.) и было упразднено после так называемого «новгородского изменного дела» и казни кн. В. А. Старицкого. Старицкого не спасли ни полная лояльность в отношении к опричному правительству, ни доносы на конюшего И. П. Федорова и собственных родственников. Но казнь Старицкого не была вызвана единственно стремлением правительства раз и навсегда покончить с крупнейшим удельным

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 368.

² Там же, стр. 372.

³ См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 477—478. «Если внимательно проанализировать опричные земельные перетасовки и многочисленные казни, то и тут бросится в глаза их одна закономерность: острие репрессий было направлено против сторонников Владимира Старицкого и близких к нему деятелей Избранной рады». (См. А. А. Зимин. О политических предпосылках, стр. 42).

княжеством в стране. Более того, царь пощадил старшего сына удельного князя, его наследника княжича Василия и двух дочерей от первого брака Старицкого с Нагой. Спустя два года при составлении завещания Грозный вспомнил о племяннике и даже упомянул о возможности его «пожалования»: «а князь Володимерова сына, князя Василья и дочери, посмотри по настоящему времени (пожаловати. — *Р. С.*) как будет пригоже», — записал он¹. Стремясь закрепить договор с «ливонским королем» Магнусом, царь еще в июне 1570 г. объявил о помолвке с ним своей племянницы Евфимии Старицкой. Спустя год — два он пышно отпраздновал в опричной Александровской слободе свадьбу княжича Василия с княжной Марией Мезецкой, а в апреле 1573 г. выдал Марию Старицкую за «короля» Магнуса в Новгороде². На свадьбе у сестры княжич Василий сидел «в отца место», а его жена — «в материно место». Около того же времени правительство вернуло Василию Старицкому отцовскую «отчину», возродив Дмитровское удельное княжение.

С. Б. Веселовский считает недостоверным сообщение «одного провинциального летописца» о передаче Василию Дмитрова и объясняет его наличием у царя каких-то неосуществленных проектов³. Однако с его мнением нельзя согласиться. О возрождении Дмитровского удела сообщают летописцы совершенно различного происхождения: во-первых, Кирилло-Белозерский (Вологодский) летописец XVI в. и, во-вторых, летописец московского происхождения начала XVII в. Согласно первому, в 7081 г. «князь великий князя Василия Володимеровича пожаловал, дал ему отца его (отчину) город Дмитров»⁴. Согласно второму летописцу, «того же (7080. — *Р. С.*) году пожаловал князь великий князя Василия Володимеровича Дмитровом»⁵. Дмитровский удел был реставрирован не ранее весны 1572 г. (см. завещание Грозного) и не позднее 1573 (7081) г. (см. летописцы), то есть в самом конце опричнины или тотчас после ее отмены. В самом

¹ ДДГ, стр. 442.

² Старшая из дочерей Старицкого умерла от чумы вскоре после помолвки. По сообщению Пискаревского летописца, свадьба Василия Старицкого в Слободе кончилась будто бы «великим срамом и поруганием»: царь выслал невесту за заставу в одной сорочке, никто не посмел впустить ее в дом, и она умерла на улице от холода. Приведенный рассказ, а также сообщение того же летописца о последовавшей затем казни княжича Василия, по-видимому, недостоверны. (См. Пискаревский летописец, стр. 78).

³ См. С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 109—110.

⁴ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в., стр. 92.

⁵ Пискаревский летописец, стр. 81.

конце 1573 г. или в начале 1574 г. княжич Василий Старицкий умер, не оставив детей, в результате чего Дмитровский удел естественным путем прекратил свое существование.

Опричная сыскная комиссия, сфабриковавшая чудовищный процесс по делу Старицких, оправдывала многочисленные казни трехлетнего террора ссылками на мнимый заговор в пользу князя Владимира. Однако жертвами террора стали не только и не столько приверженцы Старицких. Доказательством тому служит, во-первых, то обстоятельство, что большая часть родственников, а также бывших бояр и слуг Старицких (князья Хованские, Одоевские, Пронские, Темкины и т. д.) благополучно пережили опричнину; во-вторых, жертвами опричнины стали многие известные противники Старицких (Яковлевы-Захарьины, Басмановы-Плещеевы и т. д.). В-третьих, громадное большинство жертв опричнины не имело вообще никакого отношения к семье Старицких.

Ликвидация удела Старицких в 1569 г. явилась крупнейшим фактом политической истории опричнины, который, однако, не дает достаточных оснований для заключения о преимущественно антиудельной направленности опричной политики. Напомним, что в 30-х гг. правительство Е. Глинской, не прибегая к далеко идущим реформам, упразднило на протяжении четырех лет сразу два крупнейших удела: князей Ю. И. Дмитровского (1533 г.) и А. И. Старицкого (1537 г.). Оба названных князя были родными братьями великого князя и обладали значительно большим политическим весом, нежели В. А. Старицкий в период опричнины.

Политика царя Ивана в отношении уделов (в 60-х годах) носила, по-видимому, более консервативный характер, нежели политика Избранной рады. Великий князь Василий III завещал младшему сыну князю Юрию удел в Угличе. Но распоряжение его осталось неосуществленным в течение всех лет правления Рады. В те годы территорией удела князя Юрия управлял специально образованный Углицкий дворец, главой которого был дьяк И. Г. Выродков¹. Родня Юрия, не надеясь раздобыть удел легальными путями, пустила в ход интриги. В начале 50-х гг. князь Палецкий уведомил Старицких, что поддержит их притязания на престол, если те дадут удел его зятю кн. Юрию «по великого князя Василиеве духовной грамоте»².

Одной из первых мер, проведенных царем Иваном после падения Сильвестра и Адашева, было образование обширного удельного княжения для младшего брата, глухонемого

¹ ТКТД, стр. 114.

² ПСРЛ, т. XIII, стр. 523.

от рождения князя Юрия¹. Сверх городов, отказанных Юрию Василием III, царь пожаловал кн. Юрию от себя город Брянск со всеми волостями². Удельный князь получил свою долю на Москве. После смерти князя Юрия в 1563 г. правительство Грозного в начале 1564 г. отвело вдове Юрия кн. У. Д. Палецкой прожиточный удел, город Кременск с волостями³. Тогда же удельная княгиня постриглась в Новодевичьем монастыре под именем старицы Александры. После учреждения опричнины правительство не только не ликвидировало Кременский удел, но, напротив, расширило его территорию. В самый разгар опричнины, 30 июня 1570 г., оно пожаловало удельной старице город Устюжну Железопольскую со всеми доходами⁴. Между прочим, в своем духовном завещании 1566—1572 гг. царь Иван наказывал наследнику-сыну сохранить удел вдове углицкого князя «до ее живота»⁵.

Упомянутое завещание Грозного представляет возможность судить о его отношении к удельной практике. По завещанию, царь собирался отвести сыну Федору удел, по территории равный целому государству. В состав его должна была войти добрая половина опричных земель (Суздальский уезд с Шуйей, Кострома с Плесом и Козельск) и крупные земские уезды (Ярославский с богатыми вотчинами ярославских княжат, конфискованными в казну, а также города Серпейск, Мценск и Волок-Ламский), ряд крупных сел в Московском уезде⁶.

Грозный собирался образовать уделы не только сыновьям, но и всем прочим членам своей семьи. После свадьбы с А. Колтовской весной 1572 г. царь дополнил свое завещание новыми распоряжениями. Царице Анне он назначил «на прожиток» в удел крупный город Ростов со многими селами и вотчинами. Возможному сыну от Анны он отказал Углицкий удел с городами Угличем, Малым Ярославцем, Вереей и Кашиным, возможной дочери — город Зубцов и т. д.⁷

По завещанию Ивана III выморочные уделы должны были перейти к великому князю. Царь Иван оказался более консервативным, нежели его дед. После смерти кн. Юрия

¹ С. Б. Веселовский пишет, что князь Юрий так и не был отпущен на удел, а все управление его уделом осуществляли царские дьяки. (См. С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 101—102). Но это неверно. В августе 1560 г. Грозный образовал правительство Углицкого удела во главе с боярином кн. И. А. Куракиным. (См. Разряды, лл. 279—279 об.). Далеко не случайно Куракин оказался в числе первых жертв опричнины.

² ДДГ, стр. 441.

³ Там же.

⁴ ААЭ, т. 1, № 279, стр. 315; ДДГ, стр. 441.

⁵ ДДГ, стр. 443—444.

⁶ Там же, стр. 442—443.

⁷ Там же, стр. 443.

Углицкого в 1563 г. он распорядился поделить выморочный Углицкий удел между двумя сыновьями «по справедливости». В завещании подробно расписывались города и волости удела, переходившие во владение каждого из сыновей. Большая часть удела должна была перейти к царевичу Ивану, зато центр удела Углич отходил к Федору¹.

Проекты, изложенные в царском завещании, отнюдь не были праздными рассуждениями, лишенными реального содержания. Подтверждением тому служит образование обширного удельного княжества Юрия Васильевича в 1560—1563 гг., а также княжества Дмитрия Ивановича (сына царицы Марии Нагой) в Угличе уже после смерти Грозного. Нет сомнения, что при составлении духовной царь не мог обойтись без помощи ближних думных людей и дьяков опричнины, разделявших его замыслы или во всяком случае осведомленных о них. В завещании 1566—1572 гг. руководители опричнины предстают перед нами как приверженцы удельной старины. Для объяснения подобного неожиданного факта следует вспомнить, что и сама опричина была создана ими как «государев удел», по форме пародировавший удельное княжение. Завещание Грозного времен опричнины показывает, сколь противоречивыми были политические взгляды людей, с деятельностью которых был связан один из самых драматических эпизодов исторического развития Русского государства от самодержавия с Боярской думой и боярской аристократией к дворянской абсолютной монархии. Династические проекты царского завещания воплощали в себе аристократические предрассудки Грозного и его сподвижников. Осуществление их привело бы к возрождению в стране удельных порядков в самых широких масштабах.

Помимо членов царской династии, крупными уделами в середине века владели «служилые князья» из иноземной знати, выехавшей на Русь из Литвы, Кабарды, Молдавии в конце XV или XVI в. При царском дворе все они служили (до получения боярского чина) по особому списку «служилых князей», в который в 50-х гг. были записаны И. Д. Бельский, М. И. и А. И. Воротынские, Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Одоевский, А. В. Черкасский и др.².

¹ ДДГ, стр. 440—441.

² Удельный князь И. Ф. Мстиславский ко времени составления Дворовой тетради заслужил боярский чин и был записан в список членов Боярской думы. В изданном тексте Дворовой тетради 1551/1552 гг. имена некоторых служилых князей напечатаны с ошибками. Так, «князь Иван княж Дмитриев сын Федоровича» поименован Глинским, а не Бельским, «князь Михайло, да князь Василей, да князь Микита... Трубецкого» помечены (в основном тексте) как «князь Юрьевы дети», на самом же деле они были «Андреевичи» (помещено в разночтения). (См. Тысячная книга

Бельским принадлежало Луховское удельное княжество, в состав которого входили укрепленный городок Лух и три обширных волости на Средней Волге¹. Кн. И. Д. Бельский возглавил выступление удельной фронды в период подготовки и обсуждения в думе Уложения о вотчинах служилых князей в январе 1562 г.². За это он был подвергнут царской опале. По мнению С. Б. Веселовского, правительство отняло у Бельского его удельное княжество. Не позднее 1566 г. Луховский удел был будто бы передан валашскому господарю Богдану и лишь около 1569 г. снова возвращен Бельскому³. Но это неверно. Валашский господарь Богдан Александрович прибыл на Русь летом 1574 г., и только тогда царь пожаловал его «великим жалованьем по его дородству и храбрости», передав ему выморочный Луховский удел⁴. Что касается Бельского, то он получил свой удел обратно тотчас по освобождении из-под ареста в марте 1562 г.

Как государственному изменнику Бельскому грозила смертная казнь, но он избежал всякого наказания. Правительство не использовало момента для ликвидации Луховского удела. Луховское удельное княжество пережило самые кровавые годы опричнины. Во время набега татар на Москву в мае 1571 г. Бельский со всей семьей погиб в горящем городе. Как выморочное имущество его удел перешел в казну. Никаких попыток к ограничению Луховского удела со стороны опричного правительства в 1565—1571 гг. мы не наблюдаем.

Очень крупным Юхотским удельным княжеством владел в период опричнины кн. И. Ф. Мстиславский⁵. Будучи официальным руководителем земской Боярской думы, он отличался полной лояльностью по отношению к опричному прави-

1550 г. Тетрадь дворовая 50-х гг. XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 117, 118).

¹ Кн. Ф. И. Бельский, выехавший на Русь в 1482 г., имел трех сыновей. Один из них, князь Семен, бежал в Литву в 1534 г., другой, князь Иван, погиб в ссылке на Белоозере в 1542 г. Третий сын, князь Дмитрий, остался единственным владельцем Луха и передал удел сыну кн. И. Д. Бельскому. В состав Луховского удела входили волости Вичюга, Кинешма и Чихачев. (См. ДДГ, стр. 357).

² ПСРЛ, т. XIII, стр. 340.

³ С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 117—121.

⁴ См. Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты. — Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, стр. 104—105, 111. С. Б. Веселовский ссылается на жалованную грамоту 20 июня 1577 г., но из нее следует, что в 1571 (7079) г. Луховский удел попал в казну, а позже в 1575—1576 (7084) гг. оказался в руках Богдана Александровича. (См. П. Ильинский. Луховская пустынь Костромской губернии. Кострома, 1898, Приложение, стр. I—V).

⁵ Князья Мстиславские происходили из рода великих князей литовских. Литовский магнат кн. Ф. М. Мстиславский выехал на Русь в 1526 г. и получил от Василия III выморочный удел Юхотских князей. В 40-х гг. Юхотский удел перешел в руки кн. И. Ф. Мстиславского.

тельству и вплоть до 1570 г. пользовался расположением царя. Как передают современники, Грозный неизменно отвергал многочисленные доносы на Мстиславского и Бельского, замечая при этом: «я и эти двое составляем три Московские столпа. На нас троих стоит вся держава»¹. Правительство использовало авторитет двух названных удельных князей для расправы с неугодными ему членами Боярской думы. После сожжения Москвы татарами в мае 1571 г. опричное правительство поспешило возложить ответственность на плечи земских бояр и объявило главным виновником катастрофы кн. И. Ф. Мстиславского².

По требованию царя Мстиславский публично признал себя изменником, врагом христианства и всего народа, повинным в разорении Москвы³. Сообщник Мстиславского, кравчий Ф. Салтыков, был осужден на вечное заключение, а затем казнен по приказу Грозного⁴. Сам же Мстиславский был пощажён и выдан на поруки опричному служилому князю Н. Р. Одоевскому и земскому боярину М. Я. Морозову, а также священному собору. В сентябре 1571 г. царь отослал Мстиславского в Новгород, а затем назначил его новгородским наместником⁵. В январе 1572 г. удельный князь возглавил Боярскую думу, созванную в Новгороде для переговоров со шведскими послами⁶. Согласно завещанию, составленному в 1566—1572 гг., Грозный наказывал сыну «не вступаться» в удел, пожалованный Василием III кн. Ф. М. Мстиславскому, а также и в ту вотчину, «что аз *придал* сыну его князю Ивану»⁷. Как видно, пожалованные Мстиславскому вотчины были столь значительны, что царь даже счёл необходимым упомянуть о них в завещании. Есть основания предполагать, что удельные владения Мстиславских были значительно расширены именно в самом начале опричнины. Известно, что в 60-х гг. им принадлежали очень крупные вотчины на южной окраине государства в Епифаневском и Городненском (Веневском) уездах. В Епифани Мстиславский «своей казной» выстроил крепость (острог) с дубовыми стенами и тремя башнями. Крепость была снабжена артиллерией и охранялась сильным гарнизоном. Под городом стояли две слободы пеших и конных стрельцов (142 двора) и восемь казачьих

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 23.

² См. С. К. Богоявленский. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма. — Чтения ОИДР, 1912, кн. 2, стр. 32.

³ СГГД, ч. 1, № 196, стр. 561—562.

⁴ См. G. Hoff. Указ. соч., стр. 22.

⁵ Новгородские летописи, стр. 109.

⁶ Сб. РИО, т. 129, стр. 215, 216, 219.

⁷ ДДГ, стр. 443.

слобод (около 700 дворов)¹. Всего в уезде Мстиславском принадлежало 16 тысяч четвертей пашни и еще 40 тысяч четвертей «дикого поля»². Как значилось в писцовых книгах, жители Епифани садились «у князя у Ивана у Мстиславского на льготе в 75 г. (1566—1567 гг. — Р. С.), а льготы им дал был князь Иван на 10 лет»³. Видимо, Мстиславский получил земли в Епифани незадолго до того как стал «называть» на льготу стрельцов и казаков, то есть во время опричнины.

История Епифаневских вотчин представляет типичный пример колонизации южных степных окраин крупным феодалом⁴.

В Веневском уезде Мстиславскому принадлежал сильно укрепленный замок Городенск (Венев). В нем удельный князь содержал на жаловании 100 стрельцов, а также пушкарей с «нарядом»⁵. Вассалы и слуги Мстиславского «держали» в уезде более двух тысяч четвертей пашни⁶. В состав вотчины удельного князя входили Городенский посад с 42 дворами крестьян и 54 лавками и очень крупная волость, в которой было до 10 тысяч четвертей пашни. Крестьяне платили удельному князю натуральные оброки и несли в его пользу барщинные повинности⁷. Посадское население платило в удельную казну исключительно денежный оброк.

¹ Писцовые книги Московского государства XVI века. Под ред. Н. В. Калачева. Т. I, отд. 2, СПб., 1877, стр. 1588—1591. В 1570—1571 гг. удельный князь отвел стрельцам пашенные участки на «диком поле» и дал им льготу на 4 года.

² ПКМГ, т. I, отд. 2, стр. 1595.

³ Там же, стр. 1595—1596.

⁴ В годы опричнины происходила усиленная колонизация южных и восточных окраин государства. Ведущую роль в ней играли наряду с казной крупнейшие феодалы (удельный князь Мстиславский, Романовы, Шереметевы, купцы Строгановы и др.), расхитившие десятки тысяч десятин плодороднейших земель, так называемого «дикого поля». Процесс создания колоссальных земельных богатств на южной окраине, протекавший в 60—90-х гг. XVI века, оказал немалое влияние на политическое развитие того времени.

⁵ ПКМГ, т. I, отд. 2, стр. 1538—1542. В Городенске стоял двор удельного князя с многочисленными хоромами, сенями, горницами, мыльней и поварнями, конюшненным двором на 57 лошадей, житницами, псарней, «струбом медвежьим» для потех и кабацкой избой для продажи вина населению. Под городом удельный князь держал небольшой пороховой завод, мельницу, «колесо немецкое большое», и кирпичный заводик с запасом в 5000 «кирпичю» на церковное строение. Мстиславский «почал» делать пруд на р. Веневе, но не довел строительство до конца. Церковь он также не успел достроить.

⁶ ПКМГ, т. I, отдел 2, стр. 1558, 1559, 1560, 1563, 1566—1570, 1575—1576, 1579—1581.

⁷ По описи, составленной летом 1571 г., «вытей было крестьянских в тех дворцовых селех и в деревнях при князе Иване при Мстиславском 335 вытей, опричь княжих людей пашни, а на выть было у князя Ивана Мстиславского пашни дано крестьянам на выть по 13 четьи в поле, а в дву по тому же, и из тое пашни выбирали у них на князя Ивана из выти

Основателем Городенска был боярин И. В. Большой Шереметев. Казна наложила руку на пограничный замок, видимо, после царской опалы на Шереметева в 1564 г. Царь передал Городенск вместе с дворцовой волостью Мстиславскому не позднее 1569—1570 (7078) гг.: в эти годы последний «называл» туда и садил на пашню крестьян. Удельный князь получил вотчину незадолго до 1571 г. К лету этого года он успел заготовить кирпичи на церковное строение, начал копать пруд на р. Веневе, но ни того, ни другого так и не закончил.

Обширные вотчины на южной границе были переданы Мстиславскому во время опричнины, не ранее 1564—1567 гг. и не позднее 1569—1570 гг. пожалование земель удельному князю, очевидно, не могло совершиться без ведома и санкции опричного правительства. Однако он недолго владел новой вотчиной. В связи с обвинением Мстиславского в тайных сношениях с крымским ханом его владения на границах с Крымом были отписаны в казну. В июле — августе 1571 г. в Епифань и Городенск прибыли царские писцы, составившие подробную опись конфискованной вотчины Мстиславского¹. Опричная конфискация не затронула основной территории Юхотского удельного княжения, находившегося в Ярославском уезде. По описи, составленной в период опричнины в 1568—1569 гг., названный удел включал городок Юхоть, 6 погостов, 41 село и 646 деревень². Об общих размерах землевладения Мстиславских можно судить на основании того факта, что в начале XVII в. сын кн. И. Ф. Мстиславского владел примерно 90 тысячами четвертей пашни³.

Крупными уделами в период опричнины владели потомки черниговских князей Воротынские и Одоевские, сохранившие «великие вотчины» на территории старинного Чернигово-Северского княжества.

Самым крупным из северских уделов был Новосильско-Одоевский удел Воротынских⁴.

по 1½ дес. ржи да по 1½ дес. яри лутчего хлеба, да сена косили на князя Ивана на диком поле по 30 коп., а оброку с них имали на князя Ивана на Мстиславского с выти по 2 полтя... да с повозом к Москве с выти по 2 подводы на год». (См. ПКМГ, т. I, отд. 2, стр. 1549).

¹ ПКМГ, т. I, отд. 2, стр. 1550—1537.

² См. С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 118.

³ Докладная выпись 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях. — Чтения ОИДР, 1895, кн. I, отд. 1, стр. 1. Площадь пахотных земель здесь и ниже дана в пересчете на три поля.

⁴ Кн. И. М. Воротынский, выехавший на Русь из Литвы, был умерщвлен в 1534 г. за попытку бежать на родину. Трое сыновей удельного князя провели несколько лет в темнице. Затем правительство вернуло им земли. Старший из братьев, князь Владимир, умер в 1554 г., младший, князь Александр, умер незадолго до опричнины.

За несколько лет до опричнины Новосильско-Одоевский удел подвергся конфискации. В течение трех лет удельный владыка кн. М. И. Воротынский содержался в тюрьме на Белоозере. Весною 1566 г. опричное правительство, искавшее тогда компромисса с боярством, приняло неожиданное решение о реставрации Новосильско-Одоевского удельного княжества. Оно освободило из тюрьмы кн. М. И. Воротынского и передало ему родовой удел.

В мае 1566 г. царь Иван велел передать литовскому правительству, что пожаловал Воротынского «по старому и вотчину его старую, город Одоев и город Новосиль ему совсем отдал и больши старого»¹. По-видимому, вскоре по возвращении боярина из ссылки царь Иван внес в завещание первое распоряжение относительно Новосильского удела. Царь выражал пожелание, чтобы Воротынский «ведал» родовой удел (треть Воротынска, Перемышль, Одоев Старый, Новосиль, Остров, Чернь) «по старине» и чтобы царевич Иван не «вступался» в его владения².

Правительство разрешило удельному князю раздвинуть южные пределы княжества³. С помощью средств, щедро отпущенных казной, Воротынский отстроил и укрепил древнюю столицу удела город Новосиль, некогда разоренную татарами⁴. В связи с этим удельный князь стал именовать себя «державцем Новосильским»⁵. Подобно Мстиславскому и некоторым другим крупным феодалам, Воротынский получил возможность присвоить и колонизовать обширные участки плодородной степи, так называемого «дикого поля».

После реставрации Новосильско-Одоевского удела в нем были возрождены старинные удельные порядки⁶. Вновь организованная удельная армия насчитывала несколько тысяч

¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 345.

² ДДГ, стр. 435.

³ Правительство имело в виду привлечение армии удела Воротынского к обороне наиболее опасного участка крымской границы.

⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 261, 272.

⁵ Там же, стр. 255, 261, 272.

⁶ Как показывают жалованные грамоты Воротынских начала 60-х гг., удельные князья были полновластными хозяевами в своих «великих вотчинах». Их наместники, сидевшие в крупнейших городах удела, выполняли функции правителей и судей и «кормились» за счет населения. Жители удела платили в пользу князя подати, давали «хлеб пищальный» на содержание удельных стрельцов, исполняли барщину, отправляли «посошные» повинности, делали «городовое дело», чинили крепостные сооружения, косили сено, предоставляли подводы на княжеские ямы, платили ямские деньги. (Жалованная грамота кн. А. И. Воротынского 1561 г. — С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 129—130).

дворян, стрельцов и казаков¹. Правительство удела возглавляли бояре и воеводы².

На протяжении всей опричнины удельный князь М. И. Воротынский занимал одно из первых мест в земском правительстве. Новосильский удел пережил самые мрачные времена опричного террора. После падения старого опричного руководства (Басманов, Вяземский) родовой удел Воротынского в его традиционных границах был все же ликвидирован.

Правительство произвело с Новосильско-Одоевским уделом ту же операцию, что и со Старицким. Оно отобрало в казну родовое удельное княжество Воротынского и дало ему взамен новый — Стародубский удел. В своем завещании царь записал следующее: «А что есьми был пожаловал князь Михаила князь Иванова сына Воротынского старою его вотчиною.., и аз ту вотчину взял на себя, а князю Михаилу дал есьми в то место вотчину, город Стародуб Ряполовской, да ...волость Мошок, да в Нижегородском уезде село Княгинино» и т. д.³.

С. Б. Веселовский полагал, что кн. М. И. Воротынский получил несколько больших сел в Стародубе Ряполовском в виде компенсации за выморочный удел брата кн. А. И. Воротынского⁴. Однако подобное предположение ничем не аргументировано. В завещании Грозного речь определенно идет об обмене Новосильского удела на Стародубский.

Был ли образован Стародубский удел в действительности или распоряжение царя является проектом, оставшимся на бумаге? В пользу первого предположения свидетельствует ряд обстоятельств. Во-первых, в завещании прямо указывалось на выдачу Воротынскому меновных грамот: «а ведает ту вотчину (Стародуб. — Р. С.) князь Михайла по меновным грамотам»⁵. Во-вторых, царь внес поправку в основной текст завещания об отказе сыну Ивану «в Стародубе в Ряполовим Стародубских князей вотчины, которые остались за мною у князя Михаила Воротынского»⁶. В-третьих, еще в начале

¹ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 288. Только по Перемышлю и Одоеву Воротынским до их опалы служило 160 детей боярских. (См. Витебская старина, т. IV, стр. 33—38).

² Литовский гетман Ходкевич заверил Воротынского в 1567 г., что король Сигизмунд II Август помнит о его знатности («што вышел с крови государские великих князей Новосильских») и знает, что тот «до сих часов» ведется «своими чины и обычайми великими на отчизне и на уделу своем по прирожденному... величеству, маючи в себе свои бояры и воеводы». (См. Послания Ивана Грозного, стр. 266).

³ ДДГ, стр. 444.

⁴ С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 114.

⁵ ДДГ, стр. 444.

⁶ Там же, стр. 434.

XVII в. сыну Воротынского принадлежала вотчина «в Нижнем село, четвертная пашня неведома»¹. С большой долей вероятности это село, не освоенное Воротынским, можно отождествить с нижегородским селом Княгининым, полученным им при обмене Новосильского удела на Стародубский.

Время ликвидации Новосильско-Одоевского удела можно определить лишь приблизительно. Обмен не мог произойти ранее октября 1569 года, поскольку до этого времени Стародубом владел кн. В. А. Старицкий².

Возможно, что правительство наложило руку на вотчину Воротынского в одно время с конфискацией Веневской вотчины Мстиславского. Наряду с этим последним Воротынский нес главную ответственность за гибель Москвы в мае 1571 года. Татарское вторжение показало, что удельные владения и укрепленные замки на южной «украине» вовсе не гарантируют надежной охраны границы от татар. С другой стороны, Новосильско-Одоевский удел едва ли мог быть ликвидирован после победы на Молодях, когда кн. М. И. Воротынскому был возвращен высокий титул слуги.

В исторической литературе прочно утвердилось мнение, будто Воротынский был крупнейшим выдающимся воеводой царствования Грозного³. По словам С. Б. Веселовского, князь Воротынский принадлежал к числу лучших военачальников своего времени и по существу был главнокомандующим при взятии Казани, за что и получил звание слуги⁴. С таким мнением нельзя согласиться. Титул слуги Воротынский получил до похода на Казань⁵. Под Казанью он служил вторым воеводой большого полка, то есть был четвертым или пятым лицом после главнокомандующего. Общее руководство осадой крепости осуществляли более опытные воеводы. Воротынский руководил осадными работами в районе Царевых ворот. 30 сентября 1552 г. Воротынский советовал царю начать общий приступ, но его совет был отклонен как преждевременный. Незадолго до того в полку Воротынского произошел случай, который мог иметь самые печальные последствия для казанской войны. «В время обеда Руси многие разыдошася ясти», а воеводы не позаботились выставить охранение. Татары, воспользовавшись беспечностью Воротынского, про-

¹ Докладная выпись 1613 г., стр. 1.

² ПСРЛ, т. XIII, стр. 400.

³ Среди новейших исследователей подобное мнение разделяют С. Б. Веселовский, П. А. Садиков и А. А. Зимин. (См. П. А. Садиков. Очерки, стр. 14, 26, 41; А. А. Зимин. Опричнина, стр. 451).

⁴ См. С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 113, 114.

⁵ Впервые с титулом слуги Воротынский поименован в Разрядной записи за 26 октября 1551 г. (Разряды, л. 187). Вновь с тем же титулом он записан в Разряде за май 1552 г. в тексте официальной летописи (ПСРЛ, т. XIII, стр. 184).

извели вылазку из крепости и захватили осадную линию русских против Царевых ворот. Воины Воротынского поспешно отступили, сам он был ранен в лицо. Положение было восстановлено лишь после того как в помощь Воротынскому был прислан воевода А. Д. Басманов с подкреплениями. Последний атаковал татар и принудил их отступить в крепость¹.

После «казанского взятия» все назначения Воротынского были неизменно связаны с обороной южной границы от татар. Нередко правительство назначало его главнокомандующим против татар, что объясняется не только знатностью Воротынского. Ввиду постоянных вторжений татар северские князья вынуждены были содержать многочисленные войска и поддерживать сторожевую службу на границах своих уделов. Со своей стороны московское правительство охотно использовало силы удельных княжеств для обороны всей Северной Украины. Воротынский был старшим из северских князей, чем, вероятно, и объяснялось пожалование ему титула слуги и посылка во главе армии на южную границу против татар.

Весною 1572 г. царь Иван подчинил Воротынскому всю опрично-земскую армию, поручив ему оборону южных границ от вторжения татар. Назначение Воротынского имело различные причины, среди которых главной были местнические порядки. В 1571 г. кн. Бельский погиб, а кн. Мстиславский был осужден за «измену» в пользу татар. Самым знатным после них членом Боярской думы был кн. М. И. Воротынский, который и занял пост главнокомандующего. Кампания против татар в 1572 г. имела неудачное начало. В то время как Воротынский с товарищами находился в трех верстах от Серпухова, татары под самым их носом, у реки Нары, перешли Оку, затем двинулись к Москве и окружили ее со всех сторон. Вслед за тем произошло кровопролитное сражение на Молодах, подлинным героем которого был не Воротынский, а молодой опричный воевода кн. Д. И. Хворостинин. После победы наибольших почестей был удостоен, разумеется, Воротынский, которому возвращен был титул слуги. В последний раз с этим титулом Воротынский именуется в Разряде за 15 апреля 1573 г.²

После отмены опричнины Воротынский подвергся царской опале. Обстоятельства его гибели весьма загадочны. В апреле 1573 г. он был послан против татар на Оку во главе всей русской армии³. До июля Воротынский находился в Серпухове, после чего был вызван в Москву и подвергнут пытке.

¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 205, 212—213.

² Разряды, л. 478.

³ Там же, лл. 478—478 об.

Курбский передает, что Воротынского оболгал беглый раб, вдобавок обокравший его¹. Но эта версия не совсем достоверна. Если Воротынского оклеветал его холоп, то почему вместе с ним были казнены двое других воевод, назначенных командовать всей русской армией на Оке, а именно бояре М. Я. Морозов и кн. Н. Р. Одоевский?

Можно полагать, что дело Воротынского было вполне аналогично делу Мстиславского, а возможно, и служило его продолжением. Вместе с Воротынским погибли два главных поручителя Мстиславского М. Я. Морозов и Н. Р. Одоевский. Царь не питал иллюзий насчет роли Воротынского в сражении на Молодях 1572 г. и не постеснялся обвинить его в измене в пользу татар и в тайных сношениях с крымским ханом. В январе 1574 г. слуга Мстиславского, вышедший из крымского плена, под пытками показал, что он «про князя Ивана про Мстиславского и про князя Михаила Воротынского в Крыму от мурз слышал, что они перед тобою, государем, не прямят, изменяют и в Крым ссылались». Его показания подтвердил (без пыток) и другой слуга Мстиславского, назвавший даже имена мурз, от которых он слышал о тайной переписке бояр с ханом. Далее боярский холоп поведал, будто «по зиме» перед вторым приходом татар к Москве в 1572 г. Мстиславский, Воротынский и Шереметевы будто бы послали к крымскому царю грамоту, «чтобы царю идти на твои государевы украины поранее к Москве для того, что люди твои государевы не собрались, а царю бы в ту пору придти»². Показания холопов были путаными и мало правдоподобными³. Но Грозный охотно прислушивался к ним.

Конфискация у Воротынского его старых замков на крымской границе и передача ему земель к северу и востоку от Москвы преследовала, по-видимому, цель воспрепятствовать его ссылке с Крымом, действительной или мнимой. В подобных же изменах подозревался, видимо, и другой северский удельный князь, бывший опричник и свояк Старицкого Н. Р. Одоевский. Род Морозовых оказался под подозрением с того момента, как за «измену» в пользу татар был казнен

¹ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 288.

² Чтения ОИДР, 1912, кн. 2, стр. 30—31.

³ Достаточно сказать, что Мстиславский, избежав казни летом 1571 г., не мог и помышлять о ссылке с ханом, тем более что с осени он безвыездно находился в Новгороде под бдительным надзором царя. Не мог писать к татарам «по зиме» 1571—1572 гг. и Шереметев, который в декабре 1571 г. сопровождал царя в Новгород в чине дворового воеводы, т. е. как ближайшее доверенное лицо Ивана. (Разряды, лл. 375—376 об.). Не мог доказать своего алиби лишь Воротынский, находившийся той зимой в своей вотчине или же на Москве.

главный «сообщник» Мстиславского в 1571 г. Ф. И. Морозов-Салтыков¹.

Царь лично руководил розыском об измене главных воевод. Он велел жечь Воротынского на медленном огне и железом подгребал под него горящие угли. После завершения розыска правительство не решилось казнить Воротынского и распорядилось вторично сослать его на Белоозеро. Однако престарелый боярин, измученный пыткой, не доехал до Белоозера и умер в пути². Удел его был конфискован в казну, после чего царь записал в завещании, что передает сыну Ивану «город Стародуб Ряполовский, да волость Мошок, село Княгинино, что было за Воротынским, в Нижегородском уезде»³.

Удельные владения Воротынских, реставрированные в годы опричнины, пережили пору массовых репрессий и были упразднены лишь через год после отмены опричнины. Со временем земли князя Михаила Воротынского были переданы двум его сыновьям, сохранившим положение удельных князей в 80-х гг. XVI века⁴. Сколь значительны были владения Воротынских, можно судить по тому обстоятельству, что только один из сыновей князя М. И. Воротынского еще в начале XVII в. владел 19 800 четвертей пашни, не считая необмеренной пашни в крупном нижегородском селе⁵.

Ближайшей родней Воротынских были князья Одоевские, вотчины которых подверглись в XVI веке сильному дроблению. Представитель старшей ветви рода князь Н. Р. Одоевский служил в 1570—1572 гг. в опричнине и получил боярский титул. Благодаря знатному происхождению и родству с царской семьей он занимал весьма высокое официальное положение в опричном правительстве. Одоевский погиб через год после отмены опричнины. Но его смерть не привела к окончательной ликвидации его удельно-вотчинных владений. Земли боярина наследовали его сыновья. В начале XVII в. они владели «старой вотчиной» на 8826 четвертей пашни⁶.

Видными северскими князьями были князья Трубецкие,

¹ С. Б. Веселовский утверждает, что Воротынский, Морозов и Одоевский в 1573 г. вышли с полками на береговую службу и затем все трое были казнены за какую-то несомненно служебную провинность. (См. С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 114). Подобное мнение не соответствует истине. Морозов вовсе не был отпущен на Оку и таким образом не мог допустить служебных провинностей. «Михайла Морозова, — значилось в полковой росписи, — на той службе (на Оке. — Р. С.) не было, только в разряде написан: тово же лета он казнен». (Разряды, л. 479 об.).

² А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 289.

³ ДДГ, стр. 437.

⁴ См. Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 43.

⁵ Докладная выпись 1613 г., стр. 1.

⁶ Там же, стр. 14.

удел которых подвергся наибольшему дроблению и уже к середине XVI века фактически распался на ряд крупных вотчин. Тем не менее вплоть до 80-х гг. Трубецкие сохраняли титул служилых князей¹. Старший из Трубецких князь Федор Михайлович служил в опричнине и сделал там блестящую карьеру, заняв пост первого дворового воеводы. Этот пост он сохранил и после отмены опричнины. Никто из Трубецких не пострадал от опричных репрессий².

К разряду служилых князей принадлежали князья Глинские. Дядя царя боярин кн. М. В. Глинский владел обширными вотчинами во Ржеве³. Его сын Иван начал карьеру в качестве оруженосца в опричной свите царя в 1572 г.⁴ Когда княжич достиг совершеннолетия, царь женил его на дочери своего любимца Малюты Скуратова⁵. Даже в среде аристократии Глинский выделялся своей редкой бездарностью. Он «прост» и почти полоумный, писали о нем очевидцы⁶. По-видимому, еще до отмены опричнины власти закрепили за Глинским его наследственные вотчины. В завещании времени опричнины царь специально упомянул о владениях двоюродного брата: «А что есьми пожаловал князя Михаила князь Васильева сына Львовича Глинского вотчиною,— писал он,— и сын мой Иван у князь Михайлова сына, у князя Иванова,

¹ См. Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 43. Трубецкие сохраняли какие-то права на свое родовое гнездо город Трубчевск в XVI и даже XVII веке. Они неизменно назначались наместниками и воеводами Трубчевска в 50-х гг. XVI в. Согласно Разрядам, в Трубчевске сидели наместник кн. С. И. Трубецкой и воевода кн. В. А. Трубецкой (1552—1553 гг.), воевода кн. В. А. Трубецкой (1557 г.), кн. С. И. Трубецкой и его сын Роман (1558 г.), воевода для осадного времени кн. А. Б. Трубецкой (1560 г.). (См. Разряды, лл. 190, 200, 201, 241 об., 245 об., 252, 270 об.). Любопытно, что в 60-х гг. XVII в. правительство пожаловало кн. А. Н. Трубецкому «прародительскую вотчину» город Трубчевск со всем уездом в пожизненное владение. (См. Журнал Мин. внутр. дел, ч. 20, кн. 4. СПб., 1836, стр. 65). «Этот внезапный рецидив в XVII столетии старой удельной практики,— пишет М. Н. Тихомиров,— объясним только тем, что князья Трубецкие на протяжении полутора столетий после потери своего удела сохраняли еще какие-то феодальные права на Трубчевск». (См. М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 50).

² К началу XVII в. Трубецкие сохранили в своих руках крупные родовые вотчины. Кн. А. В. Трубецкой владел 6000 четвертей пашни. Кн. Ф. Т. Трубецкому принадлежала старая отцовская вотчина в Трубчевске и на Рязани на 5988 четвертей пашни. (См. Докладная выпись 1613 г., стр. 1).

³ Во время московского восстания в 1547 г. Глинский со своей матерью, бабкой царя, находился «на государском жалованье на Ржеве». Вскоре же «изо своих сел изо Ржевских» он попытался бежать в Литву. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 456, 457).

⁴ Разряды, л. 458 об.

⁵ Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 44.

⁶ Там же, стр. 43. Перечисляя имена удельных князей, Флетчер называет Глинского вторым после Мстиславского.

и у его детей не вступается у него ничем»¹. Вотчина Глинского была очень велика. Только в одной из его волостей селе Площево числилось 5364 четверти пашни².

На положении «служилых князей» находились некоторые знатные выходцы из Кабарды, Адыге и Молдавии. Самый видный из них, царский шурина Салнук-мурза, в крещении Михаил Черкасский, получил из казны обширную вотчину в Гороховце на Клязьме. По мнению ряда исследователей, он владел Гороховцем на удельных правах³. Черкасский был опричником и номинально возглавлял опричную думу. Знатные выходцы из Молдавии и Валахии Илья и Богдан Радевы (50-е гг.), Радун и Стефан (1572 г.) получили в России земли из казны как «служилые князья»⁴. Валашский господарь Богдан Александрович, прибывший на Русь в 1574 г., получил выморочное Луховское удельное княжество, принадлежавшее ранее князьям Бельским.

Несколько крупных владений удельного типа возникло на Руси в связи с Ливонской войной. В 1560 г. при капитуляции Феллина русским войскам сдался престарелый магистр Ливонского ордена Фюрстенберг, получивший щедрые обещания от имени Грозного. По прибытии магистра в Москву царь пожаловал его «городом Любимом с волостями в вотчину»⁵. По свидетельству Курбского, «град на Москве» дан был пленнику «до живота его»⁶. В 1567 г. опричная дипломатия выдвинула проект возрождения Ливонского ордена под эгидой России, однако Фюрстенберг отверг предложение вернуться в Ливонию, предпочитая остаться в Любиме⁷. Любимовская вотчина-удел продолжала существовать в годы опричнины вплоть до смерти магистра.

В 1570 г. претендентом на ливонскую корону выступил брат датского короля герцог Магнус, владетель острова Эзель. Магнус обязался занять крупнейшие крепости и порты Ливонии Ревель и Ригу. В свою очередь Грозный обещал передать ему все русские владения в Ливонии. После подписания договора с царским послом опричником П. В. Зайцевым в Москве Магнус был провозглашен королем Ливонии и

¹ ДДГ, стр. 443.

² См. С. А. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. IV, № 1404, стр. 509.

³ См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 363. В Гороховце сидели двое слуг Черкасского, управлявшие его вотчинами. (См. Грамоту кн. М. Т. Черкасского к его слугам в Гороховец. — С. М. Каштанов. Хронологический перечень, стр. 171).

⁴ ТКДТ, стр. 118; Описи царского архива, стр. 31, 42. Разряды, л. 458.

⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 333.

⁶ А. Курбский. История. — РИБ, т. XXXI, стр. 258.

⁷ Г. Штаден. Записки, стр. 88—89. По свидетельству Штадена, Фюрстенберг получил Любим в держание, zum Underhalt. (Там же, стр. 125). Совладельцем Любима был пленный дерптский епископ Герман.

ленником царя Ивана¹. Новый царский «голдовник» получил из казны крупные денежные субсидии (более 15 000 рублей) и войска для завоевания Ревеля. Опричное правительство передало Магнусу в ленное владение замок Полчев (Оберпален) с волостями, расположенный в русской Ливонии на границе со шведскими владениями. Спустя полгода после подписания соглашения в Москве Магнус утратил свои права на Эзель, вследствие чего Полчевский удел стал его единственным владением в Ливонии². В 1572 г. царь в своем духовном завещании наказал сыну сохранить за Магнусом его удельное княжение³. Как царский вассал Магнус сопровождал Грозного в походе на Пайду (Вейсенштейн) зимой 1572—1573 гг. Вскоре же Магнус получил в придачу к Оберпалену вновь завоеванный ливонский замок Каркус с волостями. В апреле 1573 г. царский «голдовник» отпраздновал в Новгороде свадьбу с княжной Марией Старицкой, дочью казненного удельного князя⁴. Благодаря этому браку Магнус породнился с царской семьей.

Полчевское удельное княжество явилось детищем исключительно опричного правительства и опричной дипломатии.

То обстоятельство, что царь и его опричная дума щедро жаловали земли знатым иноземцам, выходцам из Кабарды, Валахии, Дании и т. д., вызывало немалое возмущение в земщине⁵.

**

Помимо вотчинно-удельных владений «служилых князей» в период опричнины продолжали существовать вассальные владения служилых татарских ханов и мурз. В отличие от настоящих уделов, их владения были пожизненными, а не наследственными, что сближало их с поместьем. Возобновление их целиком зависело от правительственных распоряжений.

Крупнейшим владением служилых татар на Руси в XVI в. было Касимовское царство⁶. Резиденцией касимовских «ца-

¹ См. Ю. Н. Щербачев. Акты Копенгагенского архива. — Чтения ОИДР, 1916, кн. 2, отд. 11, стр. 49; А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 59—60; Описи царского архива, стр. 79.

² См. Хроника Рюссова. — Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. III. Рига, 1880, стр. 203.

³ ДДГ, стр. 439—440.

⁴ Разряды, л. 473 и др.

⁵ В главе «О опринине» дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» начала XVII в., писал: «Вельможа же царствия своего многи и добромыслимая ему изби, ...во оных место от окрестных стран приезжающая к нему возлюби, ...от них же инех и в тайномыслие си приятова» и т. д. (Временник Ивана Тимофеева. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 12).

⁶ Касимовское царство было основано еще в середине XV века. (Под-

рей» служила обширная татарская слобода в Касимове¹. В слободе стоял ханский двор («дом и врата каменные»), напротив него — мечеть, дворы мурз, служилых татар и мастеровых². Войско касимовских царей насчитывало не менее 700 всадников³. К началу XVII в. за касимовскими ханами считалось более 11 200 четвертей пашни, перелога и поросли⁴. В их пользу шли все доходы с посадского населения Касимова.

Владельцем Касимовского царства был в самом начале опричнины хан Шах-Али. После его смерти (20 апреля 1566 г.) правительство ранее января 1570 г. возвело на касимовский престол хана Саин Булата Бекбулатовича, внука хана Большой орды Ахмата⁵. Саин Булат занял очень высокое положение в официальной иерархии⁶. Со своим двором он сопровождал царя в Новгород (1571—1572 гг.) и под Пайду (зима 1572—1573 гг.)⁷. После крещения Саин Булат (Симеон Бекбулатович) около 1573 г. покинул Касимов. Позже он был пожалован Тверским великим княжением, а в 1575—1576 гг. занял (по прихоти Грозного) московский царский престол.

Значительные владения татарских ханов располагались в

рбнее см.: В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. 1. СПб., 1863 Н. Шишкин. История города Касимова с древнейших времен, 2-е изд. Рязань, 1891).

¹ В остроге Касимова стоял русский гарнизон и сидел царский воевода. (См. Синбирский сборник, стр. 8).

² См. М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 42—44.

³ В Полоцкий поход воевода Касимовского царства кн. Раи вывел отряд в 688 воинов. (См. Витебская старина, ч. IV, стр. 34).

⁴ В XVII в. владения касимовских ханов рассматривались как «поместье». П. П. Смирнов на этом основании считает, что «Касимовские державцы были только кормленщиками в своем городе, а никак не собственниками его». (См. П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. 1, вып. 1. Киев, 1917, стр. 86). С. Б. Веселовский считал, что служилые ханы получали на Руси города «в вотчину и кормление», т. е. имели право собирать с них различные доходы, и на эти доходы содержали свой двор. (См. С. Б. Веселовский. Последние уделы, стр. 123). По мнению М. Н. Тихомирова, касимовские ханы выступали как удельные владыки по отношению к татарскому населению и как кормленщики по отношению к русскому населению, отданному под их власть. (См. М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 45—46).

⁵ См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 401. В архиве хранилась «шертная грамота и списки, как государь и великий князь пожаловал Саин Булата царевича, учинил на Касимове городке царем». (См. Описи царского архива, стр. 39). Посол Новосильцев, выехавший из России в январе 1570 г., сообщил султану, что за Саин Булатом «город Касимов и к нему многие города». (См. Путешествия русских послов в XVI—XVII вв. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 77).

⁶ Саин Булат был женат на дочери кн. И. Ф. Мстиславского. (См. Н. В. Лилеев. Симеон Бекбулатович — хан Касимовский. Тверь, 1891, стр. 20).

⁷ Разряды, л. 375 об.; Новгородские летописи, стр. 108.

Юрьеве-Польском¹, держателем которого оставался на протяжении всей опричнины астраханский царевич Кайбула Ахкубекович. Как земский воевода Кайбула участвовал в походах 1565—1567 гг.² По сообщению русского посла в Турции, он продолжал владеть Юрьевом в 1570 г.³

Вассальные татарские царевичи имели обширные владения в Звенигороде⁴. Держатель Звенигорода последний казанский хан Едигер (Симеон) Касаевич умер 26 августа 1565 г., то есть вскоре по учреждении опричнины⁵. После него с ведома опричного правительства Звенигород был передан служилому астраханскому царевичу Али Муртазе, сыну Кайбулы⁶. Муртаза принял крещение ранее января 1570 г. В то время он еще не владел Звенигородом⁷. В конце 1571 г. и в 1572—1573 гг. имя Муртазы впервые появляется в Разрядах. В те годы он сопровождал царя во всех его походах в Новгород и под Пайдю⁸. В завещании, написанном не позднее 1572 г., Грозный специально упомянул о том, что он пожаловал «царевича Муртазалея, а во крещении Михаила... городом Звенигородом, по тому же, как был Звенигород за царем Симеоном Казанским»⁹.

Астраханский царевич Ибак служил воеводой в земщине в 1565—1567 гг.¹⁰. По заявлению Новосильцева в Турции, еще в 1570 г. он владел «местом великим Суражеком» на границе Звенигородского уезда¹¹. В завещании царь отказал Суражек своему сыну, вероятно в связи со смертью Ибака¹².

¹ Впервые Юрьев стал татарским владением в начале XVI в. (См. П. П. Смирнов. Города, стр. 80).

² Разряды, лл. 312 об., 331 об., 337 об.

³ Путешествия русских послов, стр. 77. В центре Юрьева располагалась деревянная крепость, на посаде — до 100—130 дворов. (См. Дозорная книга 1613 г. — Труды Владимирской Ученой архивной комиссии, кн. VI. Владимир, 1904, стр. 92—93; М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии, стр. 170—171). По источникам начала XVII в., Юрьев принадлежал татарским ханам «посадам и тамгой и кабаки и всякими доходы». (См. П. П. Смирнов. Города, стр. 81).

⁴ Звенигород впервые был отдан служилым татарам в конце XV века.

⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 398.

⁶ Звенигород был пожалован хану не ранее 1570 г., так как с 1566 до 1569 г. им владел князь В. А. Старицкий. (См. ДДГ, стр. 422—423).

⁷ См. Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX, прим. 347.

⁸ Разряды, лл. 375, 458, 459 об., 467.

⁹ ДДГ, стр. 436. Опричник Г. Штаден упоминает, что Звенигород был отдан «в держание» (на содержание, в кормление, zum Underhalt) татарскому хану, имя которого он перепутал. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 73, 126).

¹⁰ Разряды, л. 337 об.

¹¹ Путешествия русских послов, стр. 77. Ибак попал в плен и был принят на царскую службу в 50-х годах. (См. Продолжение Древней Русской Вивлиофики, т. X, СПб., 1795, стр. 45)..

¹² ДДГ, стр. 434.

Какие-то владения были пожалованы в период опричнины также царевичу Будалею. Будалей со своим двором сопровождал царя в походе против шведов в 1572 г.¹

Опричное правительство не только сохранило крупнейшие из татарских «держаний», но и создало новые. В самый разгар опричнины по царскому указу был образован удел для знатных ногайских мурз из династии, правившей в Большой ногайской орде. В удел вошел городок Романов, принадлежавший в 1563—1566 гг. кн. В. А. Старицкому². Согласно информации Новосильцева, уже к началу 1570 г. Романов был за «ногайскими мурзами»³. Правительство посадило в Романове сразу несколько мурз, знатнейшими из которых были Али и Ибрагим-мурза Юсуповы и Аидар мурза Кутумов⁴. Али-мурза отличился при освобождении Изборска, когда получил за службу золотой. Зимой 1571—1572 гг. он командовал ногайской конницей в походе на шведов⁵. По завещанию царь передал Романов сыну, с наказом: «а держит его сын мой Иван за ногайскими мурзами потому, как было при мне, а отъедут куды-нибудь или изведутся, и город Романов сыну моему Ивану»⁶.

В конце XVI в. Али мурза владел основной частью татарской слободы в Романове. На его половине располагалось 54 двора его слуг и казаков, в которых жило 76 человек. На половине, принадлежавшей его братьям, сыновьям мурзы Кутума, стояло 43 двора с 66 служилыми татарами. Во владении мурз находилось 14 сел и селец, 360 деревень и 116 пустошей с 1260 дворами русских крестьян и многими тысячами четвертей пашни⁷. Помимо крестьянских оброков, мурзы собирали в счет жалования (их «оклад» равен был 300 рублей) доходы с посадского населения Романова.

Романовский «удел» возник в годы опричнины и просуществовал в течение полувека.

Знатный ногайский мурза Петр Тутаевич Шейдяков в чине «служилого хана» был зачислен в опричнину и в мае 1571 г. командовал опричным сторожевым полком. В его подчинении номинально находились опричные бояре В. П. Яковлев и кн. В. А. Сицкий⁸. В разряде Ливонского

¹ Разряды, лл. 468—468 об.

² См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 372.

³ Путешествия русских послов, стр. 77. «Романов. Этот посад отдан татарам» (Г. Штаден. Записки, стр. 125).

⁴ Ногайский хан Исмаил выслал двух своих племянников, князей Юсуповых, из Орды в Москву в 1563 г. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 371).

⁵ Разряды, лл. 348 об.; Сб. РИО, т. 129, стр. 224.

⁶ ДДГ, стр. 436.

⁷ Данные на 1592—1593 гг. В то время владения ногайских мурз рассматривались как их поместья. (См. П. П. Смирнов. Города, стр. 88).

⁸ Разряды, л. 368.

похода 1572 г. Шейдяков записан как воевода передового полка, а в дипломатической переписке начала 1572 г. именуется членом ближней царской думы¹. Русский посол в Турции сообщил в 1571 г. султану о том, что в России Грозный крестил знатного мурзу Мустафу Шейдякова по его челобитию и «пожаловал его ныне своим великим жалованьем, дал ему многие волости и села». В. Б. Кобрин склонен отождествить Мустафу Шейдякова с опричником кн. П. Т. Шейдяковым². Известно, что около 1570—1571 гг. последнему было передано несколько очень крупных сел, принадлежавших ранее боярину Басманову³.

Касимовское «царство», Юрьевский и Романовский «уделы» были мусульманскими княжествами в собственном смысле⁴. Татарские владыки содержали в уделах свою администрацию, творили суд и расправу и т. д.

В официальной иерархии Руси служилые татарские ханы занимали весьма высокое положение. Однако по размерам земельных владений и политическому влиянию татарские феодалы далеко уступали настоящим удельным князьям России.

Как показали новейшие исследования, ликвидация раздробленности и формирование централизованной монархии были тесно связаны с перестройкой и изживанием типичной для периода феодального раздробления Руси удельной системы. Московские великие князья предельно сокращали территорию уделов или вовсе ликвидировали некоторые из них, лишали удельных князей значительной части государственных прав в пределах их княжений, превращали их в служилых вотчинников. Переломным моментом в процессе ликвидации удельных порядков явились 80-е годы XV в., но в целом этот процесс занял длительное время, растянулся даже на вторую половину XVI века⁵.

В период опричнины указанный процесс продолжался, хотя и протекал очень медленно. Опричнина не была специальной антиудельной мерой. Опричная политика в отношении крупнейшего удельно-княжеского землевладения не отличалась последовательностью. Ни царь Иван, ни его опричная

¹ Синбирский сборник, стр. 35; Сб. РИО, т. 129, стр. 224—225; ср. Сб. РИО, т. 71, стр. 215—216.

² См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 88.

³ См. А. А. Федотов-Чеховский. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней Руси, т. 1. Киев, 1860, стр. 266.

⁴ По заявлению русских послов, в татарских уделах «в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит, всякой иноземец в своей вере живет». (См. Путешествия русских послов, стр. 77).

⁵ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 6.

дума никогда не выступали последовательными противниками удельного землевладения. Правительство Грозного щедрой рукой раздавало земли своим многочисленным родственникам, знатым иноземцам. Отношение царя Ивана к практике уделов наиболее рельефно выразилось в его знаменитом неоконченном завещании периода опричнины. В первый период опричнины правительство, возглавлявшееся тогда Басмановым и Вяземским, произвело принудительный обмен земельными владениями Старицкого удельного княжества, а позже вообще ликвидировало их, что было бесспорно крупной политической мерой. Но в тот же самый период оно возродило обширные удельные владения князя Воротынского. Возможно, что перед отменой опричнины Новосильский удел был упразднен, но взамен его Воротынскому был немедленно пожалован Стародубский удел. Опричина вообще не затронула крупнейшее удельное княжество Бельского, «великие» удельные вотчины Одоевских и Трубецких. Когда в 1571 г. опричники «изобличили» кн. И. Ф. Мстиславского в государственной измене, власти отнюдь не использовали этот повод для полной ликвидации его обширных удельных владений. В последние годы опричнины несколько представителей высшей удельной знати (князя Трубецкой и Одоевский) были приняты в опричину и заняли в опричной думе самое высокое положение.

Опричная политика была неизменно благоприятна в отношении крупнейших мусульманских «царств» и уделов. Опричное правительство образовало для знатных ногайских мурз новое удельное княжество в Романове.

Объяснением политики опричнины в отношении уделов отчасти служит то обстоятельство, что в момент острого столкновения с княжеско-боярской аристократией в годы опричнины правительство нуждалось в поддержке удельных владык. Интересно, что в середине XVI в. удельные князья (члены царской династии, литовские выходцы и т. д.) во многих случаях играют роль политического противовеса по отношению к многочисленным потомкам княжеских династий Северо-Восточной Руси (князьям Ростовским, Суздальским, Ярославским и т. д.).

Удельно-княжеское землевладение окончательно исчезло на Руси в конце XVI—начале XVII в. Исчезновение его было ускорено многими обстоятельствами, в частности интенсивным процессом дробления и распада уделов, развитием государственной централизации и становлением самодержавной монархии. Опричина способствовала развитию русской монархии в направлении к абсолютизму, тем самым она оказала влияние также на судьбы последних уделов на Руси. Правда, в этом случае воздействие опричнины на уделы носило опосредствованный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

(Некоторые итоги политического развития России
в годы опричнины)

Вопрос о сущности опричнины и ее историческом значении вызвал многие споры в советской историографии. М. Н. Покровский рассматривал опричнину как «государственный переворот, диктовавшийся объективно экономическими условиями», разложением московского феодализма, утверждением на развалинах разрушающейся боярской вотчины помещичьего хозяйства, надвигающимся господством торгового капитала¹. Помещики вместе с богатым купечеством захватили власть и обрушились на боярство жестоким террором². Боярская дума потеряла всякое значение, диктатура царя выражала господство дворянства и купечества³. Опричнина экспроприировала богатого боярина-вотчинника в пользу мелкопоместного дворянина. Завладев боярскими вотчинами, помещики стали грабить крестьян, отбирать у них земли. Торжество помещиков и купцов привело к огромному усилению эксплуатации крестьян⁴. М. Н. Покровский первым поставил вопрос о классовой сущности опричнины, что имело бесспорно положительное значение. Но его попытка вскрыть экономические корни опричнины и усмотреть в ней переворот, приведший к власти новый класс, оказалась неудачной. Предложенная им социологическая схема противоречила фактам. В начале 30-х гг. И. И. Смирнов продолжил исследование социальных аспектов опричнины, оставаясь в рам-

¹ М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. 1. М., 1933, стр. 203.

² М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, стр. 43.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 44.

ках концепции М. Н. Покровского. Опираясь на данные Н. А. Рожкова о резком сокращении крестьянской запашки в годы разорения (70—80-е гг. XVI в.), он сделал вывод, будто «в результате опричнины было экспроприровано 50% крестьянских земель». «Классовый смысл опричнины, — писал И. И. Смирнов, — становится очевидным. ...Опричнина означала разгром крестьянского хозяйства и экспроприацию значительной части крестьянских земель в пользу феодалов»¹. Дав собственную интерпретацию рассказам Г. Штадена о столкновениях опричников с земцами во время новгородского погрома, И. И. Смирнов заключил, что «опричнина резко обострила классовые противоречия внутри феодального общества Московской Руси, доведя их до такой степени, что классовая борьба начинала в отдельных случаях принимать форму гражданской войны между опричниками и крестьянами»². Со временем сам И. И. Смирнов отказался от попытки оценить опричнину в плане непосредственной классовой борьбы и стал трактовать ее не как «классовую политику феодалов, направленную против крестьян», а как антибоярскую политику, имевшую прогрессивное значение с точки зрения укрепления Русского централизованного государ-

¹ И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. — «Проблемы истории материальной культуры ГАИМК», 1933, № 5—6, стр. 66. И. И. Смирнов расширительно толкует данные обыска 1571 г. о разорении Кирьяжского погоста. Приведя описание нескольких деревень, пострадавших от опричников, он пишет: «...приведенных данных достаточно для того, чтобы сделать вывод о настоящем разгроме тех деревень, с которыми приходили в соприкосновение опричники. Экспроприация крестьянского имущества, уничтожение хозяйства и почти всегда или убийство или, в лучшем случае, бегство крестьянина — вот характеристика „крестьянской политики“ опричнины». (Там же, стр. 64).

² И. И. Смирнов. Классовые противоречия., стр. 66. Г. Штаден красочно описывает, как 300 земцев преследовали 6 опричников и как он с горсткой людей обратил в бегство всех земцев. Но весь его рассказ полон таким откровенным хвастовством, что доверять ему едва ли возможно. Попытка усмотреть в столкновении между грабителями-опричниками и земцами факт классовой борьбы неосновательна. Между тем И. И. Смирнов пишет: «...несомненно, если не все, то основная масса «земских» в этом эпизоде была крестьянами. Они, очевидно, были пешими, потому что Штаден называет их просто «вооруженными», а опричников «всадниками». (Там же, стр. 63). Ниже И. И. Смирнов приводит слова Штадена: земцы, «эти триста человек (пеших? — Р. С.) мчались за шестью всадниками». (См. Г. Штаден. Записки, стр. 144). И. И. Смирнов ссылается также на рассказ Штадена, будто во время новгородского похода «в одном месте земские побили отряд в 500 стрелков-опричников». (Г. Штаден. Записки, стр. 145). Нет сомнения, что и в этом случае речь шла о вооруженном столкновении земских дворян с грабившими их опричниками. Слухи о поражении опричных мародеров, напугавшие Штадена и заставившие его прекратить грабительский поход по новгородщине, были, по-видимому, сильно преувеличены. Чтобы одолеть пятьсот стрельцов, нужны были очень крупные военные силы.

ства¹. В плане социальном опричнина сопровождалась захватом крестьянских земель, ростом крестьянских повинностей и обострением борьбы за крестьянина как рабочую силу. И. И. Смирнов вновь ссылается на факт резкого сокращения крестьянской запашки, изменения в формуляре крестьянских послушных грамот 70-х гг., но теперь он рассматривает эти явления не как результат классовой антикрестьянской политики опричнины, а как следствие экономических сдвигов как таковых, происшедших в XVI веке².

Для исследования социальных аспектов опричнины существенное значение имеет вопрос о влиянии ее на судьбы черносошного крестьянства. В. И. Корецкому удалось установить, что земские власти в 1566—1569 гг. пустили в помещтную раздачу несколько крупных черных волостей Ярославского уезда, одну черную волость Владимирского уезда и некоторые черные деревни Кашинского уезда. По мнению В. И. Корецкого, в годы опричнины речь шла о массовом захвате феодалами черных крестьянских земель в основном в уездах, не включенных в опричнину³. Вывод В. И. Корецкого существенным образом расширил А. А. Зимин, заключивший, что расхищение черных земель происходило в опричных уездах так же интенсивно, как и в земских. По его словам, «годы опричнины были временем широкой раздачи черносошных и дворцовых земель в поместья и вотчины. Этот процесс интенсивно протекал как на опричных, так и на земских территориях»⁴. Строго доказанный, подобный вывод мог бы иметь кардинальное значение для анализа земельной политики опричнины, поскольку в состав опричнины вошли крупнейшие уезды Севера и Поморья с обширными массивами черносошных земель. Но за исключением единственного факта (передача опричнику оброчной деревни в Вологодском уезде) все данные, которыми оперирует А. А. Зимин, относятся исключительно к земщине⁵.

¹ И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 90—93.

² И. И. Смирнов. Восстание Болотникова (1606—1607 гг.). Л., 1951, стр. 37—44. О трактовке И. И. Смирновым послушных грамот 70-х гг. в связи с оценкой опричнины см. выше, стр. 111.

³ В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троицко-Сергиеву монастырю. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 21, 1959, стр. 194.

⁴ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 408; см. также: А. А. Зимин. Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.). — «Вопросы истории», 1962, № 12, стр. 66—68.

⁵ В частности, А. А. Зимин отмечает раздачу в поместье костромским и можайским переселенцам черных деревень Надпорожского стана на Белоозере и раздачу оброчных и дворцовых земель ссыльным дворянам в Казанском крае в первые годы опричнины. (См. А. А. Зимин. Опричнина, стр. 410—411; подробнее см.: П. А. Садиков. Из истории опричнины, № 21—26; Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Гроз-

Интересные данные по истории черного землевладения в годы опричнины собрал Ю. Г. Алексеев, исследовавший землевладение Переяславского уезда в XV—XVI вв. Он отметил такие факты, как переход ряда черных деревень в руки помещиков и монастырей, распад волостных связей, уничтожение волости под натиском феодалов, и высказал мнение, что «массовые перемещения феодалов, производившиеся в годы опричнины, роковым образом отражались на судьбах среднерусской черной волости»¹. Сопоставление межевых книг Троицко-Сергиева монастыря конца 50-х гг. и 1592—1593 гг. позволило Ю. Г. Алексееву указать на существенные изменения в судьбах черной волости Переяславского уезда, «которые произошли за 60—80-е годы, то есть в первую очередь в период опричнины»². Последний вывод автора остается недоказанным. В самом деле, троицкие межевые книги зафиксировали перемены, происшедшие в течение 30 лет, но в них нет никаких данных, которые позволили бы отнести эти перемены в первую очередь к опричному семилетию. На основании троицких книг нельзя сделать вывод о ликвидации переяславской черной волости именно в годы опричнины³. Подобному заключению противоречит и тот основной источник, которым оперирует Ю. Г. Алексеев, — сотная грамота черной Аргуновской волости Переяславского уезда. Ценность его определяется тем, что он содержит данные на конец 50-х гг. и на 60—70-е гг., а следовательно, позволяет детально исследовать историю черной волости в предопричные и опричные годы. Анализируя сотную грамоту, автор пишет: «Одним из основных факторов, определивших судьбу Аргуновской волости, ...было включение ее в состав опричных земель. В период опричнины, видимо, широких земельных раздач на территории Аргуновской волости не производилось и территория волости заметно не уменьшилась», «опричные власти, по-видимому, препятствовали расхищению аргуновских земель и людей соседями-феодалами, в частности монастырем...»⁴ Ю. Г. Алексеев заключает раздел «Судьбы черной волости во второй половине XVI в.» словами о том, что для переяславской черной волости роко-

ного 1565 г. — «Исторические записки», кн. 70, 1961, стр. 230; В. Б. Кобрин. Из истории земельной политики в годы опричнины. — «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 155).

¹ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 178.

² Там же.

³ Ниже Ю. Г. Алексеев пишет, что раздача черных земель в поместье имела место в Переяславском уезде еще в начале XVII века. (См. Ю. Г. Алексеев. Указ соч., стр. 184).

⁴ Ю. Г. Алексеев. Указ соч., стр. 175, 176.

выми оказались десятилетия правления Ивана IV¹. Здесь автор не выделяет особо времени опричнины. В таком виде выводы Ю. Г. Алексеева существенно отличаются от выводов А. А. Зимина.

Не вызывает сомнения, что земельные мероприятия опричнины, потребовавшие введения в поместный оборот новых земельных фондов, ускорили поглощение черных земель светскими и духовными феодалами. Но имеющиеся в наличии сведения по истории черносозного землевладения в 60—70-х гг. слишком отрывочны и не дают возможности определить своеобразие и особенности процесса феодализации черной волости в период опричнины сравнительно с предыдущим и последующим временем, в особенности на территории опричных уездов.

А. А. Зимин в своей монографии систематизировал данные, подтверждающие вывод об усилении феодального гнета и эксплуатации крестьян в годы опричнины. «Искоренение очагов феодальной раздробленности, драматические страницы столкновения царя Ивана с его вчерашними сподвижниками, — пишет автор, — не должны от нас скрывать главного: опричная дубина, ударяя по вельможному барину, другим концом еще сильнее била по русскому мужику»². А. А. Зимин повторяет тезис И. И. Смирнова об обострении классовой борьбы в годы опричнины и отчасти повторяет также и его аргументы. Сославшись на рассказы Г. Штадена о преследовании им 300 земцев и о разгроме земцами отряда из 500 стрельцов-опричников, он заключает: «...в этих случаях антиопричные выступления крестьян переплетались с внутриклассовой борьбой в среде господствующего класса. Но вооруженное нападение «простого люда» на царских приближенных показывает остроту недовольства опричной политикой в самой толще народных масс»³. В другом случае А. А. Зимин отмечает, что в годы опричнины крестьяне продолжали бороться против крепостнической эксплуатации: их выступления «смутно отмечаются в источниках, к сожалению, плохо сохранившихся»⁴. Окончательный вывод автора сводится к следующему: «Годы опричнины явились новым этапом в истории антифеодальной борьбы крестьянства. В отличие от предшествующего времени, ареной классовых битв были уже широко охвачены не отдельные села и деревни, а вся страна. Голос стихийного протест-

¹ Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 185.

² А. А. Зимин. Опричнина, стр. 389.

³ Там же, стр. 428.

⁴ А. А. Зимин, А. А. Преображенский. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.) — «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 141.

ста слышался в каждом русском селении»¹. Подобный вывод представляется нам спорным, поскольку он не подкреплен достаточным фактическим материалом. Из работы А. А. Зими́на следует, что основной формой «классовых битв» крестьян в годы опричнины было массовое бегство их на окраины. Бегство было формой стихийного протеста и вело к пауперизации и распылению крестьянства как класса, так что едва ли возможно считать побегии формой «классовых битв» и «новым этапом в истории антифеодальной борьбы крестьянства».

В наиболее четкой и резкой форме тезис И. И. Смирнова об антикрестьянской сути опричнины повторил в новейшей литературе С. М. Каштанов. «...рассматривая опричнину в социальном аспекте, — пишет С. М. Каштанов, — мы убеждаемся, что главное в ней — это ее классовая направленность, которая состояла в проведении мероприятий, содействовавших дальнейшему закреплению крестьян. В этом смысле опричнина была, конечно, в большей степени антикрестьянской, чем антибоярской политикой»². Автор строит свою аргументацию на ряде предположений, причем в основу всего построения он кладет один вид источника — иммунитетные грамоты XVI в. С. М. Каштанов отмечает, что в формуляре иммунитетных грамот термин «люди» стал вытесняться в XVI в. термином «крестьяне» или «люди и крестьяне». По предположению автора, эта терминологическая перемена была связана с усилением крестьянского закрепощения. Несмотря на то, что сохранилась лишь ничтожная часть той массы иммунитетных грамот, которая обращалась в XVI в., и что сохранившийся отрывочный материал едва ли может служить надежным основанием для районирования, С. М. Каштанов считает возможным сделать вывод о том, что новая формула иммунитетных грамот («люди и крестьяне») употреблялась главным образом в уездах к востоку от Москвы (1538—1565 гг.), а также на севере (1538—1555 гг.) и что, следовательно, восточные (замосковные) и отчасти северные районы были более крепостническими, чем западные и юго-западные³. Основная гипотеза С. М. Каштанова сводится к тому, что при учреждении опричнины в нее попали менее закрепощенные уезды (Можайск, Вязьма и т. д., исключая Суздаль). «Взятым в опричнину, как мы видели, — пишет он, — оказался известный круг территорий на севере и западе, где закрепощение не было еще закончено и которые в связи с этим были более удобны для проведения здесь закреплени-

¹ А. А. Зими́н. Опричнина, стр. 425.

² С. М. Каштанов. К изучению опричнины, стр. 108.

³ Там же, стр. 100—101.

тельной политики в пользу помещного дворянства»¹. В построении С. М. Каштанова несколько моментов вызывают возражения. Во-первых, закрепостительный процесс в годы опричнины автор рассматривает как целенаправленную деятельность и основное содержание опричной политики (зачисление в опричнину уездов, более удобных для проведения закрепостительных мероприятий), но он вовсе не исследует сами закрепостительные мероприятия опричнины. Во-вторых, С. М. Каштанов ограничивается анализом территориального состава опричнины, что едва ли можно считать достаточным для раскрытия наиболее сложных социальных аспектов опричной политики. (Напомним, что на абстрактном анализе территориального состава опричнины С. Ф. Платонов построил свою гипотезу о политической сущности опричнины.) В-третьих, районирование, предложенное С. М. Каштановым, носит относительный характер. В первой половине 60-х гг. формула «люди и крестьяне» начинает охватывать, по словам автора, близкие к Москве западные и южные территории². Схеме С. М. Каштанова противоречит также тот факт, что два самых крупных уезда первых лет опричнины — Суздальский и Костромской — располагались к востоку от Москвы и в тех же наиболее крепостнических, по предположению автора, районах располагались также опричный Галич, опричные земли Переяславского уезда и т. д.³ В-четвертых, С. М. Каштанов ограничивается анализом одного только вида источников, иммунитетных грамот, следствием чего является недостаточность аргументации, признаваемая им самим: «...автор, — пишет он, — вполне сознает, что его выводы, полученные путем анализа изолированного вида источников, могут иметь значение лишь рабочей гипотезы»⁴.

Давно высказанный в литературе взгляд на опричнину как на классовую меру, антикрестьянскую по своим основным целям и задачам, нельзя признать убедительным. Не вызывает сомнения, что опричные реформы, подобно войне, проводились прежде всего за счет крестьянства, велик к усилению феодальной эксплуатации и помещичьего гнета. Но это обстоятельство не должно заслонять от исследователя тот факт, что опричнина по своим задачам и содержанию была в первую очередь мерой политической, вызванной к жизни политическими коллизиями своего времени. Рост крепостничества в 60—70-х гг. следует связывать в первую оче-

¹ С. М. Каштанов. К изучению опричнины, стр. 114.

² Там же, стр. 102.

³ О значении Костромы и Суздаля как крупнейших уездов опричнины см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 263, 355.

⁴ С. М. Каштанов. К изучению опричнины, стр. 100.

редь с общим социально-экономическим развитием страны, распространением барщины, разорением 70—80-х гг., а не с системой политических мер и «закрепостительной политикой» опричнины. Процесс усиления крепостнических тенденций наблюдался как в опричных, так и в земских уездах, он начался задолго до опричнины и достиг кульминации через несколько десятилетий после ее отмены.

**
*

Проблема опричнины является частью более общей проблемы образования и развития Русского централизованного государства. Новейшие исследования советских историков (Л. В. Черепнин, И. И. Смирнов, А. А. Зимин и др.) явились важным вкладом в изучение комплекса вопросов, связанных с историей Русского централизованного государства. В этом комплексе наиболее важными являются вопросы об экономических предпосылках и движущих социальных силах процесса государственной централизации, влиянии классовой борьбы на развитие крепостнического государства, эволюции политических форм феодальной монархии и т. д.

История Русского централизованного государства охватывает несколько столетий: от начальных этапов централизации в XIV—XV вв. и оформления единого государства в конце XV в. до утверждения абсолютизма в XVIII веке. В этой многовековой истории семь лет опричнины — не более чем кратковременный эпизод. Но эпизод этот интересен тем, что он дает исключительно богатый материал для суждения о социально-политических аспектах развития Русского централизованного государства.

Объединение земель в рамках единого государства в конце XV — начале XVI в. не привело и не могло привести к немедленному исчезновению политических традиций и порядков феодальной раздробленности, господствовавших на протяжении нескольких столетий, начиная с XII в. Живучесть пережитков раздробленности в XVI в. определялась в первую очередь отсутствием экономического единства страны: политическое объединение земель в единое государство предшествовало их экономическому объединению. Указанное обстоятельство, по замечанию А. М. Сахарова, явилось причиной жестоких политических кризисов, с которыми была сопряжена централизация государства в XVI в. при сохранении могущества феодальной аристократии¹. Процесс политической централизации не прекратился с завершением объединения земель, но приобрел новые формы: его основным со-

¹ См. А. М. Сахаров. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России. — «Вопросы истории», 1960, № 4, стр. 85—86.

держанием стала теперь ликвидация старых форм государственного управления, соответствовавших порядкам феодальной раздробленности, и создание нового аппарата власти¹. По мнению И. И. Смирнова, наиболее активным сторонником политики централизации в середине XVI в. выступило дворянство и в особенности высшая дворянская приказная бюрократия. «Процесс развития централизованного государства, — пишет И. И. Смирнов, — находит свое главное и решающее выражение не в изменении роли и значения Боярской думы, а прежде всего в росте и развитии бюрократического аппарата — в росте роли и значения приказов и дьяков»². Подобная точка зрения представляется односторонней, поскольку она не учитывает того, что централизация, ставшая политическим фактом в конце XV—XVI вв., была осуществлена самодержавием с Боярской думой и боярской аристократией, иначе говоря, боярство явилось активным участником создания централизованного государства в России. Объясняя роль боярства в процессе государственной централизации, Н. Е. Носов отметил наличие разнородных группировок в среде правящей боярской аристократии: одна из этих группировок, а именно старомосковская знать, издавна поддерживала централизаторскую политику московских князей и была заинтересована в укреплении самодержавия, тогда как другая группировка, титулованная знать, стремилась в той или иной форме сохранить свои бывшие привилегии³. Мнение Н. Е. Носова встретило решительные возражения со стороны А. А. Зимина: «...последние работы по истории государственного аппарата и политической борьбы в XVI в., — пишет автор, — показывают, что нельзя усмотреть «децентрализаторские» тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства»⁴. Согласно этой точке зрения, могущественная феодальная аристократия, осуществлявшая свое политическое господство в период феодальной раздробленности, превратилась в XVI в. в поборницу московской централизации.

Можно согласиться с тем, что на протяжении XVI в. высшая боярская аристократия не предпринимала никаких попыток к воскрешению политической раздробленности, вос-

¹ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 3.

² Там же, стр. 157.

³ Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957, стр. 308, 313.

⁴ А. А. Зимин. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. — В сб. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». «Наука», М., 1964, стр. 23.

становлению старых княжеств и т. д., но она неизменно отстаивала те политические традиции и порядки, которые на протяжении нескольких веков обеспечивали ей политическое господство.

Самодержавие конца XV — первой половины XVI в. не было абсолютным, неограниченным. Монарх делил власть с могущественной боярской аристократией, которая через Боярскую думу непосредственно участвовала в законодательной деятельности и управлении государством.

По вопросу о роли Боярской думы как представительного органа аристократии и высшего государственного органа в новейшей литературе высказаны различные точки зрения. По мнению И. И. Смирнова, Боярская дума в XVI в. еще не стала органической составной частью Русского централизованного государства и играла двойственную роль: с одной стороны, она была высшим органом государственной власти централизованного государства, а с другой — вследствие своего аристократического состава — рычагом для борьбы против централизованного государства, использовавшимся княжеско-боярскими кругами¹. Иной точки зрения придерживается А. А. Зимин, который считает, что «в XVI в. Боярская дума была еще централизующим органом управления, а боярские комиссии сделались одной из важнейших составных частей складывающейся приказной системы»².

В действительности Боярская дума на протяжении XVI века была местом постоянных столкновений централизаторских и антицентрализаторских тенденций и устремлений, но при этом фокусом борьбы служили не политические идеи централизации сами по себе, а вопрос о мере ограничения монархии в пользу боярской аристократии, вопрос о мере непосредственного участия боярства в государственном управлении. Полностью этот вопрос был разрешен лишь после утверждения абсолютизма в XVIII веке.

Определенное влияние на роль и значение Боярской думы оказывала иерархическая структура правящего боярства, наличие в его среде исторически сложившихся прослоек и групп. Одну из этих прослоек составляли нетитулованные старомосковские бояре, издавна служившие московским князьям и владевшие обширными землями на территории собственно Московского княжества. Некогда они безраздельно господствовали в думе и при дворе московских государей, но со временем уступили первенство более знатным княжеским фамилиям. В XVI в. старомосковская знать прочно удерживала в своих руках важнейшие отрасли приказного аппарата уп-

¹ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 150.

² А. А. Зимин. О политических предпосылках..., стр. 23.

равления, включая Конюшенный приказ, Казну, Большой дворец. Постоянное соперничество с княжеской аристократией побуждало нетитулованное старомосковское боярство в большей мере (по сравнению с другими группировками) поддерживать московских государей в их централизаторских и самодержавных устремлениях.

Титулованная княжеская знать составляла высшую и наиболее влиятельную прослойку правящего боярства. К концу XV — началу XVI в. Москва сокрушила крупнейшие феодальные княжества и центры Северо-Восточной Руси. По мере присоединения княжеств на московскую службу перешли многочисленные потомки местных княжеских династий, влившиеся в московское боярство и постепенно превратившие думу при московских «самодержцах» в орган своего политического преобладания. В известном смысле монархия стала пленницей подпавшей под ее власть княжеской аристократии.

Особое место в среде титулованной знати занимали размножившиеся местные династии Северо-Восточной Руси: князья Суздальские, Ростовские, Ярославские и Стародубские, происходившие от одного корня и сидевшие большими гнездами на территории некогда принадлежавших им княжеств¹. Первенствовавшие среди них князья Шуйские-Суздальские знатностью не уступали правящей московской династии: их предки в течение нескольких столетий пользовались старшинством среди князей Северо-Восточной Руси, и в XVI в. они не забыли об этом. Могущественная суздальская знать, политические притязания которой покоились на традициях, сложившихся в период феодальной раздробленности, не могла сочувствовать самодержавным устремлениям московских государей и не желала поступиться своими древними привилегиями². В этом и заключалась одна из наиболее существенных причин острых столкновений между самодержавием и аристократической Боярской думой, имевших место в XVI в. Самый факт этих столкновений отрицать невозможно.

Компромиссный характер политики Избранной рады, непоследовательность и незавершенность проведенных кружком Адашева дворянских реформ объясняются подлинным засилием титулованной знати в политической жизни страны и, в частности, наличием влиятельных княжеских группировок в Боярской думе того времени. Репрессии, проведенные монархией в первой половине 60-х гг. после падения Избранной рады, привели к почти полному изгнанию суздаль-

¹ См. Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 67—68.

² Там же, стр. 67.

ской знати из Боярской думы. В результате уже к началу опричнины старомосковская знать и высшая дворянская бюрократия захватили руководство как в земской Боярской думе, так и в опричной думе, заменившей собой «ближнюю думу» 50-х годов.

При своем учреждении опричнина имела резко выраженную антикняжескую направленность. Устранение наиболее авторитетных вождей суздальской знати (казнь боярина кн. А. Б. Горбатого-Шуйского, опала боярина кн. А. Катырева-Ростовского и др.) и ссылка сотен княжеских семей (Ростовских, Ярославских, Стародубских) «на житье» в Казанский край, конфискация в казну значительной части богатейшего вотчинного землевладения суздальской знати безусловно ослабили политическое влияние высшего титулованного боярства и способствовали укреплению централизованного государства¹. Объективно подобные меры способствовали преодолению остатков феодальной раздробленности, глубочайшей основой которых было в конечном счете крупнейшее привилегированное княжеско-вотчинное землевладение.

Однако опричная политика не была чем-то единым на протяжении семи лет ее существования, она не была подчинена ни субъективно, ни объективно единой цели, принципу или схеме. После короткой полосы компромисса в истории опричнины и возвращения опальных княжат из казанской ссылки весной 1566 г. последовал поворот к массовому террору.

Стержнем политической истории опричнины в период массового террора был чудовищный процесс о заговоре сторонников князя В. А. Старицкого, организованный опричным

¹ Ю. Г. Алексеев, специально исследовавший историю землевладения Переяславского уезда в XVI в., пришел к следующим выводам: «Одним из наиболее заметных следствий опричной политики было резкое сокращение боярского землевладения. ...Может создаться впечатление, что уничтожение крупного боярского землевладения — одна из целей политики правительства второй половины XVI в. Однако даже материалы Переяславского уезда, сильно пострадавшего в опричнину, свидетельствуют, что крупная боярская вотчина как таковая пережила и опричнину, и последующие десятилетия». (См. Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 221). Конечно, опричное правительство никогда не ставило задачей уничтожение крупного боярского землевладения. Но помимо всего прочего, материал Переяславского уезда едва ли может служить надежным основанием для суждения о своеобразии и динамике опричной земельной политики. Переяславский уезд был одним из нескольких десятков уездов, притом сравнительно небольшим по размерам. Он принадлежал к древнейшим владениям московской короны, поэтому здесь почти вовсе отсутствовало родовое вотчинное землевладение суздальской знати и преобладало землевладение старомосковской знати и дворянства (Бутурлины, Плещеевы, Нагие и др.). (См. ТКДТ, стр. 138—141). В переяславских источниках почти нет данных о политике опричнины в отношении родового землевладения суздальской знати, а этот вопрос имеет кардинальное значение для оценки опричнины в целом.

сыскным ведомством. Жертвами его стали конюший И. П. Федоров и митрополит Филипп Колычев, приказная администрация и население Новгородской земли и, наконец, верхушка земского правительства в Москве. Причиной кровавой драмы были не столько мнимая обособленность московской церкви или пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящих группировок господствующего класса, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру руководства. В конце концов адская машина террора ускользнула из-под контроля ее творцов. Последними жертвами опричнины оказались все те, кто стоял у ее колыбели.

В литературе прочно утвердилось неверное представление о масштабах опричного террора. В действительности данные источников о многих десятках тысяч жертв опричнины крайне преувеличены. Наиболее точное представление о масштабах опричного террора дает синодик опальных царя Ивана Грозного, составленный на основании подлинных документов опричного архива. Согласно этому источнику, в период массового террора (1567—1572 гг.) погибло примерно 3—4 тысячи человек. Половину из них составляли жители Новгородско-Псковской земли, население которой превышало 1½ млн. человек. Казни подверглось до 600—700 земских дворян, не считая членов их семей. Общая численность дворянского ополчения в XVI в. составляла 25—30 тысяч человек.

В годы террора более всего пострадала не титулованная знать, а старомосковское боярство, высшая приказная бюрократия, руководство церкви, отчасти дворянство, то есть те социальные силы, которые издавна служили наиболее прочной опорой монархии и поддерживали ее централизаторскую политику. С политической точки зрения террор против указанных группировок был полной бессмыслицей.

В. И. Ленин определял политический строй России в XVII в. как самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией¹. Подобным же образом можно характеризовать Русское государство XVI в. с тем лишь различием, что в XVI в. феодальная знать располагала еще большими земельными богатствами и политическим весом, нежели в XVII в. Самодержавие было официальной доктриной и, в известном смысле, политической формой централизованной мо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346.

нархии XVI в., хотя глава государства в то время по существу не обладал неограниченной самодержавной властью. Монарх управлял страной совместно с «советом крупных феодалов», Боярской думой и князьями церкви¹. Неокрепшая монархия вынуждена была делить власть с могущественной боярской аристократией.

При учреждении опричнины Грозный объявил, что передает земской Боярской думе все управление Московским царством, «воинство и суд и управу», за исключением «великих» ратных и земских дел, которые решать будут «государь з бояры»². Неверно было бы думать, будто царский указ расширил права и полномочия Боярской думы. В действительности он лишь формально определил компетенцию думы в полном соответствии с традициями и обычаями государства. Боярская дума на протяжении всего XVI в. была высшим государственным органом в стране. Наряду с монархом бояре и Боярская дума осуществляли функции высшей законодательной, судебной и исполнительной власти в стране. Важнейшие законодательные решения облекались в следующую форму: «Государь указал, а бояре приговорили». До середины XVI в. Боярская дума оставалась органом боярской аристократии, представлявшим исключительно верхи феодальной знати. Через думу аристократия прочно держала в своих руках все нити государственного управления. Без ее санкции правительство не могло издавать законы, решать вопросы о начале войны и заключении мира.

Юридически введение опричнины не отразилось на компетенции и правах Боярской думы. На практике же все было иначе. В опричнине царь получил неограниченные полномочия для проведения репрессий против дворян и членов думы, на земельные конфискации и прочие мероприятия, которые в обычных условиях не могли быть осуществлены без согласия на то «совета крупных феодалов». В опричнине царь избавился от обычной опеки со стороны думы и высшего духовенства, князей церкви.

Формально опричнина не посягала на права и полномочия Боярской думы, но фактически она весьма существенно

¹ Как справедливо замечает Г. Б. Гальперин, монархия XVI века еще нуждалась в прямом, непосредственном содействии крупнейших феодалов-бояр, в их политической и военной поддержке. (См. Г. Б. Гальперин. Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI веков. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 54).

² Как значилось в указе об опричнине, «государство... свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские (царь Иван.— Р. С.) приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских..., а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю и государь з бояры тем делом управу велит чинити». (ПСРЛ, т. XIII, стр. 395).

ограничила ее компетенцию, прежде всего в сфере внутреннего управления.

Издавна в отсутствие царя или великого князя Боярская дума полновластно управляла столицей и всеми делами государства. В этом заключалась одна из важнейших прерогатив думы. Как можно установить на основании книг Разрядного приказа, для управления столицей дума выделяла из своего состава специальную комиссию, которую возглавляли обычно семеро бояр¹. (Отсюда — «седемочисленные бояре», «семибоярщина» во время междоусобицы в начале XVII в.)

При Избранной раде руководство семибоярщиной осуществляла титулованная знать, князья Шуйские, Оболенские и др. В период опричнины князья были изгнаны из московской боярской комиссии, целиком составлявшейся теперь из нетитулованных старомосковских бояр (Челяднин, Шереметев и т. д.). В первые годы опричнины царь сократил семибоярщину, а затем бояре и вовсе были удалены из московской комиссии. Так, в 1565 г. Москву «ведали» 7 бояр и 2 окольных, в 1567 г. — только 2 бояр и 3 окольных, в 1570 г. — всего лишь 2 бояр². С осени 1570 года бояре не участвовали в управлении столицей: в то время царь назначил в московскую комиссию казначея кн. В. В. Мосальского, печатника Б. И. Сукина и приказных людей³. Весной 1572 года столицу вновь «ведали» приказные люди, а кроме них «для осады» там остались воеводы кн. Ю. И. Токмаков и кн. Т. Долгорукий, не состоявшие в Боярской думе⁴. Таким образом, в последние годы опричнины Грозный упразднил «семибоярщину». Вместе с тем была ликвидирована одна из самых важных привилегий Боярской думы.

В период опричнины Боярская дума осуществляла руководство центральным приказным аппаратом. Штаден, отлично осведомленный насчет московских порядков, рассказывал на этот счет следующее: «В каждом судном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин, и что приказывал он дьяку писать, тот так и писал»⁵. Наиболее важные дела решались, однако, не в приказах, а непосредственно в Боярской думе. «О больших делах» дьяки обязаны были «приходить» к боярам.

¹ Управление Москвой осуществляли 7 бояр и 3 окольных в 1553 г.; 7 бояр, 1 окольный и 1 дворецкий в 1556 г.; 7 бояр и 4 окольных в 1558 г.; 7 бояр и 2 окольных в 1565 г. (Разряды, лл. 202, 233, 261, 331). В отдельных случаях в состав московской комиссии входило 5 бояр и 2 окольных в 1555 г., 6 бояр (один из удела) и 2 окольных в 1562 г. (Разряды, л. 225; ПСРЛ, т. XIII, стр. 341).

² Разряды, лл. 331, 338, 357.

³ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 59.

⁴ Разряды, л. 460.

⁵ См. Г. Штаден. Записки, стр. 79.

Дума не имела особой канцелярии, но лишь по той простой причине, что все ее делопроизводство велось в главных приказах, там же хранились ее архивы¹. Приказы служили как бы обширной, разветвленной канцелярией думы. Периодически дума создавала особые комиссии для проведения дворянских смотров, поместной разверстки, решения земельных тяжб.

По традиции члены думы непосредственно возглавляли такие важнейшие приказы, как Конюшенный приказ и Большой дворец. Стоявшие во главе Конюшенного приказа «конюшие бояре» занимали наивысшее положение в иерархии старомосковских чинов. После казни боярина И. П. Федорова-Челядина должность конюшего была фактически упразднена, а все управление приказом перешло к ясельничим из дворян. Результатом было известное ограничение контроля Боярской думы за приказным аппаратом.

Боярская дума непосредственно участвовала в местном управлении. Ее члены периодически управляли крупнейшими городами страны в качестве наместников и воевод. По традиции бояре управляли той или иной провинцией не более года или двух лет. В период опричнины правительство превратило эту привилегию в меру наказания. Так, один из влиятельнейших членов Боярской думы князь П. А. Куракин пробыл на воеводстве в Казани безвыездно в течение одиннадцати лет, боярин князь А. И. Катырев оставался в Свияжске четыре года, боярин С. В. Яковлев служил несколько лет в Смоленске. После длительной ссылки в провинцию все названные бояре подверглись казни.

В годы опричнины Боярская дума сохраняла в своих руках контроль за высшим военным руководством. Члены думы пользовались исключительным правом на замещение высших командных постов в армии. Во время сбора всего дворянского ополчения глава Боярской думы или старший из бояр становился главнокомандующим земской армии. Прочие назначения определялись в соответствии с аристократическим принципом местничества, ограждавшим права боярства.

Но в годы опричнины правительство ни разу не созывало Боярскую думу в полном составе. Исключением был Земский собор 1566 г., на который были приглашены 20 бояр и окольных. В этом случае на собор были допущены главным образом бояре из старомосковской нетитулованной знати и не-

¹ «В историографии принято употреблять выражение «Боярская дума» в смысле известного учреждения. Правда, было хорошо известно, что у так называемой Боярской думы не было своей канцелярии, постоянного штата служащих и архива решенных дел, что называть Боярскую думу учреждением можно только с большими оговорками...» (См. С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 140).

которые удельные князья. По общему правилу правительство представляло решения и указы на утверждение одних только «начальных бояр». Важнейшие приговоры о внешних делах России были утверждены 6 боярами (18 мая 1568 г.), 9 боярами и 1 окольным (май 1570 г.), 7 боярами и 1 окольным (7 января 1572 г.)¹.

После Полоцкого похода и поворота к политике репрессий правительство допустило значительные отступления от традиционной практики назначения членов Боярской думы. Вследствие раздора царя с боярством назначения новых членов в думу резко сократились². В первые четыре года опричнины назначения в думу производились крайне нерегулярно и не могли восполнить естественной убыли ее членов³. Только после отставки А. Д. Басманова и полной отмены опричнины были проведены новые массовые назначения в Боярскую думу⁴.

Новейшие исследователи опричнины подвергли критике традиционное представление об антибоярской направленности опричных репрессий. С. Б. Веселовский называет старым предрассудком мнение, будто опалы царя Ивана были направлены против крупных феодалов, бояр и княжат⁵. А. А. Зимин считает, что ни о каком разгроме боярства в XVI в. не было и речи⁶. Правда, он не может игнорировать многочисленных казней бояр и княжат в опричнине, но каждый раз он низводит их на степень случайных фактов, объясняя мелкими служебными провинностями бояр и т. д.⁷.

Приведенные выше факты об опричном терроре позво-

¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 656, 666; т. 129, стр. 216.

² Накануне опричнины боярином стал В. Д. Данилов. В 1566—1567 гг. боярский чин получили князь П. Д. Пронский, З. И. Очин-Плещеев, князь В. И. Темкин-Ростовский, окольными стали М. И. Колычев и Н. В. Борисов.

³ В период после Полоцкого похода 1563 г. и во время опричнины умерли или погибли на войне следующие члены думы: удельные князья бояре В. М. Глинский, А. И. Воротынский, И. Д. Бельский, знатные княжата бояре Ф. М. Оболенский, В. С. Серебряный, П. И. Телятевский, П. И. Тверской-Микулинский и П. И. Шуйский-Суздальский, окольный князь И. М. Хворостинин-Ярославский, боярин князь Ф. А. Булгаков-Куракин, старомосковские бояре Д. Р. Юрьев, Ф. И. Сукин, В. Ю. Траханиотов, В. М. Юрьев, И. М. Воронцов, М. И. Вороной-Волынский, окольные М. П. Головин, М. М. Тучков-Морозов, И. И. Чулков, Д. Ф. Карпов, А. А. Бутурлин и др.

⁴ В 1569—1571 гг. боярство получили князь И. А. Шуйский, опричники удельные князья Н. Р. Одоевский и Ф. М. Трубецкой, князь С. Д. Пронский, И. А. Бутурлин; окольными стали Д. А. Бутурлин, князь Д. И. Хворостинин-Ярославский, князь О. М. Щербатый-Оболенский. В думу вошла также новая царская родня бояре В. С. Большой Собакин, Б. Ю. Сабуров, В. Б. Сабуров, окольные Г. С. и В. С. Меньшой Собакины.

⁵ С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 478

⁶ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 340—341.

⁷ Там же, стр. 97, 98, 99, 109, 156—157.

ляют оспаривать подобную точку зрения. В действительности репрессии против бояр носили систематический характер и объяснялись сугубо политическими мотивами. Накануне опричнины и в период господства опричных порядков монархия подвергла боярство террору. К концу опричнины Боярская дума лишилась почти всех своих авторитетнейших вождей. Из членов думы, получивших думные титулы до Полоцкого похода 1563 г., к концу опричнины уцелели лишь единицы, в том числе удельные князья И. Ф. Мстиславский и М. И. Воротынский, бояре Н. Р. Юрьев-Захарьин, И. В. Меньшой Шереметев, М. Я. Морозов, П. В. Морозов, Ф. И. Умной и окольник В. И. Умной¹. Опричнину пережили только двое «старых» бояр, представлявших в Боярской думе суздальскую знать: князь А. И. Нохтев Суздальский и князь В. А. Сицкий Ярославский. Но они принадлежали к числу наименее влиятельных членов думы. Прочая титулованная знать, вошедшая в думу до начала 60-х гг., подверглась истреблению.

Еще до введения опричнины правительство казнило бояр кн. Ю. И. Кашина и кн. М. П. Репнина Оболенских, боярина Н. В. Шереметева и окольника Д. Ф. Адашева, заточило в монастырь кн. Д. И. Курлятева-Оболенского, подвергло опале князей М. И. и А. И. Воротынских, кн. Д. И. Хилкова-Стародубского и А. М. Курбского-Ярославского. В годы опричнины репрессии против боярства достигли невиданных ранее масштабов. От рук опричников погибли кн. А. Б. Горбатый-Суздальский, кн. А. И. Катырев, кн. С. В. Лобанов, кн. В. И. Темкин Ростовские, бояре кн. И. И. Пронский и кн. П. М. Щенятев, кравчий П. И. Горенский и боярин кн. П. С. Серебряный Оболенские. Бояре князья И. А. Куракин и Д. И. Немого-Оболенский были насильственно пострижены в монахи и заточены в монастырь. Наряду с суздальской и прочей титулованной знатью опричные репрессии задели удельную знать. Но из всех удельных князей только один (князь В. А. Старицкий) стал жертвой опричнины. В последние годы своего существования опричина нанесла страшный удар старомосковскому боярству. Действие опричного террора испытали на себе самые знатные старомосковские фамилии: Челяднины (конюший И. П. Федоров), Захарьины (бояре И. П. Яковлев, С. В. Яковлев, опричник В. П. Яковлев), Морозовы (бояре земец В. В. Морозов и опричник Л. А. Салтыков, кравчий Ф. И. Салтыков), Плещеевы (бояре А. Д. Басманов и З. И. Очин, кравчий Ф. А. Бас-

¹ Родня удельной княгини Е. И. Старицкой боярин П. А. Куракин находился в ссылке в течение всей опричнины. Через год после отмены опричнины казни подверглись бояре кн. М. И. Воротынский и М. Я. Морозов. Несколько позже ушел в монастырь боярин Ф. И. Умной.

манов). Погибли также бояре В. Д. Данилов и И. Я. Чеботов, окольные П. П. Головин, М. М. Лыков, М. И. Колычев и другие.

В годы террора резко сократился численный состав Боярской думы¹.

Репрессии ослабили наиболее влиятельные и многочисленные прослойки правящего боярства. Ослабление боярской аристократии привело к известному падению роли и значения Боярской думы как высшего органа монархии XVI в.

В соответствии с древней традицией важную роль в управлении государством играл наряду с Боярской думой так называемый священный собор, совет крупнейших духовных феодалов, пользовавшийся правом «советования» с царем и участвовавший вместе с думой в обсуждении важнейших законов, внешнеполитических дел и т. д.

В свое время М. Н. Покровский отметил, что церковь играла видную роль в строительстве Московского государства и что между церковью и великокняжеской властью существовали отношения союза, а не подчинения². Тезис М. Н. Покровского получил дальнейшее развитие в исследованиях А. М. Сахарова, который показал, что церковь на протяжении длительного времени поддерживала сильную княжескую власть, но поддерживала лишь постольку, поскольку эта власть могла охранять саму церковь с ее богатствами и привилегиями. В определенные периоды ее представители, отстаивая собственные интересы, вступали в острый конфликт

¹ Вопрос о численном составе Боярской думы детально исследован Л. М. Сухотиным и А. А. Зиминим. По подсчетам Л. М. Сухотина, накануне опричнины в думе было 38 бояр и 13 окольных, за семь лет опричнины из думы выбыло 40 членов, уцелело же всего 11, и еще 17 человек были вновь назначены главным образом в опричную думу. «Все предполагаемые мною наблюдения, — пишет Л. М. Сухотин, — сделаны на основании так называемой Шереметевской книги...» Источник этот изобилует грубыми ошибками, чем и объясняется в значительной мере неточность приведенных выкладок. (См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, II—VI. Белград, 1936, стр. 41—43; его же. Несколько наблюдений о составе Боярской думы в XVI в. — Сб. Русского археологического общества в Югославии. Белград, 1940, стр. 88). А. А. Зимин значительно уточнил данные о составе думы на основании широкого круга источников. По его подсчетам, к началу опричнины Боярская дума насчитывала 33—34 боярина и 9 окольных. К концу опричнины 15 бояр было казнено, 3 заточено в монастырь, к тому времени в думу входило всего 18 бояр, из которых 6 были опричниками. Из 9 окольных погибло 4, прочие умерли, вновь были пожалованы в чин окольных 6—7 опричников. Таким образом, пополнение земской думы фактически прекратилось, зато состав вновь образованной опричной думы расширился. (См. А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — «Археологический ежегодник за 1957 г.». М., 1958, стр. 72, 76).

² М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен, т. 1. М., 1933, стр. 132—133.

со светской властью, в результате церковь не только помогала, но и мешала развитию централизованного государства¹.

А. А. Зимин оценивает церковную политику опричнины в плане борьбы с политической децентрализацией в России XVI в. По его мнению, «дело» митрополита Филиппа отнюдь не сводилось к личному противоборству с ним царя Ивана «Это была одна из последних страниц той длительной борьбы, которую вела сначала великокняжеская, а потом царская власть за включение церкви в государственный аппарат»². Пока московские государи боролись за установление единой державы, им необходим был союз с представителями сильной воинствующей церкви. Как только эта цель была достигнута, союз сначала дал глубокую трещину, а потом и рухнул. «...для того чтобы правительство могло рассчитывать на осуществление своих планов ликвидации экономической и административной обособленности духовных феодалов, нужно было прежде всего сломить сопротивление руководителей русской церкви»³. Эта задача была выполнена. В конечном счете опричная политика в отношении церкви привела к крупному успеху централизаторской политики⁴.

Приведенная точка зрения вызывает некоторые возражения. Если справедливо утверждение, будто в годы опричнины у правительства были особые планы ликвидации экономической и административной обособленности духовных феодалов, то остается непонятным, почему именно в этот период оно вообще отказалось от проектов секуляризации монастырского землевладения. Напомним, что в первой половине XVI в. и в годы правления Избранной рады попытки секуляризации церковных богатств отличались большой настойчивостью. Исследование иммунитетной политики в отношении церкви, проведенное С. М. Каштановым, позволило установить тот факт, что в период господства опричных порядков происходит восстановление тарханных привилегий монастырей, уничтоженных еще при Избранной раде⁵.

По мнению А. А. Зимина, русская церковь в XVI в. представляла собой один из наиболее могущественных рудиментов феодальной раздробленности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве⁶. Но политическое влияние церкви опиралось на громад-

¹ А. М. Сахаров. Церковь и образование Русского централизованного государства. — «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 65.

² А. А. Зимин. Опричнина, стр. 259.

³ Там же, стр. 214.

⁴ Там же, стр. 259.

⁵ С. М. Каштанов. К изучению опричнины, стр. 96—117.

⁶ А. А. Зимин. Опричнина, стр. 259.

ные земельные богатства, а как раз этой опоры могущества церкви и наиболее важной сферы ее интересов опричнина вовсе не затронула. Даже во время самых яростных гонений против тверского и новгородско-псковского духовенства, когда опричная политика сводилась к прямому ограблению местного духовенства, царь не осмелился прикоснуться к главному достоянию церкви, ее земельным латифундиям. Отсюда следует, что опричнину едва ли можно оценивать как крупный успех в плане борьбы с церковью как рудиментом феодальной раздробленности.

Острый конфликт между светской и духовной властью в годы опричнины вызван был не особыми планами ликвидации экономической и административной обособленности духовных феодалов, а причинами несколько иного порядка. Князья церкви, тесными узами связанные с правящим боярством, не могли остаться в стороне от конфликта между монархией и княжеско-боярской аристократией. В этом случае конфликт с духовной властью носил вторичный характер. Низложение митрополита Филиппа Колычева было прямым следствием суда над конюшим И. П. Федоровым. Из-за раздора с влиятельными боярскими группировками монархия особенно нуждалась в поддержке влиятельного духовенства, и именно по этой причине она отказалась от попыток секуляризации и даже ограничения дальнейшего роста церковного землевладения, восстанавливала в годы опричнины иммунитетные привилегии монастырей и т. д.

Репрессии опричнины ослабили политическое влияние церкви: после низложения митрополита Филиппа и разгрома крупнейшей епархии страны, новгородско-псковского архиепископства, церковь надолго лишилась той власти и влияния, которыми она пользовалась до опричнины. Но опричнина вовсе не затронула земельных богатств церкви, то есть той основы, на которой зиждилось ее положение в политической структуре государства.

**
*

Задолго до опричнины выдающийся дворянский публицист Иван Пересветов настоятельно советовал царю создать охрану наподобие янычарского войска и обрушить грозу на голову непокорных вельмож. Вельможи крест целуют, да изменяют — «то есть великая ересь», рассуждал Пересветов. «Которыя вельможеством ко царю приближаются не от воинския выслуги, ни от иныя которыя мудрости.., то есть чародеи и еретики»; чародеев следует «огнем жеши» и предавать «лютой смерти», чтобы в государстве не было «лиха». Устами одного из своих героев Пересветов предсказывал, что царь Иван «введет во царство свое великую правду», для

правды будет править с грозой: «не мочно царю без грозы быти, как конь под царем без узды, тако и царство без грозы», «без таковыя грозы не мочно в царстве правды ввести»¹.

Многое из того, о чем писал Пересветов в конце 40-х гг., сбылось в годы опричнины. Пророчества виднейшего дворянского идеолога столь удивительны, что некоторые исследователи склонны были полагать, что его сочинения появились в послеопричный период и были литературным выражением опричной трагедии.

В действительности взгляды Пересветова явились предвосхищением будущего. Непосредственного влияния на опричные реформы они, по-видимому, не оказали. Дворянский радикализм и рационалистические элементы воззрений Пересветова были чужды царю Ивану и его ближайшему окружению. Вожди опричнины склонны были делать уступки дворянству лишь в той мере, в которой они отвечали целям самой монархии и способствовали ее упрочению. Вся их политическая программа и мудрость заключались в одном-единственном тезисе: упрочении самодержавной монархии любыми средствами, включая прямое насилие и террор.

Опричные реформы хотя и имели общие моменты с проектами дворянских публицистов, но в своем практическом осуществлении оказались весьма далеки от идеальных замыслов. Террор опричнины обернулся не только против «вельмож», «ленивых и богатых», но и против «простых воинников». Пожелания Пересветова относительно «царской щедрости до воинников» и идеи дворянского равенства получили уродливое воплощение в опричных привилегиях. Мечты дворянства о сильном монархе, «правлящем с грозой», стоящем за «великую правду», обрели практическое осуществление в кровавом деспотизме и злоупотреблениях опричнины.

В XVI в. дворянство было политически распылено и по сравнению с боярской знатью играло второстепенную роль в управлении государством. Тем не менее давление общей массы дворянских интересов на политику было исключительно велико. Многочисленное среднее и мельчайшее феодальное дворянство, владевшее землями главным образом на поместном праве и тесно зависевшее от центральной власти, составляло глубочайшую социальную базу монархии.

В борьбе с непокорной боярской знатью монархия неизбежно должна была опираться на дворянство. Но этой цели она достигла не путем корпоративной организации мелкого и среднего дворянства в целом, а путем организации привиле-

¹ Подробнее см.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 344—345, 348—349. «От твоей мудрости [и] великие грозы царские лукавые судии яко от сна проснутся, да и посрамятся дел своих лукавых». (Т а м ж е, стр. 349).

гированной опричной гвардии, укомплектованной служилыми людьми нескольких «избранных» уездов и противопоставленной всей остальной массе земского дворянства. Опричнина расширила фонды поместных земель в пределах опричных уездов. Она открыла незнатному, худородному дворянству доступ к высшим постам в аппарате управления и Боярской думы. Некоторые ее стороны заключали как бы в зародыше все последующее развитие дворянско-бюрократической абсолютной монархии. Но опричнина обнаружила тот факт, что в XVI в. среднее и мелкое дворянство еще не обладало ни моральными и политическими потенциями, ни достаточным образованием и влиянием, чтобы оттеснить боярскую аристократию от кормила управления и занять ее место. Свое выступление на исторической арене «худородные» дворяне-преторианцы ознаменовали лишь кровавыми бесчинствами, грабежом и всякого рода злоупотреблениями.

В период опричнины дворянство не выдвинуло из своей среды ни одного реформатора типа Пересветова или Адашева. Ее героями были всесильный палач Малюта Скуратов и целая плеяда подобных же временщиков от веселого царского сотрапезника Васьки Грязнова до безграмотного канцлера и печатника Романа Алферьева.

Политический вес дворянства в период опричнины заметно возрос. Впервые дворяне получают более широкое и постоянное представительство в высших органах управления: Боярской думе и Земских соборах. До середины XVI в. в Боярскую думу спорадически входили отдельные представители дворянства из числа великокняжеских фаворитов, руководителей царских канцелярий и др.¹ Обычно им жаловали какой-нибудь дворцовый чин или в виде исключения представляли один из высших думных титулов². Согласно официальным дворовым спискам начала 50-х гг., в состав Боярской думы входили следующие чины: бояре, окольные, оружничий, дворецкие, казначеи, печатник и, возможно, постельничие³. Высшие думные чины, включая чин оружничего, дворецких и казначеев, получали, по общему правилу, лишь представители первостатейной знати. Низшие думные чины получали иногда представители рядового дворянства⁴. В пе-

¹ См. Н. П. Лихачев. Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. — Сб. Археологического института, т. VI. СПб., 1896, стр. 8.

² Известный фаворит Василия III дворянин И. Ю. Шигона Поджегин носил чин тверского дворецкого. (См. ПСРЛ, т. XIII, стр. 412). А. Ф. Адашев в начале 50-х гг. именовался стряпчим, «а был в избе з бояры». Затем он получил чин окольного. (Разряды, л. 202).

³ ТКГД, стр. 54—55, 111—115.

⁴ В Дворовой тетради 50-х годов записаны члены думы тверской дворецкий Н. А. Куршев, углецкий дворецкий И. Г. Выродков, младший каз-

риод опричнины в составе Боярской думы появляется новая курия «думных дворян». Поскольку дворяне могли войти в думу исключительно как приближенные царя («ближние люди»), чин думного дворянина предоставлялся только тем, кто служил в опричнине. Интересно, что и самый термин «думный дворянин» родился в опричнине. В 1571 г. опричный печатник Р. В. Алферьев впервые именуется в разрядах «думным дворянином»¹. Надо заметить, что в жизнь это наименование вошло не сразу².

Со времени опричнины думные дворяне регулярно участвовали в важнейших заседаниях Боярской думы. Когда в мае 1570 г. дума вынесла важное решение о «литовском деле», в приговоре участвовали 9 земцев и 10 опричников, из них пятеро были опричными дворянами, «которые живут у государя з бояры»³. В приговоре думы относительно перемирия со шведами в январе 1572 г. участвовали наряду с десятью боярами и думными дьяками также двое дворян, «которые живут у государя в думе»⁴.

Образование «института» думного дворянства в опричнине протекало многообразными путями. Дворяне, не принадлежавшие к высшей знати и знати вообще, получали доступ в думу прежде всего благодаря службе в таких дворцовых ведомствах, как Бронный, Конюшенный и Постельный приказы.

До опричнины чин оружничего, главы дворцового Бронного приказа, носили представители высшей знати кн. Ю. И. Щетинин-Ярославский, Л. А. Салтыков-Морозов⁵.

начей Х. Ю. Тютин, постельничий И. М. Вешняков. Все они происходили из худародного дворянства. (См. ТКД, стр. 114—115).

¹ Разряды, лл. 375—376 об. В зимнем разряде 1572—1573 гг. под рубрикой «да з государем ездити дворяном з бояры» записаны двое думных дворян. (Там же, л. 467 об.).

² Разрядный приказ начинает включать в списки думных чинов раздел «Дворяне в думе» только после второго издания опричнины в 1575—1576 гг., а точнее — в конце 70-х гг. (См. Разряды, лл. 378, 545 и др.). После появления думного дворянского чина очень скоро обнаружилась тенденция ограничить доступ к нему узким кругом семей, которые однажды получили этот чин и таким путем выбились в дворянскую знать. Так или иначе, но к концу 70-х и началу 80-х гг. именно бывшие опричные думцы и их родня прочно обосновались в Боярской думе в качестве думных дворян. Среди них были Б. Я. Бельский, Р. В. Алферьев и его брат М. А. Безнин, бывшие опричники Р. М. Пивов, Б. И. Воейков, сын опричного думца Д. И. Черемисинов и др. К концу царствования Грозного курия думных дворян в Боярской думе насчитывала до десятка лиц. Кроме названных выше лиц, думными дворянами были А. Ф. Нагой, И. П. Татищев, возможно, А. П. Клешиин. (См. Разряды, лл. 378, 545; ДРВ, т. XX, стр. 60; Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 54).

³ Сб. РИО, т. 71, стр. 666.

⁴ Сб. РИО, т. 129, стр. 216.

⁵ Разряды, лл. 161 об., 171 и др. Начальник Бронного приказа возглавлял всю многочисленную свиту царских оруженосцев, служивших при

С учреждением опричнины этот чин получил малознатный дворянин князь А. И. Вяземский, ставший одним из руководителей опричной думы¹. Фактически именно оружничие стали первыми думными дворянами опричнины.

Руководители дворцового Постельного приказа вошли в думу до опричнины². После отставки И. М. Вешнякова постельничими служили Я. В. Волынский (1562—1563 гг.), В. Ф. Наумов (1564—1565 гг.) и, наконец, Д. И. Годунов (1567—1572 гг.)³. Постельный приказ, ведавший дворцовой охраной и расследованием всевозможных «тайных дел», чрезвычайно расширил свои функции в годы опричнины, в особенности при Годунове⁴. Стремительное возвышение Годуновых, породнившихся с Малютой Скуратовым, начинается как раз со времени службы Д. И. Годунова в постельничих.

Ясельничие служили в дворцовом Конюшенном приказе в качестве помощников конюшего-боярина⁵. Они вошли в Боярскую думу, по-видимому, не ранее начала 60-х годов⁶. Можно установить, что ясельничий П. В. Зайцев стал членом боярской судной комиссии и сидел «в суде у бояр» во

царских доспехах: топорах, саадаках, копьях, рогатинах и сулицах. Во время походов оружничие ездили за царем «с шеломом».

¹ После падения Вяземского службу оружничего исполняли опричник кн. И. М. Тевекелев (рында «з шеломы з доспехи» в мае 1571 г. и весной 1572 г.), а затем царский родственник К. В. Собакин («с шеломом» зимой 1572—1573 гг.). (См. Разряды, лл. 368, 458 об., 469 об.; ДРВ, т. XX, стр. 55). В 1577—1578 гг. царь пожаловал чин оружничего новому любимцу Б. Я. Бельскому, который был влиятельнейшим членом думы в последние годы жизни Грозного. (См. Разряды, лл. 491, 513 об.).

² В Дворовой тетради 1552 г. постельничие записаны в список думных чинов после казначеев, но ранее печатника. (См. ТКТД, стр. 114—115). В Разряде 1553 г. Вешняков и Адашев названы стряпчими, которые «были в избе з бояры». (Разряды, л. 202). В летописной интерполяции 60-х гг. оба стряпчих именуются уже дворянами, которые «были у государя в думе». (ПСРЛ, т. XIII, стр. 523).

³ См. Витебская старина, т. IV, стр. 38; Описи царского архива, стр. 49; Разряды, лл. 338, 458, 467 об., 491. Во главе Постельного приказа стояли обычно два лица. При Д. И. Годунове помощниками постельничего были: сначала П. Квашнин (1567 г.), позже — И. Д. Овцын (1572 г.), Я. Д. Мансуров (1573 г.) и И. В. Милюков (1574 г.). (См. Разряды, лл. 338, 458, 467 об., 491). Однако по своему влиянию младшие постельничие далеко уступали старшему. В 1573 г. Я. Д. Мансуров получал весьма невысокий денежный оклад в 40 рублей. (Д. Н. Альшиц. Новый документ, стр. 21).

⁴ Постельничие «дозирали» и «росказывали» стольников, стряпчих и жильцов, несших охрану дворца и ночную стражу, ведали многочисленным штатом дворцовой прислуги и царским гардеробом. (См. АИ, т. II, № 355, стр. 423).

⁵ Ясельничие ведали стремянными конюхами и всей царской конюшней. (АИ, т. II, № 355, стр. 424).

⁶ В Дворовой тетради 1552 г. имя ясельничего не значится в списке думных чинов. В то время эту должность занимал В. Г. Дровнин, участник походов 1553, 1555, 1556 гг. Его помощниками были П. Вешняков и И. В. Тургенев. (Разряды, лл. 202, 222, 232).

время Полоцкого похода 1563 года¹. В годы опричнины функции ясельничего значительно увеличились. П. В. Зайцев был членом боярской комиссии, комплектовавшей опричное войско, служил дворовым воеводой в 1567 г. и «начальным боярином» в опричной половине Москвы в 1570 году². В опричной думе ясельничий занимал более высокое положение, нежели опричный казначей³. В период опричнины ясельничие сохранили связь с дворцовым Конюшенным ведомством, но связь эта все больше становилась номинальной⁴. То же самое можно сказать и о других высших дворцовых чинах — оружничем и постельничем.

Опричина изменила значение важнейших дворцовых чинов, ставших простым атрибутом думного дворянства⁵. Отныне оружничий, постельничий и ясельничий не только заведовали соответствующими дворцовыми приказами, но и заседали в думе, вели дипломатические переговоры, командовали полками, судили. Таким путем произошло дальнейшее расширение курии думных дворян внутри Боярской думы.

¹ Разряды, л. 287 об. В «Витебской старине» ошибочно П. В. Волынский. (См. Витебская старина, т. IV, стр. 38). В приговорной грамоте Земского собора 1566 г. судья Б. И. Сукин («в суде у бояр») помещен в список думных чинов. (См. СГГД, ч. 1, № 191). Отметим, что П. В. Зайцев, получил чин ясельничего в конце 50-х годов. (См. ТКТД, стр. 68, 140; Разряды, л. 260 об.).

² Сб. РИО, т. 71, стр. 354—394; Разряды, л. 340 об.; Г. Штаден. Записки, стр. 134.

³ См. Местническое дело Татищева 1598 г. — Н. В. Мятлев. Челобитье М. Татищева. М., 1907, стр. 4.

⁴ Практически руководство ведомством осуществляли конюшенные дьяки. При П. В. Зайцеве таковыми были П. Булгаков и Ф. Рылов (1558 г.), Ф. Рылов (1562 г.), Л. В. Ефимьев (1567 г.) и Б. Д. Арцыбашев (1570 г.). (См. Разряды, лл. 260 об., 287 об., 338 об., 373; Сб. РИО, т. 71, стр. 754). Штаден называет Арцыбашева «маршалком», что говорит о видном положении конюшенного дьяка. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 97). Первый конюшенный дьяк Ерш Михайлов в 1573 г. получал гораздо более высокий денежный оклад (80 рублей), чем все другие дворцовые приказные люди. (См. Исторический архив, т. IV, стр. 42).

⁵ И. И. Смирнов составил список Боярской думы за 40-е гг. XVI века путем раскрытия формулы: «Бояре, окольные, кравчий, оружничий, постельничий и ясельничий те же». (И. И. Смирнов. Очерки политической истории, стр. 173). Между тем приведенная формула не отражает положение, существовавшее в середине XVI века. Например, постельничие только в годы опричнины вошли в Боярскую думу, но и после опричнины этот порядок утвердился далеко не сразу. Шереметевская боярская книга употребляет названную номенклатуру чинов применительно ко всему XVI веку. Но не следует забывать, что сама эта книга составлена была в последней четверти XVII века. Наиболее полные и достоверные ее сведения относятся к 1676 году, тогда как все более ранние известия (за XVI век) составлены в ней задним числом и изобилуют ошибками.

Политика опричнины в отношении посадского населения отмечена многими противоречиями. В критической ситуации начала 1565 г. правительство искало поддержки у московского посада, стремясь оказать давление на Боярскую думу и принудить ее санкционировать учреждение опричнины. Спустя полтора года власти предоставили богатейшему московскому купечеству широкое представительство на Земском соборе, который должен был решить вопрос о продолжении Ливонской войны и новых чрезвычайных военных расходах.

После поворота к террору опричники подвергли дикому погрому несколько крупнейших посадов страны, включая Тверь, Новгород и Псков. В те же годы власти жестоко ущемляли интересы русского купечества, пожаловав исключительные привилегии для торговли в России английской торговой компании¹.

Политика монархии в отношении посада определялась в значительной мере интересами фиска. Царь Иван заявил однажды английскому послу: «Мы знаем, что нужно выслушивать речи о купеческих делах, так как они опора нашей государственной казны...»². Именно заботы о доходах казны побуждали правительство забрать в опричину богатые торгово-промышленные посады Севера и Поморья, крупнейших солепромышленников Строгановых, а позже английскую купеческую компанию и Торговую сторону Новгорода. Опричное правительство охотно покровительствовало крупному купеческому капиталу. Опричные власти пожаловали громадные земельные владения Строгановым. Они заботились о развитии внешней торговли и с этой целью даровали обширные привилегии английским купцам, они старательно поддерживали в 60—70-х гг. нарвское мореплавание. Именно в опричнине были предоставлены иностранному промышленному капиталу первые в русской истории концессии. Но монархия поддерживала купеческий капитал лишь в той мере, в которой это было выгодно ей самой. Она аннулировала привилегии английской компании через два года после их предоставления и вслед за тем конфисковала значительную часть английских товаров, чем чрезвычайно осложнила торговлю с Англией. Произвол опричников в отношении русского купечества не имел предела.

Опричники ограбили многочисленное и богатое купече-

¹ Как показал С. М. Каштанов, в 1567—1569 гг. правительство проводило в рамках опричнины политику обеления монастырских городских дворов и слободок в ущерб интересам тяглого посадского населения. (См. С. М. Каштанов. К изучению опричнины, стр. 113).

² Ю. Толстой. Указ. соч., стр. 135.

ство Новгородско-Псковской земли, конфисковали в казну и отчасти уничтожили товары, хранившиеся на торговых складах Новгорода.

Опричные правежи и в особенности деятельность опричной администрации в Новгороде отчетливо обнаружили характерные для опричнины методы усиленной эксплуатации посадского населения. Реквизиции, чрезвычайные поборы, разорительные правежи — вот что несла опричина тяглому посадскому населению. Во время карательного похода на Новгород и Псков опричники подвергли террору местное посадское население. В ходе погрома погибло не менее 2—3 тысяч человек, принадлежавших в основном к низшим слоям посадского населения. Подобные меры имели вполне определенный социальный смысл. Власти страшились народа и старались посредством устрашающих мер предотвратить самую возможность массовых антифеодальных движений среди горожан.

**
*:

Как показали новейшие исследования, централизованная приказная система управления окончательно сложилась на Руси в 40—60-х гг. XVI в.¹ Перестройка высших государственных органов и организация приказов были тесно связаны с потребностями централизации и становлением самодержавной монархии на Руси.

Бюрократический аппарат монархии был весьма громоздким. По самому приблизительному подсчету, в одних только московских приказах занято было от тысячи до трех тысяч служащих². Характерными чертами центрального приказного

¹ См. А. К. Леонтьев. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Изд. МГУ, 1961, стр. 21—73; Г. Б. Гальперин. Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI веков. Изд. ЛГУ, 1964; А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси. — Доклады и сообщения Института истории, вып. 3. М., 1954, стр. 164—167; его же. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. — «Исторические записки», т. 63. М., 1958; его же. Опричнина, стр. 360—389; С. О. Шмидт. «Челобитный приказ» в середине XVI века. — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. VII, 1950, № 5.

² Накануне опричнины управление страной было сосредоточено в 86 ведомствах или «избах». (См. В. Любич-Романович. Сказания иностранцев, стр. 21). В тексте Дворовой тетради 1552 г. записано до 50 «больших» и «дворовых» дьяков, возглавлявших главнейшие «избы» (ТКТД, стр. 115—117). Штат каждого приказа и «судной избы» составляли дьяк, подьячие и писцы, число которых колебалось от 20 до 50 человек. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 83). Для разъездов и прочих поручений Приказы использовали служилую мелкоту, примерно 2000 дворян и детей боярских, которые имели свои дворы в столице и изо дня в день развозили указы по городам (Г. Штаден. Записки, стр. 105).

аппарата была чрезвычайная дробность его ведомств и отсутствие четкого разграничения функций между ними¹. Центральное место в системе приказов XVI в. занимал Казенный приказ, руководители которого вошли в Боярскую думу задолго до опричнины². Во главе приказа стояли двое казначеев, главным помощником которых был печатник, хранитель большой государственной печати. Влияние печатников на дела управления заметно усилилось в 60-х гг., когда этот пост занимал И. М. Висковатый. Печатник Висковатый, которого иностранцы называли «канцлером», фактически возглавлял иерархию приказных чинов земщины.

В Дворовой тетради 50-х гг. только казначеи отнесены к разряду думных чинов, все же прочие дьяки, руководители десятков различных ведомств, записаны в общий список, озаглавленный «Большие дьяки»³. К началу 60-х гг. из общей массы «больших дьяков» выделились думные дьяки, ставшие постоянными членами Боярской думы. На Земском соборе 1566 г. приказные люди заседали отдельно: высшие приказные чины сидели вместе с боярами, прочие приказные — отдельной группой, записанной ниже детей боярских второй статьи⁴. В заседании думы участвовали, помимо руководителей Казенного приказа, также главы Разрядного приказа (И. Клобуков), Поместного приказа (П. Михайлов), Посольского приказа (А. Васильев) и их помощники (И. Бухарин, А. Щелкалов и И. Юрьев)⁵. Спустя два года после собора думные дьяки вновь участвовали в заседании Боярской думы и скрепили своими подписями приговор 18 мая

¹ Наряду с центральными отраслевыми управлениями (Казна, Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный, Ямской приказ, приказ Большого прихода и пр.) существовали областные приказы, управлявшие территориями отдельных земель (Тверской, Рязанский дворцы), упраздненными удельными княжествами (Дмитровский и Углицкий дворцы) и вновь завоеванными землями (Казанский дворец). Существовали также различные мелкие ведомства: Земский двор (полицейское управление), Московское тиунство и т. д. Не только областные дворцы, но и центральные приказы имели в своем ведении специально выделенные территории. В пределах этой территории приказ собирал налоги, творил суд и расправу. К примеру, Посольский приказ осуществлял управление всей Карельской землей. (См. Г. Штаден. Записки, стр. 80—82; Д. Флегчер. О государстве Русском, стр. 46—50).

² Казначеи получали все деньги, доходы страны из других приказов и опять пускали их из казны на покрытие различных расходов. Таким путем Казна осуществляла высший финансовый контроль за прочими приказами и с помощью сметы расходов до известной степени координировала их деятельность. (Г. Штаден. Записки, стр. 79—83).

³ ТКД, стр. 114—115.

⁴ СГД, ч. 1, № 192, стр. 548, 553. В низшей курии приказных людей заседали глава Большого прихода И. Булгаков, младший поместный дьяк В. Степанов, руководители Разбойного и Ямского приказов и др.

⁵ Глава Посольского приказа носил чин думного дьяка еще в 1562 г. (См. Н. П. Лихачев. Думное дворянство, стр. 9).

1568 г. В числе их были главный поместный дьяк П. Михайлов, главный посольский дьяк А. Васильев и разрядные дьяки Андрей и Василий Щелкаловы¹. В соответствии с традицией, сложившейся в 60-х гг., в состав Боярской думы постоянно входили руководители четырех-пяти важнейших Приказов². Они докладывали на заседаниях думы внутренние и внешние дела государства, составляли документацию.

Образование внутри Боярской думы отдельной курии думных дьяков явилось результатом централизации государственного управления и развития приказного аппарата. Думные приказные люди были по преимуществу выходцами из мелкого дворянства. Из служилой мелкоты набирались не только дьяки, но и многие подьячие, служившие средним звеном приказного аппарата управления³. Но дворянство не могло удовлетворить полностью потребности государственного аппарата в грамотных и образованных людях. Процент неграмотных в среде провинциального дворянства и даже столичной знати был очень высок⁴. Поэтому правительство нередко привлекало на службу грамотное торгово-посадское население, в особенности богатое купечество⁵. Служба в приказах открывала незнатным, но способным выходцам из дворян и богатых купцов доступ к высшим государственным должностям.

¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 564—565.

² В 80-х гг. XVI в. в Боярской думе заседали глава Посольского приказа, двое дьяков Разрядного приказа, глава Поместного приказа и глава Казанского дворца. (См. Д. Флетчер. О государстве Русском, стр. 46, 47, 54). Подобный порядок сохранился и в начале XVII в., когда в думу входили четверо думных дьяков: посольский, двое разрядных (Большого Московского и Новгородского Разрядов) и поместный, но зато отсутствовал дьяк Казанского дворца. (См. АИ, т. II, № 355, стр. 422). Позже Г. Котошихин отметил, что постоянными членами Боярской думы бывают 3—4 дьяка, а больше 4 не бывает. (См. Г. Котошихин. О России царствования Алексея Михайловича, стр. 23).

³ Главный казначей Н. А. Фуников-Курцев происходил из мелких переяславских вотчинников. В новгородской дьяческой избе к 1570 г. служили главные дьяки А. В. Безсонов (из дворянской семьи Монастыревых) и К. В. Румянцев (из детей боярских), подьячие Г. Палицын, П. Рязанцев, А. Савуров и еще десяток других лиц из мелких новгородских помещиков. Только в отдельных, очень редких случаях высшие посты в приказной иерархии занимали, в силу исключительных дарований, выходцы из простонародья. Такими были известный сподвижник Адашева дьяк И. Г. Выродков и печатник И. М. Висковатый.

⁴ «Грамоте не умели» и не могли расписаться за себя такие столпы приказного управления, как бояре И. В. Меньшой Шереметев, И. Я. Чеботов, печатник Р. В. Алферьев. (См. А. А. Зимин. Земский собор 1566 г. — «Исторические записки», т. 71, 1961, стр. 200, прим. 25).

⁵ В Новгороде «большим» дьяком долгое время служил глава богатейшей новгородской купеческой фамилии Ф. Д. Сырков. Вторым казначеем в течение 17 лет служил богатый купец Х. Ю. Тютин, родом из Византии.

Приказной аппарат, дворянский в высших и средних звеньях, был надежным инструментом монархии. После опричнины социальный и политический вес приказной служилой бюрократии несомненно возрос. Высшие ее представители, занявшие место в Боярской думе, наряду с думным дворянством стали играть роль своеобразного противовеса по отношению к боярской знати внутри думы. С появлением двух новых курий (думных дворян и думных дьяков) Боярская дума, бывшая до того органом боярской олигархии, чисто аристократическим по своему составу, постепенно начинает приобретать некоторые черты сословно-представительного органа.

Развитию сословно-представительного начала в значительной мере способствовало возникновение новой политической формы, Земского собора в XVI в. Как показали новейшие исследования, органы сословного представительства в России по своей социальной природе ничем не отличались от сословно-представительных учреждений западноевропейских феодальных монархий, хотя в России они и не получили такого развития, как на Западе¹. Земские соборы закономерно возникли в процессе государственной централизации и на определенном этапе способствовали упрочению феодальной монархии. Автор специального исследования о Земских соборах С. О. Шмидт установил факт функционирования целого ряда совещаний соборного типа в 50—60-х гг. XVI в.² Далеко не все из них можно рассматривать как Земские соборы в собственном смысле, тем не менее деятельность большинства из них, по-видимому, содействовала становлению сословно-представительных учреждений в середине XVI века³.

В большинстве случаев соборные совещания 50—60-х гг. представляли сравнительно немногочисленную верхушку господствующего класса в лице членов Боярской думы и руководства церкви⁴. Только с середины 60-х гг. представительные функции собора получают впервые более полное выражение. Участие в соборе представителей более широкого слоя дворянства и верхов посадского населения превращает со-

¹ М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века. — «Вопросы истории», 1958, № 5.

² См. С. О. Шмидт. Исследования по социально-политической истории России XVI века. Автореферат. М., 1964; его же. Соборы середины XVI века. — «История СССР», 1960, № 4; его же. К истории соборов XVI века. — «Исторические записки», кн. 76. М., 1964.

³ Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. — Сб. «Абсолютизм в России». М., 1964, стр. 96—97.

⁴ В таком составе были созваны «соборы», судившие руководителей Избранной рады в 1560 г., митрополита Ф. Колычева в 1568 г. и архиепископа Пимена в 1570 г.

борное совещание старого типа в Земский собор¹. Первый представительный собор, о котором имеются достоверные данные, был созван правительством на втором году существования опричнины. Его участниками были, помимо бояр и церковников, многочисленные представители дворян, приказной бюрократии и купцов. Чем объясняется расцвет соборной практики в мрачную пору опричнины? Прежде всего тем, что новая политическая форма возникла в связи с первым серьезным кризисом опричной политики и кратковременной полосой поисков компромисса. Глубокий раздор с правящим боярством побуждал монархию искать непосредственную опору в более широких слоях господствующих классов, в среде дворянства и богатейшего купечества. Страна была разорена длительными войнами, не прекращавшимися на протяжении двадцати лет. Поступления налогов в казну стали сокращаться, значительную часть государственных средств поглощали дорогостоящие опричные затеи. В таких условиях опричное правительство сочло необходимым созвать собор из представителей земщины и поставить перед ними единственный вопрос о продолжении Ливонской войны. Послушно проголосовав за продолжение войны, представители земщины тем самым согласились на новые чрезвычайные военные расходы. Правительство рассчитывало переложить всю тяжесть военных расходов на плечи земщины, и этой цели оно достигло. Нет сомнения, что именно из финансовых соображений были приглашены на собор представители «земли» в лице богатейшего московского купечества.

Полоса компромисса в истории опричнины оказалась очень кратковременной: на смену компромиссу пришел террор, надолго покончивший с соборной практикой. Но хотя созыв Земских соборов в 60-х гг. носил эпизодический характер и значение их как органов государственного управления было весьма ограниченным, тем не менее их возникновение в годы опричнины знаменовало собой весьма важный шаг по пути становления сословно-представительной монархии в России. Возникла новая политическая форма. Со временем из вполне аристократических соборов первых лет опричнины развились более представительные и полномочные Земские соборы начала XVII в.

**
*

Опричные погромы, кровавая неразбериха террора внесли глубокую деморализацию в общественную жизнь страны, но они не могли изменить основных тенденций политического развития, отчетливо обнаружившихся в период реформ Из-

¹ См. Л. В. Черепнин. Земские сборы, стр. 93.

бранной рады. Ограничение компетенции Боярской думы, образование в ее составе двух новых курий (думных дворян и думных дьяков), расширение роли и значения дворянской служилой бюрократии, созыв первых представительных Земских соборов, а также земельные конфискации и террор против боярства бесспорно способствовали ослаблению аристократии и укреплению самодержавия в годы опричнины. Опричнина надолго покончила с самой возможностью открытой оппозиции «совета крупных феодалов» по отношению к монарху. Террор оставил глубокий след в сознании господствующего сословия, кровавые призраки опричнины еще долгое время довлели над умами вождей этого сословия. И все же для оценки опричнины решающее значение имеет тот факт, что опричнина не изменила политическую структуру монархии, ограниченной в пользу боярской аристократии. Она ослабила влияние знати, но не уничтожила общего значения Боярской думы как высшего органа государства, не поколебала местнические порядки, ограждавшие политические привилегии знати. В думу на место казненных бояр пришли новые лица, представлявшие те же самые аристократические фамилии.

В то время как на поверхности политической жизни русского общества, едва покончившего с феодальной раздробленностью, происходили шумные битвы между поднимающейся монархией и непокорной боярской знатью, в глубинах общества совершались подспудные, но значительно более важные сдвиги, подготовлявшие окончательное закрепощение всей массы феодально-зависимого крестьянства.

Период опричнины отмечен резким усилением феодальной эксплуатации. Особенно важное значение имело развитие барщинных форм ренты, а также массовые переоброчки, проведенные помещиками во второй половине XVI века. Вместе с развитием барщины сложились условия, предопределившие окончательное торжество крепостного права. Запрещение крестьянского выхода в конце XVI века явилось важнейшей вехой в истории народных масс России.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

**СИНОДИК ОПАЛЬНЫХ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Синодик опальных царя Ивана давно привлекал внимание историков¹. При случае, замечает С. Б. Веселовский, историки упоминали о синодике, брали из него имена тех или иных казненных, но длительное время этот ценнейший источник оставался неисследованным: не выяснены его происхождение и состав, не выработаны приемы разработки, и вследствие этого не установлена его историческая ценность². Сам С. Б. Веселовский посвятил царскому синодику большую и исключительно интересную статью. В ней он доказал, что все сохранившиеся монастырские синодики представляют собой копии с официального списка опальных, составленного по приказу царя Ивана в 1583 году в одном из государственных приказов на основании подлинных судных дел и донесений опричников³. Веселовский считал маловероятным, чтобы дьяки, исполнявшие царский приказ о составлении списков казненных, могли внести в эти списки некоторых лиц по памяти: «...в синодике находится много указаний на то, что дьяки и подьячие при составлении списка опальных придерживались точно имевшихся у них источников и от себя ничего не вносили и не изменяли»⁴. Однако, доказав строго документальное происхождение синодика, автор в конечном итоге пришел к выводу о неполноте и случайности содержащегося в синодике списка опальных. «Приведенные источники, — писал Веселовский, — как видно, могли дать далеко не пол-

¹ См. Н. М. Карамзин. История Государства Российского. СПб., 1821, т. IX, примечание 3, стр. 3—4; Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 3. СПб., 1868, стр. 371—372.

² С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. — Исследования по истории опричнины, АН СССР, М., 1963, стр. 323. В новом издании приведен полный текст названного исследования академика С. Б. Веселовского, которое впервые было опубликовано с очень значительными сокращениями и пропусками в 1940 г. (См. Проблемы источниковедения, кн. III. М.—Л., 1940).

³ С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 342—346.

⁴ Там же, стр. 345.

ный и несколько случайный список опальных»; «...мы имеем в дошедших до нас списках синодика не хронологический и не полный список казненных, а весьма неполный перечень лиц, погибших за весь период массовых казней, длившийся более 15 лет. Перечень этот был составлен не в порядке событий, а задним числом, наскоро, по разным источникам»¹. Ввиду такой оценки Веселовский отказался от поисков специальных приемов разработки источника и в своем исследовании придал списку опальных алфавитный порядок. Препарированный таким способом документ перестал существовать как цельный исторический источник, его загадка осталась нерешенной. До настоящего момента не утратило значения следующее остроумное замечание Веселовского: «Без преувеличения можно сказать, что этот ценный источник остается недоступным историкам и даже непрочтенным, как будто он написан на неизвестном нам языке»².

Для «прочтения» царского синодика следует вернуться к вопросу о происхождении и составе этого исторического источника.

Незадолго до смерти Иван Грозный велел монахам «во веки» молиться за всех тех, кто когда-нибудь был казнен по его приказу или с его ведома. Трудно сказать, руководствовался ли он мыслью о близкой смерти и спасении души, обремененной грехами, или им руководил более трезвый расчет. Можно лишь заключить, что в тот момент, когда царь Иван совершал один из самых необычных своих поступков, силы его, душевные и физические, были надломлены. Грозный не мог не сознавать того, что итогом его блестящего и непрерывного 35-летнего царствования было полное разорение всего государства. Население страны сильно сократилось, запустели целые уезды, в особенности на северо-западе и в центре государства. Крестьянство было разорено податями. Массовые голодовки стали обычным явлением. По всей стране свирепствовала эпидемия чумы. Ливонская война, которую царь начал вопреки советам Избранной рады и которая стала делом всей его жизни, была безвозвратно проиграна. Грозный должен был уступить польскому королю всю Ливонию, завоеванную в тяжелой борьбе.

В конце 1581 г. царь, повздорив со старшим сыном царевичем Иваном, ударил его посохом. Из-за сильного нервного потрясения царевич слег в постель и через три дня умер от «огненной горячки». Царь был глубоко потрясен смертью сына. Немного придя в себя, он отправился в монастырь, горько каялся перед монахами и оплакивал кончину сына.

¹ С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 345, 324.

² Там же, стр. 323.

Для поминания царевича царь пожертвовал монастырям громадные денежные суммы.

В те же годы царь пришел к мысли о посмертном «прощении» всех опальных людей, погибших от его руки за все время его царствования. При этом он пожелал реабилитировать опальных не перед судом людей, а перед судом божьим, который был, по понятиям людей того времени, высшим судом.

«Прощению» подлежали без дальнейшего разбора все государевы «изменники», самое имя которых было предано забвению и длительное время находилось под строгим запретом.

В своих писаниях Грозный не раз выражал чувство раскаяния в глубоких и, казалось, искренних выражениях¹. Подобное самообличительное настроение владело Грозным, когда он в 1573 году обратился с посланием к монахам Кирилло-Белозерского монастыря. «А мне, — писал царь, — псу смердящему, кому учить и чему наказати и чем просветити? Сам бо всегда в пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе...»².

Около 1582—1583 гг. царь велел своим дьякам разобрать и оценить «опальную рухлядь», хранившуюся в казне, и разослать ее по монастырям для поминания казненных. Таким путем он «искупал» свой самый тяжелый грех «убийства» и «неподобных глумлений» над опальными и в то же время избавлялся от несправедливо добытого богатства, свидетельства «несытного грабления». Опальных поминали на те деньги и «рухлядь», которые были отобраны у них самих из-за царской опалы.

Как показал С. Б. Веселовский, в течение нескольких лет царь распределил по монастырям колоссальные суммы денег, исчислявшиеся сотнями тысяч тогдашних рублей³. Дело не ограничилось жертвованиями на поминание отдельных лиц. Раз придя к мысли о «прощении» опальных, Грозный не хотел, чтобы кто-нибудь из них был забыт или обойден. В 1582—1583 (7090—7091) годах по его приказу был составлен список опальных, насчитывавший несколько тысяч лиц, который затем был разослан по всем монастырям. Руководствуясь полученным приказным списком («государскими книгами», «государевой царевой грамотой»), монастырские власти внесли имена опальных в поминальные книги, или синодики. Ни одного подлинника «государских книг» 80-х гг. не сохранилось, или, во всяком случае, они не разысканы до

¹ Послания Ивана Грозного, стр. 524, 525.

² Там же, стр. 162—163.

³ С. Б. Веселовский. Исследования, стр. 340—342.

настоящего времени. Однако имеется более десятка списков или «выписей» из приказного списка, включенных в обычные монастырские синодики.

Приказной список в его первоначальном виде был мало пригоден для церковной службы, поэтому монахи-переписчики при составлении копий на исходе XVI и в XVII в. старались приспособить оригинал для целей церковного поминовения, подвергали его сокращениям и т. д. От частого употребления синодики приходили в ветхость, после чего они вновь копировались, подвергаясь при этом новым сокращениям и искажениям. Однако переписчики ошибались каждый по-своему и не часто повторяли друг друга в своих ошибках. Ввиду наличия многих списков монастырских синодиков ошибки, допущенные при копировании, могут быть обнаружены. Все это позволяет восстановить первоначальный приказной список опальных царя Ивана Грозного.

Обзор списков синодиков

Синодик Нижегородского Печорского монастыря сохранился в двух списках. Первый из них (Гос. архив Горьковской области, ф. № 2013, опись 602-а, д. 161; в дальнейшем — *НП-1*) является наиболее ранним из всех известных списков синодика и относится к XVI в.¹ *НП-1* сохранился в составе монастырского синодика обычного типа. Как значится в заголовке сборника (л. 6), синодик был заведен в 1552 г. при архимандрите Иоакиме. В течение более трех десятилетий синодик находился в употреблении, и монахи аккуратно пополняли его новыми именами. В самом конце помянника великокняжеского рода (лл. 18 и 15) они записали царевича Димитрия (утонул в 1554 г.), кн. Юрия Васильевича (умер в 1563 г.), цариц Марию (умерла в 1569 г.) и М. Собакину (умерла в 1571 г.). В помяннике новгородских архиепископов (на л. 19) последним записано (а затем вычеркнуто) имя Пимена (умер в 1571 г.). На л. 23 монахи сделали запись о «преставлении» царя Ивана 26 февраля 1584 г. и т. д. Более поздних записей в синодике, кажется, нет. Очевидно, после 80-х гг. синодик за ветхостью вышел из употребления. В те же 80-е годы в Печорский монастырь были присланы списки опальных. Монахи выписали имена опальных в самый конец синодика на лл. 80—96 об.² В заголовке списка (л. 80) помечено: «Сих опальных людей поминати по грамоте царе-

¹ Синодик Нижегородского Печорского монастыря 1552 г. напечатан со значительным числом ошибок Н. Левитским в «Сборнике Нижегородской губернской архивной комиссии». Н. Новгород, 1913, т. XV, вып. 2, стр. 27—31.

² Всего в сборнике 104 листа, последние 3 — чистые.

ве». Как видно, монастырский синодик опальных был непосредственно скопирован с «царевой грамоты» (приказного списка). Копия была сделана с практической целью поминания. Переписчик руководствовался несложным правилом: он выписывал из «царевой грамоты» исключительно имена опальных или их число, опуская все остальные подробности. Список *НП-1* представляется на первый взгляд простым набором имен: «Ивана, Петра, Анну, Семена, Вавилу» и т. д. Лишь по недосмотру или невнимательности переписчика список *НП-1* сохранил некоторые подробности об обстоятельствах казней, отсутствующие во всех остальных списках. В ряде случаев сохранена терминология приказного списка, и т. д. Список *НП-1* ценен не только своими подробностями, но и тем, что он лучше всего воспроизводит порядок имен приказного списка опальных.

Второй список синодика Нижегородского Печорского монастыря (напечатан в отрывке Макарием в «Чтениях Общества истории и древностей Российских». М., 1868, кн. I, отд. V, стр. 6—9; в дальнейшем *НП-2*) восходит к концу XVI — началу XVII в.¹ Список *НП-2* сохранился в составе обычного монастырского синодика, заведенного при архимандрите Трифоне в 1595 году и находившегося в употреблении в первой трети XVII в.² Список был сделан через несколько десятилетий после смерти царя Ивана, что сказалось на приемах его составления. Переписчик опустил все безымянные поминания и прочие подробности. С точки зрения церковного поминания безымянные поминания не имели смысла. В то же время переписчик выписал в монастырский синодик не только имена, но и фамилии опальных с той целью, чтобы молитвы могли дойти по назначению. Таким образом, *НП-2* содержит сведения, отсутствующие в *НП-1*. Очевидно, он мог быть составлен лишь на основании приказного списка, хранившегося в монастырском архиве. Список *НП-2* расшифровывает фамилии почти всех записанных в него лиц. Однако большая часть его утрачена. Сохранились лишь несколько начальных страниц. Несмотря на позднейшую обработку, список *НП-2* в точности воспроизводит порядок имен списка *НП-1*.

Синодик Переяславского Никитского монастыря сохранился в двух списках XVII века. Оба списка напечатаны А. А. Титовым. (См. А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Никитского монастыря. М., 1903, стр. 13—18; 70—73). Первый из списков (в дальнейшем *ПН*) входит в состав монастырского синодика, составленного в начале XVII в.

¹ Синодик цитируется Макарием попеременно с Кормовой книгой монастыря.

² Чтения ОИДР, 1868, кн. I, отд. V, стр. 1.

В синодике мы находим ряд записей XVI в. (на л. 81 «Братия Никитского монастыря 80-го года») и начала XVII в.: род игуменов Иова 1617 г. (л. 157 об.), Рафаила 1627 г. (л. 157), Афанасия 1627 г. (л. 138) и Иосифа 1630 г. (л. 139)¹. Царский список опальных помещен в самом начале сборника на лл. 7—13. Он открывается заголовком: «Лета 7091, прислал царь и государь... в дом чудотворцу Никите по опальных людех» и т. д.² Конец синодика (примерно третья часть) утрачен. По расположению имен список *ПН* совпадает с *НП-1*. По полноте сведений, числу расшифрованных фамилий, многочисленности сохраненных подробностей список *ПН* является одним из наиболее ценных списков синодика. Во второй половине XVII в. с синодика *ПН* была снята копия. Самостоятельного значения она не имеет.

Синодик Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря известен в списке XVII в. Напечатан Н. Суворовым (Чтения ОИДР, 1859, кн. 3, отд. IV, стр. 94; в дальнейшем — *СП*). В заголовке синодика значится: «По выписи государских книг имена и прозвания преставльшихся христиан, мужей и жен и детей, разных городов людей»³. Синодик содержит много сведений о месте и способах казней. Число пофамильно расшифрованных лиц невелико. При копировании приказного списка монах-переписчик в ряде случаев сдвоил имена.

НП-1

СП

Ишоука, Богдана, Ивана	Ишука, Богдана, Иоанна 2,
Ивана, Григория, Игнатия.	Игнатия, Григория 2.

Несмотря на это, порядок имен опальных в списке *СП* в целом совпадает с расположением имен в *НП-1*.

Издатель синодика Н. Суворов сверил список *СП* с синодиком Вологодского Павло-Обнорского монастыря (в дальнейшем — *ПО*) и включил заимствованные из него сведения в свое издание⁴.

Синодик Свяжского Богородицкого монастыря (Государственный исторический музей. Москва. Музейное собрание, № 4119 г.; в дальнейшем — *СБ*) сохранился в копии XIX в.⁵. Оригинал *СБ* бесспорно восходит к XVII в. В списке опущены фамилии опальных, однако сохранены все безымянные поминания и многие подробности об обстоятельствах казней.

¹ См. А. А. Титов. Синодики, стр. 27, 33, 35. Начало сборника утрачено, многие листы перепутаны. Сборник издан Титовым в выдержках. Все это затрудняет его точную датировку.

² Там же, стр. 13.

³ См. Чтения ОИДР, 1859, кн. III. Смесь, стр. 94.

⁴ Там же, стр. 90.

⁵ Приношу глубокую благодарность А. А. Зимину за указание списков синодиков Свяжского Богородицкого, Московского Богоявленского (№ 3) и Киржацкого монастырей.

Окончание синодика утрачено. Синодик почти в точности воспроизводит порядок имен списка *НП-1*. В одном случае (л. 2) страницы синодика перепутаны, но поскольку внутри каждой страницы расположение имен не изменено, неисправность текста легко устраняется.

Синодик Чудова монастыря (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей. F IV, № 194, лл. 204—214; в дальнейшем — *Чюд*) сохранился в списке XVII века. Перечень опальных находится в середине синодика обычного типа, заведенного в начале XVII в.¹

В заголовке значится: «Лета 7091 царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси прислал в Чюдов монастырь сие поминание». В синодике расшифрованы многие фамилии опальных, сохранены безымянные поминания, но все подробности о способах казней опущены. Терминология приказного списка («отделано» и т. д.) не встречается.

Синодик Кирилло-Белозерского монастыря сохранился в двух списках XVII в. (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей; O IV, № 24; O IV, № 15; в дальнейшем — *КБ*)². По-видимому, списки *КБ* и *Чюд* ввиду их почти полной тождественности являются копиями единого, более раннего списка. Уже в протографе двух названных списков листы синодика были перепутаны. Но внутри каждого листа порядок имен не изменен, поэтому расположить листы в необходимом порядке не представляет труда.

Синодики Московского Богоявленского монастыря сохранились в двух списках XVII в. и в списке начала XVIII в. Первый список *МБ-1* (ГИМ. Москва. Епархиальное собрание, № 706, лл. 204—210) включен в обычный монастырский синодик, который был заведен в 1599 г. и находился в употреблении на протяжении первых трех десятилетий XVII века. В самом конце синодика переплетены листы со списком опальных. Сохранилось 7 листов списка *МБ-1*. Начало его и вся вторая половина утрачены. Листы перепутаны.

Второй список *МБ-2* (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Рукописное отделение. F IV, № 196, лл. 285—288 об.) находится в составе более позднего синодика, который был заведен в середине XVII в. и заполнялся до начала XVIII в. (лл. 43 об. — 44). Листы со списком опальных писаны другим почерком и не значатся в оглавлении. Переплетены в самом конце сборника. Отрывок *МБ-2* частью повторяет *МБ-1*, частью дает утраченные в *МБ-1* листы. Расхождения между *МБ-1* и *МБ-2* несущественны.

¹ Последний из «поминавшихся» царей — В. Шуйский. Другим почерком приписано имя М. Ф. Романова (л. 18).

² Синодик напечатан Н. Устряловым. (См. Н. Устрялов. Сказания князя Курбского, изд. 3-е. СПб., 1868, стр. 373—391).

Список *МБ-3* (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей. Сборник Q XVII, № 87, лл. 123 об. — 136 об.; в дальнейшем — *МБ-3*) представляет собой копию начала XVIII в. *МБ-3* воспроизводит с некоторыми искажениями текст упомянутых выше списков *МБ-1* и *МБ-2*, а также дает несколько листов, утраченных в этих списках.

Списки *МБ* ценны тем, что дают наибольшее число пофамильно расшифрованных лиц. Они сообщают много десятков фамилий, не встречающихся ни в одном другом списке. Однако по расположению имен списки *МБ* совершенно отличны от всех других списков синодика. Копируя приказной список, богоявленский переписчик применил довольно своеобразный метод. Он списывал имена опальных выборочно, затем возвращался к началу отрывка и выписывал все оставшиеся имена, после чего переходил к следующему отрывку. Схематически конструкцию списков *МБ* можно изобразить следующим образом:

<i>НП-1</i>	<i>МБ-1, МБ-2, МБ-3</i>
А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М	1) А, Б, Д, Ж, З, К, Л 2) В, Г, Е, И, М

Порядок имен внутри каждого отрывка сохранялся, но в «разреженном» виде. В дальнейшем некоторые листы копии оказались перепутанными, что еще больше усугубило путаницу имен. Однако, поскольку метод копирования дешифрован, представляется возможным реконструировать названный список синодика.

Синодик Троицко-Сергиева монастыря (Публичная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей. Собрание рукописей Троицко-Сергиевой лавры, кн. № 818, лл. 212—223 об.; в дальнейшем — *ТС*) составлен в XVII в. В заглавии: «Избиенныя в опричину, а поют по них панихиду». С. Б. Веселовский пишет, что Троицкий синодик «по расположению лиц производит впечатление коренной переработки основного текста других синодиков»¹. Но это не совсем так. Переписчик основательно сократил количество имен синодика, опустив безымянные поминания и имена маловажных лиц, однако не изменил самого порядка имен. Листы синодика основательно перепутаны.

Синодик Александровского Свирского монастыря (БАН, Рукописное отделение, ф. Александро-Свирского монастыря, № 55, инв. № 4020, лл. 294—298 об.; в дальнейшем — *АС*) составлен в начале XVII в. В заголовке списка: «Си имена оубиенных в опритчину, прислал царь государь и великий

¹ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 354.

князь Иван Васильевич». В списке опущены все фамилии опальных, а также безымянные поминания.

Синодик Костромского Богоявленского монастыря (хранится в Гос. архиве Костромской области) известен в списке XVII в. Помещен в тексте обычного синодика XVII в. на лл. 157—168. В заголовке—«Имена избивенных, по которым царь... милостыню дал». Список содержит только имена, фамилии опальных полностью отсутствуют. Утрачено несколько листов.

Синодик Антониева-Сийского монастыря (БАН, Отдел рукописей. Архангельское собрание, № 313, лл. 15—20 об.; № 391, лл. 9 об. — 14, копия) составлен в XVII в. В заглавии списка опальных значится: «в государевой опале избивенных». Полностью отсутствуют фамилии опальных. Утрачено более половины синодика.

Синодик Соловецкого монастыря (БАН, Отдел рукописей. Архангельское собрание, № 392, лл. 80—87 об.) составлен в конце XVII в. В заголовке: «Имена опальным». Также содержит только имена опальных. Общий порядок имен совпадает с порядком лучших списков, однако в ряде мест листы перемешаны.

Синодик Благовещенского монастыря в Киржаче (Публичная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Собрание рукописей Троицко-Сергиевой лавры, кн. № 815, лл. 46—50 об.) принадлежит к числу поздних и наименее исправных списков.

При копировании приказного списка переписчики стремились приспособить его к нуждам поминания, внося в текст фразу: «Помяни, господи, души рабов своих, а имена их ты сам, господи, веси» и т. д. Подобные фразы, как правило, не совпадают в различных списках. В протографе они, по-видимому, отсутствовали.

Детальный анализ сохранившихся монастырских синодиков приводит к выводу о том, что все они восходят к единому списку, подлиннику приказного списка («государева грамота», «государевы книги»), разосланного по монастырям в 1583 году. Даже наименее исправные и несходные с прочими списками синодики (например, список *ТС*) являются всего лишь сильно сокращенными копиями приказного списка.

В некоторых монастырских списках (*НП-2*, *МБ-3*, *ПН*) тексту царского синодика предпослан краткий перечень опальных, представляющий выписку из подробного синодика. В перечень включены все лица, носившие думный чин (бояре, окольниковые, казначеи, думные дьяки), а также наиболее знатные из дворян, записанных в синодик. Всего в кратком перечне поименованы 75 лиц.

Можно установить, что краткий перечень был разослан

монастырям в начале 1582 г. и что его получили крупнейшие монастыри: Симоновский, Соловецкий и др.¹

Во всех дошедших до нас списках начало краткого перечня (эта часть насчитывает примерно 13 имен) испорчено: некоторые имена опущены, другие переставлены. Напротив, в основной части краткого перечня опальных имена и их порядок почти полностью совпадают. Пофамильно опальные расшифрованы только в списке ПН.

Помимо подробного и краткого списков опальных, царь Иван рассылал по монастырям отдельные краткие «памяти» с именами лиц, не вошедших в приказной список². В единичных, очень редких случаях монахи присоединяли подобные «памяти» к официальному приказному списку³.

**
*

Как доказал С. Б. Веселовский, приказной список опальных был составлен на основании подлинных документов, следственных материалов и судебных дел. Отметим, что подобное происхождение имеет, например, запись синодика об избиениях жителей в Новгороде в 1570 г. Она передана в различных списках синодика следующим образом: «Помяни,

¹ Во вкладной книге Симонова монастыря записано, что 12 марта 1582 (7090) г. царь пожертвовал деньги на помин души 74 опальных, поименованных в тексте вкладной. (См. Вкладная книга Симонова монастыря. — ГПБ. Отдел рукописей, F IV, № 348, стр. 19). Во вкладных книгах Соловецкого монастыря отмечено, что в 7090 г. царь пожаловал старцам 100 рублей и на 120 рублей различных вещей, «а поминати за все то за государское жалованье 75 имян». (См. Книга вкладная старая Соловецкого монастыря. Архив ЛОИИ, ф. 2, № 125, л. 12 об.). Нет сомнения, что и в этом случае речь шла о кратком перечне опальных, содержащем как раз 75 имен.

² Так, Кирилло-Белозерский монастырь получил от царя «милостыню» по опальным «по Щенятеве и по Кубенских и по иных, которые в памяти написаны». (См. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. — «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. 1. СПб., 1851, стр. 68—69). Государева «память», очевидно, была внесена в монастырские синодики. В синодике Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. мы находим записанные на отдельной странице имена кн. П. Щенятева, кн. И. и М. Кубенских, кн. Д. Палецкого, кн. Ф. Волосского, кн. М. Черкасского, Сильвестра и его сына Анфима, М. Морозова, И. Хабарова и др. (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Синодик. К/Б 757/1014, л. 31).

³ В списке МБ-3 подробному синодику опальных предпослан краткий список опальных духовных лиц: «митрополита Филиппа, архиепископа Леонида, архимандрита Евфимия, архимандрита Иосифа Симоновской, игумена Корнилия Печорской, игумена Галасея, инока Иоанна, инока Филорета». Перечень интересен тем, что включает ряд имен, отсутствующих в тексте царского синодика. (ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей. Q XVII, № 87, лл. 123 об.). В конце синодика НП-2 помещен перечень лиц, не вошедших в царский список опальных: кн. И. Турунтай-Пронский (Шурунский), кн. Н. Одоевский, Н. Шереметев и др. (Чтения ОИДР, 1868, кн. 1, отд V, стр. 8).

господи, души раб своих 1505 человек новгородцев» (КБ); «да в ноугороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек да ноугородцев же 15 человек» (МБ-1, МБ-2); «...и с пищали отделано 15 человек новгородцев» (НП-1); «по Малютинские ноугороцкие посылки отделано скончавшихся православных христиан 1490 человек да ис пищалей 15 человек» (СП). Любопытно, что в списке СБ прямо указан источник, на основании которого была составлена запись синодика: «по Малютине скаске новгородцев отделал 1490 человек да 15 человек ис пищалей отделано». Терминология синодика и указания на способы казни не оставляют сомнения в том, что в основу записи легло подлинное донесение или «скаска» М. Скуратова о кровавой расправе с новгородцами в 1570 г.

Как свидетельствуют очевидцы, царь Иван давал опричникам письменные приказы о расправе с опальными с указанием способа казни и т. д.¹ В свою очередь, опричники подавали царю отчеты об исполнении его приказов, с указанием обстоятельств и места казни. Одним из подобных отчетов, хранившихся в государственном архиве к моменту составления списка опальных, и была «скаска» М. Скуратова.

На основании донесения опричников была составлена также запись, с которой начинаются все списки синодика: «Казарина Дубровского и дву сынов его, да 10 человек его тех, которые приходили на пособь». Опричники, замечает Веселовский, имели приказ убить Казарина и его сыновей, но к ним пришли «на пособь» и оказали сопротивление их домочадцы и были за это убиты, о чем опричники и донесли царю².

На основании подлинной документации была составлена запись о массовых казнях, которую мы находим в НП-1. Копируя приказной список, печорский монах механически выписал из него следующую фразу: «отделано 369 человек... и всего отделано по июля 6-е число» (НП-1). Фраза явно завершала, подытоживала какой-то отчет о массовых казнях, в тексте синодика можно выделить весь список лиц (369 человек), казненных на 6 июля. До него в синодике значится всего 41 человек.

С чем же были связаны казни, завершившиеся 6 июля? Отсчитав от итога в обратном порядке 369 лиц, мы находим, что в начале «Списка 6 июля» указаны имена слуг боярина И. П. Федорова. Федоров был казнен в 1568 г. по обвинению в заговоре. По рассказам современников, опричники разгро-

¹ См. Послание Таубе и Крузе, стр. 40.

² См. С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 344.

мили вотчины, принадлежавшие опальному Федорову, и безжалостно перебили его «подданных». Боярские слуги составляют подавляющую часть лиц (а именно 293 из 369), внесенных в «Список 6 июля». Часть из них (157 человек) прямо названа «людьми» Ивана Петровича Федорова. Остальных с большой долей вероятности также можно считать слугами Федорова. Через весь «Список 6 июля» тянутся описания разгромленных вотчин Федорова, сначала ближних (Коломенские села), а в конце — наиболее отдаленных (в Бежецком Верху). В списке приводятся сведения не только о месте казни, но и имена опричников, руководивших расправой, данные о способах казни («ручным усечением») и т. д. Очевидно, все эти подробности были заимствованы составителями приказного списка опальных из подлинного отчета опричников о репрессиях по делу Федорова, согласно которому на 6 июля 1568 г. было казнено 369 человек.

Подобное же происхождение, по-видимому, имеет запись синодика о массовых казнях на Москве 25 июля 1570 года. Очевидец казни А. Шлихтинг называет имена пяти главных дьяков, погибших в этот день: Висковатый, Фуников, Булгаков, Шапкин, Степанов¹. «Эти лица и их соучастники, — указывает С. Б. Веселовский, — действительно записаны в синодике, записаны в одном месте и почти в том же порядке, в каком поименовал их Шлихтинг»².

Следует отметить, что в текст синодика помимо пяти главных дьяков занесен *полный* список лиц, казненных в Москве в связи с завершением новгородского «изменного дела». Как свидетельствуют современники, во время массовых казней в Москве погибло от 116 до 130 человек³. Через три дня, 27 июля 1570 г., рассказывает Шлихтинг, опричники казнили 9 детей боярских, а затем 80 человек — жен и детей новгородцев, погибших 25 июля. Записи об этих избиениях мы находим в синодике, текст которого распадается на три списка: в первом из них записаны 6 главных московских дья-

¹ А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 46.

² С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 344. Наблюдение С. Б. Веселовского как бы продолжил Л. М. Сухотин, выпустивший свою работу в том же году. «В синодике Кирилло-Белозерского монастыря казненные в Москве в эти дни (имеются в виду казни новгородцев 25 июля и расправа с членами их семей в ближайшие дни. — Р. С.) записаны кряду. Я имею в виду запись имен начиная с Никиты Фуникова, Ивана Висковатого... и т. д., всего около 170 имен, вплоть до имени Алексея Басманова». (См. Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, VII—VIII. Белград, 1940, стр. 171—172). Никакого вывода из своего наблюдения Л. М. Сухотин не сделал, поскольку он вовсе не занимался синодиком в источниковедческом плане.

³ См. А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 46; Пискаревский летописец, стр. 78; Г. Штаден. Записки, стр. 92.

ков, главный новгородский дьяк, много десятков новгородских помещиков, причастных к делу о новгородской «измене», и др., всего 120—130 человек. Во втором списке записаны 9 дворян и в третьем 69 человек — жен и детей тех самых новгородцев, которые погибли 25 июля и записаны в первом списке. Тождественность фамилий в первом и третьем списках исключает возможность какого бы то ни было случайного совпадения. Подробность и полнота списка опальных позволяет предположить, что при составлении его царские дьяки использовали подлинные судные дела опричнины.

Еще в XVII в. в Московском государственном архиве хранилось сыскное дело об измене новгородского архиепископа Пимена, включавшее царский приговор и описание церемонии казни 25 июля 1570 г.: «...как государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город на полое место сами и велели... изменником вины их вычести перед собой и их казнить»¹. Там же хранился «Список за дьячею пометой, кто казнен и кто куды в тюрьму послан и кто отпущен и дан на поруки»². Видимо, эти документы и были использованы дьяками при составлении списков опальных в 1583 г.

Дела об опальных на протяжении многих десятилетий хранились в отдельных ящиках государственного архива. Так, в описи архива 1614 г. упоминается «ящик, а в нем дела старые блаженные памяти при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси, и приказные и *доводные*, и *наказы по опальных людей*, и розпросные речи, и росписи животом *опальных людей...*»³. Содержимое ящика было зафиксировано еще при составлении первой описи царского архива около 1572—1575 гг. Однако соответствующие листы описи (за исключением двух листов: 356—357 об.) были утрачены. В сохранившемся отрывке упоминаются следственные дела на опальных П. Цвиленева, А. Савурова, новгородского подьячего А. Свиязева, боярина В. Д. Данилова, Ю. Незнанова⁴. Все эти дела были использованы при составлении синодика, в котором мы находим имена всех перечисленных лиц.

Когда царь Иван распорядился составить полные списки опальных, его дьяки вынуждены были обратиться к старым опричным архивам. Боясь в чем-нибудь отступить от строгого приказа и следуя имевшимся в их руках документам, дьяки подряд выписывали имена опальных из судных дел, отчетов опричников и т. д.

Полнота составленных таким способом списков опальных

¹ ДДГ, стр. 480—481.

² Там же.

³ Описи царского архива, стр. 96.

⁴ Там же, стр. 44.

определялась в первую очередь сохранностью судебных и следственных дел в архиве. Дела, которыми пользовались приказные, затрагивали государственную безопасность и, по всей вероятности, тщательно оберегались, пока жив был Грозный. Последовательность имен в списках опальных, между прочим, зависела от того, хранились ли дела об опальных в должном порядке или они были сложены в архиве вне всякой системы. Но даже независимо от этого обстоятельства дьяки, переходя от дела к делу, выписывали имена в том порядке, в котором они находили их в каждом судебном документе в отдельности. При ближайшем рассмотрении весь список опальных распадается на целый ряд отдельных списков, соответствующих отдельным судным делам, или, как бы мы сказали теперь, отдельным политическим процессам.

При расчленении текста синодика на отдельные судные списки («дела») мы строго следуем расположению имен в тексте синодика без каких бы то ни было отступлений. Детальный анализ позволяет выделить в тексте синодика следующие судные списки, помещенные подряд один за другим:

- 1) дело К. Дубровского (конец 1567 года);
- 2) дело митрополита Филиппа (после 24 марта 1568 года);
- 3) дело о заговоре боярина И. П. Федорова («Список 6 июля 1568 г.»);
- 4) запись о казни И. П. Федорова (11 сентября 1568 г.);
- 5) «изборское дело» (после января 1569 г.);
- 6) дело о кольчуге Федорова (апрель 1569 г.);
- 7) запись о казнях в Вологде (весна — лето 1569 г.);
- 8) запись о казни Е. Старицкой (11 октября 1569 г.);
- 9) отчет о походе опричников на Новгород (декабрь 1569 г. — январь 1570 г.);
- 10) запись о казни В. А. Старицкого (9 октября 1569 г.);
- 11) поход опричников на Новгород и казни в Новгороде (декабрь 1569 г. — январь 1570 г.);
- 12) поход опричников на Псков (февраль 1570 г.);
- 13) запись о казни Корнилия (20 февраля 1570 г.);
- 14) запись о казни Т. Висковатого (после 3 июля 1570 г.);
- 15) запись о казнях Серебряного и М. Вислого (21 июля 1570 г.);
- 16) запись о казнях на Москве И. М. Висковатого и новгородцев (25 июля 1570 г.);
- 17) запись о казнях семей новгородцев (после 25 июля 1570 г.);
- 18) запись о казни Д. Турпеева (16 августа 1570 г.)¹.

Основная часть синодика включает подробные списки опальных лиц, казненных в 1567—1570 гг. Списки эти расположены, за небольшими исключениями, в хронологической

¹ Подробный анализ каждого судного списка, установление времени казни опальных лиц и расчленение текста синодика на отдельные судные списки произведены нами в специальном исследовании. (См. Р. Г. Скрынников. Синодики опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. — В сб. «Вопросы истории СССР (XVI—XVIII вв.)». Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 278. Л., 1965, стр. 22—65).

последовательности. Все списки 1567—1570 гг. неразрывно связаны между собой, так как судные «дела» этого периода были частями единого политического процесса, «дела» об измене Старицких, тянувшегося несколько лет, с 1567 до 1570 года. «Дело» было начато осенью 1567 г. после возвращения царя из Ливонского похода. В ходе его были казнены боярин Федоров (1568 г.), Старицкие (1569 г.), разгромлен Новгород (1570 г.) и перебиты руководители земских приказов в Москве (1570 г.). «Дело Старицких» было самым крупным политическим процессом царствования Грозного. Материалы этого процесса хранились в царском архиве ко времени составления синодика в относительном порядке. На основании этих материалов и была составлена основная часть царского синодика. Эта часть охватывает девять десятых всего объема синодика: в ней записано около 3200 царских опальных из общего числа примерно 3300 человек.

Синодик опальных, составленный на основании подлинных документов опричного архива, сообщает наиболее достоверные и подробные списки государевых опальных людей, казненных в период наивысшего подъема опричного террора в 1567—1570 гг. И все же сведения синодика не являются исчерпывающими. Во-первых, некоторые из опальных были по разным причинам вовсе не включены в отчеты опричных палачей и судные дела. Отдельные судные дела подвергались в опричнине фальсификации. Например, смерть Ф. Колычева Малюта приписал случайным причинам. (Такие случаи касались, впрочем, лишь некоторых самых видных духовных лиц и др. и сами по себе были немногочисленны.) Во-вторых, царские дьяки, поспешно выписывая сведения о казнях из объемистых судных дел, могли, конечно, пропустить отдельные имена.

В целом списки 1567—1570 гг. отличаются полнотой, хотя в них и отсутствуют имена отдельных лиц, казненных в этот период¹.

Последний раздел синодика включает в себя разрозненные судные списки периода 1564—1565 гг. и 1571—1575 гг. Здесь можно выделить: 1) судные дела января 1564 г. и февраля 1565 г.; 2) судный список за 1575 г. (№ 2); 3) имена отдельных лиц, казненных в 1571—1574 гг.; 4) судный список за 1575 г. (№ 1) и 5) судное дело о бегстве кн. Горенского 1564—1565 гг. (см. Приложение 2).

Названный раздел включает в себе около одной десятой

¹ Следует заметить, что в большинстве случаев опальные, не отмеченные в синодике, погибли в период, выходящий за хронологические рамки основной части синодика (1567—1570 гг.). В пределах указанного периода списки опальных отличаются наибольшей полнотой.

его объема и отличается неполнотой¹. Вошедшие в него судные дела расположены вне всякой хронологической последовательности. Многие «судные списки» можно выделить здесь лишь предположительно. Часть материалов за указанные годы вообще не была использована составителями синодика. Дьяки, выполнявшие поручение царя, по-видимому, не смогли разыскать в бывших опричных архивах *всех* судных и следственных дел царствования Грозного. Причиной были не только спешка и небрежность самих составителей, но и то, что многие судные дела двадцатилетней давности оказались затерянными в 80-х годах. Пухлые свитки, содержавшие материалы по делу Старицкого, хранились в архиве в наилучшем виде, чего нельзя было сказать о некоторых более мелких судебных процессах опричнины.

Еще С. Б. Веселовский указал на то, что у современников, иностранных писателей и в летописях мы находим ряд лиц, не записанных в синодике. Однако он не заметил того, что во многих случаях пропуски синодика носят закономерный характер: если там пропущен некий судебный процесс, то в списке опальных отсутствуют и *все* связанные с этим процессом лица. Так, в синодике пропущены «дела» о сдаче Стародуба в 1563 г., по которому были казнены родственники А. Адашева — И. Шишкин, Д. Адашев с сыном, его тесть П. Туров, трое Сатиных; о выступлении членов Земского собора против опричнины летом 1566 г., по которому казни подверглись дворяне кн. В. Ф. Пронский, И. Карамышев и К. Бундов; «дело» Воротынского, по которому летом 1573 г. были вызваны с Оки и казнены большие воеводы-бояре кн. М. И. Воротынский, кн. Н. Р. Одоевский, а также М. Я. Морозов с двумя сыновьями и с женой Евдокией. Очевидно, материалы названных дел не были разысканы в архиве составителями царского списка опальных.

Происхождение синодика определяет метод разработки этого источника, синодик перестает быть неполным и случайным набором имен. Открытие новых его списков бесспорно позволит более точно разграничить отдельные «судные дела» в тексте синодика, выявить хронологические отступления, помимо указанных выше, и т. д. Однако установление новых фактов едва ли изменит самый прием исследования этого любопытного памятника.

Список опальных царя Ивана Грозного принадлежит к категории зашифрованных источников. Но поскольку найден метод его разработки, этот, казалось бы, бедный содержа-

¹ Ввиду неполноты материала и нарушения хронологического принципа, конец синодика представляет меньший интерес для исследования опричнины.

нием и однообразный памятник превращается в один из основных источников по истории опричнины. В сравнении с крайне тенденциозными сказаниями иностранцев, из которых приходится черпать сведения об опричнине, синодик представляется источником более достоверным и полным. Значение синодика определяется тем, что в основе его лежат подлинные материалы опричных архивов. Здесь деяния опричнины записаны кровью. Крайняя скудость источников по истории опричнины придает ему особую ценность.

В основу подготовленного нами к изданию текста синодика (см. Приложение 2) положен список наиболее ранней редакции, синодик Нижегородского Печорского монастыря (*НП-1*). Этот список ценен тем, что передает лучше других списков расположение и порядок имен приказного списка опальных. Составитель *НП-1* выписал из приказного списка лишь имена опальных, опустив их фамилии, а также многие другие сведения. Все сведения, пропущенные в *НП-1*, восстановлены по другим спискам и приведены в квадратных скобках. Разночтения указаны в подстрочных примечаниях, за исключением незначительных ошибок и опусков, число которых в десятках различных списков очень велико. В тексте *НП-1* и на полях имеются приписки и исправления, сделанные скорописью или мелким неаккуратным полууставом. В примечаниях все они специально оговорены.

На полях нами сделаны примечания и выставлены даты, которые помогают расчленить текст синодика на отдельные списки или судные дела.

**СИНОДИК ОПАЛЬНЫХ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО
(7091 года)**

(Реконструкция текста)

[Лета седмь тысящ девятдесят перваго царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси прислал в Кирилов монастырь сие поминание, и велел поминати на литиях и на литоргиях, и на понахидах по вся дни в церкви божии]¹.

[Царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси велел написати в сенаники князей и бояр и прочих людей опальных по своей государеве грамоте]².

Сих опальных людей поминати по грамоте цареве, и понахиды по них пети, а которые в сем сенаники не имены писаны, прозвищи или в котором месте писано 10 или 20 или 50, ино бы тех поминали: ты, господи, сам веси имена их.

¹ *КБ Чюд.* Лета 7091 царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси прислал в Чюдов монастырь сие поминание и велел поминати на литиях и на литоргиях и на понахидах в церквах божиях по вся дни; *ПН* Лета 7091-го прислал царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси в дом чудотворцу Никите по опальных людех и по своему государеву указу велел тех людей поминати, в сенатик написати.

² *НП-2; СП* По выписи государских книг, имена и прозвания представльшихся православных христиан, мужей, жен и детей, разных городов людей. По цареву государеву велению великого князя Иоанна Васильевича всеа России поминать тех христиан по его государственным книгам, по именам и прозваниям, их же имена чти ниже сего сие; *СБ* Помяни, господи, души усопших раб своих побитых; *К* Роспись опальным людям, которых поминати по государеву оуказу; *ТС* Избиенныя в опришнину, а поют по них понахидоу на 7 недели в четверг по пасце. Помяни, господи, душа оусопших раб своих и рабынь, оубиенных князей и княгинь и всех православных христиан мужска полу и женска и коих имена и не писаны; *С* Имена опальным; *АС* Си имена оубиенных в опритчину. Прислал царь государь и великий князь Иван Васильевич, а велел поминати и кормы по них ставити.

Раба своего Казарина [Дубровской¹], да дву
 После сынов его, *— 10 человек —* [его² тех³], **— кото-
 ноября рые приходили на пособь—**⁴, Ишука [Ивана⁵
 1567 г. Боухарин⁶], Богдана [Шепяков⁷], Ивана [Ога-
 лин⁸], Ивана [Юмин⁹], Григоря [Темирев¹⁰], Иг-
 натья [Заболоцкого.***¹¹], (л. 80 об.) Федора [Еропкин¹²],
 Истому [Кузьмин¹³], князя Василя [Волк¹⁴ Ростовский¹⁵],
 Василя [Никитина¹⁶ Борисов¹⁷], Василя [Хлуденев¹⁸], Ники-
 фора, Степана [Товарыщевы¹⁹], [Дмитрея Михайлов²⁰], Ивана
 [Потапов²¹], Григоря [Фомин²²], Петра [Шестаков²³], князя
 Михаило [Засекин²⁴], Михаила [Лопатин²⁵], Тихона [Тыр-
 тов²⁶], Афонася инок [старца, что был²⁷]. [Ивашов²⁸].

После [Митрополичих²⁹]: [старца³⁰] Левонтия [Руси-
 22.03 нов³¹], Никитой [Опухтин³²], Федора [Рясин³³],
 1568 г. Семена [Мануйлов³⁴].

«Дело» [Владыки Коломенского боярин³⁵] Александр
 боярина [Кожин³⁶], [кравчаго³⁷] Тимофея [Собаки-
 И. П. на³⁸ конюшаго³⁹], Федора⁴⁰, да [владыки Коло-
 Федо- менского⁴¹] ****— дияк⁴² владыкин —****⁴³.

рова [Ивановы люди Петрова⁴⁴ Федорова⁴⁵]: Смир-
 (спи- ново [Кирянов⁴⁶], [дьяка⁴⁷] Семена [Антонов⁴⁸],
 сок 1) татарин Янтоуган⁴⁹ Бахмета, Ивана [Лукин⁵⁰],
 Богдана [Трофимов⁵¹], Михаил [Цыбневский⁵²],
 Троуха⁵³ [Ефремов⁵⁴].

* — * НП-1 написано на полях другим почерком.

** — ** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано на полях другим почерком; далее зачеркнуто
 Дмитрея Товарищев.

**** — **** НП-1 написано над строкой.

¹ ПН, Чюд, КБ, ПО, СБ, МБ-З. ² ПО. ³ Чюд, КБ, ПН. ⁴ То же Чюд, КБ, ПН. ⁵ Ивана Бухар МБ-З. ⁶ СП; Бухарину ПН. ⁷ ПН. ⁸ НП-2, ТС, ПН; Агалин МБ-З. ⁹ НП-2, ТС; Ямин ПН, МБ-З. ¹⁰ НП-2, ТС, ПН; Тетерин МБ-З; в НП-2 и ПН Темирев записан ранее И. Заболоцкого. ¹¹ НП-2, ПО, ПН. ¹² НП-2, ТС, МБ-З; Яропкин СП. ¹³ ПН, МБ-З. ¹⁴ НП-2, СП, ТС. ¹⁵ Чюд, КБ, СП, ТС. ¹⁶ НП-2. ¹⁷ ПН, МБ-З, ТС. ¹⁸ НП-2, ТС, ПН, МБ-З; Хлуднев, Чюд, КБ. ¹⁹ Чюд, КБ, ПН, МБ-З, НП-2; в списках НП-2, СП, КБ далее Дмитрея; Никифора Товарищев, Стефана Товарищев ТС. ²⁰ МБ-З; Дмитрея Товарищев ТС. ²¹ ПН, МБ-З, ТС. ²² НП-2, ТС, СП, МБ-З. ²³ СП, ТС, МБ-З. ²⁴ КБ, ТС, НП-2, СП; Засекин Чюд. ²⁵ НП-2, Чюд, ТС, КБ, СП, МБ-З. ²⁶ СП, ТС, МБ-З; Товарищев КБ. ²⁷ ПН, СБ. ²⁸ ПН, СБ; Башев МБ-З. ²⁹ СБ; митрополичьяго ПН; митрополичьяго СП. ³⁰ СП, ³¹ ПН, ТС; Рогин МБ-З. ³² МБ-З; Опухтин ТС; Опутин СП. ³³ Чюд, КБ, СП, ПН; Расин МБ-З, ТС. ³⁴ НП-2, Чюд, КБ, ПН; Манулов МБ-З; Маноилов ТС. ³⁵ Чюд, КБ, НП; ³⁶ НП-2, Чюд, КБ, ПН, МБ-З, ТС. ³⁷ ПН. ³⁸ Чюд, ТС, КБ, ПН; Сабокин МБ-З. ³⁹ ПН. ⁴⁰ СП, Чюд, КБ, НП; Федорова СП. ⁴¹ СП. ⁴² дьяка СП, Чюд, КБ, ПН, МБ-З, СБ. ⁴³ владычняго ПН, СБ; владычня, Чюд, КБ. ⁴⁴ Чюд, КБ, СБ; Ивановых людей МБ-З; Ивановы дети Петрова ПН. ⁴⁵ ПН. ⁴⁶ ПН. ⁴⁷ ПН, МБ-З. ⁴⁸ ПН, МБ-З. ⁴⁹ То же СП, ПН, СБ; Яньтягана Чюд, КБ; Тугана Махметя МБ-З. ⁵⁰ ПН; Локин, МБ-З. ⁵¹ ПН. ⁵² КБ; Цыбневской Чюд; Цыбеев МБ-З. ⁵³ СП; Трифон КБ, МБ-З; ⁵⁴ МБ-З.

Ортемя [седельник¹], (л. 81). [В Коломенских селах²] Григорий [Ловчиков³] отдал. Отделано [Ивановых людей⁴] 20 человек. [В Губине Оуглу⁵] отделано 30 и 9 человек⁶.

Михаила [Мазилон⁷], Левонтия [Григорьевых⁸], Бряха⁹ [Кафтырев¹⁰], Никита [Левашева¹¹].

[В Матфеищеве¹²] отделано 84 человека, да оу трех человек по роуки сечено¹³.

Григория [Кафтырев¹⁴], Алексея [Левашов¹⁵], Севрина [Баскаков¹⁶], Федора [Казаринов¹⁷], [инока Никиту Казаринов¹⁸], Андрея [Баскакова¹⁹ муромца²⁰], Смирнова Терентия²¹, Василия [Тетерины²²], Ивана [Селиванова²³]; Григоря, Иева, Василия, Михаила [Тетерины²⁴], [да детей их²⁵] 5 человек; Осифа [Тетерин²⁶], князя Данила [Сицкой²⁷], Андрея [Батанов²⁸], Ивана [Пояркова²⁹ Квашнин³⁰], Никитоу, Семена [Сабоуровых³¹], [Семена Бочин³²].

Хозя³³ [Тютина³⁴] з женою, да 5 детей³⁵, (л. 81 об.) да Хозяин брат; Ивана [Колычов³⁶], [Ивана, сын его³⁷]; Ивана Трекос³⁸, Никита [Трофимов³⁹]; Ивана [Ишукова⁴⁰] Боухарна⁴¹; князя Володимер [Курлятева⁴²], князя Федор [Сисеев⁴³], Григоря [Сидоров⁴⁴], Андрея [Шеин⁴⁵], [сына его⁴⁶] Григоря [и брата его⁴⁷] Алексея.

¹ МБ-3. ² СП, ПН; Коломенских сел Чюд. ³ Григорий Ловчиков НП-2; Григория Ловчиков ТС, ПН; наиболее точно это место передано в СБ Григорий Ловчиков отдал 20 человек. ⁴ Чюд, КБ, ПН, МБ-3, СП. ⁵ Чюд, КБ; в Угле в Губине СП; В Голубине углу ПН; Во Глубине Уму МБ-3; далее в СБ Малюта Скуратов отдал; в ПН Малюта Скуратов с товарищи отдал. ⁶ СБ, ПН, Чюд, КБ, МБ-3; девятнадцати человек СП, в МБ-3 далее дворник. ⁷ Чюд, КБ; Мизинов МБ-3. ⁸ ПН; Григория Ковтырев и сына его Бряха НП-2. ⁹ Бряха КБ, СП, НП-2; Бряха СБ. ¹⁰ Чюд, КБ; в ПН Никиты Кафтырева; текст явно испорчен, следует читать: Левонтия, Бряха Григорьевых Кафтырева. ¹¹ НП-2, МБ-3. ¹² СБ, СП, КБ; В Матфеищеве МБ-2; в Матфеевщине СП. ¹³ По руке сечено СБ; по руке сечены МБ-2, МБ-3; да 3 человеком руки сечены СП; Да у трех человек по руке отсечено ПН. ¹⁴ Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ¹⁵ НП-2, ПН, МБ-3, ТС. ¹⁶ ПН. ¹⁷ НП-2, КБ, ПН. ¹⁸ Чюд, КБ, МБ-3. ¹⁹ ПН; Баскаков Чюд, КБ; Баскак ТС. ²⁰ СБ, ПН. ²¹ Тетерина КБ, ТС; ²² Чюд, КБ, НП-2. ²³ НП-2; Василия, Ивана Тетериных МБ-3, Чюд, КБ. ²⁴ ПН, Чюд, КБ, ТС. ²⁵ Чюд, КБ; девяти человек детей Тундоровых Тетерина СП; да их 5 человек ПН; 5 человек МБ-2, МБ-3. ²⁶ НП-2, СП, МБ-3. ²⁷ НП-2, ТС, МБ-3; Ситьцкого Чюд, КБ; Сицкаго ПО. ²⁸ Чюд, КБ, ТС; Атанов МБ-3. ²⁹ ПН; Подъярков, Чюд, КБ. ³⁰ НП-2, ТС, СП, ПН, МБ-3. ³¹ ТС, ПН; Никиту Сабуров, Семиона Сабуров МБ-3; Сабувы КБ, Чюд. ³² ПН, МБ-3; Симеон Бачин НП-2; Симеона 2 СП. ³³ ПН; Хозя Чюд, КБ; Хозяина СП, МБ-2, МБ-3. ³⁴ СП, ПН. ³⁵ и с 5 сынов его Чюд, КБ. ³⁶ НП-2; Калычев МБ-3. ³⁷ МБ-3; Ивана 3 СП. ³⁸ СБ; Трусков Чюд; Трысов КБ. ³⁹ НП-2, МБ-3; Ивана и Никиты Трофимовых ПН. ⁴⁰ НП-2; Ишука ПН. ⁴¹ Бухаринов МБ-3. ⁴² НП-2, Чюд, КБ; Курлетев ПО; Коурлетев ТС; Куртелев МБ-3. ⁴³ Чюд, ТС, МБ-3; Сисеев КБ; Сисеев СП; Сисеев НП-2. ⁴⁴ ПН, ТС, МБ-3; Исидоров НП-2. ⁴⁵ НП-2, ПО, Чюд, ТС, КБ, МБ-3. ⁴⁶ НП-2, МБ-1. ⁴⁷ НП-2, МБ-1.

[В Ивановском Большом¹] отделано 17 человек, да оу 14 человек по роуки отсечено². [В Ивановском Меньшом³] отделано 13 человек [с Исаковскою женою Заборовского⁴ и с человеком⁵], да оу семи человек по роуки отделано⁶. [В городищи⁷ Чермневе⁸] отделано 3 человека, Тевриза⁹, [да племянника его¹⁰] Якова. [В Солославле¹¹ отделано 2 человека¹²].

[В Бежицком · Верху¹³] отделано [Ивановых людей¹⁴] 65 человек¹⁵ да у 12 по роуки отделано¹⁶.

Андрея да Григоря [Дятловы¹⁷], Семена [Олябьева¹⁸], Федора [Образцов¹⁹], Ивана Меншика²⁰ [Ларионов²¹, Ивана Ларионов²²], князя Семена [Засекина²³ Батышев²⁴], (л. 82) князя Ивана [князя Юрьева сына²⁵ Смелаго²⁶ Засекина²⁷], Петра [Шерелефединова²⁸], Павла племянник Ишуков²⁹, Елизаря [Шушерин³⁰], Федора [Услюмов³¹ Данилов³²], Дмитрея, Юрия³³ [Дементиевы³⁴], Василя [Захаров³⁵] з женою да 3 сыны, Василя [Федчищов³⁶], Ивана [Большово³⁷ Пелепелицын³⁸], Ивана Меншово *³⁹ [Григориевы дети Пелепелицына⁴⁰], Григория [Перепечина⁴¹], Андрея Боухарина⁴².

6.07. Отделано 369 человек отделано **— и всего
1568 г. отделано июля по 6-е число —**.

* НП-1 далее зачеркнуто Василя з женою.

** — ** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ СП, ПН, СБ, МБ-1; в Ивановом Большом КБ. ² Это место наиболее верно передано в СП: да 14 человек ручным усечением конец прияша. ³ СП, ПН, СБ. ⁴ СБ, ПН; Исаковы жены людей Заборовского 13 человек СП. ⁵ ПН. ⁶ Да седмь человек рук отсечением скончавшихся СП. ⁷ Чюд, КБ, СП, ПН; городке СБ. ⁸ СП, Чюд, КБ; Чермне СП. ⁹ То же СБ, Чюд, КБ; Тевриса СП. ¹⁰ СП. ¹¹ Чюд, КБ; Сославле СБ; Сослославле ПН; Суславле СП. ¹² ПН, СП, МБ-1; семнадцати человек КБ. ¹³ Чюд, КБ, СП, ПН. ¹⁴ СБ, ПН, СП, КБ. ¹⁵ СП, ПН, МБ-1; шездесят дву человек КБ. ¹⁶ да двенадесят человек скончавшихся ручным усечением СП. ¹⁷ НП-2, ПН, МБ-1; Дятлевы Чюд, КБ, ТС. ¹⁸ МБ-1; Обляев НП-2. ¹⁹ НП-2, Чюд, КБ, ПН, МБ-1, ТС. ²⁰ То же в СБ; Меньшово Чюд, КБ, ПН. ²¹ ТС, МБ-1; Иоанна 2 СП. ²² ТС, ПН, МБ-1; Иларионов НП-2. ²³ НП-2, ТС, МБ-1; Засик Чюд, КБ. ²⁴ КБ, МБ-1, ПО; Батышев Чюд. ²⁵ СП. ²⁶ СП; Смелога Чюд, КБ. ²⁷ НП-2, ПО, ПН, МБ-1. ²⁸ ПО, МБ-1; Шерелефединов ПН; Шерелефединов НП-2, Шерелефединовы ТС. ²⁹ Ишукова ПН; Павла Ишуково плем МБ-1; Ушаков МБ-3. ³⁰ ТС, НП-2; Шушарина МБ-1; Шушарин МБ-3. ³¹ НП-2, ТС; Услюмовых ПН. ³² МБ-1, ³³ СП. Чюд, КБ; Георгия МБ-1; Григория ПН. ³⁴ Чюд, КБ, ПН, ТС, МБ-3. ³⁵ ПН, МБ-1. ³⁶ НП-2, МБ-1; Федчищев ТС; Феотищева ПН. ³⁷ КБ. ³⁸ КБ, Чюд, СП, ТС; Пелепелицы МБ-3. ³⁹ Меньшой Чюд, КБ. ⁴⁰ МБ-1. ⁴¹ НП-2, МБ-1, СП. ⁴² То же в НП-2, МБ-1, ТС, ПН.

«Дело» Андрея [Зачесломской¹], Афонасия [Ржев-
И. П. Фе- ской²], Федора, Петра, Тимофея [Молчановы³
дорова Дементьевы⁴], Гордея [Ступишин⁵], Ивана [Из-
(список 2) майлов⁶], князя Федор [ова сына Сисеева⁷],
Ивана [Выродков⁸ и детей его⁹] Василия, На-
гая, Никитоу, [дочь его¹⁰] Марью, [внука¹¹] Алексея, да два
внука¹², да Иванова сестра Федора¹³, [Да Ивановых братьев
Ивана Выродкова¹⁴]: Дмитрея, Ивана*; (л. 82 об.) Ивана,
Петра [детей Дмитриевых¹⁵], Веригоу, Гаврила, Федора, да
[дву жен¹⁶]: дочь [его¹⁷] да внука¹⁸ [Выродковы же, 9 че-
ловек¹⁹].

. Ширяя [Тетерин²⁰ и сына его²¹] Василя; Ивана, Григоря
[Горяиновы²² Дементьевы²³], Василя [Колычов²⁴], Андрея,
Семена [Кочергины²⁵], Федора [Карпов²⁶], Федора²⁷ [Заболоц-
кой²⁸], Михаила [Шейн²⁹], князя Володимера, князя Андрея
[Гагарины³⁰], Афонасия, Молчана [Шерефединовы³¹], Ивана,
Захария [Глухово³²], Ивана [Товарыщов³³], Феткоу³⁴ [Берня-
динов³⁵], Михаила [Карпов³⁶], Федора, Василия** [Данило-
вы дети³⁷ Сотницкого³⁸], князь Данила*** [Чулкова³⁹ Ушато-
го⁴⁰], князя Ивана, [князя Андрея⁴¹ Дашковы⁴²], Григория,
Семена [Образцовы⁴³],

* НП-1 далее зачеркнуто да детей пять.

** НП-1 далее зачеркнуто князя Василя.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ НП-2, ПН, Чюд, КБ, МБ-1. ² Чюд, КБ Ржевитин МБ-1; Жерескова
НП. ³ Чюд, КБ, ПН. ⁴ МБ-1, НП-2. ⁵ НП-2, КБ, ПО; Ступышин Чюд.
⁶ Чюд, НП-2, ПН, МБ-1; Ивана, Ивана Измайловы КБ. ⁷ МБ-1; княж
Федора СБ. ⁸ ПН, МБ-2; Выротков НП-2, МБ-3. ⁹ ПН, СП; дети его
НП-2. ¹⁰ НП-2, СП. ¹¹ ПН. ¹² То же в ПН, МБ-2; дву человек Чюд, КБ;
внуку его Елену, да 2 внуки его СП. ¹³ Ивановой сестры Феодоры ПН;
сестра Ивана Федорова МБ-3; да жену Феодору КБ; сестра Ивана Фе-
дорова МБ-1. ¹⁴ ПН; да его братью СП. ¹⁵ СП. ¹⁶ КБ. ¹⁷ СП. ¹⁸ внуку
МБ-1. ¹⁹ НП-2. ²⁰ Чюд, КБ, ПН. ²¹ ПН; сын Тетерин КБ, Чюд. ²² КБ,
Чюд, ТС. ²³ НП-2, ПН, МБ-2; Дементиева ТС. ²⁴ НП-2, Чюд, КБ, СП,
МБ-1, ТС. ²⁵ НП-2, Чюд, МБ-1, ТС. Кочеригина КБ; Корчагиных ПН.
²⁶ НП-2, ТС, МБ-3; Картов МБ-1. ²⁷ То же СП, МБ-2, МБ-3; Федора
НП-2, ПН; Феодота КБ. ²⁸ НП-2, ПН, ПО, Чюд, КБ, ТС; Заболотской
МБ-1. ²⁹ НП-2, ПН, ПО, Чюд, КБ, МБ-1, ТС. ³⁰ НП-2, ПО, ТС, МБ-1;
Гагариновых ПН. ³¹ КБ, ПО; Шерефядиновых ПН; Афанасия Шерефеди-
нов МБ-1, ТС. ³² КБ, МБ-1; Глуховы Чюд, ТС; Глухов НП-2; Глухова
МБ-3. ³³ ТС, Чюд, МБ-1, КБ, ПН. ³⁴ Во всех других списках Федор.
³⁵ ТС, МБ-1; Бернядин, КБ; Бернятев ПН; Иван, Федор Товарищевы НП-2.
³⁶ ПН, ТС, МБ-1; Парвов НП-2. ³⁷ СП. ³⁸ ПО; Сотнецкого Чюд; Сот-
ницкий НП-2; Сотницкого КБ; Соротницкие МБ-1; Соуготницкие ТС;
Юготницких ПН. ³⁹ ПО; Чулков МБ-1, ТС; Чулюков НП-2. ⁴⁰ ПО, ПН,
ТС. ⁴¹ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ⁴² Чюд, КБ, МБ-1; князь Иван Дашков НП-2,
ПО, ПН; князя Ивана Дашков, князя Дмитрия Дашков, князя Андрея
Дашков ТС. ⁴³ Чюд, КБ, ПН, ТС, МБ-1; Образцов НП-2.

Афонася [Обрасцов¹], Молчана [Митнев²], князя Федора, князя Осип, [л. 83], князя Григория [Ивановы дети³ Хохолкова⁴ Ростовской⁵], Роудака [Бурцев⁶], Михаила [Обрасцов⁷, Рогатой⁸], Иосифа [Янов⁹], князя Александра [Ярославов¹⁰], Василия [Мухин¹¹], Петра [Малечкин¹²], Ивана [Большой¹³], Ивана [Меньшой¹⁴], Василя [Мунтов¹⁵ Татищевых¹⁶], князя Федора [Несвицкой¹⁷], Дмитрея [Сидоров¹⁸], Оутошь¹⁹ [Капустина²⁰], князя Андрея [Бабичев²¹], Каръпа [Языков²²], Матфея [Иванов²³ Глебов²⁴], Федора, Ивана [Дрожжины²⁵], Андрея, Григория [Кульневых²⁶], [Ивана²⁷], Третьяка, [Ивана], Григория [Ростопчины²⁸], Ивана [Измайловы²⁹], Семена, Ивана, [Федора³⁰, Елизара³¹, Ивана³², Каменьские³³].

Отделано: Ивана* [Петрович³⁴ Федоров³⁵,
11.09 на Москве отделаны³⁶] Михайла [Колычев³⁷], да
1568 г. три сыны его: Боулата, [Симеона³⁸], Миноу³⁹.
[По городом⁴⁰]: князь Андрей [Катырев⁴¹], князя
Федора [Троекуров⁴²], Михаила [Лыкова⁴³] с племян
[л. 83 об.]ником⁴⁴.

Ворошило⁴⁵ [Дементьев⁴⁶, да 26 человек ручным усече-
нием живот свой скончаша⁴⁷], Афонасия [Отяев⁴⁸], Третьяка
[Полугостев⁴⁹], Второй [диака⁵⁰ Буньков⁵¹], Григория [Пле-
щев⁵²], Тимофея [Кулешин⁵³].

* НП-1 далее зачеркнуто Федор.

¹ МБ-1. ² Чюд, КБ; Метнев ПН; Мокея Митнев ТС. ³ Чюд, КБ.
⁴ МБ-1; Хохолкова НП-2; Хохолковы ТС; Холхолкоковы Грирьянов Чюд,
КБ. ⁵ НП-2, МБ-1; Ростовского ТС. ⁶ ПН, КБ; Родион Боурцов ТС.
⁷ НП-2, ПН, КБ, МБ-1. ⁸ ТС. ⁹ НП-2, ТС, МБ-1; Яков ПН. ¹⁰ НП-2,
ТС МБ-1; Ярославской Чюд. КБ. ¹¹ ТС Чюд. КБ МБ-1; Мухиных ПН.
¹² ПН; Молечкин МБ-1; Малечков Чюд, КБ. ¹³ Чюд, КБ. ¹⁴ Чюд, КБ.
¹⁵ КБ; Василя Мунтова Чюд; Мунтовы ТС. ¹⁶ ПН; Татищовы МБ-1; Та-
тищева Чюд; Татищев КБ; Товарищев НП-2. ¹⁷ ТС, НП-2; Несвицкого ПН;
Несвицкого МБ-1. ¹⁸ ПН, МБ-1, ТС. ¹⁹ Утешя ПО; Оутеша Чюд, КБ. ²⁰ ПН,
ПО, Чюд, КБ. ²¹ НП-2, ПН, Чюд, КБ, ПО, ТС, МБ-1. ²² НП-2, МБ-1, ПН, СП,
Чюд, ТС, КБ. ²³ ПН, МБ-1. ²⁴ ТС. ²⁵ ПН, ТС, СП, МБ-1; Дрозжины Чюд, КБ.
²⁶ Чюд, КБ; Колневых ПН; Колнева СП; Колнев МБ-1. ²⁷ Ивана Росто-
пина и брата его Молчана ПН. ²⁸ МБ-1, КБ; Ивана, Григория Росто-
пины ТС; Ростопина СП, ПН; Гортопочины Чюд. ²⁹ Чюд; Измайлов КБ.
³⁰ Чюд, КБ, МБ-1, ПН. ³¹ ПН, МБ-1; Емельян Чюд, КБ; Илии СП.
³² Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ³³ МБ-1; Каменских ПН; Каменьского Чюд; Ка-
менско КБ. ³⁴ МБ-1. ³⁵ НП-2, ТС. ³⁶ ПН. ³⁷ НП-2, ТС, МБ-1, ПН. ³⁸ КБ,
Чюд. ³⁹ Миню Чюд, КБ, МБ-1; Миней ПН; далее в СП а третьему имя
бог весть. ⁴⁰ ПН, СП. ⁴¹ Чюд, КБ, МБ-1; Ковтырев НП-2; Кафтырев СП;
Каптырев ТС. ⁴² НП-2, МБ-1, КБ, СП. ⁴³ НП-2; Лысков ТС. ⁴⁴ То же
в Чюд, КБ, СП. ⁴⁵ Ворошила СБ, МБ-1, Чюд, КБ, СП; Ворошилы ПН.
⁴⁶ ПН, КБ, Чюд. ⁴⁷ Только в СП. ⁴⁸ ПН, ТС, СП; Отаев Чюд, КБ; Октаев
НП-2. ⁴⁹ ПН, Чюд, КБ. ⁵⁰ Чюд, КБ, ПН; дъяка Второго Бункова СП.
⁵¹ Чюд, КБ, СП, Буткова ПН. ⁵² НП-2, МБ-1, СП; Плещиев Чюд, КБ,
ТС. ⁵³ ПН, Чюд, КБ; Коулешин МБ-1, ТС.

После
января
1569 г. [В изборском деле¹ подъячих изборских²: подъячаго³ Семена [Андреев⁴ Рубцов⁵; Рубцов человек⁶ Оглоблю⁷]; Петра [Лазарев⁸]; [псковичей⁹]: Алексия [Шюбин¹⁰], Афирью¹¹ [Герасимов¹²].

Ивана [Лыков¹³], [казанского жильца¹⁴] Юрия [Селин¹⁵], Василия [Татьянин¹⁶], Григория [Рубцов¹⁷], Юрия [Незнанов¹⁸], Михаила [Дымов¹⁹, Михайлова человека²⁰ Воронова²¹] Коузьму [Кусов²²], Третьяка [Лукина, что был Черскаго²³].

Весна
— лето
1569 г. [На Вологде отделано²⁴: князя] Петра [Кропоткин²⁵], Третьяка [и человека его Тимофея²⁶ Кожара, Василия [повар²⁷], Федора [помясы²⁸], Неоупокая, Данило²⁹, Михаила* [плотники³⁰], [болахонец³¹] Ананя**.

[Нижегородцы из земского³²]: Ивана, Третьяка [Сидоровы³³], Данила [Айгустов³⁴], Ивана*** [Татьянин³⁵ переславлин³⁶].

«Дело»
Стариц-
ких (спи-
сок 2)
молодого [Благоверные княгини монахини Евфросинии³⁷ княж Володимеровы Андреевича матери³⁸] Евдокею [оуделная³⁹], да 2 человеки*— и с старицами⁴⁰, которые с нею были—*: (л. 84) [княж Владимирской постельницы, что была у князя приставлена⁴¹] Мария [Ельчина⁴²], [немки⁴³]

* НП-1 далее зачеркнуто Анофрия.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 далее зачеркнуто Татьяна.

* — * НП-1 написано на полях и с старицами, которые с нею были.

¹ ПН. ² СП. ³ ПН. ⁴ МБ-1. ⁵ ПН, ТС. ⁶ КБ; Оглоблю Рубцов Чюд; человек Лазарева ПН. ⁷ СБ, Чюд, КБ, СП; Оглобли ПН. ⁸ Чюд, КБ, МБ-1; Лазарева ПН. ⁹ ПН. ¹⁰ МБ-1; Шубников Чюд; Шубисков КБ. ¹¹ Еоуфимию Чюд, КБ; Ефимию МБ-1; Евфимии СП; Евфимия ПН. ¹² МБ-1. ¹³ ПН, Чюд, КБ, МБ-1. ¹⁴ ПН. ¹⁵ КБ, Чюд, МБ-1; Киселев. ¹⁶ Чюд, КБ, МБ-1. ¹⁷ КБ, МБ-1. ¹⁸ Чюд, КБ, МБ-1. ¹⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁰ СБ, ПН. ²¹ ПН. ²² Чюд, КБ; Косов МБ-1. ²³ ПН; Третьяка Черьскаго КБ, Чюд. ²⁴ ПН. ²⁵ ТС, ПН; Кропоткина МБ-1, Чюд; Кропоткины КБ. ²⁶ ПН. ²⁷ МБ-1; Володимерского попа ПН; возможно, следует читать Володимерского повара. ²⁸ ПН; комяс МБ-1; помяс МБ-3. ²⁹ То же МБ-1; Ждана КБ, ПН. ³⁰ МБ-1, ПН. ³¹ Чюд, КБ, ПН. ³² ПН; нижегородцы Чюд, КБ; нижегородцев СП; Данила, Михаила, Ананью, Ивана плотники им же город МБ-1. ³³ Чюд, КБ. ³⁴ Чюд, КБ, ПН. ³⁵ Чюд, КБ. ³⁶ МБ-3. ³⁷ СП. ³⁸ СП; Владимира Андреевича мати СП; Володимерова мати КБ, Чюд, ТС. ³⁹ МБ-1; оуделная, потоплены в Горах в Шексне реке повеле-нием царя Иванна, княгини иноки Евдокии, иноки Марии, иноки Алек-сандры приписано в начале списка КБ. ⁴⁰ да двенадцати человек и с ста-рицами КБ; да 12 человек со старицами, которые с нею были ПН; да с ними 12 душ и с старицами МБ-1; да с нею стариц, которые с нею были да двенадцати человек СП. ⁴¹ ПН. ⁴² КБ, Чюд. ⁴³ ПН, КБ, Чюд.

Анноу [Козина ¹], Анноу [тотарка ²], Катоуня [вдовы ³], Оулияноу [немка ⁴], Марфоу [Жюлебина ⁵], Акилиноу [Палицына ⁶]; Ивана [Ельчин ⁷] Петра [Качалкин ⁸], Ивана [Шунежской ⁹], Федора [Ерофеев ¹⁰ Неклюдов ¹¹], Корыпана [рыболов ¹²].

Федора [Петров ¹³ Афонасьев человек Нащекина ¹⁴], Максима, да его два человека: Бык да Олексей, Афонасиа... [дворник ¹⁵]; Четвертой, Дмитрея ¹⁶ [Ягина ¹⁷], Семена [Лосминской ¹⁸].

Новгородское
«дело»
(список
1)

[Новоторжцев ¹⁹]: Салмана [Глухово ²⁰], Роу-дака, Богдана, Меншой, Григория, Шарапа, Мисюра [Берновых ²¹], Осипа, Ивана [Глуховы ²²]. [По Малютине скаске новгородцов отделил тысящу четыреста девяносто человек ²³], ис пищали отделано 15 человек ²⁴. Новгородцев: Данила з женою и з детми сам четверг ²⁵, Ивана, (л. 84 об.) Стефана [Фуниковы ²⁶], Ивана [Бурово ²⁷ Чермазов ²⁸], Ивана [Великово ²⁹], Михайло, Ивана [Павлинов ³⁰], Михайлова жена ³¹ [Мазилова ³²], з двумя дочерми да з двумя сыны, [попова Филиппова сына Благовещенского ³³] Якова [Змиев ³⁴], Ивана [Извеков ³⁵].

Матфея * [Бухарин ³⁶] с сыном, [Алексея ³⁷ Саоуров ³⁸], Козмоу [человек его ³⁹], Романа [Назариева сына ⁴⁰ Дубровского ⁴¹], Федора [Безсонов ⁴²], Левонтия ** [Мусырской ⁴³], Сарыча *** ⁴⁴ [Савуров ⁴⁵], Матреноу [Потякова ⁴⁶], Молчана [Григорьев ⁴⁷ новгородец ⁴⁸ подъячей ⁴⁹], Андрея [Горитьской ⁵⁰ литвин ⁵¹].

* НП-1 далее зачеркнуто Бухарина.

** НП-1 далее зачеркнуто Семена.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ МБ-1, ПН. ² Чюд, КБ, ПН. ³ СП, ПН. ⁴ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵ Чюд, КБ, МБ-1; Жулебиной ПН. ⁶ КБ, МБ-1; Лямциной ПН. ⁷ ПН, МБ-1; Ельчинин КБ; Елчанин Чюд. ⁸ Чюд, КБ; Качалкин МБ-1; Качалкин ПН. ⁹ Чюд, КБ; Шунинской ПН. ¹⁰ МБ-1. ¹¹ ПН, Чюд, КБ. ¹² ПН, Чюд, КБ. ¹³ МБ-1. ¹⁴ ПН, ¹⁵ КБ, Чюд. ¹⁶ Никиту Чюд, КБ. ПН: Митю СП. ¹⁷ ПН. ¹⁸ ПН; Симеона новоторжец МБ-1. ¹⁹ СП, МБ-3; новоторжцы НП. ²⁰ Чюд, КБ; Глухова ПН. ²¹ ПН; Берневы Чюд, КБ; Григория Бернова МБ-1. ²² Чюд, КБ; Иосифа Глухов МБ-1; Иосифа Отпуляева ПН. ²³ СБ; да в ноугороцкой посылке Малюта отделил 1490 человек, да ноугородцев 15 человек МБ-1; в горотской посылке Молюта Скуратов отделил 1490 человек, да новгородцев же 15 человек МБ-3; по малютинские ноугороцкие посылки отделано 1490 человек ПО, СП; новгородцов 1505 человек КБ; новгородцы 1505 человек Чюд. ²⁴ да 15 человек ис пищалей отделано СБ. ²⁵ самого четверта СП. ²⁶ МБ-1. ²⁷ КБ; Бурого СП; Бурова Чюд. ²⁸ МБ-1. ²⁹ МБ-1. ³⁰ МБ-1. ³¹ Михайлову жену СБ. ³² Михайловы жены Мазилова СП. ³³ КБ, Чюд. ³⁴ КБ, Чюд. ³⁵ КБ, Чюд. ³⁶ Чюд, КБ, МБ-1. ³⁷ КБ, СП, МБ-1. ³⁸ Чюд, КБ, МБ-1. ³⁹ МБ-1. ⁴⁰ СП. ⁴¹ КБ, Чюд, СП; Дубровской МБ-1. ⁴² МБ-1, Безносов Чюд, КБ; Безнов МБ-3. ⁴³ Чюд, КБ; Льва Мусорсково МБ-1; Лва Муромсково МБ-3. ⁴⁴ Сарыча КБ; Исарыча МБ-1. ⁴⁵ МБ-1; Саоуров КБ, Чюд. ⁴⁶ КБ, Чюд, МБ-1. ⁴⁷ МБ-1. ⁴⁸ КБ, Чюд. ⁴⁹ КБ; Чюд; подъячего СП. ⁵⁰ Чюд, КБ; Горецкой МБ-1. ⁵¹ Чюд, КБ.

Василия [Дмитриевича¹ Данилов²], Андрея «Дело» боя- [Безсонов³ дьякон⁴], [Васильевых людей Дмитрина В. Д. риевых⁵ два немчина⁶] Максима летвин*⁷, Данилова Роп немчин**⁸. [Козьминых людей Румянцова⁹] Третьяка, Третьяка¹⁰, Михайла [Романов¹¹], Третьяка [Малечков¹², племянник Румянцов¹³], Третьяк [лях¹⁴, да новгородцов: архиепископля сына боярского¹⁵] Третьяка*** [Пешкова]¹⁶, Шишку****¹⁷ [Чертовской¹⁸], Василия [Сысоев¹⁹], Никитоу [Чертовской²⁰], Андрея [Паюсов²¹], Ивана, Прокофя, Меншово, Ивана [Паюсовых²²], (л. 85) [дияк²³] Юрия [Сидоров²⁴], Василия [Хвостов²⁵], Ивана [Сысоев²⁶ княж Владимиров сын боярский²⁷], Егоря²⁸ [Бортенев²⁹], Алексея [Неелов³⁰], [дьяк³¹] Иона [Юрьев³²], Стефана [Оплечюев³³], Семена* [Паюсов³⁴], Григория, Алферия [Безсоновы³⁵], князя Бориса [Глебов³⁶ Засекин³⁷], Андрея [Мусырской³⁸], Бориса [Лаптев³⁹], Роусина** [Перфурова⁴⁰], Дениса, Меньшика [Кондовуровых⁴¹], Андрея [Воронов⁴²], Постника⁴³, Третьяка, Матфея, Соурянина [Иванов⁴⁴], Григоря [Паюсовых⁴⁵], Постника [Сысоев⁴⁶], [владыки Тверского⁴⁷ подключник⁴⁸] Богдана*** [Иванов⁴⁹], Федора [Марьин⁵⁰], Тоутыша [Палицын⁵¹], Михайла [Бровцын⁵²], Григория [Цыплетев⁵³], Рудакова брата Пятого [Перфирьев⁵⁴], Меншово, Андрея [Оникиевы⁵⁵].

* НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано над строкой другим почерком.

**** НП-1 написано на полях другим почерком.

* НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 далее зачеркнуто Шишкоу.

*** НП-1 далее зачеркнуто Богдана.

¹ МБ-1. ² Чюд, КБ, ТС. ³ Чюд, КБ; Безносов МБ-1. ⁴ СП. ⁵ СП. ⁶ МБ-1. ⁷ литвин Чюд, КБ, СП; Максима немчин МБ-1. ⁸ Роп немчин Чюд, КБ; немчина Роба СП; Ропы СБ. ⁹ СП; люди Румянцовы КБ, Чюд, МБ-1. МБ-3. ¹⁰ двух Третьяков СП; Третьяка дважды КБ; два Третьяка МБ-1. ¹¹ КБ, МБ-1. ¹² КБ. ¹³ МБ-1; да племянника Козмина Третьяка ж СП. ¹⁴ Третьяк лях, Тренька лях МБ-1. ¹⁵ СП. ¹⁶ СП, МБ-1. ¹⁷ Шишку КБ, СП, МБ-3. ¹⁸ Чюд, КБ; Чертовского МБ-1; Чертовский МБ-3. ¹⁹ МБ-1, Чюд; Сисоев КБ. ²⁰ Чюд, КБ; Сортовской МБ-1. ²¹ Чюд, КБ, МБ-1. ²² КБ, Чюд; Ивана Паюсов МБ-1. ²³ КБ, СБ, Чюд, ТС; дьяка СП. ²⁴ Чюд, КБ, МБ-1, ТС. ²⁵ Чюд, МБ-1. ²⁶ МБ-1, Чюд, КБ. ²⁷ СБ; Ивана князя Владимира ТС. ²⁸ Григория МБ-1, Чюд, СБ, КБ. ²⁹ Чюд, КБ; Бартенев МБ-2, МБ-3. ³⁰ Чюд, КБ, МБ-1. ³¹ ТС. ³² Чюд, КБ, МБ-1. ³³ Чюд, КБ, МБ-1; Аплечуев МБ-3. ³⁴ КБ, МБ-1. ³⁵ Чюд, КБ; Григория Безсонов, Елеоуферия Безсонов МБ-1; Безсонова НП. ³⁶ Чюд, КБ. ³⁷ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, ТС. ³⁸ Чюд, МБ-1, ТС. ³⁹ ТС, Чюд, МБ-1; Лаптевых ПН; Лаптева Русина КБ. ⁴⁰ МБ-1, МБ-3. ⁴¹ ПН; Кондаоуровы КБ; Деонисея Кондиаров, Меньшика Кондоуров МБ-1. ⁴² Чюд, КБ, МБ-1; Ворон ТС. ⁴³ Постника Иванов человек Паюсова МБ-3. ⁴⁴ МБ-1. ⁴⁵ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ⁴⁶ КБ, МБ-1. ⁴⁷ ПН. ⁴⁸ МБ-1. ⁴⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵⁰ МБ-1; Марина ПН; Марсин КБ. ⁵¹ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ⁵² Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ⁵³ Чюд, КБ, СП, ТС, ПН; Цыплетев МБ-1. ⁵⁴ КБ, МБ-1; Изборска городского прикащика брата ПН. ⁵⁵ Чюд, КБ, МБ-1; Никиева ПН.

Около 1568—1569 гг. [Ивановы люди Петровича¹]: Смирново, Обо-тоура, Ивана, Ла (л. 85 об.) риона, Богдана, Петра, Вавила [Нагины² новгородца³]. [Из Сормы с Москвы]⁴ Бажин, старца Денеся⁵ [с Михайлова города⁶], [старца⁷] Илинарха. Тимофея, Герасима [Нащекиных⁸], Еремея [подъячего⁹ Дервин¹⁰].

«Дело» В. А. Старицкого Молява [повара¹¹], Ярыша [Молявин¹²], Константина [царевичева огородника¹³], Ивана [Молявин¹⁴], брат ево¹⁵, Левонтия [Молявин¹⁶], Третьяка [Ягин¹⁷], Игнатя [Ягин¹⁸ конюх¹⁹], Семена [Лосминской²⁰], Антона [Связев²¹ подъячей²²], Ларивона Ярыга²³ [и сына его²⁴] Неустроя [Бурков²⁵ — пушкар²⁶], [с Коломны²⁷] Еж * [рыболов²⁸], Русина [Шиловцов²⁹ ярославца³⁰], Федора [Соломонов³¹ рыболов³²], Василя [Воронцов³³ товарищи³⁴], Володимера [Щекина³⁵ сытника³⁶], Семена [человек Грязной³⁷], Мария [Былова³⁸, да сына ее³⁹], Левонтия [Левошин⁴⁰].

9.10. 1569 г. [На Богане⁴¹ благоверного⁴²] князя Володимера [Андреевич⁴³] со княгиною да з дочерью, [дьяка⁴⁴] Якова [Захаров⁴⁵], Ва (л. 86) сила [Чиркин⁴⁶], Анноу, Ширяя [Селезневых⁴⁷], Дмитрея [Елсуфьев⁴⁸], Богдана [Заболоцкого⁴⁹], Стефана [Бутурлин⁵⁰].

[Нижегородцы⁵¹]: Осея⁵² [Иванов⁵³], Степана [Бурнаков⁵⁴], Ивана [Дуплев⁵⁵], Иона [Кашира⁵⁶]. [Из Китая города⁵⁷]: Василя [Воскресенской поп⁵⁸, священноерея⁵⁹] Григория, [от Петра и Вериг⁶⁰ попа⁶¹] Козмоу, [ведун баба⁶²

* НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ МБ-2; Ивановских людей Петрова ПН; Ивановы люди Петровича МБ-1; люди Ивановские Петрова Чюд, КБ. ² Чюд; Нагина КБ, МБ-1. ³ ПН. ⁴ ПН. ⁵ Дионисия старца СП; Михайлова Деонисия Афонасьев МБ-3. ⁶ ПН. ⁷ ПН; инока Илинарха КБ, МБ-1. ⁸ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ⁹ ПН, МБ-3. ¹⁰ Чюд; Дерь КБ. ¹¹ ПН, Чюд, КБ, МБ-3. ¹² Чюд, КБ, МБ-3. ¹³ ПН; огородник Чюд, КБ, МБ-3. ¹⁴ ПН, КБ, Чюд. ¹⁵ МБ-3. ¹⁶ КБ, Чюд. ¹⁷ МБ-3. ¹⁸ Чюд, КБ; Ягиных ПН. ¹⁹ МБ-3. ²⁰ Чюд, КБ; Лозминского ПН; Семиона подсночник МБ-3. ²¹ Чюд, КБ, ПН. ²² МБ-3. ²³ То же в МБ-3; Ярыги ПН; Яргин КБ; Яркин Чюд. ²⁴ ПН; Ярыгоу с сыном МБ-1; с сыном СП; сын Яругин МБ-3. ²⁵ КБ; Борков Чюд. ²⁶ МБ-3. ²⁷ ПН. ²⁸ КБ. Чюд, ПН. ²⁹ КБ, Чюд. ³⁰ ПН, МБ-3. ³¹ КБ, Чюд. ³² МБ-3, ³³ Чюд. КБ. ³⁴ МБ-3. ³⁵ Чюд, КБ; Щепина ПН. ³⁶ ПН, МБ-3. ³⁷ КБ. ³⁸ Чюд, ПН; Балова КБ. ³⁹ СП, ПН, МБ-3. ⁴⁰ Чюд, КБ; Алешина ПН. ⁴¹ КБ, ⁴² СП. ⁴³ МБ-3, СП. ⁴⁴ ПН, МБ-3. ⁴⁵ ПН; Захаев КБ, Чюд. ⁴⁶ МБ-3; Чирикин Чюд; КБ; Теркина ПН. ⁴⁷ ПН, Чюд, КБ, МБ-3. ⁴⁸ Чюд, КБ, ПН. ⁴⁹ Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ⁵⁰ ПН, КБ, Чюд, МБ-3. ⁵¹ ПН. ⁵² Иосия КБ, СП; Осип ПН; Алексея МБ-3. ⁵³ МБ-3. ⁵⁴ Чюд, КБ; Бурняков МБ-3. ⁵⁵ Чюд, КБ, МБ-3. ⁵⁶ МБ-3. ⁵⁷ ПН. ⁵⁸ Чюд, КБ; Воскресенского попа ПН; Василя иерея, Григория Воскресенской МБ-3. ⁵⁹ Чюд, КБ, СП. ⁶⁰ ПН; Петра и Вериге КБ. ⁶¹ ПН; Козму поп МБ-3; священноерея Козмы КБ; священноерея Космы СП; ⁶² КБ; ведонии бабы ПН.

волхову¹] Мария, Василия [Неелов²], Варлама Савина³ [москвитин⁴], Юрия [Новокрещенов⁵], Ивана [Вешняков⁶ подъякшник⁷], Семена [Чебуков⁸], Семена [Оплечюев⁹], Фторово¹⁰ [Федоров¹¹ Аникиев¹²], Иона [Боборыкин¹³], Андрея [Котов¹⁴], Третьяка, Андрея [Колычов¹⁵], Василия [Карпов¹⁶ подъячей¹⁷], Василия [Кошуркин¹⁸], Иона [Оушаков¹⁹ староста²⁰], Горяина²¹ [Пьямов²² ямского дьячка²³], Третьяка [Бакин²⁴], Андреян [Шепетева²⁵, сын ево²⁶] Иона.

[В Богороцком²⁷ земский охотник²⁸] Семена [Ширяев²⁹] [да³⁰] псарей 16 человек³¹. [А земских³² в селе³³] в Братошине³⁴ псарей 20 человек; [в селе в Озерецком³⁵] Левонтиевых [людей Куркина³⁶] два человека.

Новгородский поход На (л. 86 об.) на заказе [от Москвы³⁷] 6 человек. [В Клине³⁸] Иона [каменщик³⁹].

(список 2). Пскович з женами и з детми *— на Медне —*⁴⁰

Декабрь 190 человек. [В Торжку⁴¹ сожен⁴²] Невзора [Лягин⁴³ серебряник⁴⁴] Оуляна⁴⁵ [серебряник⁴⁶],

1569 г. — Григория, Иона⁴⁷ [Тещин⁴⁸ сытник⁴⁹], пскович⁵⁰

— январь з женами и з детми 30 человек⁵¹.

1570 г. [Бежецкий пятины⁵²]: Игнатя [Неклюдов⁵³

Юренев⁵⁴], Михаила [Васаев⁵⁵], Кирея [Новосильцов⁵⁶], Ждана [Нелединской⁵⁷].

Федора Сырково⁵⁸, Алексиа [Сырков⁵⁹] з женою и с дочерью⁶⁰, [Варвара⁶¹] Третьякова жена [Пешкова⁶²] з двумя сыны, [дьяка⁶³] Иона [Матвеев⁶⁴] з женою и снохою, Матфея

* — * *НП-1* написано на полях другим почерком.

¹ МБ-3. ² Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ³ Савин Чюд; Савив КБ. ⁴ ПН; Москвин МБ-3. ⁵ Чюд; новокрещеной КБ. ⁶ Чюд, КБ. ⁷ МБ-3. ⁸ ПН, Чюд, КБ; Чебыков МБ-3. ⁹ МБ-2; Оплечьева ПН; Оплечуев КБ; Оплечеев МБ-3. ¹⁰ Второво ПН, КБ, СП, МБ-3. ¹¹ Чюд, КБ. ¹² МБ-3. ¹³ Чюд, КБ, МБ-2; Бабарыкин МБ-3. ¹⁴ Чюд, КБ, МБ-3; Котош МБ-2. ¹⁵ Чюд, КБ. ¹⁶ Чюд, КБ. ¹⁷ МБ-2. ¹⁸ ПН; Кошурин МБ-2; Коширьников КБ; Кушарин МБ-3. ¹⁹ Чюд, КБ. ²⁰ МБ-2. ²¹ То же в КБ, МБ-3, ПО; Григория ПН, МБ-2. ²² МБ-2. ²³ ПН; Горяина дьячек МБ-3. ²⁴ Чюд, КБ, ПН; Баскин МБ-3. ²⁵ ПН; Андрея, Василия Щепотовы Чюд, КБ; Щепетов МБ-2, Щепотев МБ-3; Андриана Щенятева СП. ²⁶ МБ-2, СП. ²⁷ ПН; Богороцкого села СП. ²⁸ ПН; охотник МБ-2. ²⁹ ПН. ³⁰ ПН. ³¹ То же в КБ, СП, ПН, МБ-3. ³² МБ-3. ³³ ПН. ³⁴ То же в СП, ПН; Браташине ПО. ³⁵ ПН, СП. ³⁶ ПН; людей Курмина СП; человек Куракина МБ-3. ³⁷ На заказе от Москвы 6 человек ПН, СП, МБ-3. ³⁸ ПН, СП. ³⁹ СП, МБ-3; каменщиков ПН. ⁴⁰ на Медни МБ-3, СП; на Медедни КБ; на Медве ПН. ⁴¹ ПН. ⁴² ПН; сожженных СП. ⁴³ ПН; Лязвин СП. ⁴⁴ МБ-3. ⁴⁵ Оулана МБ-2, КБ; Улана ПН; Илариона СП. ⁴⁶ Чюд, КБ. ⁴⁷ Ивана ПН, Чюд, КБ, СП. ⁴⁸ Чюд, КБ. ⁴⁹ МБ-1. ⁵⁰ То же в Чюд, КБ, СП, МБ-2; в Пскове ПН. ⁵¹ То же в Чюд, КБ, СП, МБ-2, ПН. ⁵² ПН. ⁵³ КБ, Чюд. ⁵⁴ ПН, МБ-2. ⁵⁵ КБ; Васи́лиев МБ-2. ⁵⁶ Чюд, КБ; Невера Новосилцов МБ-2. ⁵⁷ МБ-2, Чюд, КБ; Нелединского ПН. ⁵⁸ Сырков Чюд, КБ, ПО, ПН; Сырцов МБ-2. ⁵⁹ КБ, ПО, ПН; в ПН, Чюд, КБ, ПО Алексиа стоит перед Второво з женою. ⁶⁰ ПО, СП; Алексея Сыркова ПН, КБ; в МБ-3 отдельно Алексею жену Сыркова. ⁶¹ СП. ⁶² Чюд, КБ, ПН, МБ-3; Пешковы жены Третьяковы СП. ⁶³ СП. ⁶⁴ МБ-1, МБ-2.

[Харламов¹] з женою и з дочерью, Семена [Козавицын²] з женою, Второго з женою.

Ивана [Плещиев³], Григорья [Волынсково⁴], (л. 87) Алексея [Неклюдов⁵] з женою, Иона [Жаденской⁶] з женою, Хотена з женою, Петра [Запоров⁷] з женою да с сыном, Романа [Амосов⁸] з женою и сестрою и с тещею, Меншево [Кротково⁹] з женою, Давида [Оплечюев¹⁰], Китая [Шамшев¹¹], Петра [Оплечюев¹²] Никити, Тимофея [Котовы¹³], Терентия [Ивонин¹⁴], Петра, [Андрея Котовы¹⁵], Постника [Кувшинов¹⁶], Петра [Блеклои¹⁷] з женою, да снохою, да со вноуком, Пиная [Потяков¹⁸] з женою да с сыном, Иона [Кострикин¹⁹] з женою да с сыном да с дочерью, Шемяка *, Ошира²⁰ [Кузьмин²¹], Никона [Ощерин²² Болховские²³], Матфея ** [Федотов²⁴], Бажена ***²⁵ [Иванов²⁶] ****-з женою да с сыном да з дочерью -****, Сурянина *****²⁷ [Иванов²⁸], (л. 87 об.) Иона [Пасынка²⁹], Федора [Жаденской³⁰], Илию [Плещеев³¹], Иона [Исакова³²], з женою з 2-мя дочерми, Андрея [Шишкин³³] з женою, Остафя [Мухин³⁴] с женою, Фоуника [Яковлев³⁵] з женою, Федора [Пивов³⁶] з женою, Кирилоу [Голочелов³⁷] з женою, Исака [Басенкова³⁸] с женою, Дмитрея [Слозин³⁹], Иона [Мелницкой⁴⁰], Пелагия [Курдюкову⁴¹].

* НП-1 вторично написано на полях другим почерком.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

**** - **** НП-1 написано внизу страницы другим почерком.

***** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ Чюд, КБ. ² Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ³ Чюд, КБ, ПО; Плещеева ПН. ⁴ МБ-1, МБ-2, ПО; Волыньской ТС. ⁵ Чюд, КБ; Неилодова МБ-1, МБ-2. ⁶ КБ, Чюд; Жаденсково МБ-1, МБ-2. ⁷ Чюд, МБ-1, МБ-2; Запорок КБ. ⁸ ПО, МБ-1, МБ-2; Омосов КБ, Чюд. ⁹ КБ; Кроткова ПО; Кроткой МБ-1, Кротков Чюд. ¹⁰ Чюд, КБ; Оплечиева ПО; Оключюевы МБ-1. ¹¹ ПО; Шамшов МБ-1; Камышев КБ, Чюд. ¹² Чюд, КБ; Оключюевы МБ-1. ¹³ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Андрея, Никиту, Тимофея, Петра Котовы КБ; Петра 2, Никиты, Тимофея, Терентия, Андрея Постника СП; Никиты, Тимофея, Терентия, Постника ПН; Никиту Тимофея, Петра, Андрея, Терентия МБ-1, МБ-2. ¹⁴ МБ-1, МБ-2. ¹⁵ МБ-1, МБ-2, КБ. ¹⁶ МБ-1. ¹⁷ Чюд, КБ; Блеклово МБ-1, МБ-2; Блоклого ПО. ¹⁸ Чюд, КБ; Патякова ПО; Поняков МБ-1. ¹⁹ Чюд, КБ; Костромитин МБ-1, МБ-2. ²⁰ Ощеру Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1. ²¹ МБ-1. ²² МБ-1. ²³ Чюд, КБ; Шемяка Болхов МБ-1. ²⁴ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁵ То же в ПО; МБ-1. ²⁶ МБ-1. ²⁷ В Чюд, КБ, ПО, ПН имя Сурянина стоит ранее имен Шемяка, Ошира [Кузьмин], Никон [Ощерин Болховские]; в МБ-3 Сурянина, Шемяка Болховы. ²⁸ МБ-1, ПН. ²⁹ Чюд, КБ; Ивана Костянтин МБ-1, МБ-2. ³⁰ Чюд, КБ; Жаденской МБ-1, МБ-2. ³¹ МБ-1, МБ-2; Плещиев КБ, Чюд. ³² Чюд, КБ, ПО, МБ-1, МБ-2. ³³ Чюд, КБ, ПО, МБ-1, МБ-2. ³⁴ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ³⁵ ПО, МБ-1. ³⁶ ПО; Павлов МБ-1, МБ-2. ³⁷ КБ, ПО; Голочолов МБ-1; Солачелов Чюд. ³⁸ Чюд, КБ, ПО; Басенской МБ-1, МБ-2. ³⁹ МБ-1, МБ-2; Еньгозин КБ, Чюд. ⁴⁰ МБ-1, МБ-2; Мелникской КБ; Мелнической Чюд. ⁴¹ МБ-1, МБ-2; Кокорюкова КБ, Чюд.

Александра инок [протопоп Амос¹], Якова [Старой²], Григорья [Бестужева³], Семена, Никитоу, Федора [Палицыны⁴], Соубота [Резанцова⁵] з женою да з 2-мя дочерми, Василия [Веселой⁶] с женою, Иона [Карпов⁷] з женою, Пятово [Палицын⁸].

Родивона [серебренник⁹], (л. 88) Обидоу [Нестеров¹⁰], Дмитрея [Ямской¹¹]. [Подъячих новгородских¹²]: Федора [Маслов¹³] с женою, [дети его¹⁴]: Дмитрея*, [дочери его¹⁵] Ириноу; Ивана [Лукина¹⁶] з женою [да их детей¹⁷]: Стефана**, Анну***¹⁸, Катериноу; Кирилоу [Ондрейнов¹⁹] з женою и з детми, [детей его²⁰]: Василя, Марфу; Харитон [Игнатъев²¹] з женою [и дщери его²²] Стефаниды; Петеля [Резанцов²³] з женою, да сын*; Карпа** (л. 88 об.) Селянина [Шахов²⁴] з женою и детей его: Петра [Шахов²⁵] и Пелагею; Глеба [Ершов²⁶ Климов²⁷] з женою [и дочь их²⁸] Матреноу; Федора [Борода²⁹] з женою; Иона [Ворыпаев³⁰] з женою; Григория [Палицын³¹] з женою; Семена [Иванова³²] з женою, [дети их³³]: Федора, Данило; Алексеа з женою, Василиа [Зворыкин³⁴] з женою, Василия [Орехов³⁵], Аньдрея [Савоуров³⁶] з женью, [сына его³⁷] Лазаря; Болобока³⁸ [Игнатев³⁹] з женою, Неждана [Оботуров⁴⁰] з женою, Богдана [Игнатъев⁴¹] з женою, Алексея [Соунятев⁴²] з женою и [дочь их⁴³] (л. 89) Марью; Григорья [Павлов⁴⁴], Федора [Ждановы⁴⁵] з женою и з детми:

* НП-1 далее зачеркнуто Дмитрея.

** НП-1 далее зачеркнуто Якова.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

* Приписка в тексте НП-1.

** Далее в НП-1 вторично списана страница от Иона, княгиня Евдокия да 2 человеки и до Максима.

¹ Чюд, КБ; Протопопов МБ-1, МБ-2. ² МБ-1, МБ-2. ³ МБ-1; Бестужев МБ-3. ⁴ МБ-1, МБ-2, ТС ⁵ ПО, МБ-1, Рязонцова ПН. ⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁷ Чюд, КБ, МБ-1. ⁸ Чюд, КБ, МБ-1. ⁹ КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ¹⁰ Чюд, КБ, МБ-1. ¹¹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; ямского СП; ямсково МБ-3. ¹² СП, СБ; новгородцы подъячей КБ; новгородцы почей Чюд. ¹³ ПО, МБ-1, МБ-2. ¹⁴ Чюд, КБ; и детей их МБ-1, МБ-2. ¹⁵ ПН. ¹⁶ СП, МБ-1, МБ-2. ¹⁷ СП; дети его Чюд, КБ; дети их МБ-1, МБ-2. ¹⁸ То же в СБ; Ананию КБ, СП; Ануфрея МБ-1, МБ-2; Андрея МБ-3; Георгия ПН. ¹⁹ МБ-1, МБ-2, МБ-3; Андреев КБ, Чюд. ²⁰ СП, СБ, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²¹ КБ, Чюд, МБ-1, МБ-2. ²² СП; дочь Стефаниду МБ-1, МБ-2. ²³ МБ-1, МБ-2; Резанцов Чюд, КБ. ²⁴ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ²⁵ МБ-1, МБ-2; с сыном Петром и дочери Пелагией ПН. ²⁶ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ²⁷ МБ-1, МБ-2. ²⁸ СП, ПН; с дочкыма МБ-1, МБ-2. ²⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ³⁰ Чюд, КБ, МБ-1. ³¹ Чюд, КБ, МБ-1. ³² МБ-1; Семиона, Ивана МБ-3. ³³ МБ-1, СП, КБ; и с сыновьями ПН. ³⁴ Чюд, КБ. ³⁵ МБ-1. ³⁶ МБ-1; Савуровы КБ; Суворовы Чюд. ³⁷ КБ, Чюд, СП, ПН, МБ-1. ³⁸ Болобана Чюд, КБ, СП, ПН; Лобана МБ-1. ³⁹ МБ-1. ⁴⁰ МБ-1; Бутурлин КБ. ⁴¹ Чюд, КБ, МБ-1. ⁴² МБ-1. ⁴³ МБ-1, СП, ПН. ⁴⁴ Чюд, КБ, МБ-1. ⁴⁵ Чюд, КБ; Жданов МБ-1.

*— с сыном да з 2-мя дочерми —*¹, Григорья [Степанов²] з женою, Алексея [Артемьев³ Сутянилов⁴] з женою и з дочерью, [Алексея Дыдылнин⁵], Лоукоу [Шатерин⁶] з женью да с сыном, Истомоу [Кузьмин⁷] з женою и з детми: сыном да з дочерью⁸.

[Новгородские подьячие неже...⁹] Алексиа¹⁰, Безсона [Афонасьев¹¹], Соухана [Григорьев¹²], Семеона [Ежев¹³], Смирново [Нестеров¹⁴], Боудило [Никитин¹⁵], Богдана [Воронин¹⁶], Мижуя** [Крюков¹⁷], Якова [Иванова¹⁸], Илью [Селин¹⁹], Ждана [Игнатъев²⁰], Василея [Леонтьев²¹], Федора [Братской²²], Тимофея [Лисин²³].

Пимина инок [Нередицкого монастыря²⁴].

[Новгородские разсылщики²⁵]: Никифора [Палицын²⁶] з женою и з детми**— и з 2-мя сыны—**, Семена [Платюшкин²⁷] з женью и з детми,***— с тремя дочерьми—***, (л. 89 об.) Андрея [Выповской²⁸], Иона [Ширяев²⁹] з женою и з детми: [два сыны³⁰]; Андрея [Юренев³¹], [Чижа подьячей³²] з женою и з детми: [с сыном и с дочерью³³]; Иона [Едигиев³⁴].

[Иноку³⁵] Евдокею [Горбуша³⁶], Андрея [Тороканов³⁷], Суморока [Елгозин³⁸], Охлопок, Нечая [люди Куликовы³⁹], Якова [Усов⁴⁰] з женою и з детми: [з дочерью и с сыном⁴¹]; Гурья⁴² [Бутурлин⁴³], Исупа [Колзоков⁴⁴], Иона [Мячков⁴⁵], Истомоу [Лукошков⁴⁶], Микифора [Холщевник⁴⁷ с женою⁴⁸] и с детми: [с сыном и с дочерью⁴⁹]; Якова [Кудрявцев⁵⁰] з женою и з детми: [з двема сыны⁵¹ — чадь их⁵²]; Артемья [Есипов⁵³] з женою и з детми: [сыном и с 2 дочерми⁵⁴];

* — * НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 написано над строкой, ниже зачеркнуто Максима.

** — ** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** — *** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ То же в Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ² МБ-1. ³ МБ-1. ⁴ КБ; Сутянелов Чюд. ⁵ МБ-1; Алексия Дыдилнин КБ; Алексея Дыдилкин Чюд. ⁶ МБ-1; Терниковы КБ, Чюд. ⁷ МБ-1. ⁸ То же в ПН, МБ-1, КБ, Чюд. ⁹ Чюд, КБ; новгородские подьячие женатые ПН; видимо, следует читать новгородские подьячие неженатые. ¹⁰ Может быть, Алексея Иванов МБ-3. ¹¹ МБ-1. ¹² МБ-1. ¹³ МБ-1. ¹⁴ МБ-1. ¹⁵ МБ-1. ¹⁶ МБ-1; Бородин КБ, Чюд. ¹⁷ Чюд, КБ, МБ-1. ¹⁸ МБ-1; может быть, Яков конюх МБ-3. ¹⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁰ МБ-3. ²¹ МБ-1. ²² МБ-1; Братской Чюд, КБ. ²³ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-3. ²⁴ ПН; Нередицкого монастыря Чюд; Нероцкого монастыря КБ; Нелединской МБ-1. ²⁵ ПН. ²⁶ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁷ МБ-1. ²⁸ МБ-1; Пывовские КБ, Пывовской Чюд. ²⁹ КБ, Чюд, МБ-1. ³⁰ КБ, ПН, МБ-1. ³¹ МБ-1. ³² МБ-1, ПН; Чижа Чюд. КБ. ³³ ПН, МБ-1. ³⁴ Чюд, КБ; Елисеев МБ-1, МБ-2. ³⁵ Чюд, КБ, ПН, МБ-1; старицы СП. ³⁶ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ³⁷ Чюд, КБ, ПО, ПН, МБ-1. ³⁸ МБ-1. ³⁹ МБ-1. ⁴⁰ МБ-1; Оусов Чюд. ⁴¹ КБ, ПН, МБ-1. ⁴² То же СП, ТС; Григория Чюд, КБ, ПН; Сурьянин МБ-1. ⁴³ Чюд, КБ; Сурьянина Бутурлина МБ-1. ⁴⁴ МБ-1; Колзаков МБ-3. ⁴⁵ Чюд, МБ-1; Мятков КБ. ⁴⁶ МБ-1. ⁴⁷ Чюд, КБ, МБ-1. ⁴⁸ Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1. ⁴⁹ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ⁵⁰ КБ; Кудрявцов МБ-1, Чюд. ⁵¹ Чюд, КБ, ПН. ⁵² СП. ⁵³ МБ-1. ⁵⁴ Чюд, КБ, МБ-1.

Семена [Кроткой¹] з женою и з детми: [с сыном и з дочерью²]; Прокофя [Огалин³], Шестака⁴ [Окунев⁵], Якима [Климов⁶], Иона [Палицын⁷] з женою [л. 90] и з 2-мя сыны; князя Андрея [Бычков⁸ Ростовской⁹] с материю, з женою, и з детми: *—сын да доч—*; Пятово [Семенов¹⁰], Никитоу [Никитин¹¹], Гаврила * [охотник¹²], Игнатиа [Скомантов¹³], Якова [Шалимов¹⁴], Неклюда [Палицын¹⁵], Варфоломея [Корелянин¹⁶], Никифора [староста¹⁷], Ятцкой [Дедяев¹⁸], Алексиа [полоченин¹⁹], Алексиа [портной мастер²⁰], Микоулоу [ездок²¹], Иона [Опалевы²²], Левонтия [Бутурлин²³], Ярой²⁴ [Тихонов²⁵], Василиа [Крюкова²⁶], Иона [Кутузов²⁷], Афонася [Бабкин²⁸], Немира [Опалев²⁹], Тимофея, Ратмана [Палицыны³⁰], Иона [подъячей³¹], Семена, Меншика [Шалимовы³²].

[Локоцкого погосту³³ старосты]: Данилоу [староста³⁴], Дмитрея [Мякину Третьякова человека Шаблыкина³⁵]; Левонтия, Данило [староста³⁶]: Нечая [Матфеев³⁷].

Княгиню Афросенью [князь Никитина Ростовского Лобанова³⁸], (л. 90 об.), Антона [кожевник³⁹], Богдана [Игнатъев⁴⁰], Григория [Мотякин⁴¹], Михаила [полочанин⁴²], Замятня **, Нерка ***⁴³ [Шепаковы⁴⁴]; Иона [Окунев⁴⁵]; Ушака, Михаила, Богдана, Неодачу [Хвостовы⁴⁶]; Иона, Юрья, Федора, Василиа, Матфея [Милославские⁴⁷]; Алексиа, Постника [Хвостовы⁴⁸].

Василиа [Бутурлин⁴⁹], Юри [Линева⁵⁰], Данила [слуга Басманов⁵¹], Вешняка [Дубровского⁵² с сыном⁵³],

* — * НП-1 написано на полях другим почерком.

* НП-1 далее зачеркнуто Обросима.

** НП-1 далее зачеркнуто Еремоу.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ Чюд, КБ, МБ-1. ² Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1. ³ МБ-1. ⁴ Шестово Чюд, КБ, ПН; Шестой МБ-1. ⁵ Чюд, МБ-1, МБ-2; Окунев КБ. ⁶ МБ-1. ⁷ Чюд, ПО, МБ-1, МБ-2; Долицын КБ. ⁸ Чюд, КБ, СП; Бычка ПН. ⁹ КБ, СП, ПН, МБ-1, МБ-2. ¹⁰ МБ-1, МБ-2. ¹¹ МБ-1, МБ-2. ¹² МБ-1, МБ-2. ¹³ КБ, Чюд. ¹⁴ МБ-1, МБ-2. ¹⁵ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹⁶ МБ-1, МБ-2, ПН. ¹⁷ Чюд, МБ-1, МБ-2; Ростав КБ. ¹⁸ МБ-1, МБ-2; Деляев МБ-3. ¹⁹ МБ-1, МБ-2. ²⁰ МБ-1, МБ-2. ²¹ МБ-1, МБ-2, КБ: яздока МБ-3. ²² КБ; Нестор Опалев, Ивана Опалев МБ-3; Ивана 4 СП; Иона Опалев Чюд. ²³ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁴ Ярово Чюд, КБ, ПН; Ярого СП, МБ-1, МБ-2; Ярига МБ-3. ²⁵ МБ-1, МБ-2, МБ-3. ²⁶ МБ-1, МБ-2; Корюкова КБ; Корюков Чюд. ²⁷ МБ-1, МБ-2. ²⁸ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, МБ-2. ²⁹ ПН, МБ-1, МБ-2. ³⁰ Чюд, КБ; Тимофея Палицын МБ-1, МБ-2. ³¹ МБ-1, МБ-2. ³² Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ³³ ПН. ³⁴ МБ-1, МБ-2. ³⁵ ПН; Никиту Шаблыкин МБ-1, МБ-2. ³⁶ МБ-1, МБ-2. ³⁷ МБ-1, МБ-2. ³⁸ ПН; князя Никиты Ростовского КБ; княгиня Ростовского МБ-1, МБ-2. ³⁹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴⁰ МБ-1, МБ-2. ⁴¹ Чюд, МБ-1; Мотягин КБ. ⁴² ПН, МБ-1, МБ-2. ⁴³ Некаря СП; Нерю Чюд, КБ; и брата Замятни Некраса ПН. ⁴⁴ Чюд, КБ; Замятню Шепяков МБ-1, МБ-2. ⁴⁵ МБ-1, МБ-2. ⁴⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴⁷ КБ, ПН, ПО, МБ-1, МБ-2. ⁴⁸ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Хвостова ПН. ⁴⁹ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, МБ-2. ⁵⁰ ПН; Левин МБ-1, МБ-2; Юрья, Данила Хвостовы Чюд, КБ. ⁵¹ МБ-1, МБ-2. ⁵² ПН, МБ-1, МБ-2, КБ, Чюд. ⁵³ СП, МБ-1, МБ-2; сына Вешнякова Дубровского Чюд, КБ.

Алексиа [Дубровской¹ с сыном²]; Игнатя, Данила [Хвостовы³].

[Изо Пскова⁴: Печерского монастыря игумена⁵ Казни в Пскове на⁵] архимандрита Корниля, Бориса [Хвостов⁶], Третьяка [Свйазев⁷], [Печерского ж монастыря старца⁸] Васьян инок [Муромцев⁹], Елену [Неудачина теща¹⁰], Дорофея инок [Курцов¹¹], Петра [Оплечуев¹²], Тимофея [Колонтяев¹³]; Захарью, Постника [Спячие¹⁴]; Афанася, (л. 91) Стефана [Мартьяновы¹⁵]; Василиа, Матфеа, Данилоу¹⁶ [Коротневы¹⁷]; Третьяка [корелянин¹⁸], Андрея [Образцов¹⁹].

[Во Пскове²⁰: приказчиков городовых²¹] 2 человеки [псковичь²²], Тимофея [Оплечуев²³], Василиа [Спячий²⁴], Гоуля [корелянин²⁵], [подьячего²⁶] Афонасиа [Пуговки²⁷], Смагоу [Ефимьев²⁸ Вьялицын²⁹], Алексиа [Пешков³⁰], Иона [Клеопин³¹], Иона [Пузиков³²], Михаила [Сумороков³³], Иона³⁴ [немчин³⁵], Алексиа [Бовыкин³⁶]. [Из Новагорода да из тюрьмы³⁷]: Марка, Федора [литвин³⁸].

Якова [Юренев³⁹], Юрья [Молвянинов⁴⁰], Тоучко [Юренев⁴¹], Меншика [Юренев⁴² княж Иванова человека Бельсково⁴³], Иона [Веселой⁴⁴], Максима [Зеленин⁴⁵], Иона [Беликов⁴⁶], Сапоуна [Дубровской⁴⁷] и з женою и з детми [з 2 сыны и с дочерью⁴⁸], Иона [Аникиев⁴⁹], Никитиу [Линев⁵⁰], Иона⁵¹ [Куничников⁵²], Добрыню [сытник⁵³], Федора [Свйазев⁵⁴], Боулгака [Безсонов⁵⁵], Алферья, Шестака [Выповские⁵⁶], Никитиу [Яхонтов⁵⁷ Хвостов⁵⁸].

¹ МБ-1, МБ-2. ² КБ, СП, МБ-1, МБ-2, ³ МБ-1, МБ-2; Игнатия Хвостов КБ, ПН; Юрья, Данила Хвостовых КБ. ⁴ Чюд, КБ, СП. ⁵ Чюд, КБ, ПН; печерского игумена СП; игумена печерской МБ-1, МБ-2. ⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁷ ПН, МБ-1, МБ-2. ⁸ СП. ⁹ КБ, ПН; Муромцов МБ-1, МБ-2. ¹⁰ ПН; Неудачину МБ-1, МБ-2. ¹¹ ПН, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹² Чюд, КБ; Оплечуев МБ-1, МБ-2. ¹³ МБ-1, МБ-2. ¹⁴ Чюд, КБ; Захария Спячево, Постника Спячево МБ-1, МБ-2. ¹⁵ ПН, МБ-1, МБ-2. ¹⁶ В списках МБ-1, МБ-2, Чюд, КБ, ПН Василиа, Матфея, Ишуту. ¹⁷ МБ-1, МБ-2; Василиа, Ишуту Коротневых ПН. ¹⁸ ПН, МБ-1, МБ-2; Коровин Чюд, КБ. ¹⁹ ПН, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁰ ПН. ²¹ ПН, СП. ²² Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2, ²³ ПН, МБ-1, МБ-2. ²⁴ МБ-1; Спячего ПН, МБ-3. ²⁵ ПН, МБ-1, МБ-2. ²⁶ СП, ПН; подьячей МБ-1, МБ-2. ²⁷ СП; Пуговка КБ; Поговка Чюд. ²⁸ МБ-1, МБ-2. ²⁹ Чюд, КБ. ³⁰ КБ, СП, ПН. ³¹ ПН; Слюпин МБ-1, МБ-2. ³² МБ-1, МБ-2. ³³ КБ, МБ-1; МБ-2; Сумарокова ПН. ³⁴ Ивана КБ, МБ-1, МБ-2. ³⁵ Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1, МБ-2. ³⁶ МБ-1, МБ-2; Бобыкин Чюд, КБ. ³⁷ ПН; из Новгородские тюрьмы МБ-1, МБ-2. ³⁸ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, МБ-2. ³⁹ МБ-1, МБ-2. ⁴⁰ МБ-1, МБ-2; Молвенинов МБ-3; Молотянинов КБ; Малов Чюд. ⁴¹ МБ-1; в КБ Юренев ошибочно отнесен к следующему имени. ⁴² Чюд, КБ. ⁴³ МБ-1, МБ-2. ⁴⁴ МБ-1, МБ-2; Веселово КБ, Чюд. ⁴⁵ МБ-1, МБ-2. ⁴⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴⁷ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Дубровского ПО. ⁴⁸ Чюд, КБ, МБ-2. ⁴⁹ МБ-1, МБ-2. ⁵⁰ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵¹ Иоанна 3 СП; Игнатия Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵² Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵³ Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2; сотник МБ-3. ⁵⁴ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵⁵ Чюд, КБ; Безнохов МБ-1, МБ-2. ⁵⁶ Чюд, КБ; Елеуферия Выповской, Шестака Выповской МБ-1, МБ-2. ⁵⁷ ТС, МБ-1, МБ-2. ⁵⁸ КБ, Чюд.

Некраса [Поповкин¹], Истомоу [Горин²], Молчана [Горин³], (л. 91 об.) Гаврила [Чеботова⁴ Потперихин⁵], Иона, Иона [Вяземсково⁶], Сидора [Оуваров⁷].

[Псарей⁸]: Третьяка, Четвертой [Борзовы⁹], Ушатой * [Поповкин¹⁰], Соуря [Щекотов¹¹], Аксентиа [члк Путильцова¹²], Федотя [Иазугин¹³], Иона [Желтухин¹⁴], Аксентиа [Олферьев¹⁵], Дмитрея [путимлец¹⁶], Петра, Иона [Паснъков¹⁷], Михаила [Шелепин¹⁸], Молчана [польщик¹⁹], Грязнов [Вяземского²⁰], Всячина ** [Скулин²¹], Иона [псарь²²], Казарина [Полиово²³ нарядчик²⁴], Шеметко [писщик²⁵], Нелюба [приезжево²⁶ псарь²⁷], [Васильеву *** жену Прохнова с сыном и з дочерью²⁸].

Афонасиа инок [Ежев²⁹], Тимофей [сытник³⁰] с сыном³¹, князя Василя [Гогарин³²], ***— солотинской архимарит —***³³, Алексиа [стрелец³⁴], Онаня [подъячей³⁵], Иона [Бердин³⁶ псарь³⁷].

Казни в
Москве
(лето
1570 г.)

Третьяка Весковатой³⁸ з женою, Лаврентиа [Паюсов³⁹], Пантелея [Гнильев⁴⁰], Третьяка [Елиневского⁴¹], (л. 92) Третьяка [Корнилов⁴²], Оваса⁴³ Небытов⁴⁴, Алексиева жена Дубровсково ****⁴⁵ з детми: [с сыном и с дочерью⁴⁶],

* НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 далее зачеркнуто Василя з женою и с сыном и с дочерью.

*** — *** НП-1 написано на полях другим почерком.

**** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ МБ-1, МБ-2. ² МБ-1, МБ-2. ³ МБ-1, МБ-2, КБ, Чюд. ⁴ МБ-1, МБ-2. ⁵ КБ. ⁶ МБ-1, МБ-2; Вяземского МБ-3; далее в МБ Павла Плетникова. отсутствует в других списках. ⁷ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Уваров МБ-3. ⁸ СП, МБ-1, МБ-2; псари КБ, Чюд. ⁹ КБ, Чюд; Борзово МБ-1, МБ-2. ¹⁰ МБ-1, МБ-2; Попов КБ, Чюд. ¹¹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹² Чюд, КБ; Путилов МБ-1, МБ-2. ¹³ МБ-1; Изугин МБ-2. ¹⁴ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹⁵ МБ-1, МБ-2. ¹⁶ КБ; Путимцов Чюд; Никиту Путимлец МБ-1, МБ-2. ¹⁷ Чюд; Паньковы КБ; Паненковы МБ-1, МБ-2. ¹⁸ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2, ТС. ¹⁹ Чюд, КБ; польщик МБ-1; волщик МБ-2. ²⁰ МБ-1, МБ-2. ²¹ МБ-1, МБ-2; Скурин КБ, Чюд. ²² Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; повор МБ-3. ²³ КБ, Чюд. ²⁴ МБ-1, МБ-2. ²⁵ МБ-1, МБ-2; пищик Чюд; писчик КБ. ²⁶ КБ. ²⁷ КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁸ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁹ Чюд, КБ; Ечева МБ-1, МБ-2; Ежова МБ-3. ³⁰ МБ-1, МБ-2, Чюд; сотник КБ. ³¹ Нет во всех других списках. ³² Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Гагин ТС. ³³ Солотчинского архимандрита Чюд, КБ; солоченского архимандрита СП; архимарита солотчинской МБ-1, МБ-2. ³⁴ МБ-1, МБ-2; старец МБ-3. ³⁵ Ануфрея подъячий МБ-1, МБ-2. ³⁶ КБ, Чюд. ³⁷ МБ-1, МБ-2; ниже в МБ-3 Романа Палицын ³⁸ Висковатой Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Третьяка печатника Иоанна Висковатова ПО. ³⁹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴⁰ МБ-1, МБ-2, Тильевской КБ; Тилоевской Чюд. ⁴¹ МБ-1, МБ-2. ⁴² МБ-1, МБ-2. ⁴³ МБ-1, МБ-2; Опаса СП; Опасного КБ, Чюд. ⁴⁴ МБ-1, МБ-2; Бутов КБ, Чюд. ⁴⁵ Чюд, КБ, СП; МБ-1, МБ-2. ⁴⁶ Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2.

Вешнякова жена Дубровсково *¹ з детми с 2 дочерьми².
[Плохово³ Цвиленин⁴], Прокофия [Цвиленев⁵], Афонасиа
[Дубровин⁶], Семена [подъячей⁷], Митрофана инок **— архи-
марита Печерсково—***⁸, Елька ***⁹ [Малцов¹⁰].

21.07 Князя Петра [боярин Серебряной¹¹]; [дия-
ка¹² Мясоеда¹³ [Вислой¹⁴]; [князя Алексан-
1570 г. ра¹⁵ Ярослав¹⁶] ****— княж Петров племян-
ник—****; Леваша [подъячей¹⁷], Романа [Поля-
ников¹⁸], Вешняка [подъячей¹⁹ Лобанов²⁰], Одинца [Желнин-
ской²¹], Петра [Шепяков²²], Иона [сытник²³]; Иона²⁴, Пет-
ра *²⁵, Баскака **²⁶ [Онিকেев²⁷], ***— Ондреевы дети, сын да
дочь; Ишукова жена Бухарина²⁸ с невесткою—***.

Казни в Никитой [Фуников²⁹ казначей³⁰], Иона Вис-
Москве коватою³¹ [печатник³²], Василиа [Стефанов³³
25.07. дьяк³⁴] з женою да 2 сына, [дьяк³⁵] Иона [Бул-
1570 г. гаков³⁶] з женою да з дочерью, [дьяк³⁷] Григориа
[Шапкин³⁸] з женою да 2 сына.

Коузмоу [Румянцов³⁹], Богдана [Ростов-
цев⁴⁰], князя Андрея [Тулупов⁴¹], (л. 92 об.) Неоудачю Цып-
летов⁴², князя Василя [Шаховской⁴³], Саву [Обернибесов⁴⁴],
Данила [Полушкин⁴⁵], Григорья [Милославской⁴⁶],

* НП-1 написано на полях другим почерком.

** — ** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано над строкой, ниже зачеркнуто Елизаря.

**** — **** НП-1 написано на полях другим почерком.

* НП-1 далее зачеркнуто Василиа с 3 человеки.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** — *** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ Дубровского КБ, Чюд, СП. ² КБ, СП. ³ МБ-1, МБ-2; Прокопия. Прохора СП. ⁴ МБ-1, МБ-2. ⁵ ТС; Цвилевне МБ-1, МБ-2; Линева КБ, Чюд. ⁶ ТС; Дуровин КБ; Дуровик Чюд; Дубровский МБ-1, МБ-2. ⁷ МБ-1, МБ-2. ⁸ архимарита печерсково КБ, Чюд; архимарита Митрофана из Нижнего печерской НП-2; инока Митрофана архимарит печерской МБ-1, МБ-2. ⁹ Елизаря ТС; Елисея СП; Емельяна КБ, Чюд. ¹⁰ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹¹ Чюд; боярин Серебряной КБ; Серебряного СП; Серебряной МБ-1, МБ-2, ТС. ¹² Чюд, МБ-1, МБ-2, КБ. СП. ¹³ Костянтина Мясоедов Чюд, КБ; Мекида СП. ¹⁴ КБ, Чюд. ¹⁵ КБ, Чюд. ¹⁶ Чюд, КБ; Ерослав МБ-1, МБ-2; Ярослава СП. ¹⁷ МБ-1, МБ-2; Леонтья подъячей КБ, Чюд. ¹⁸ МБ-1, МБ-2; Полянинов КБ, Чюд. ¹⁹ МБ-1. ²⁰ КБ, Чюд. ²¹ МБ-1, Желдиньской Чюд, КБ. ²² МБ-1, МБ-2; Шеняков Чюд, КБ. ²³ МБ-1, МБ-2; Петра 2, Иоанна 2 СП. ²⁴ Может быть, сюда относится Иоанна Селезнев МБ-2, Чюд, КБ. ²⁵ Может быть, сюда относится Петра Тенекон Чюд; Петра Тиненев МБ-2. ²⁶ Бакаку Чюд, СП, МБ-1, МБ-2; Букаку КБ. ²⁷ КБ, Чюд, МБ-1, МБ-2; Анিকেев МБ-3; Андреевых детей Батанова КБ, Чюд; Андреевых детей Батановых СП; Андреевы дети Басманова МБ-1, МБ-2. ²⁸ То же КБ, СП; Жукову жену Бухарина МБ-1, МБ-2. ²⁹ Чюд, КБ, ТС. ³⁰ МБ-2. ³¹ То же в ТС; Висковатою Чюд; Висковатых КБ. ³² МБ-2. ³³ КБ, Чюд. ³⁴ МБ-2. ³⁵ МБ-2. ³⁶ ТС. ³⁷ МБ-2. ³⁸ Чюд, КБ, ТС. ³⁹ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ⁴⁰ МБ-2. ⁴¹ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ⁴² Цыплятев Чюд, КБ. ⁴³ Чюд; Шеховской ТС, КБ, МБ-3; Шаханской МБ-2. ⁴⁴ Чюд, КБ; Абернибов МБ-2. ⁴⁵ МБ-2. ⁴⁶ ТС, МБ-2.

Федора [Перешевни¹], Гаврила [Сидоров²], Семена [Потяков³], Мещерина [Караулов⁴], Семена [Корюков⁵], Романа⁶ [Шишмарев⁷], Постника [Федоров⁸], Матфея [Палицын⁹], Иона [Артемов¹⁰], Семена [Дурасов¹¹], Четвертово [Бортенев¹²], Иона [Басенков¹³], Чюдина [Иванов¹⁴], Иона Меншой¹⁵ [Жаденков¹⁶], Истоמוу [тиун¹⁷], Костянтина [Буженинов¹⁸], Федора [Кроткой¹⁹], Богдана [Дубровин²⁰], Дмитрея [Вахнев²¹], Иона [Резанцов²²], Ждана [Путянин²³], Григорья [Елизаров²⁴], Богдана [Матфеев²⁵], Пятово [Щекин²⁶], Якима [Михайлов²⁷], Семена [Шатерников²⁸], Никитой Жданской, Ждна *²⁹ Соулдешов **³⁰, Иона [Остафев³¹], (л. 93) Никитой [Цыплетев³²], Ездок³³ [Мостинин³⁴], [Суморока Сулешов³⁵], Василя [Перфушков³⁶], Василя [Матфеев³⁷], Григорья [подьячей³⁸], Воина [подьячей³⁹], Бориса [Мартьянов⁴⁰], Макарью⁴¹ [Назимов⁴²], Стефана [Палицын⁴³], Семена [Кречатников⁴⁴], Петра⁴⁵ [Иванов⁴⁶], Шестово⁴⁷ [Амирев⁴⁸], Чюда Гарин ***⁴⁹, Несмиан [Матфеев⁵⁰].

[Салтана⁵¹ конюх⁵², Нечая⁵³ конюх Малютин⁵⁴, Моисея⁵⁵ конюх⁵⁶], Томило [конюх⁵⁷], Марью, Меншика [Сысоев⁵⁸], Ермолу⁵⁹ [Вяземского⁶⁰], Нехорошево [человек Басманов⁶¹], Андрея [человек Басманов⁶²].

Михайла [Дубнев⁶³] владычей диак ****⁶⁴; Шарапа [Волыцкой⁶⁵] чашник *****⁶⁶; Второво, Семена [Чертовской⁶⁷], Вешняка [Паюсов⁶⁸], Григорья [Оникиев⁶⁹], Михайло [Загряской⁷⁰], Петра [Софроновской⁷¹].

* НП-1 Ждна зачеркнуто.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

**** НП-1 написано на полях другим почерком.

***** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ МБ-2. ² МБ-2. ³ МБ-2. ⁴ МБ-1; Караулов МБ-2. ⁵ МБ-2. ⁶ Рудака МБ-1, МБ-2; Руново КБ; Рунца СП. ⁷ МБ-1. ⁸ МБ-1, МБ-2. ⁹ МБ-2, Палехов КБ, Чюд. ¹⁰ МБ-2. ¹¹ ТС, МБ-2; Дусанов КБ, Чюд. ¹² МБ-1, МБ-2; Бортенев КБ; Буртев Чюд. ¹³ Чюд, КБ, МБ-2. ¹⁴ МБ-1, МБ-2. ¹⁵ Меншево СП. ¹⁶ МБ-2. ¹⁷ МБ-1, МБ-2. ¹⁸ МБ-2; Бужанинов КБ, Чюд. ¹⁹ МБ-2; Кротково КБ; Кроткого Чюд. ²⁰ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²¹ Чюд, МБ-2; Вахневы КБ. ²² Чюд, КБ, МБ-2. ²³ КБ; МБ-1, МБ-2; Кутянин Чюд. ²⁴ МБ-2. ²⁵ МБ-1, МБ-2. ²⁶ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁷ МБ-2. ²⁸ МБ-2, Чюд. ²⁹ Ждана Чюд, КБ; Иева Ждан МБ-2. ³⁰ Соулдешов КБ; Сульвешов Чюд. ³¹ МБ-2. ³² МБ-2; Цыплетев КБ. ³³ Ездока СП, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ³⁴ Чюд, МБ-1, МБ-2. ³⁵ МБ-1, МБ-2. ³⁶ МБ-2. ³⁷ МБ-2. ³⁸ МБ-2. ³⁹ МБ-1, МБ-2. ⁴⁰ МБ-2. ⁴¹ Максима Чюд, КБ, СП, МБ-2. ⁴² Чюд, КБ, МБ-2. ⁴³ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ⁴⁴ Чюд, КБ; Клечатников МБ-2. ⁴⁵ То же КБ, СП; Первого МБ-1, МБ-2. ⁴⁶ МБ-2. ⁴⁷ То же КБ; Шестого СП; Шестака МБ-1, МБ-2. ⁴⁸ КБ, Чюд, МБ-1, МБ-2. ⁴⁹ Чуда СП. ⁵⁰ МБ-1, МБ-2. ⁵¹ КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ⁵² МБ-1, МБ-2. ⁵³ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵⁴ Чюд, КБ; конюх МБ-1, МБ-2. ⁵⁵ КБ, СП, МБ-2, ТС. ⁵⁶ МБ-2. ⁵⁷ МБ-1, МБ-2. ⁵⁸ МБ-1, МБ-2. ⁵⁹ Смолу КБ, МБ-1, МБ-2, СП. ⁶⁰ МБ-1, МБ-2. ⁶¹ МБ-2; человек Басманова КБ, Чюд. ⁶² МБ-1. ⁶³ КБ, Чюд, ⁶⁴ архиепископля дьячка, чашника, певчего СП. ⁶⁵ МБ-1, МБ-2; Полонской КБ. ⁶⁶ владычень чашник МБ-2. ⁶⁷ МБ-2. ⁶⁸ Чюд, КБ, МБ-2. ⁶⁹ МБ-2. ⁷⁰ ТС, МБ-2; Загряцкой КБ, Чюд. ⁷¹ МБ-2.

[Подьячие московские¹]: Томилу [подьячей²], Стефана [Верещагин³ подьячей⁴], Дроужиною [подьячей⁵].

Бориса [Прохнов⁶ Ноугород⁷], Внуока [человек Басманов⁸], Небога * [того⁹ Мелентьев¹⁰ Рюмин **¹¹], Иона [Обажаров¹² пушкар¹³], Ганус [немчин¹⁴], Григорья [Палицын¹⁵], Вежак¹⁶ [зелейник¹⁷], Дмитрея¹⁸ [Тетенев¹⁹], Резана [Денисов²⁰], Степана [Пешков²¹], Михаила [Палицын²²], (л. 93 об.) Никитой [Сурмин²³], Алексиа [Молявина²⁴ повар²⁵], Филипа [немчин²⁶], Алексиа [Шамшев²⁷], Постника [Домрачиев²⁸ подьячей²⁹], Григорья [Голвожской³⁰], Ермаков³¹ Вяземского³², Сила [Выпоской³³], Петра [Выпов³⁴], Никиту [Мелницкой³⁵], Большой³⁶ Люшина³⁷, Володимера [Нарбеков³⁸], Пимины, Василя [Курцовы³⁹], Тихона инок, Алексиа [Быков⁴⁰ повар⁴¹], Дмитрея Исаров *** [Малышев⁴²], Соуета⁴³ [часовика⁴⁴], [Излача⁴⁵ Каисаров⁴⁶ подключник⁴⁷], Постника [Скулин Алексиева человека Басманова⁴⁸], Васка **** [толмач⁴⁹], Стефана [Курцов⁵⁰], Григорья [Трусов⁵¹], Дмитрея [Булгаков⁵²], Васильи [истопник⁵³], Боурка [Станчаков⁵⁴ скомо-рох⁵⁵], Третьяка [человек Вяземского⁵⁶], Белья [Нахабов⁵⁷] с племянником, Первого [Григорьев⁵⁸] орлянин⁵⁹.

Савоу Ездок, Иона [Дивин⁶⁰], Иона [Куличник⁶¹], Немятой [Пивов⁶²], Никифора ***** [Семенов⁶³], (л. 94) Иона⁶⁴ [Гама Люшин⁶⁵], Неустройства [Маслов⁶⁶], Илью [Окараков⁶⁷], Богдана [Дивин⁶⁸].

* НП-1 Небога написано на полях другим почерком.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

**** НП-1 написано на полях другим почерком.

***** НП-1 далее Андрея, написано на полях другим почерком.

¹ СП. ² МБ-1, МБ-2. ³ КБ; Перещогин Чюд. ⁴ МБ-2. ⁵ МБ-2. ⁶ КБ, Чюд. ⁷ МБ-2. ⁸ МБ-2. ⁹ МБ-2. Небогато Чюд, КБ. ¹⁰ МБ-2. ¹¹ Небогато Рюмин Чюд. ¹² КБ, Чюд. ¹³ МБ-2. ¹⁴ Чюд, КБ; немчина Гана СП; немчина Гайуна ПО; Енагалула Ждан немчин МБ-2. ¹⁵ Чюд, КБ, МБ-2. ¹⁶ Вежака Чюд, КБ; Вежана МБ-2, Вежена СП. ¹⁷ МБ-2. ¹⁸ То же СП; Никиту Чюд, КБ, МБ-2. ¹⁹ КБ, Чюд, МБ-2; Тетюнев МБ-3. ²⁰ МБ-2. ²¹ Чюд, КБ; Певцов МБ-2. ²² Чюд, КБ, МБ-2. ²³ Чюд, КБ, МБ-2. ²⁴ ПО. ²⁵ МБ-2. ²⁶ МБ-2. ²⁷ Чюд, КБ; Шамшов МБ-2; Шамшин МБ-3. ²⁸ Чюд, КБ. ²⁹ МБ-2. ³⁰ МБ-2. ³¹ Ермака МБ-2; Еремея Чюд, КБ; Ермолая ТС. ³² МБ-2. ³³ Чюд. ³⁴ МБ-2. ³⁵ МБ-2; Мелницкой КБ, Чюд. ³⁶ Большого СП, МБ-2; Большого КБ. ³⁷ То же КБ, Чюд, МБ-2. ³⁸ ТС, МБ-2. ³⁹ КБ, МБ-2; Корцовы Чюд; Пимины Наумов МБ-3. ⁴⁰ Чюд. ⁴¹ МБ-2. ⁴² Чюд, КБ; Лычков МБ-2. ⁴³ Савелья Чюд, КБ. ⁴⁴ ПО. ⁴⁵ КБ; Азлана МБ-2; Аланая СП. ⁴⁶ КБ; Кисаров Чюд. ⁴⁷ МБ-2. ⁴⁸ МБ-2. ⁴⁹ МБ-2, КБ, Чюд. ⁵⁰ МБ-2. ⁵¹ Чюд, КБ, МБ-2. ⁵² Чюд, КБ; Никиту Булгаков МБ-2. ⁵³ МБ-2. ⁵⁴ СП. ⁵⁵ МБ-2. ⁵⁶ МБ-2. ⁵⁷ СП, МБ-2. ⁵⁸ МБ-2. ⁵⁹ Первого орлянин Чюд, КБ; орлянина Первушу Григорьев МБ-2. ⁶⁰ КБ, Чюд. ⁶¹ МБ-2. ⁶² Чюд, КБ, МБ-2. ⁶³ МБ-2; далее в МБ-2 Семена Нечаева. ⁶⁴ Венки СП; Венинка ПО; Василя КБ, Чюд. ⁶⁵ Чюд, КБ, МБ-2; Гама ПО; Гамы СП. ⁶⁶ Чюд, КБ, МБ-2. ⁶⁷ КБ, Чюд. ⁶⁸ Чюд; Давин КБ; Дирин МБ-2.

Казнь
семей
опальных
новгород-
цев.

Афимья [княже Андрееву жену Тулупова¹],
Анну [дочь его²]; Афимью [Румянцова³, с сы-
ном⁴] — Алексиа [и 3 дочери⁵]: Прасковью, Анну,
Ориноу; Агафю Савина; Аксенью [жена Полуш-
кина⁶, два сына ея⁷]; Исака, Захарю, [две до-
чери⁸]: Лукерью, Авдотю; Марью [Васаева⁹];
Никифора, Воина [Потяковы¹⁰]; Пелагею [Дуб-
нева, сына ее¹¹] Андрея; Мамелфоу [Ростовцова¹²], Орину
[дети Ростовцева¹³], Четвертово [Ростовца¹⁴]; Орину [Ива-
новы жены Басенковы с сыном¹⁵], Тихона [Басенкова¹⁶]; Фе-
дору [Чудиковы жены¹⁷]: Авдотю [Тиоуновы¹⁸, дети ее¹⁹]:
Андрея, Михаила, Иона, Агафю²⁰; Настас [Опалева жена²¹],
Анноу [дочь Шекина²²]; Марью, Семена [Кроткого²³]; Нас-
тасю; Оулианею [Вахнева жена²⁴]; Исака; (л. 94 об.) Жда-
ноу [Путятинна жена²⁵], Аксенью [Елозарова²⁶]; Марью [Дуб-
ровина²⁷, ея детей]: Федора [да²⁸] Второво²⁹; Михаила,
Никифора [Акимовы дети³⁰]; Лоукояна; Акилиноу [Нащеки-
ны³¹, дочь ея³²] Анну, Анну^{*33}, Лоукерью [Жданкова³⁴, сына
ея³⁵] Андрея; Елену [Остафей³⁶, детей ея³⁷]: Фому, Игнатя,
[дочери³⁸] Стефаниду; Огропену [Ездокова жена Мостини-
на³⁹]; Варвару [жена Спячего⁴⁰, дочери ея⁴¹] Орину; Дарью
[Кречетниково⁴²], [сына ее⁴³] Володимера; княгиноу Анноу
[князь Василиева Шеховскаго⁴⁴]; Анноу [вдовы⁴⁵ Ростовца⁴⁶,
дети ея⁴⁷ — двое сынов ее⁴⁸]: Иона, Гаврилу [и девицы⁴⁹]
Анну; Окилиноу; Марью [Неудачина жена Цыплетева⁵⁰, де-
тей ее⁵¹]: Авдотью, [Тита⁵²]; Андрея, Григорья [Цыплетевы⁵³].

* НП-1 написано над строкой другим почерком.

¹ КБ, Чюд; княж Андреевы княгини Тулупова СП; княгиню Тулупова МБ-2; Еоуфимия, Анну Тоулоуповы ТС. ² Чюд, КБ; с Анной девицею СП. ³ Чюд, КБ; Румянцеву МБ-3; Роумянцов ТС. ⁴ СП, МБ-3; сына ея КБ, Чюд. ⁵ СП; дочь Парасковию МБ-3; дочь ея Прасковии КБ. ⁶ КБ; жена Полушоккина Чюд. ⁷ КБ; да дети МБ-3. ⁸ КБ, СП. ⁹ Чюд, КБ, МБ-3. ¹⁰ Чюд, КБ, МБ-3. ¹¹ КБ, МБ-3, Чюд. ¹² Чюд. ¹³ МБ-3, Ростовцовы КБ. ¹⁴ МБ-3. ¹⁵ СП; Ирины Басенкова КБ; Ирину Басенкову Чюд. ¹⁶ МБ-3. ¹⁷ СП; Федору Чудинова МБ-3. ¹⁸ Чюд, КБ; Тиунова МБ-3. ¹⁹ МБ-3. ²⁰ Ивана, Агафью, дети ево МБ-3. ²¹ КБ, Чюд. ²² МБ-3. ²³ Чюд, КБ; Марию Прокофа МБ-3. ²⁴ КБ. ²⁵ Чюд; Путятинна жена КБ; Ждановы жены Путятинна СП; Ждану жена Путятин МБ-3. ²⁶ МБ-3. ²⁷ КБ, МБ-3; Дубровины Чюд. ²⁸ СП. ²⁹ Второво Дочевин МБ-3. ³⁰ МБ-3. ³¹ Чюд, КБ; Нашекин МБ-2. ³² МБ-3. ³³ Анны 2 СП. ³⁴ МБ-2. ³⁵ МБ-2; сыны ея СП. ³⁶ МБ-2. ³⁷ СП; дети ея МБ-2. ³⁸ СП. ³⁹ КБ; Агрипену Мостинину МБ-2. ⁴⁰ КБ; Варвару, Ирину Спячего МБ-2. ⁴¹ СП. ⁴² МБ-2. ⁴³ СП. ⁴⁴ ТС; Шаховского МБ-3; Шехонского МБ-2; Шайского КБ; Шанскова Чюд. ⁴⁵ СП. ⁴⁶ ТС. ⁴⁷ МБ-2. ⁴⁸ СП. ⁴⁹ СП. ⁵⁰ Чюд, КБ; Марью тещу Неуда Цыплетева МБ-2; Марию Цеплетева Неудачина теща ТС. ⁵¹ СП; дети МБ-2. ⁵² Чюд, КБ, МБ-2. ⁵³ ТС; Григория Турпиев Чюд.

16.08. Дионисиа [Турпеев инок¹].
1570 г. Петра [Верещагин² сотник³], Аинтуган *⁴
[тотарин⁵].

Казни Алексия, [сына его⁶] Петра [Басмановы⁷]; За-
в опроч- харью, (л. 95) Иона [Плещеевы⁸]; Полуехта [Ми-
нине хайлов⁹ Тещин¹⁰], Михаила [Дмитриев¹¹], Рюма
[Мелентьев¹²], Иона [Ржевской¹³], Семена [Фефилов¹⁴ подья-
чей¹⁵], Василиа [Воронин¹⁶ подьячей¹⁷], Кипчак **¹⁸ [Ла-
бодинской¹⁹].

Василиа и Иона [Петровы²⁰ Яковлев²¹].
Князя Михаила [Темрюковича²² Черкасского²³].

* * *

31.01. Князя Михаила [Репнин²⁴]; князя Юрья [Ка-
1564 г. шин²⁵].

Февраль Князя Иона [Кашины²⁶].

1565 г. Князя Андрея [Ногтев²⁷ Оболенской²⁸].

17.02. Князя Александрь [Горбатой²⁹, сына его³⁰]

1565 г. князя Петра, Петра [Головин³¹].

**— Да княз Дмитриев Куракин два
сына —**³².

Около Князь Петра [Куракина³³], Иона [Бутурли-
1575 г. на³⁴] с сыном и з дочерью.

27.11. Дмитрея [Бутурлина³⁵].

1575 г. Никитоу [Борисова³⁶], Василиа [Борисова³⁷],
Дроужиноу [Володимеров³⁸], князя Данила
[Друцкой³⁹], Иосифа [Ильина⁴⁰], [протопоп⁴¹], подячих 3 че-
ловеки⁴², простых⁴³ 5 человекъ [крестьян⁴⁴].

* НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 написано над строкой другим почерком.

** —** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ МБ-2, ТС; Турпиев КБ, Чюд. ² КБ, Чюд, ТС. ³ МБ-2. ⁴ Атугайна Чюд, КБ; Иянта Деидина СП. ⁵ Чюд, КБ, СП. ⁶ МБ-2, СП. ⁷ ТС; Басманова СП; Басманник МБ-2, КБ, Чюд. ⁸ ТС, ПО; Плещиевы Чюд, КБ. ⁹ МБ-2. ¹⁰ КБ, Чюд. ¹¹ МБ-2. ¹² МБ-2. ¹³ Чюд, КБ; Раевской МБ-2. ¹⁴ КБ. ¹⁵ МБ-2. ¹⁶ КБ, Чюд. ¹⁷ МБ-2. ¹⁸ Кипчана СП, МБ-2; Кончана ПО; Тита КБ, Чюд. ¹⁹ Чюд, КБ, МБ-2; Лободинского ПО. ²⁰ ТС. ²¹ МБ-2. ²² МБ-2; Темрюкова ПО; Темрюков КБ, Чюд, ТС. ²³ КБ; Черкаскаго ПО. ²⁴ МБ-2, ТС, ПО; Репьин КБ, Чюд. ²⁵ Чюд. ²⁶ ТС; Кашин ПО; Шашины КБ; князя Георгия Корины, князя Иоанна Коряк МБ-2. ²⁷ КБ, ТС, ПО; Нохтев МБ-2, Чюд. ²⁸ КБ, Чюд. ²⁹ Чюд, КБ, МБ-2; Горбатого ПО; Горбатые ТС. ³⁰ Чюд, КБ, СП; сын Горбатой МБ-2. ³¹ Чюд, КБ, ПО, ТС. ³² княж Дмитриевых детей Куракина двух сыновей СП; два князя княж Дмитриевы дети Куракины МБ-2. ³³ ПО, КБ, МБ-2. ³⁴ СП, ТС, МБ-2, Чюд. ³⁵ Чюд, КБ, СП, МБ-3; Ивана, Димитрия Бутурлины ТС. ³⁶ МБ-2, ПО; Бориса КБ. ³⁷ МБ-2; Никиту, Василиа Борисовы ТС. ³⁸ МБ-2. ³⁹ КБ, МБ-2, ТС; Друцкаго ПО. ⁴⁰ ПО, ТС. ⁴¹ КБ; протопопов МБ-2, Чюд. ⁴² То же в СП, МБ-2, КБ. ⁴³ То же в КБ, СП. ⁴⁴ МБ-2.

Семена [Васильев¹], [сын его²] Никитой, князя Данила³ [Сицкой⁴].

24.10. Протасия * [Михайлов⁵ Юрьев⁶].

1575 г. Василя [Ошанин⁷], Володимера [Жолнинской⁸].

Около князя Василя [Темкина⁹ и сына его¹⁰] князя Иона; Федора [Салтыков¹¹], Никифора [Пушкин¹²], Никиту [Салтыков¹³], Докоучая [Пушкин¹⁴], Никифора [Ульянов¹⁵], Федора [Оульянов¹⁶].

Калинника [Собакин¹⁷], Парфеня, Степана, Семена [Собакины¹⁸]; Василя [Щербинин¹⁹]; Никиту, Иона, Богдана [Кобылины²⁰]; Боулата [Арцыбашев²¹], Ориноу [Сурвоцкая²²].

Около князя Бориса [Тулупов²³], князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никитой [Тулуповы²⁴]; 1575 г. Михайлоу [Плещеев²⁵], Василя [Умною²⁶], Алексея, Федора [Старово²⁷]; Ориноу [Мансурова²⁸]; Федора, Семена [Сунбуловы²⁹]; Якова [Мансурова³⁰]; Григорья, Алексан (л. 96) дра [Колтовские³¹]; *— княжня Мосальсково—*³²; Андрея [Молчанов³³].

В Новегороди 15 жен³⁴, [а сказывают ведуньи³⁵, волхвы³⁶].

Тимофея, Веденихта [Колычовы³⁷].

„Дело“ Горен- Князя Петра [Горинской³⁸], князя Никитой, ского 1564— князя Ондreja [Черные³⁹ Оболенские⁴⁰]. 1565 гг. Левонтия [Тимофеев⁴¹].

* НП-1 далее зачеркнуто Михаила.

* — * НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ МБ-2. ² МБ-2. ³ Дмитрия Чюд, КБ. ⁴ ТС, МБ-2; Сицкой КБ, Чюд. ⁵ МБ-2. ⁶ ТС. ⁷ Чюд, ТС; Шанина МБ-2; Ошаюн КБ. ⁸ ТС, Чюд, КБ; Желнинской МБ-2; Жолнинского ПО. ⁹ ПО; Темкины Чюд, КБ, ТС; Темнин МБ-2. ¹⁰ ПО, МБ-2. ¹¹ ПО, КБ. ¹² МБ-2, КБ, Чюд. ¹³ КБ; Федора, Никиту Салтыковы МБ-2, ТС. ¹⁴ МБ-2; Никифора, Докучая Пушкины КБ; да Кодуни Пушкиных ПО. ¹⁵ МБ-2. ¹⁶ МБ-2. ¹⁷ Чюд. ¹⁸ МБ-2, КБ, ТС. ¹⁹ МБ-2, Чюд. ²⁰ Чюд, КБ, МБ-2; Никиту, Ивана Кобылины ТС. ²¹ Чюд, КБ, МБ-2; Арцыбушева ПО. ²² МБ-2; Сурвоцкая КБ, Чюд. ²³ МБ-2, ПО, ТС. ²⁴ МБ-2, ПО, Чюд, КБ, ТС. ²⁵ МБ-2; Плещиев Чюд, КБ, ПО. ²⁶ КБ; Оумной, Чюд, МБ-2; Умною ПО. ²⁷ КБ; Старой ТС, МБ-2; Старого ПО; Старово Чюд. ²⁸ Чюд, КБ, ТС, ПО; Мансурову МБ-2. ²⁹ КБ, МБ-2; Сунбулова ПО; Соумбуловы ТС. ³⁰ Чюд, КБ, ПО; Мансуров МБ-2, ТС. ³¹ Чюд, КБ; Григорья Колтовской, Александра Колтовской МБ-2; Григорья Колтовской ТС. ³² княжны Мосальского СП; княжну Мосальскаго КБ; княжну Мосальскую Чюд; княжну МБ-2; ³³ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ³⁴ То же в МБ-2; в Новегороде пятнатцати баб Чюд, КБ; в Новегороде побиенных 15-ти баб СП. ³⁵ Чюд, КБ; называли их ведуньями СП. ³⁶ МБ-2. ³⁷ ТС, Чюд, КБ, ПО, МБ-2. ³⁸ ТС, Чюд, КБ; Гореской МБ-2; Городинского ПО. ³⁹ ПО; Черныя Оболен МБ-2. ⁴⁰ ТС, КБ, СП, Чюд. ⁴¹ Чюд, КБ, ТС, СП, МБ-2.

КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ОПАЛЬНЫХ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

(7090 года)

Казарин [Дубровский¹] и два его сына²; Ивана³ [Бухарин⁴], Игнатия⁵ [Заболоцкий⁶]; князь Василий [Волк Ростовский⁷], Василий [Борисов⁸], князь Михаил [Засекин⁹], инок Никита¹⁰ [Казаринов¹¹], Федор¹² [Заболоцкий¹³], князь Данила [Сицкий¹⁴], Хозяин¹⁵ [Тютин¹⁶], Иван [Колычев¹⁷] и сын его Иван¹⁸; князь Владимир [Курлятев¹⁹]; князь Федор [Сисоев²⁰], [и сын его Иван²¹]; Андрей, Алексей, Григорий [Шейны]; Иван [Выродков], Василий [Колычев], Федор [Карпов], князя Федор, Иосиф, Григорий [Хохолковы Ростовские], князь Александр [Ярославов²²], Иван [Федоров], Михаил [Колычев²³], князь Андрей [Катырев], князь Федор [Троекуров], Михаил [Лыков], Григорий [Плещеев], Василий [Данилов], Григорий [Волынский], князь Андрей [Бычков Ростовский], Василий [Бутурлин], князь Василий [Гагарин], князь Петр [Серебряной], Мясоед [Вислой], Никита [Фуников], Иван [Висковатой], князь Михаил [Черкасский], князь Михаил [Репнин], князь Юрий [Кашин²⁴], князь Иван [Кашин], князь Андрей [Ногтев]; князь Александр [Горбатый], его сын Петр; Петр [Головин], князь Петр [Куракин], Иван [Бутурлин], Дмитрий [Бутурлин], князь Данила [Сицкой], Протасий [Михайлов²⁵]; князь Василий [Темкин] и сын его князь Иван; Федор и Никита [Салтыковы]; Михаил [Плещеев], Василий [Умною], Алексей [Старого]; Федор и Семен [Сунбуловы]; Григорий и Александр [Колтовские]; князь Петр [Горенского²⁶], князя Никита и Андрей [Черного Оболенского]; Захарий и Иван [Плещеевы], Тимофей и Венедикт [Колычевы].

Никита [Шереметев], Лев [Салтыков].

¹ НП-2, МБ-3, ПН. ² НП-2; с товарищи МБ-3. ³ НП-2, МБ-3. ⁴ ср. текст синодика. ⁵ НП-2, МБ-3, Сим. ⁶ Ср. текст синодика. ⁷ ПН. ⁸ ПН. ⁹ ПН. ¹⁰ НП-2, МБ-3, ПН, Сим. ¹¹ Ср. текст синодика. ¹² НП-2, МБ-3; ср. и сын его Федор ПН, Сим. ¹³ Ср. текст синодика. ¹⁴ ПН. ¹⁵ НП-2, МБ-3, Сим. ¹⁶ Ср. текст синодика. ¹⁷ ПН. ¹⁸ ПН, Сим. ¹⁹ ПН. ²⁰ ПН. ²¹ ПН; князя Ивана НП-2; Сим; далее порядок имен собственных полностью совпадает в ПН, НП-2 и МБ-3, однако фамилии опальных расшифрованы только в ПН. ²² В ПН ошибочно князь Александр, Иван Ярославовы. ²³ В ПН ошибочно Клопов. ²⁴ В ПН ошибочно Кашинский. ²⁵ ПН; очевидно, Юрьев: ср. текст синодика. ²⁶ В ПН ошибочно Горийского.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К СИНОДИКУ ОПАЛЬНЫХ

- Абернибесов Савва 283
 Айгустов Данила 272
 Акимов Лукьян 286
 Акимов Михаил 286
 Акимов Никифор 286
 Аксентий, человек Путильцева 282
 Акулина 286
 Алексей 278
 Алексей, новгородский подьячий 279
 Алексей, портной мастер 280
 Алексей, полочанин 280
 Алексей, слуга 273
 Алексей, стрелец 282
 Алферьев Аксентий 282
 Алябьев Семен 269
 Амиров Шестой 284
 Амос, протопоп (старец Александр) 278
 Амосов Роман 277
 Ананий, балахонец 272
 Ананий, подьячий 282
 Анастасия 286
 Андрей, слуга Басманова 284
 Андреянов Василий 278
 Андреянов Кирилл 278
 Андреянова Марфа 278
 Аникиев Андрей 274
 Аникеев Баскак 283
 Аникеев Второй Федоров 276
 Аникеев Григорий 284
 Аникеев Иван 281
 Аникеев Меньшой 274
 Анна татарка 273
 Анна, вдова ростовца 286
 Анна, дочь ростовца 286
 Антон, кожевник 280
 Антонов Семен, дьяк И. П. Федорова 267
 Антуган, татарин 287
 Артемий, седельник 267
 Артемов Иван 284
 Арцыбашев Булат 288
 Афонасий 273
 Афонасьев Безсон 279
 Бабичев Андрей, князь 271
 Бабкин Афанасий 280
 Бажан 275
 Бакин Третьяк 276
 Бартнев Егорий 274
 Бартнев Четвертый 284
 Басенков Иван 284, 286
 Басенков Исак 277
 Басенков Тихон Иванович 286
 Басенкова Орина 286
 Баскаков Севрин 268
 Басманов Алексей Данилович 284, 285, 287
 Басманов Петр Алексеевич 287
 Батанов Андрей 268

Батанов 283
Безсонов Алферий 274
Безсонов Андрей Васильевич, дьяк 274
Безсонов Булгак 281
Безсонов Григорий 274
Безсонов Федор 273
Беликов Иван 281
Бердин Иван 282
Бернов Богдан 273
Бернов Григорий 273
Бернов Меньшой 273
Бернов Мисюрь 273
Бернов Рудак 273
Бернов Шарап 273
Бернядинов Федор 270
Бестужев Григорий 278
Бестужев Образцов Рогатый Михаил 271
Блеклой Петр 277
Боборыкин Иван 276
Бовыкин Алексей 281
Богдан 275
Болховский Никон Ощерин 277
Болховский Ощера Кузьмин 277
Болховский Шемяка 277
Борзов Третьяк, псарь 282
Борзов Четвертый, псарь 282
Борисов Бороздин Василий Никитич 267, 287
Борисов Бороздин Никита Васильевич 287
Борисов Василий 289
Борода Федор 278
Бочин Семен 268
Братский Федор 279
Бровцын Михаил 274
Буженинов Константин 484
Булгаков Дмитрий 285
Булгаков Иван, дьяк 283
Бунков Второй 271
Бурков Ларион, ярыга пушкарь 275
Бурков Неустрой, пушкарь 275
Бурнаков Степан, нижегородец 275
Бурцев Рудак 271
Бутурлин Василий Андреевич 280, 289
Бутурлин Гурий 279
Бутурлин Дмитрий Андреевич 287, 289
Бутурлин Иван Андреевич 287, 289
Бутурлин Леонтий 280
Бутурлин Степан 275
Бухарин Андрей 269
Бухарин Иван Ишуков 268
Бухарин Ишук Иван 267, 289
Бухарин Матвей 273
Бухарин Павел 269
Бухарина, жена Ишука 283
Бык, слуга 273
Быков Алексей, повар 285
Бычков Ростовский Андрей, князь 280, 289
Варфоломей, корелянин 280
Васаев Михаил 276

Васаева Мария 286
Василий, истопник 285
Василий, повар 272
Василий, священник 275
Васильев Никита Семенович 288
Васильев Семен 288
Васька, толмач 285
Васьян Муромцев 281
Вахнев Дмитрий 284
Вахнева Ульяна 286
Вежак, зелейник 285
Великого Иван 273
Верещагин Петр 287
Верещагин Степан, подьячий 285
Веселой Василий 278
Веселой Иван 281
Вешняков Иван, подключник 276
Висковатый Иван Михайлович 283, 289
Висковатый Третьяк Михайлович 282
Вислый Мясоед 283, 289
Владимир Андреевич, князь Старицкий 275
Внук, слуга Басманова 285
Воин, подьячий 284
Володимеров Дружина 287
Волынский Григорий 277, 289
Волынский Шарап, чашник, 284
Воронин Богдан 279
Воронин Василий, подьячий 287
Воронов Андрей 274
Воронцов Василий 275
Воропаев Иван 278
Второй 277
Второй 284
Выповский Алферий 281
Выповский Андрей 279
Выповский Петр 285
Выповский Сила 285
Выповский Шестаки 281
Выродков Алексей 270
Выродков Василий Иванович 270
Выродков Верига 270
Выродков Гаврила 270
Выродков Дмитрий 270
Выродков Иван Григорьевич 270, 289
Выродков Иван Дмитриев 270
Выродков Иван 270
Выродков Нагай Иванов 270
Выродков Никита Иванов 270
Выродков Петр Дмитриев 270
Выродков Федор Григорьев 270
Выродков Федор 270
Выродкова Мария 270
Вьялицын Смага Ефимьев 281
Вяземский 285
Вяземского Грязнов 282
Вяземского Ермак 285
Вяземского Ермола 284
Вяземского Иван 282

Гаврила, охотник 280
Гаврила, сын ростовца 286
Гагарин Андрей, князь 270
Гагарин Василий, князь 282, 289
Гагарин Владимир, князь 270
Ганус, немчин 285
Гарин Чудо 284
Герасимова Ефимья 272
Глебов Иванов Матвей 271
Глухов Захарий 270
Глухов Иван 270
Глухов Иван 273
Глухов Осип 273
Глухов Салман 273
Гнильев Пантелей 282
Гнильев Третьяк 282
Голвожский Григорий 285
Головин Петр Петрович 287, 289
Голохвастов Казаринов Никита, инок 268, 289
Голохвастов Казаринов Федор 268
Голочелов Кирилл 277
Горбатый-Суздальский Александр Борисович, князь 287, 289
Горбатый-Суздальский Петр Александрович, князь 287, 289
Горбуша Евдокия, старица 279
Горенский-Оболенский Петр Иванович, князь 288, 289
Горецкий Андрей 273
Горин Истома 282
Горин Молчан 282
Григорий, подьячий 284
Григорий, священник 275
Григорий 276
Григорьев Молчан 273
Григорьев Первый, орлянин 285
Григорьев Сухан 279
Грязной 275
Гуляй, корелянин 281
Данила, слуга Басманова 280
Данила, староста 280
Данила, староста 280
Данила 272
Данила 273
Данилов Василий Дмитриевич 274, 289
Данилов-Устюмов Федор 269
Дашков Андрей, князь 271
Дашков Иван, князь 270
Дедаев Яцкий 280
Дементьев Ворошило 271
Дементьев Дмитрий 269
Дементьев Юрий 269
Дементьев-Молчанов Петр 270
Дементьев-Молчанов Тимофей 270
Дементьев-Молчанов Федор 270
Дементьев-Горяинов Григорий 270
Дементьев-Горяинов Иван 270
Денисов Рязан 285
Деонисий, старец 275
Деонисий Турпеев, старец 287
Дервин Еремей, 275

Дивин Богдан, 285
Дивин Иван 285
Дмитриев Михаил 287
Дмитрий, путивлец 282
Дмитрий, слуга Шаблыкина 280
Дмитрий 278
Добрыня, сытник 281
Домрачиев Постник, подьячий 285
Дрожжин Иван 271
Дрожжин Федор 271
Дружина, подьячий 285
Друцкий Данила Андреевич, князь 287
Дубнев Андрей 286
Дубнев Михаил, дьяк 284
Дубнева Пелагея 286
Дубровин Афанасий 283
Дубровин Богдан 284
Дубровин Второй 286
Дубровин Федор 286
Дубровина Мария 286
Дубровский Алексей 280—281
Дубровский Вешняк 280
Дубровский Казарин 267, 289
Дубровский Роман Назариев 273
Дубровский Салун 281
Дубровская, жена Алексея 282
Дубровская, жена Вешняка 282—283
Душлев Иван, нижегородец 275
Дурасов Семен 284
Дыдылнин Алексей 279
Дымов Михаил 272
Дятлов Андрей 269
Дятлов Григорий 269
Едигеев Иван 279
Еж, рыболов 275
Ежев Афонасий, старец 282
Ежев Семен 279
Елгозин Суморок 279
Елизаров Григорий 284
Елизарова Аксинья 286
Елсуфьев Дмитрий 275
Ельчин Иван 272
Ельчина Мария 272
Еропкин Федор 267
Есипов Артемий 279
Ефремов Труха 267
Ефросинья (старица Евдокия), княгиня Старицкая 272
Жаденков Иван Меньшой 284
Жаденской Иван 277
Жаденской Федор 277
Жданков Андрей 286
Жданкова Лукерья 286
Жданов Федор 278
Жданской Никита 284
Желнинский Владимир 288
Желнинский Одинец 283
Желтухин Иван 282
Жулебина Марфа 273

Заболоцкий Богдан 275
Заболоцкий Игнатий 267, 289
Заболоцкий Федор 270, 289
Заборовская, жена Исака 269
Загряжский Михаил 284
Запоров Петр 277
Засекин Михаил, князь 267, 289
Засекин-Баташов Семен, князь 269
Засекин-Глебов Борис, князь 274
Засекин-Смелого Иван Юрьевич, князь 269
Захаров-Гнильев Яков Григорьев 275
Зачесломский Андрей 270
Зворыкин Василий 278
Зеленин Максим 281
Змиев Яков 273
Иван IV Васильевич, царь 266
Иван, сын ростовца 286
Иван, каменщик 276
Иван, немчин 281
Иван, подьячий 280
Иван, псарь 282
Иван, сытник 283
Иван 275
Иван 282
Иван 283
Иванов Бажен 277
Иванов Богдан 274
Иванов Данила Семенов 278
Иванов Осей, нижегородец 275
Иванов Петр 284
Иванов Семен 278
Иванов Сурьянин 277
Иванов Федор Семенов 278
Иванов Чудин 284
Иванов Яков 279
Ивашов Афанасий, инок 267
Ивонин Терентий 277
Игнатьев Богдан 278
Игнатьев Богдан 280
Игнатьев Болобок 278
Игнатьев Ждан 279
Игнатьев Харитон 278
Игнатьева Степанида 278
Извеков Иван 273
Измайлов Иван 271
Измайлов Иван 270
Изугин Федот 282
Ильин Иосиф, дьяк 287
Ирина 278
Иринарх, старец 275
Исак 286
Исаков Иван 277
Истома, тиун 284
Кайсаров Излач, подключник 285
Каменский Елизар 271
Каменский Иван 271
Каменский Иван 271
Каменский Семен 271

Каменский Федор 271
Кандоуров Денис 274
Кандоуров Меньшик 274
Капустин Утеш 271
Караулов Мещерин 284
Карпов Василий, подьячий 276
Карпов Иван 278
Карпов Михаил Андреевич 270
Карпов Федор Андреевич 270, 289
Катуня 273
Кафтырев Брех Григорьев 268
Кафтырев Григорий 268
Кафтырев Леонтий Григорьев 268
Качалкин Петр 272
Кашин-Оболенский Юрий Иванович, князь 287, 289
Кашин-Оболенский Иван Иванович, князь 287, 289
Кашира Иван 275
Катырев-Ростовский Андрей Иванович, князь 271, 289
Квашнин-Поярков Иван 268
Кирьянов Смирной, слуга И. П. Федорова 267
Клеопин Иван 281
Климов Глеб Ершов 278
Климов Яким 280
Климова Матрена Глебова 278
Кобылин Богдан 288
Кобылин Иван 288
Кобылин Никита 288
Кожара Тимофей 272
Кожин Александр, боярин коломенского епископа 267
Козавицын Семен 277
Козина Анна 272—273
Колзаков Юсуп 279
Колонтаев Тимофей 281
Колтовский Александр 288, 289
Колтовский Григорий 288, 289
Колычев Андрей 276
Колычев Булат Михайлов 271
Колычев Василий 270, 289
Колычев Венедикт 288, 289
Колычев Иван Борисович 268, 289
Колычев Иван Иванович 268, 289
Колычев Миня Михайлов 271
Колычев Михаил Иванович 271, 289
Колычев Семен Михайлов 271
Колычев Тимофей 288, 289
Константин, царевичев огородник 275
Корнилий, архимандрит 281
Корнилов Третьяк 282
Коротнев Василий 281
Коротнев Данила 281
Коротнев Матвей 281
Корыпан, рыболов 273
Корюков Семен 284
Кострикин Иван 277
Котов Андрей 276
Котов Андрей 277
Котов Никита 277
Котов Петр 277

Кочергин Андрей 270
Кочергин Семен 270
Кошуркин Василий 276
Крапоткин Петр, князь 272
Кречетников Владимир 286
Кречетников Семен 284
Кречетникова Дарья 286
Кроткопо Мария 286
Кроткого Меньшой 277
Кроткого Семен 286
Кроткой Семен 280
Кроткой Федор 284
Крюков Василий 280
Крюков Мижуй 279
Кувшинов Постник 277
Кудрявцев Яков 279
Кузьмин Истома, дьяк 267
Кузьмин Истома, подьячий 279
Кузьма, священник 275
Кузьма, слуга А. Савурова 273
Кулешин Тимофей 271
Куликовы 279
Куличник Иван 285
Кульнев Андрей 271
Кульнев Григорий 271
Куничников Иван 281
Курдюкова Пелагея 277
Курцев Василий 285
Курцев Дорофей, старец 281
Курцев Пимен 285
Курцев Степан 285
Куракин-Булгаков Петр Андреевич, князь 287, 289
Куракины-Булгаковы, сыновья князя Дмитрия 287
Курлятев Владимир Константинович, князь 268, 289
Кусов Кузьма, слуга М. Воронова 272
Кутузов Иван 280
Лазарев Петр 272
Лалтев Борис 274
Ларионов Иван 269
Ларионов Иван Меньшой 269
Леваш, подьячий 283
Левашов Алексей 268
Левашов Никита 268
Левашин Леонтий 275
Леонтий 280
Леонтьев Василий 279
Линев Никита 281
Линев Юрий 280
Лисин Тимофей 279
Лобанов Вешняк 283
Лободинский Кипчак 287
Ловчиков Григорий 268
Лопатин Михаил 267
Лосминский Семен 273, 275
Лукин Иван 278
Лукин Иван, слуга И. П. Федорова 267
Лукин Степан 278
Лукин Третьяк, слуга Черкасского 272

Лукина Анна 278
Лукина Катерина 278
Лукошков Истома 279
Лыков Иван 272
Лыков Михаил Матвеевич 271, 289
Люшин Большой 285
Люшин Иван Гам 285
Лягин Невзор, серебряник 276
Мазилев Михаил 268
Мазилова, жена Михаила 273
Максим литвин, слуга В. Д. Данилова 274
Максим 273
Малечкин Петр 271
Малечков Третьяк 274
Мальцев Елизар 283
Малышев Дмитрий Исаров 285
Мансуров Яков 288
Мансурова Ирина 288
Мануйлов Семен, митрополичий старец 267
Мария, волхова 276
Мария 284
Марк 281
Мартьянов Афанасий 281
Мартьянов Борис 284
Мартьянов Степан 281
Марьин Федор 274
Маслов Федор 278
Маслов Неустрой 285
Матвеев Богдан 284
Матвеев Василий 284
Матвеев Иван, дьяк 276
Матвеев Несмеян 284
Матвеев Нечай 280
Мелентьев Рюма 287
Мельницкой Иван 277
Мельницкий Никита 285
Милославский Василий 280
Милославский Григорий 283
Милославский Иван 280
Милославский Матвей 280
Милославский Федор 280
Милославский Юрий 280
Митнев Молчан 271
Митрофан, архимандрит 283
Михаил, полочанин 280
Михайло 272
Михайло 273
Михайлов Дмитрий 267
Михайлов Яким 284
Моисей, конюх 284
Молвянинов Юрий 281
Молчан, польщик 282
Молчанов Андрей 288
Молява, повар 275
Молявин Алексей, повар 285
Молявин Иван 275
Молявин Леонтий 275
Молявин Ярыш 275

- ✓ Мосальская, княжна 288
- Мостинин, ездок 284, 286
- Моспина Агрипина 286
- Мотякин Григорий 280
- Мусоргский Андрей 274
- Мусоргский Леонтий 273
- Мухин Остафий 277
- Мухин-Карпов Василий 271
- Мячков Иван 279
- Нагин Вавила 275
- Назимов Макарий 284
- Нарбеков Владимир 285
- Нахабов Беляй 285
- Нащокин Афанасий 273
- Нащокин Герасим 275
- Нащокин Тимофей 275
- Нащокина Акулина 286
- Нащокина Анна 286
- Небытов Опас 282
- Неелов Алексей 274
- Неелов Василий 276
- Незнамов Юрий 272
- Неклюдов Алексей 277
- Неклюдов Федор Ерофеев 273
- Нелединский Ждан 276
- Нелюб, псарь 282
- Несвицкий Федор, князь 271
- Нестеров Обида 278
- Нестеров Смирной 279
- Неупокоей 272
- Нехороший, слуга Басманова 284
- Нечай, слуга Куликова 279
- Нечай, конюх М. Скуратова 284
- Никитин Будила 279
- Никитин Никита 280
- Никифор, староста 280
- Никифор, холщевник 279
- Никула, ездок 280
- Новокрещенов Юрий 276
- Новосильцев Кирей 276
- Ногтев-Оболенский Андрей, князь 287, 289
- Обожаров Иван, пушкарь 285
- Оботур, слуга И. П. Федорова 275
- Оботуров Неждан 278
- Образцов Андрей 281
- Образцов Афанасий 270
- Образцов Григорий 270
- Образцов Семен 270
- Образцов Федор 269
- Огалин Иван 267
- Огалин Прокофий 280
- Оглобля, слуга С. А. Рубцова 272
- Окороков Илья 285
- Окунев Ивая 280
- Окунев Шестак 280
- Опалев Иван 280
- Опалев Немир 280
- Опалева Анастасия 286

Оплечуев Давид 277
Оплечуев Петр 277
Оплечуев Петр 281
Оплечуев Семен 276
Оплечуев Степан 274
Оплечуев Тимофей 281
Орехов Василий 278
Остафьев Иван 284
Остафьев Игнатий 286
Остафьев Фома 286
Остафьева Елена 286
Остафьева Степанида 286
Опухтин Никита, митрополичий старец 267
Охлопок, слуга Куликова 279
Очин-Плещеев Захарий Иванович 287, 289
Очин-Плещеев Иван Иванович 287, 289
Ошанин Василий Федорович 288
Павлинов Иван 273
Павлов Григорий 278
Палицын Григорий 285
Палицын Иван 280
Палицын Матвей 284
Палицын Михаил 285
Палицын Никита 278
Палицын Неклюд 280
Палицын Никифор 279
Палицын Пятый 278
Палицын Ратман 280
Палицын Семен 278
Палицын Степан 284
Палицын Тимофей 280
Палицын Тутыш 274
Палицын Федор 278
Палицына Акулина 273
Пасынков Иван 277
Пасынков Иона 282
Паюсов Андрей 274
Паюсов Вешняк 284
Паюсов Григорий 274
Паюсов Иван 274
Паюсов Иван 274
Паюсов Лаврентий 282
Паюсов Матвей 274
Паюсов Меньшой 274
Паюсов Прокофий 274
Паюсов Семен 274
Паюсов Сурьянин Иванов 274
Паюсов Третьяк 274
Пелепелицын Иван Григорьев Большой 269
Пелепелицын Иван Григорьев Меньшой 269
Перепечин Григорий 269
Перешевин Федор 283—284
Перфирьев Рудак 274
Перфуров Русин 274
Перфушков Василий 284
Петр 275

Петр 282
Петр 283
Петров Федор, слуга А. Нащокина 273
Пешков Алексей 281
Пешков Степан 285
Пешков Третьяк, архиепископский сын боярский 274
Пешкова Варвара, жена Третьяка 276
Пивов Немятый 285
Пивов Федор 277
Пимен, старец 279
Платюшкин Семен 279
Плещеев Григорий 271, 289
Плещеев Иван 277
Плещеев Илья 277
Плещеев Михаил Тимофеевич 288, 289
Полиово Казарин 282
Полугостев Третьяк 271
Полушкин Данила 283
Полушкин Захарий 286
Полушкин Исак 286
Полушкина Авдотья 286
Полушкина Аксинья 286
Полушкина Лукерья 286
Поляников Роман 283
Поповкин Некрас 282
Поповкин Ушатый 282
Потапов Иван 267
Потперихин Гаврила Чеботов 282
Потяков Воин 286
Потяков Никифор 286
Потяков Пинай 277
Потяков Семен 284
Потякова Матрена 273
Прохнев Борис 285
Прохнева 282
Пуговка Афонасий, подьячий 281
Пузиков Иван 281
Путятин Ждан 284
Путятин Ждана 286
Пушкин Докучай 288
Пушкин Никифор 288
Пьямов Горяин, ямской дьячок 276
Растопчин Григорий 271
Растопчин Иван 271
Растопчин Третьяк 271
Репнин-Оболенский Михаил Петрович, князь 287, 289
Ржевский Афонасий 270
Ржевский Иван 287
Родион, серебряник 278
Романов Михаил 274
Роп, немчин, слуга В. Д. Данилова 274
Ростовский-Приимков Волк Василий, князь 267, 289
Ростовская-Лобанова Ефросинья, княгиня 280
Ростовцев Богдан, дьяк 283, 286
Ростовцев Четвертый 286
Ростовцева Арина 286
Ростовцева Мамелфа 286
Рубцов Григорий 272

- Рубцов Семен Андреев 272
- Румянцев Алексей Кузьмин 286
- Румянцев Кузьма, дьяк 283
- Румянцева Анна Кузьмина 286
- Румянцева Арина Кузьмина 286
- Румянцева Ефимья 286
- Румянцева Прасковья Кузьмина 286
- Русинов Леонтий, митрополичий старец 267
- Рюмин-Мелентьев Небогатый 285
- Рязанцев Иван 284
- Рязанцев Петеля 278
- Рязанцев Субота 278
- Рясин Федор, митрополичий старец 267
- Сабуров Никита 268
- Сабуров Семен 268
- Савва, ездок 285
- Савин Варлаам 276
- Савина Агафья 286
- Савуров Алексей 273
- Савуров Андрей 278
- Савуров Лазарь Андреев 278
- Савуров Сарыч 273
- Салтан, конюх 284
- Салтыков Лев Андреевич 289
- Салтыков Никита 288, 289
- Салтыков Федор Игнатьевич 288, 289
- Свиязев Антон, подьячий 275
- Свиязев Третьяк 281
- Свиязев Федор 281
- Селезнев Ширяй 275
- Селезнева Анна 275
- Селин Илья 279
- Селин Юрий, казанский жилец 272
- Семен, подьячий 283
- Семен, слуга Грязного 275
- Семенов Никифор 285
- Семенов Пятый 280
- Серебряный-Оболенский Петр Семенович, князь 283, 289
- Сидоров Гаврила 284
- Сидоров Григорий Иванович 268
- Сидоров Дмитрий 271
- Сидоров Иван 272
- Сидоров Третьяк 272
- Сидоров Юрий, дьяк 274
- Сисеев Иван Федорович, князь 270, 289
- Сисеев Федор Васильевич, князь 268, 289
- Сицкий Данила, князь 268, 289
- Сицкий Данила, князь 288, 289
- Скомантов Игнатий 280
- Скулин Всячина 282
- Скулин Постник, слуга Басманова 285
- Скуратов-Бельский Малюта Лукьянович 268, 273, 284
- Слозин Дмитрий 277
- Смирной, слуга И. П. Федорова 275
- Собакин Калинин 288
- Собакин Парфений 288
- Собакин Семен 288
- Собакин Степан 288

Собакин Тимофей 267
Соломонов Федор 275
Сотницкий Василий Данилов 270
Сотницкий Федор Данилов 270
Соунятев Алексей 278
Соунятева Мария 278
Софроновский Петр 284
Спячий Василий 281
Спячий Захарий 281
Спячий Постник 281
Спячая Арина 286
Спячая Варвара 286
Станчаков Бурко, скоморох 285
Старой Яков 278
Старо-э-Милюков Алексей 288, 289
Старово-Милюков Федор 288
Степанов Василий, дьяк 283
Степанов Григорий 279
Ступишин Гордей 270
Суета, часовик 285
Сулдешов Ждан 284
Сулешов Суморок 284
Сумароков Михаил 281
Сунбулов Семен 288, 289
Сунбулов Федор 288, 289
Сурвоцкая Ирина 288
Сурмин Никита 285
Сутянилов Алексей Артемьев 279
Сырков Алексей 276
Сырков Федор 276
Сысоев Василий 274
Сысоев Иван, сын боярский Старицкого 274
Сысоев Меньшик 284
Сысоев Постник 274
Тараканов Андрей 279
Татищев-Мунтов Василий 271
Татищев-Мунтов Иван Большой 271
Татищев-Мунтов Иван Меньшой 271
Татьянин Василий 272
Татьянин Иван 272
Тевриз 269
Темирев Григорий 267
Темкин-Ростовский Василий Иванович, князь 288, 289
Темкин-Ростовский Иван Васильевич, князь 288, 289
Тетенев Дмитрий 285
Тетерин Василий Ширяев 270
Тетерин Василий 268
Тетерин Василий 268
Тетерин Григорий 268
Тетерин Иван Селиванов 268
Тетерин Иев 268
Тетерин Иосиф 268
Тетерин Михаил 268
Тетерин Смирнова 268
Тетерин Ширяй 270
Тещин Иван, сытник 276
Тещин Полуект Михайлов 287
Тимофеев Леонтий 288

Тимофей, сытник 282
Тиунов Андрей 286
Тиунов Иван 286
Тиунов Михаил 286
Тиунова Авдотья 286
Тиунова Агафья 286
Тихон, старец 285
Тихонов Ярой 280
Товарищев Иван 270
Товарищев Никифор 267
Товарищев Степан 267
Томило, конюх 284
Томило, подьячий 285
Третьяк, корелянин 281
Третьяк, лях 274
Третьяк, слуга Вяземского 285
Третьяк 276
Третьяк 274
Третьяк 272
Тулупов-Стародубский Андрей, князь 283, 286
Тулупов-Стародубский Андрей, князь 288
Тулупов-Стародубский Борис Давыдович, князь 288
Тулупов-Стародубский Владимир, князь 288
Тулупов-Стародубский Никита, князь 288
Тулупова Анна Андреевна, княжна 286
Тулупова Ефимья, княгиня 286
Троекуров-Ярославский Федор Иванович, князь 271, 289
Трофимов Богдан 267
Трофимов Никита 268
Трусов Григорий 285
Трусов Иван 268
Тыртов Тихон 267
Тютин Хозяин Юрьевич 268, 289
Тютин 268
Уваров Сидор 282
Улан, серебряник 276
Ульяна, немка 273
Ульянов Никифор 288
Ульянов Федор 288
Умной-Кольчев Василий Иванович 288, 289
Усов Яков 279
Ушаков Иван, староста 276
Ушатый-Чулков Данила, князь 270
Федор, литвин 281
Федор, помяс 272
Федоров-Челяднин Иван Петрович 267—269, 271, 275, 289
Федоров Постник 284
Федотов Матвей 277
Федчищев Василий 269
Фефилов Семен 287
Филипп, немчин 285
Фомин Григорий 267
Фуников Иван 273
Фуников Степан 273
Фуников-Курцев Никита Афонасьевич 283, 289
Харламов Матвей 277
Хвостов Алексей 280
Хвостов Богдан 280

Хвостов Борис 281
Хвостов Василий 274
Хвостов Данила 281
Хвостов Игнатий 281
Хвостов Михаил 280
Хвостов Неудача 280
Хвостов Никита Яхонтов 281
Хвостов Постник 280
Хвостов Ушак 280
Хвостов-Отяев Афанасий 271
Хлуденев Василий 267
Хотен 277
Хохолков-Ростовский Григорий Иванович, князь 271, 289
Хохолков-Ростовский Осип Иванович, князь 271
Хохолков-Ростовский Федор Иванович, князь 271
Цвилленев Плохой 283
Цвилленев Прокофий 283
Цыбневский Михаил 267
Цыплятев Андрей 286
Цыплятев Григорий 274
Цыплятев Григорий 286
Цыплятев Неудача 283, 286
Цыплятев Никита 284
Цыплятев Тит 286
Цыплятева Авдотья 286
Цыплятева Елена 281
Цыплятева Мария 286
Чебуков Семен 276
Черкасский Михаил Темрюкович, князь 287, 289
Черкасский 272
Чермазов Бурово Иван 273
Черный-Оболенский Андрей, князь 288, 289
Черный-Оболенский Никита, князь 288, 289
Чертовский Никита 274
Чертовский Семен 284
Чертовский Шишка 274
Четвертый 273
Чиж, подьячий 279
Чиркин Василий 275
Чудикова Федора 286
Шаблыкин 280
Шалимов Меньшик 280
Шалимов Семен 280
Шалимов Яков 280
Шамшев Алексей 285
Шамшев Китай 277
Шапкин Григорий, дьяк 283
Шатерин Лука 279
Шатерников Семен 284
Шахов Карп Селянин 278
Шахов Петр Карпов 278
Шахова Пелагея Карпова 278
Шаховская Анна, княгиня 286
Шаховской-Ярославский Василий, князь 283, 286
Шейн Алексей Иванович 268, 289
Шейн Андрей Иванович 268, 289
Шейн Григорий Андреевич 268, 289
Шейн Михаил Юрьевич 270

Шелепин Михаил 282
Шеметко, писчик 282
Шеляков Богдан 267
Шеляков Замятня 280
Шеляков Некрас 280
Шеляков Петр 283
Шереметев Никита Васильевич 289
Шерифединов Афанасий 270
Шерифединов Молчан 270
Шерифединов Петр 269
Шестаков Петр 267
Шиловцов Русин 275
Ширяев Иван 279
Ширяев Семен, земский охотник 276
Шишкин Андрей 277
Шишмарев Роман 284
Шубин Алексей 272
Шунежский Иван 272
Шушерин Елизар 269
Щекин Владимир, сытник 275
Щекин Пятый 284
Щекина Анна 286
Щекотов Суря 282
Щепетов Андреян 276
Щепетов Иван Андреянов 276
Щербинин Василий 288
Юмин Иван 267
Юренив Андрей 279
Юренив Игнатий Неклюдов 276
Юренив Меньшик 281
Юренив Тучко 281
Юренив Яков 281
Юрьев Иван, дьяк 274
Юрьев-Захарьин Протасий Васильевич 288, 289
Ягин Дмитрий 273
Ягин Игнатий, конюх 275
Ягин Третьяк 275
Языков Карп 271
Яков 269
Яковлев Фуник 277
Яковлев-Захарьин Василий Петрович 287
Яковлев-Захарьин Иван Петрович 287
Ямской Дмитрий 278
Янов Иосиф 271
Янтуган Бахмет, слуга И. П. Федорова 267
Ярославов Александр, князь 271, 289
Ярославов-Оболенский Александр, князь 283

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(к двум томам¹)

- Маркс К. II, 160
Энгельс Ф. II, 160
Ленин В. И. II 228
- Авалиани С. I 310, 314
Адашев А. Ф. I 21—27, 30, 74, 75, 80—86, 90, 94, 99, 115, 119, 121—126,
128—144, 148—150, 153—156, 160, 161, 172, 173, 178—180,
198, 207, 210, 214, 215, 219, 235, 243, 253, 268, 303, 305, 306,
325, 326, 328, 333, 335, 394; II 159, 195, 226, 238, 240, 245
Адашев Д. Ф. I 83, 115, 134, 142, 179, 180, 214, 231; II 233
Адашев Т. Д. I 180
Адашев Ф. Г. I 83, 84, 94, 115, 155, 179, 231
Адашева А. А. I 303
Адашевы I 82, 83, 84, 94, 98, 115, 194, 305
Аделунг Ф. II 78
Адрианова-Перетц В. П. I 43, 110
Айгустов У. II 138
Аксаков К. С. I 6
Аксаков С. А. I 179, 185, 300
Аксаков Ф. Д. I 120
Аксаков-Товарищев И. М. I 306, 393, 416
Аксаков-Товарищев М. М. I 416
Алексеев Ю. Г. II 219—220, 227
Алексей, митрополит I 204
Алексей, слуга II 34
Аленкин Жеря А. Ф., князь I 283, 295, 392, 413
Аленкины-Ярославские, князья I 283
Али Муртаза Кайбулович, хан II 212
Альшиц Д. Н. I 20, 25—30, 32, 152, 266, 278, 374; II 5, 132, 152, 154,
57, 185—188, 240
Алябьев С. С. I 394
Амос (старец Александр) I 33; II 54
Ананий, балахонец II 33
Анастасия Романовна Захарына, царица I 5, 13, 48, 52, 70, 77, 95, 138,
144, 145, 152, 248, 283; II 9
Андреев В. I, 315
Андреев Н. Е. I 211, 221
Андрей, протопоп, см. Афанасий митрополит
Андрей Иванович, князь Старицкий I 21, 27, 50, 76, 96, 98, 102, 182, 241,
342, 379, 381, 382, 390; II 27, 195
Андрей Иванович, князь Углицкий I 50
Андрей Харитонович II 79, 80, 159
Аникиев А. Т. II 99
Аникиев А. П. II 51

¹ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Изд. ЛГУ (Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 294), 1966; в тексте обозначено цифрой I. Данная книга, представляющая вторую часть исследования, обозначена цифрой II.

Аникиев Г. II 94
 Аникиев Меньшой II 51
 Анна Колтовская, царица I 45, 52; II 174, 175, 196
 Анна Ивановна, царица II 141
Аннинский С. А. II 128
 Антоний, митрополит I 45, 52
 Антонов С. I 386
 Артемий, старец I 87, 88, 104, 105, 404
 Архангельский С. I 266, 315
 Арц, граф I 211
 Арцыбашев Б. Д. II 241
 Аталькин Т. II 172
 Афанасий Палецкий, епископ I 404
 Афанасий, митрополит I 99, 116, 205, 206, 222—224, 332, 338—340, 343, 397, 398, 405, 409; II 27, 147
 Афанасий, дворник II 34
 Афанасьев И. И. I 316
 Ахмат-хан II 211
 Бабичев А. С., князь I 315, 346, 392
 Бабичев Б. Д., князь I 415
 Бабичев И. Д., князь I 415
 Бабичевы, князья I 325, 336
 Бабкин А. М. II 51, 52
 Бакакин Г. I 416
 Бакакин Ю. I 416
 Барбашин-Суздальский В. И., князь I 136; II 151
Барберини Р. I 60, 61, 144, 232, 243, 329; II 105
 Бармаков Б. I 315
 Бармин Ф. I 116
Барсов Е. В. II 40
Барсуков А. I 83, 139, 383
 Бартнев Д. II 113, 114
 Бартнев Ч. II 94
 Барымский, мурза II 130, 131
 Барятинский П. И., князь I 315; II 72, 109
 Барятинский Ю., князь I 365
 Баскаков А. И. I 346, 393
 Баскаков И. И. II 99
 Баскаков М. И. II 98
 Басманов-Плещеев А. Д. I 33, 49, 111, 128, 131, 132, 140, 141, 144, 148, 168, 177, 179, 198—203, 221, 224, 229, 231, 233, 242, 244, 246, 249, 258, 271, 274, 302, 312, 340, 355, 356, 373, 386, 407—409; II 14, 37, 40, 41, 42, 96, 97, 140, 149, 154, 160, 203, 205, 214, 215, 232, 233
 Басманов-Плещеев П. А. II 97
 Басманов-Плещеев Ф. А. I 182, 202, 222, 244—246, 265, 391; II 41, 96, 97, 139, 233
 Басмановы-Плещеевы I 141, 245, 251, 260; II 41, 43, 50, 98, 147, 148, 195
 Бастанов Т. II 32
 Бастановы II 187
 Батанов А. Н. I 346, 394
 Батый II 167
 Баушев И. II 180
Бахрушин С. В. I 9, 10, 11, 75, 373
 Бахтеяров-Ростовский В. Ф., князь I 282, 295, 325, 414
 Бахтеяров-Ростовский И. Ф., князь I 282, 295, 325, 414
 Бахтеяров-Ростовский М. Ф., князь I 282, 295, 325—326, 414
 Башкин М. I 101—105, 327

Башкин Ф. I 103
 Безнин-Нащокин М. А. II 157, 239
 Безопишев У. В. II 101
 Безсонов А. В. II 36, 38, 51, 58, 94, 245
 Безсонов Б. II 58, 59
 Безсонов Г. II 51
 Безсонов И. В. I 416
 Безсонов Ф. II 51
Белинский В. Г. I 6
 Белкин М. З. I 249, 259
 Белль Ф. I 136
 Белов Е. А. I 7
 Белозерские, князья I 89, 159
 Бельский Б. Я. II 154, 180, 188, 239, 240
 Белокуров С. А. I 250
 Бельский Д. Ф., князь I 69, 70, 71, 75, 76, 108, 338; II 198
 Бельский И. Д., князь I 16, 43, 44, 109—111, 140, 148, 149, 153, 159, 163—168, 170, 171, 181, 183, 186, 195, 196, 214, 225, 228, 241, 245, 269, 270, 273, 302, 304, 313, 341, 360, 362, 363, 378; II 126, 127, 131, 173, 197—199, 205, 215, 232
 Бельский И. Ф., князь I 69, 70, 76; II 198
 Бельский М. I 174, 189, 190, 364, 372, 376, 395
 Бельский С. Ф., князь I 69, 167; II 198
 Бельский Ф. И., князь II 198
 Бельские, князья I 50, 68, 70, 76, 87—89, 97, 98, 106, 109, 338, 361; II 149, 191
 Бельские II 141, 154, 157, 158, 187; см. также Скуратов
 Беляев И. Д. II 122, 123, 168
 Бернядинов Ф. I 393, 416
 Бестужев З. А. I 306, 416
 Бестужев-Киреев А. М. I 416
 Бестужев-Рогатый М. О. I 306, 393, 416
Бестужев-Рюмин К. Н. I 7, 298
 Бибилов Г. Н. I 14, 259, 260
 Бленд Р. II 106
 Блудовы I 354
 Богдан Александрович, господарь II 198, 209
 Богдан Радеев II 209
Богоявленский С. К. II 131, 199
 Болтин И. Н. I 5
 Бомелей Е. I 371; II 157—158
 Борисов В. М. I 389
 Борисов В. П. I 97, 379
 Борисов-Бороздин В. Н. I 305, 320, 379, 380, 416
 Борисов-Бороздин Г. Н. II 151
 Борисов-Бороздин Г. Т. I 102
 Борисов-Бороздин И. Т. I 102, 104
 Борисов-Бороздин М. В. I 315, 319, 336
 Борисов-Бороздин Н. В. I 63, 279, 280, 318; II 150, 151, 232
 Борисов-Бороздин Т. В. I 102
 Борисовы-Бороздины I 101, 104, 105
 Бошель Д. II 106
Браудо А. И. I 56, 57, 58; II 164
 Буганов В. И. I 20, 263, 274; II 98, 168—172, 175, 179
 Будалей, хан II 213
 Булгаков-Корнев И. Н. I 315, 346; II 83, 93, 94, 244
 Булгаков П. II 241

Булгаков Ф. I 42, 392
 Бунда Быкасов С. I 347
 Бундов К. С. I 344, 345, 347, 348; II 5
 Бундов Быкасов Я. I 347
 Бунков Второй I 346, 394
Бурдей Г. Д. I 395; II, 11, 12, 167—170, 173
 Бурков Ларион, ярыга II 23
 Бурков Неустрой II 23
 Бурухин А. И. II 15
 Бурцев Р. Н. I 326, 393, 416
 Бутурлин А. А. I 39, 140, 153, 154, 206, 302, 313; II 232
 Бутурлин В. А. I 39, 315, 319, 346; II 24, 49—51, 61, 153
 Бутурлин Г. II 50
 Бутурлин Г. Д. I 39
 Бутурлин Д. А. I 39, 63, 247, 319; II 14, 152, 186, 232
 Бутурлин И. А. I 39, 63, 206, 247, 248; II 14, 186, 232
 Бутурлин Л. А. I 319
 Бутурлин Л. Т. I 39—40; II 49
 Бутурлин М. А. I 39
 Бутурлин С. II 23, 24
 Бутурлин С. Ф. II 24
 Бутурлин Ф. А. I 185
 Бутурлин Ф. И. I 206, 315, 319
 Бутурлин-Варгасов Е. В. I 315
 Бутурлин-Варгасов С. В. I 315
 Бутурлин-Полуектов Г. Д. II 49
 Бутурлин-Полуектов С. В. II 24
 Бутурлины I 65, 246, 315; II 14, 50, 152, 227
 Бухарин Ишук И. I 313, 346, 380; II 244
 Бухарин-Наумов И. И. I 206
 Бухау Даниил I 377; II 142, 159, 162, 163
 Бык, слуга II 34
 Быкасов А. I 347
 Быкасов П. I 347
 Быков А. II 95
 Бычков Бритый Ростовский А. М., князь I 282, 415; II 49, 50
 Бычков Ростовский М. В., князь II 50
Бычков А. Ф. II 127
Быčkova М. Е. I 393, 400; II 127
 Варлаам, игумен II 88
 Варсунофий, епископ I 405
 Васаев М. Ф. II 46, 51
 Василий III Иванович, великий князь I 50, 69, 75, 79, 88, 89, 98, 99, 129, 140, 141, 150, 151, 157—162, 200, 203, 235, 241, 251, 300, 369; II 16, 47, 191, 195, 196, 198, 238
 Василий II Васильевич Темный, великий князь I 50
 Василий Владимирович, князь Старицкий I 41, 62; II 25, 194—195
 Василий блаженный I 118
 Васильев А. I 148, 164, 170, 238, 302, 312, 313; II 244
Васильев К. Г. II 143
 Васильев П. II 32
 Васильев З. II 73
 Васьян, игумен I 184
 Васьян, старец I 104
 Вассиан Топорков I 87, 98—100, 118, 141, 155
 Васьян Муромцев I 34, 36—38, 41, 180, 206—208, 210, 212, 213; II 58, 59
 Васьян Юрлов I 141

- Васьян, монах I 141
 Вахромеев И. А. I 286
 Введенский А. А. I 268, 354
 Вельяминов А. I 395
 Вельяминов Г. I 395
 Вельяминовы I 354
 Вельяминов-Зернов В. В. II 211
 Верещагин С. Н. II 95
 Вержбовский Ф. II 159
 Веселовский С. Б. I 11—14, 42, 44, 45, 47, 50, 89, 90, 145, 150, 154, 179, 180, 181, 215, 223, 226, 250, 252—254, 262, 263, 268, 273, 274, 276—278, 282, 286, 290, 299, 303, 304, 322, 338, 351, 354, 369, 386, 387, 390; II 7, 13, 14, 24, 51, 59, 66, 88, 99, 125, 140, 145, 173, 176, 178, 181—183, 185, 190, 194, 196, 198, 202—204, 207, 211, 231, 232
 Веселого В. Л. II 52
 Вешняков И. М. I 75, 84, 142, 178, 306; II 239, 240
 Вешняков П. II 239
 Вешняков С. М. I 210
 Виппер Р. Ю. I 10, 191
 Висковатый И. М. I 22, 28, 75, 78, 98, 104, 105, 116, 130, 131, 140, 147, 148, 154, 164, 198, 312, 313, 346, 398; II 81—87, 92, 93, 132, 135, 244, 249
 Висковатый Т. М. II 83
 Вислого Мясоед К. С. I 315, 346; II 85, 90, 91, 95
 Вислого Мария II 91
 Вишневецкий Д. И., князь I 128, 131, 133, 134, 162—164, 166, 167, 170, 171, 181, 196
 Вишневецкие, князя I 165
 Владимир Андреевич, князь Старицкий I 15—17, 27, 30, 31, 48, 62, 70, 71, 89—92, 95, 96, 98, 102, 110, 150, 159, 182—186, 193, 256, 290, 294, 299—301, 303, 318, 321, 338, 340, 358, 366, 369, 371, 374—382, 390, 391, 393, 400; II 6, 20, 21—25, 35, 36, 59, 64, 76, 84, 89, 95, 150, 151, 181, 192, 193, 204, 212, 213, 227, 233
 Владимир Святославич, князь киевский I 159
 Владимир Мономах I 241
 Власьев Г. А. I 169, 196, 261, 272, 273
 Воейков Б. В. II 188, 239
 Волков В. И. II 148
 Волович О. I 104
 Володимиров Д. I 268, 312, 358
 Вольнец П. I 374; II 39
 Вольнский А. Ф. I 261
 Вольнский В. Д. I 315
 Вольнский Г. I 42; II 49, 50, 61
 Вольнский Г. В. II 49
 Вольнский Г. С. II 49
 Вольнский К. II 49
 Вольнский П. И. I 315
 Вольнский Ш. II 94
 Вольнский-Попадейкин Я. Ф. I 261; II 125, 126, 179
 Вольнские I 261, 315
 Вороной-Вольнский Г. И. II 49, 51
 Вороной-Вольнский М. И. I 114, 140, 153; II 49, 127, 232

- Воронье-Волынские II 49
 Воронцов И. Д. I 315
 Воронцов И. М. I 313; II 232
 Воронцов И. Ф. I 42, 165, 247, 248; II 14, 140
 Воронцов Ф. С. I 33, 394
 Воронцовы I 70, 246, 367, 394; II 14, 142
 Воропай Ф. I 210; II 156
 Воротынская М., княгиня I 167
 Воротынский А. И., князь I 46, 112, 153, 166—169, 193, 272; II 197, 201, 202, 232, 233
 Воротынский В. И., князь I 75, 76, 94, 95, 166, 167; II 201
 Воротынский И. М., князь I 69, 167, 360; II 201
 Воротынский М. И., князь I 39, 43—46, 48, 134, 140, 166—168, 171, 184, 186, 195, 201, 223, 225, 313, 317—320, 333, 336, 337, 339, 347, 348, 359, 360, 362, 363, 390, 401; II 122, 128, 168, 170, 172, 173, 176, 179, 197, 202—207, 233
 Воротынские, князья I 16, 50, 51, 68, 89, 97, 121, 149, 159, 163, 165, 167—169, 196; II 183, 191, 201, 207
 Воцешников А. I 280
 Выродков И. Г. I 130, 142, 150, 394; II 94, 195, 238, 245
 Выродков В. И. I 354, 393
 Вяземский Ал. Ив., князь II 14
 Вяземский Аф. Ив., князь I 49, 59, 175, 203, 215, 233, 244, 249, 258, 265, 312, 370, 374; II 18, 40, 41, 64, 78, 96, 97, 140, 148, 160, 203, 215, 240
 Вяземский Волк Ю. И., князь I 249
 Вяземский Волков В. И., князь I 249, 354
 Вяземский Глухов А. И., князь I 249
 Вяземский Зайцев А. И., князь I 249
 Вяземский Козлов Т. И., князь II 14
 Вяземский Лисица Д. И., князь I 249, 259
 Гагарин А. В., князь I 319
 Гагарин А., князь I 393
 Гагарин Ал. Ф., князь I 417
 Гагарин Аф. Ф., князь I 417
 Гагарин Б. В., князь I 319
 Гагарин В., князь I 393
 Гагарин В. И., князь I 415
 Гагарин В. Ф., князь I 417
 Гагарин Д. Д. Шемяка, князь I 296, 415
 Гагарин И. П., князь I 417
 Гагарин И. С., князь I 206, 281, 415
 Гагарин И. Ф., князь I 415
 Гагарин М. С., князь I 417
 Гагарин Н. Ф., князь I 417
 Гагарин П. А. I 417
 Гагарин С., князь I 417
 Гагарин Ф. Д., князь I 417
 Гагарины, князья I 284, 417
 Гагин Великий В. А. Большой, князь I 113
 Гагин И. В. Меньшой, князь I 315
 Гальперин Г. Б. I 314, 316; II 228—229
 Гамель И. I 58, 61, 117, 143, 356, 362; II 105, 106, 157, 176
 Ганус I 349
 Гарабурда М. II 164
 Гваньини А. I 43, 344, 364, 372, 376, 395; II 33, 40, 64, 83, 90
 Гвоздев-Ростовский И. Ф., князь I 178, 252

Гелвасий, игумен II 54
 Геннинг С. I 375, 376
 Герасимов М. М. II, 161, 162
 Герасимова А. II 34
 Герберштейн С. I 162
 Герман (Полев Г. Ф.), архиепископ I 40, 41, 339, 340, 343, 404, 407—409
 Гермоген, патриарх I 408
 Герцен А. И. I 6
 Гиришберг В. Б. II 23
 Глинская Анна, княгиня I 72
 Глинский В. М., князь I 153, 161, 162; II 232
 Глинский И. М., князь II 187, 208—209
 Глинский М. В., князь I 71, 72, 132, 166, 169, 271, 367; II 208
 Глинский М. Л., князь I 69, 161, 162
 Глинский Ю. В., князь I 29, 33, 71, 245, 398
 Глинские, князья I 70—72, 74, 159, 161; II 191, 208
 Глухов З. И. I 393
 Глухов И. И. I 393
 Гневушев А. М. II 48, 62, 66, 67
 Годунов Б. Ф. I 36, 275, 368; II 108, 141, 157
 Годунов Д. И. II 157, 187, 240
 Годунов М. В. I 312, 315
 Годуновы I 312; II 157, 187
 Голицын-Булгаков В. Ю., князь I 315
 Голицын-Булгаков И. Ю., князь I 315
 Голицын-Булгаков Ю. М., князь I 76
 Голицыны, князья I 76, 149
 Голобуцкий В. А. I 133
 Головин В. П. I 165, 304
 Головин И. М. Большого I 281, 303, 320, 416
 Головин И. П. I 153, 304
 Головин М. П. I 42, 154, 304; II 232
 Головин П. И. I 304
 Головин П. П. I 140, 153, 303, 304; II 233
 Головин Ф. П. I 153
 Головины I 153, 154, 301—303, 306, 315, 336, 406
 Голохвастов Д. П. I 107, 108, 111
 Голохвастов-Казаринов Н. Г. I 107, 302, 392
 Голубцов И. А. II 45, 58
 Голыгин В. П., князь I 417
 Голыгин И. И., князь I 417
 Голыгин П. И., князь I 417
 Голыгины-Ярославские, князья I 417
 Горбатый-Суздальский А. Б., князь I 58, 70, 77, 91, 107—111, 142, 149,
 198, 241, 273—275, 288, 301—303, 305;
 II 227, 233
 Горбатый-Суздальский П. А., князь I 202, 273
 Горбатые-Суздальские, князья I 273, 274, 275
 Горбуша Е., старица II 54
 Горенский И. В., князь I 112
 Горенский П. И., князь I 42, 49, 57, 148, 149, 154, 195, 225, 226, 231, 245,
 272; II 233
 Горенский Ю. И., князь I 272
 Городецкий И. С., князь II 187
 Горсей Д., I 40, 63, 203; II 17, 63, 67, 126, 128, 129, 157, 159, 162
 Горский А. В. I 273; II 59
 Готье Ю. В. I 56, 145
 Грабар М. II 101

Грек К. Ю. I 287
Грек Максим I 87, 88, 99, 208, 209, 339, 404
Греков Б. Д. II 48, 53, 94, 107, 113, 144
Грибакин II 180
Григорьев М. II 51
Григорьев П. I 268; II 14, 107, 180, 187, 188
Грязной-Ильин В. Г. I 251, 258, 304; II 22, 42, 96, 153, 155, 180, 238
Грязной-Ильин Г. Б. Большой II 43, 154
Грязной-Ильин Р. Б. Меньшой I 269; II 155
Грязной-Ильин Н. Г. II 155
Губастый П. I 125
Губин-Маклаков Б. Ф. I 164
Губин-Маклаков Постник (Федор) I 164
Гудмэн З. I 396
Гундоров А. И., князь I 415, 417
Гундоров Д. В., князь I 225, 315
Гундоров И. В., князь I 293, 322, 415
Гундоров И. Д., князь I 322
Гундоров Н. Г., князь I 315, 319
Гундоров Р. И., князь I 47, 286, 287, 293, 391, 415
Гундоров С. Г., князь I 319, 323
Гундоров Ф. А., князь I 322
Гундоров Ф. И., князь I 293
Гундоров Ю. И., князь I 293
Гундоровы-Стародубские, князья I 66, 284
Густав Ваза, король I 145
Даниил, митрополит I 99
Данила, плотник II 33
Данилов В. Д. I 42, 304, 313, 336, 346; II 36—39, 48—51, 61, 81, 95,
232, 233
Данилов Услюм Я. И. I 165, 304, 320, 416
Данилов Услюмов Ф. Я. I 304, 320, 392, 416
Данилова Л. В. I 19
Даниловы I 306; II 142
Дашков А. Д., князь I 180, 392
Дашков И. Д., князь I 66, 392
Девлет-Гирей I 16, 128, 130, 166, 171, 187, 201, 228, 229, 308; II 125, 126,
129—131, 167, 169, 171—173
Деев Ф. П., князь I 315, 319
Дементьевы I 393
Дженкинсон А. I 145, 361, 362, 370, 371, 396; II 18
Джеро II 38, 63
Дивей-мурза II 169, 172, 176
Дмитриев И. Д. I 114
Дмитрий Иванович Донской, великий князь I 50
Дмитрий Иванович, царевич I 31, 75, 89, 91—93, 97, 217, 231; II 135, 197
Довойна С. I 105, 226, 282
Долгорукий И., князь II 143
Долгорукий П., князь I 269
Долгорукий Т. И., князь II 113, 230
Досифей, архимандрит I 399
Дровнин В. Г. II 240
Друцкий Д. А., князь I 354
Дубенский И. I 170
Дубнев М. II 94
Дубровский К. I 380
Дубровский С. М. I 13
Дулов Г. Ф., князь I 417

Дулов Д. И., князь I 417
 Дулов Д. Ф., князь I 417
 Дулов К. И., князь I 417
 Дуловы-Ярославские, князья I 417
 Дуров Н. В. I 416
 Дуров С. В. I 416
 Дуров Х. В. I 416
 Дуровы I 306
 Дятлов А. В. I 393, 416
 Дятлов А. Г. I 416
 Дятлов Г. В. I 393, 416
 Дятловы I 306, 416
 Евдоксия I 138
 Евфимий, старец, см. Цыплятев И. Е.
 Едигер, хан I 187
 Еж, рыболов II 23
 Екатерина Ягеллон I 145; II 9
 Елевферий, игумен I 141; II 87
 Елена Глинская, великая княгиня I 26, 51, 69, 73, 161, 271; II 195
 Елизавета, королева I 362; II 10, 118
 Елсуфьев Д. II 23
 Елсуфьев Н. В. I 164
 Ельчин И. II 23
 Ельчин Н. I 184
 Ельчина М. II 23
 Ельяшевич В. Б. I 19
 Ергольский Н. В. II 15
 Ергольский С. В. II 15
 Ермолай-Еразм I 85, 122, 124, 125
 Еропкин В. Ф. I 380
 Еропкины I 336
 Ефимья Владимировна, княжна Старицкая II 25, 78, 194
 Ефимьев Л. В. II 241
 Ефросинья (старица Евдокия), княгиня Старицкая I 50, 62, 76, 87, 92, 95—97, 102, 103, 105, 114, 148, 151, 182—186, 202, 299, 304, 318, 350, 366, 379, 389, 401; II 23, 25, 50, 150, 192, 233
 Ефстафий I 405; II 47
 Жданов И. Н. I 38, 43
 Жданский Н. II 94
 Жигальцо И. II 71
 Жижемский М. В., князь I 315
 Житовы I 355
 Жулебина М. I 184; II 23
 Заболоцкий Б. II 23, 24
 Заболоцкий В. Д. I 170
 Заболоцкий И. У. II 24
 Заболоцкий Ф. Т. I 280, 392, 416
 Заболоцкие I 206
 Загорский В. Ф. II 145
 Зайцев-Бирдюкин П. В. I 202, 244, 249, 250, 258, 267, 268, 312; II 14, 78, 140, 209, 240, 241
 Засекин Б., князь I 417
 Засекин Д. П., князь I 280, 284, 414
 Засекин И., князь I 280, 414

- Засекин И. Г., князь I 414
 Засекин Л. Б., князь I 417
 Засекин Л. И., князь I 165, 284, 414
 Засекин М., князь I 42, 380
 Засекин М. К., князь I 380
 Засекин М. Ф., князь I 380, 414
 Засекин П. Б., князь I 417
 Засекин С. Д., князь I 414
 Засекин-Баташов С. И., князь I 280, 283, 284, 392, 414
 Засекин-Володимеров И. И., князь I 289, 414
 Засекин-Глебов Б., князь II 50
 Засекин-Жирового А. Ф., князь I 417
 Засекин-Жирового В. Д., князь I 414
 Засекин-Жирового В. Ф., князь I 414
 Засекин-Жирового И. Д., князь I 414
 Засекин-Жирового И. Ф., князь I 417
 Засекин-Ноздрунов А. И., князь I 414
 Засекин-Смелого И. Ю., князь I 393, 414
 Засекин-Солнцев Лобан А. П., князь I 286, 414
 Засекин-Солнцев Д. В., князь I 285, 286, 289, 414
 Засекин-Солнцев И. А., князь I 321
 Засекин-Сосунов А. И., князь I 295, 325
 Засекин-Сосунов Ф. И., князь I 283, 284, 295, 414
 Засекин-Черный А. И., князь I 283
 Засекин-Черный И. И., князь I 414
 Засекин-Черный М. Ф., князь I 286
 Засекин-Чулков М. И., князь I 380
 Засекины-Ярославские, князья I 206, 284, 286, 289, 315, 321, 417
 Засецкий А. А. I, 356, 371; II 5, 7, 17, 126, 143
 Захаров-Гнильев В. Г. I 394; II 83, 94
 Захаров-Гнильев Я. Г. I 300, 394; II 23, 24
 Захарьин Г. Ю. I 29, 33, 71, 77, 114
 Захарьин М. Ю. I 69, 140, 151
 Захарьин Ю. I 77
 Захарьины I 31, 33, 48, 49, 65, 71, 74, 75, 77, 78, 83, 86, 87, 90—94, 96—98, 104—107, 111, 113, 115, 116, 118, 129, 138—140, 143, 145, 146, 148—150, 152, 154, 155, 161—163, 165, 167, 169, 181, 183, 186, 193, 194, 198, 200, 203, 206, 217, 218, 223—226, 231, 251, 269, 301, 302, 313, 340; II 4, 82, 84, 87, 132, 133, 135, 136, 138, 139, 142, 200, 226, 233
 Зачесломский А. Т. I 346, 393
 Звенигородские, князья I 199
 Зенг Ф. I 328, 337
 Зимин А. А. I 14—21, 23, 24, 26, 28, 29, 38, 39, 42, 50, 66, 69, 74—76, 80—82, 86—91, 93—95, 97, 102, 104, 109, 112, 113, 115, 118, 121, 122, 125, 126, 141, 148, 153, 154, 167, 189, 193, 200, 247, 251, 259—261, 263, 265, 268, 276, 286, 296, 301, 304, 310—312, 314, 316, 318, 336, 338, 339, 342, 345, 347, 349, 355, 367, 368, 374, 376, 379, 381, 394, 400—405, 407, 408; II 7, 14, 15, 25—27, 30, 31, 60, 62—64, 67, 70, 80, 94, 99, 100, 111, 113, 114, 125, 127, 128, 137, 143, 144, 185, 191, 193, 204, 209, 218, 220, 221, 223, 224, 226, 232, 234—236, 243
 Зиновьевич I 178
 Златоуст I 138
 Зубатые I 288
 Зутис Я. Я. I 136
 Зюзин В. Г. II 46, 153, 187
 Ибак I 189; II 212

Иван I Данилович Калита, великий князь I 50
Иван III Васильевич, великий князь I 50, 69, 89, 92, 129, 159, 160, 162,
204, 219, 234, 299, 304; II 26, 35, 47
191, 193, 196
Иван IV Васильевич Грозный, царь *повсюду*
Иван Иванович, царевич I 47—49, 51, 52, 97, 147, 152, 234, 235, 243, 290,
366; II 18, 79, 93, 132, 141, 175, 188, 197, 213
Иванов А. II 34
Иванов М. Г. I 346, 392
Иванов С. I 181
Ивашов А. I 346, 380
Игнатий, старец I 104
Измайлов И. Я. I 164
Иловайский Д. И. I 54
Ильинский А. Г. II 62, 63, 71, 72
Ильинский П. II 198
Ильины II 155, 157
Илья Радеев, воеводич II 209
Иоаким, архимандрит II 89
Иов, патриарх I 36
Иона, старец I 104
Иона, каменщик II 43
Иосаф Скрипицын, митрополит I 27, 115
Иосиф, епископ I 387
Иосиф, патриарх I 101
Исаак Сумин, старец II 89
Исмаил, хан II 213
Кавелин К. Д. I 6
Кавер Д. I 129
Кайбула Ахкубекович, хан I 225; II 212
Кайсаров Г. I 210
Кайсаров И. II 95
Калачев Н.-В. I 82, 109, 114
Калитин Ф. II 49
Каль Д. II 163
Кальп А. I 329
Каменский И. Ф. I 393
Каменские I 393
Канбаров И. М., князь I 59, 389; II 118
Кандоуров Д. В. II 51
Кандоуров М. В. II 51
Карамзин Н. М. I 5, 43, 328, 337, 368, 404; II 59, 212
Карамышев А. В. I 347; II 5
Карамышев В. В. I 347; II 5
Карамышев И. I 344, 345
Карамышев И. М. I 347, 348; II 5
Карамышев И. Ф. I 347
Карамышевы II 5
Карл, герцог II 21
Карпов В. Д. I 313
Карпов Д. Ф. II 232
Карпов М. А. I 180, 389; II 8
Карпов Ф. А. I 42, 96, 389; II 8
Карпов-Зайцев Н. А. I 315
Карпов-Лошкин В. В. I 206, 315
Карпов-Мухин В. П. I 215, 315, 389
Карповы I 315, 319, 354, 390, 402

- Катырев-Ростовский А. И., князь I 106, 108, 113, 282, 295, 296, 325, 326, 401, 402, 414; II 3, 8, 227, 231, 233
- Кафтырев Г. И. I 346, 392
- Качалкин П. I 184
- Кашин В. Н. II 106
- Кашин-Оболенский Д. Ю., князь I 315, 336
- Кашин-Оболенский И. И., князь I 272
- Кашин-Оболенский Ф. И., князь I 112
- Кашин-Оболенский Ю. И., князь I 112, 150, 165, 168, 175, 195, 196, 201; II 233
- Кашкаров Я. I 306, 326, 416
- Каштанов С. М. I 14, 141, 205, 206, 224, 248, 381, 409; II 14, 31, 89, 144, 191, 209, 221, 222, 235, 242
- Квашнин В. В. I 315, 336
- Квашнин П. II 240
- Квашнин-Поярков И. П. I 42, 279, 305, 320, 392, 416
- Квашнины I 42, 305; II 180
- Кетлер Г. I 134, 135, 173
- Кикин Д. А. I 279, 280
- Кирилл, митрополит II 87, 88, 174
- Кирилл, архиепископ I 35, 409
- Кирилл, игумен I 358; II 6
- Кирьянов С. I 386
- Кишкин М. Я. I 355
- Клешнин А. П. II 239
- Клобуков И. Т. I 154, 155, 156, 313; II 51, 244
- Клобуковы-Топорковы I 98
- Ключевский В. О. I 7, 12, 13, 75, 310, 314, 316, 383; II 190
- Кмита Ф. I 372
- Кобрин В. Б. I 14, 40, 148, 185, 246—248, 249—250, 252, 257—259, 262, 268, 286, 311, 318, 388, 409; II 98, 139, 140, 141, 150, 151, 152, 154, 157, 186, 214
- Кобылин С. I 382, 409
- Ковалевский П. И. II 161
- Ковров И. А., князь I 293, 315, 322, 415
- Ковров И. С., князь I 284, 287, 293, 322, 415
- Ковров Н. И., князь I 322
- Ковров П. А., князь I 284, 415
- Коврова М., княгиня I 323
- Ковровы, князья I 66
- Кожин А. I 386
- Козлов И. П. I 44, 359—361, 364, 365, 376
- Козловские, князья II 187
- Козловы I 360
- Колзаков В. Б. I 315
- Колтовский Г. А. II 152
- Колтовские II 174, 179
- Колычев Ал. Г. I 315, 319
- Колычев Аф. Г. I 319
- Колычев А. И. I 315
- Колычев А. Н. I 315
- Колычев Б. И. I 182
- Колычев Б. М. I 401
- Колычев В. I 390; II 8
- Колычев В. В. I 315, 381, 390
- Колычев Г. Г. I 315, 319; II 187
- Колычев Г. В. I 381
- Колычев Г. Ф. I 315

Колычев И. Б. I 302, 346, 381, 390, 402; II 8
Колычев И. И. I 346, 390
Колычев И. Ф. I 315
Колычев М. Б. I 315
Колычев М. В. II 187
Колычев М. И. I 184, 313, 318, 340, 346, 401, 402; II 8, 232, 233
Колычев М. М. I 401
Колычев П. Ф. I 315
Колычев С. И. I 342
Колычев С. М. I 401
Колычев Ф. С., см. Филипп, митрополит
Колычев-Лошаков В. Ф. I 315, 390
Колычев-Пупков А. И. I 381
Колычевы I 206, 246, 299, 315, 341, 347, 349, 350, 381, 389, 390, 402, 406;
II 142, 152, 187; см. также Умные, Хлызневые
Копанев А. И. II 66
Копос II 115
Корецкий В. И. I 83, 139; II 186, 218
Корнилий, игумен I 34, 180, 208, 213; II 58, 59
Корнилий, епископ I 403, 405
Королук В. Д. I 191
Корсаков С. С. II 99
Косой Феодосий I 104
Костомаров Н. И. I 7, 239
Котовы I 316; II 51
Котошихин Г. I 368; II 86, 187, 245
Крапоткин Н., князь II 120
Крапоткин Т. А., князь I 177
Крапоткины, князья I 315
Кривоборский А. И., князь I 284, 294, 303, 415
Кривоборский В. И. Большой, князь I 284, 415
Кривоборский В. И. Меньшой, князь I 284, 303, 415
Кривоборский Ф. И., князь I 284, 303, 415
Кроткой Ф. II 94
Крузе Э. I 41, 56—58, 62, 64, 118, 231—233, 240—243, 247, 257, 258, 260,
272, 273, 278, 297, 305, 329, 341, 344, 345, 354, 382—384, 386, 387,
400, 401, 407, 408; II 8, 14, 15, 19, 22, 24, 34, 39, 43, 45, 54, 55,
60, 63, 65, 70, 71, 82, 92, 105, 112, 123, 126, 128, 132, 138, 139,
140, 146, 153, 155, 158, 163, 164
Кубенский И., князь I 394
Кубенские, князья I 27, 70
Кувшинов П. II 51
Кудров И. II 101
Кузьма Литвинов II 36
Кузьмин М. М. II 102
Кузьмин И. I 315, 346, 380
Кунцевич Г. З. I 36
Куракин-Булгаков Г. А., князь I 295, 296, 299, 325, 413
Куракин-Булгаков Д. А., князь I 301
Куракин-Булгаков И. А., князь I 151, 299, 325, 338, 366; II 196, 233
Куракин-Булгаков П. А., князь I 63, 280, 295, 296, 299, 304, 315, 325, 338,
366, 413; II 231, 233
Куракин-Булгаков Ф. А., князь I 112, 301; II 232
Куракины-Булгаковы, князья I 31, 76, 95, 96, 149, 299, 301
Курбский А. М., князь I 19, 26, 27, 29, 30, 32, 34—43, 62, 75, 83, 91, 98, 99,
102, 105, 110, 111, 113, 115, 117, 118, 120, 124, 125,
129, 131, 133, 134, 136—145, 150, 151, 155, 156, 159,
160, 170, 171, 174, 178, 179, 180, 184, 194—203,

206—214, 216—224, 226, 228, 236—238, 243, 258, 272,
283, 288, 289, 303, 306, 334, 335, 338, 344, 351, 359,
361—363, 374, 388, 389—395, 400, 402—404, 406—
408; II 8, 19, 20, 39, 44, 49, 58, 63, 84, 90, 94, 97,
102, 137, 139, 140, 154, 157, 158, 160, 184, 203, 206,
207, 209, 233

Курлятев Вас. К., князь I 319

Курлятев Вл. К., князь I 315, 319, 346, 350, 391; II 8

Курлятев Д. И., князь I 16, 75, 78, 97, 109, 111—113, 115, 127, 140, 142,
149, 169, 194—196, 214, 215, 219, 220, 272, 336,
391; II 90, 233

Курлятев И., князь I 111

Курлятев И. Д., князь I 171

Курлятев К. И., князь I 112

Курлятев Ю. К., князь I 319

Курлятевы-Оболенские, князья I 171

Курцев Д., старец II 59

Курцев Иев, старец I 78, 156

Курцевы II 94; см. также Фуниковы

Кутузов И. II 51

Кутумов Айдар, мурза II 213

Кушева Е. Н. I 142, 163, 187, 395; II 11, 139

Лаврентий, игумен I 403

Лавров Н. Ф. I 21, 22, 24

Лазарев Дружина I 268

Лазарев П. II 34

Лакомец И. Я. II 107

Лалтев Б. II 51

Лалтев З. С. II 99

Ларионов И. Большой I 393

Ларионов И. Меньшой I 393

Латкин В. Н. I 239

Лашков Ф. I 229; II 139

Лебедянская А. II 37

Леваш, подьячий II 90

Левашов А. В. I 393

Левкий, архимандрит I 141, 207, 240; II 102, 184

Леклерк I 5

Лензей А. I 58, 59, 374; II 64, 97, 143, 157

Лензей Я. I 58

Леонид, архиепископ I 35, 40, 63; II 102, 103, 184

Леонид (Кавелин) I 107, 108

Леонтьев А. К. I 348, 366, 367; II 243

Леонтьев Б. Ф. II 14, 31

Леонтьев Г. I 197

Лилеев Н. В. II 211

Лихачев Д. С. I 30, 43

Лихачев Н. П. I 24, 26, 73, 82, 98, 115, 141, 155, 164, 199, 249, 268; II 38,
51, 86, 156, 238, 244

Лобанов-Ростовский А. Б. II 49, 50

Лобановы, см. Ростовские-Лобановы

Ловчиков Г. Д. I 215, 249, 261, 368, 387; II 14, 96

Лодыгин С. Г. II 180

Локк Х. I 356; II 16, 175

Лопатин М. М. I 346, 380

Лошкин, см. Карпов-Лошкин

Лурье Я. С. I 30, 37, 38, 43, 80, 81, 179, 213, 214, 358, 362, 396; II 6, 12

Лыков М. М. I 153, 295, 304, 320, 401, 402, 416; II 8, 233

Лыков С. I 304
 Лыковы I 301, 304, 306
 Лыков И. И., князь I 315, 319
 Лыков И. Ю., князь I 202
 Лыков М. Ю., князь I 111; II 120
 Лыков Ю. В., князь I 96
 Лыковы-Оболенские, князья I 304
 Любавский М. К. I 175, 182, 287, 309, 322, 359, 372
 Любименко И. И. I 371; II 105
 Любич-Романович В. I 61, 144, 232, 241, 243, 329; II 105, 163, 243
 Лютер М. I 100
 Львов Угрим, см. Пивов У. Л.
 Льяловская-Стародубская Е., княгиня I 323
 Льяловский-Стародубский А. И., князь I 291
 Льяловский-Стародубский С. И., князь I 291
 Льяловский-Стародубский Сорока Ю. М., князь I 284
 Ляцкий-Захарьин И. В. I 69
 Магнус, герцог I 47, 172; II 78, 79, 119, 120, 121, 133, 136, 137, 164, 172,
 188, 194, 209—210
 Макарий, митрополит I 33, 74, 87—89, 98, 105, 109, 139, 140, 171, 183, 193,
 195, 197, 327; II 87
 Маклаков Д. Д. II 99
 Маклаков И. Д. II 99
 Маклаков С. И. II 99
 Максим II 34
 Максим (Мишка) литвин, слуга II 36—38
 Малеш А. И. I 58, 59
 Малечков П. I 393
 Малинин В. I 107
 Мальцев С. II 12, 77
 Мамай, мурза I 229
 Мансуров А. В. I 84
 Мансуров Я. Д. II 240
 Мануйлов С. I 386
 Мануйловы I 386
 Маньков А. Г. I 255; II 31, 70, 80, 144
 Марголин С. Л. II 123
 Мария Владимировна, княжна Старицкая II 25, 162, 194, 210
 Мария Ивановна, царица II 141
 Мария «Могдалыня» I 124, 194
 Мария Темрюковна Черкасская, царица I 48, 62, 145, 147, 162, 194, 248,
 249, 392; II 22, 138, 139, 141
 Мария Нагая, царица II 197
 Мартьянов Б. II 94
 Мартьяновы II 94
 Марфа Собакина, царица II 114, 141, 142, 149, 153, 157, 174
 Масленникова Н. Н. I 208
 Матвеев И. II 51
 Матвеевы II 94
 Матиас (Матюшка) I 102, 104
 Матисов В. II 188
 Мезецкая Мария, княжна II 194
 Мезецкая М. С., княгиня I 291, 323
 Мезецкая Ф. С., см. Пожарская Ф. С.
 Мезецкий Б. И., князь I 206, 281, 285, 415
 Мезецкий М. В., князь I 315
 Мезецкий С. И., князь I 206, 280, 285, 415
 Мезецкие, князья I 315, 336

Меркурий, игумен II 87
 Мещерский А., князь I 392
 Мещерский Г. Ф., князь I 59
 Мещерский Н., князь I 392
 Микулин Г. II 32
 Микулинский-Тверской П. И., князь I 165; II 232
 Микулинский-Тверской С. И., князь I 31, 97
 Микулинские-Тверские, князья I 89, 148, 159
 Милославский Г. II 94
 Милославский И. II 48
 Милюков И. В. II 240
 Милюков П. Н. I 83, 84, 185
 Милюков-Старой А. М. II 98
 Миссенгейм Г. I 100, 101, 329
 Митнев М. С. I 393
 Митрофан, архимандрит II 89
 Михаил Олелькович, князь II 39
 Михаил, плотник II 33
 Михайлов Е. II 241
 Михайлов П. I 238, 250, 300; II 244, 245
 Михнев-Елизаров И. Е. I 306, 416
 Мишуриин С. Ф. II 98, 177
 Мишуриин Ф. С. I 70
 Моложский В. А., князь I 284, 413
 Моложские-Ярославские, князья I 284
 Молява, повар II 23
 Молявин А. II 95
 Молявин И. II 23
 Молявин Л. II 23
 Молявин Я. II 23
 Монастыревы II 51, 99
 Морозов В. В. I 77, 153, 165, 226; II 19, 233
 Морозов Г. В. I 77, 303, 389
 Морозов И. М. I 315; II 178
 Морозов Л. Г. I 319
 Морозов М. Я. I 39, 40, 75—77, 140, 142, 148, 156, 169, 178, 179, 199, 216,
 313, 328; II 131, 199, 206, 207, 233
 Морозов П. В. I 40, 77, 201, 225; II 21, 233
 Морозов С. И. I 77, 97
 Морозовы I 40, 65, 71, 77, 154, 200, 227, 246, 269, 301, 303, 306, 315, 336,
 406; II 226, 233; см. также Салтыковы, Шеины
 Морткин В. И., князь I 284, 414
 Морткин И., князь I 414
 Морткин Л. В., князь I 414
 Морткины-Ярославские, князья I 284
 Мосальский А. С., князь I 315
 Мосальский-Литвинов В. В., князь II 87, 156, 178, 230
 Мосальские, князья I 66, 158, 315
 Мстиславец П. I 101, 330—332
 Мстиславский И. Ф., князь I 16, 43, 44, 63, 75, 76, 94, 97, 99, 109, 110,
 135—137, 140, 148, 149, 153, 159, 167, 168, 183,
 242, 245, 269, 270, 313, 338, 341, 360—363, 378;
 II 130, 131, 132, 149, 173, 177, 178, 198—202,
 205, 211, 215, 233
 Мстиславский Ф. М., князь II 198—199
 Мстиславские, князья I 50, 68, 76, 89, 318, 338; II 149, 191
 Мухин, см. Карпов-Мухин
 Мусоргский А. II 51

Мусоргский И. С. II 99
 Мусоргский Л. II 51
 Мусоргские II 48
 Мясоедов Ф. II 79
 Мятлев Н. В. I 250; II 241
 Мячков И. И. I 291, 318
 Нагаев-Ромодановский А. А., князь I 280, 284, 293, 294, 322, 415
 Нагаев-Ромодановский И., князь I 284
 Нагаев-Ромодановский Н. И., князь I 284
 Нагаев Ф. А., князь I 322
 Нагаева Е., княгиня I 322
 Нагаевы-Ромодановские, князья I 322
 Нагая А. А. II 25, 194
 Нагой А. Ф. I 172, 228, 309; II 141, 239
 Нагой Г. И. I 315
 Нагой Ф. М. I 71
 Нагой Ф. Ф. II 187
 Нагой Ю. Ф. I 315
 Нагие I 71; 315; II 227
 Назаров В. Д. I 247
 Насонов А. Н. I 34; II 30, 115, 116
 Наумов Б. В. I 250
 Наумов В. И. I 206, 250
 Наумов В. Ф. I 47, 244, 249, 250; II 157, 240
 Наумов Я. Г. I 250
 Наумов Бурухин М. Ф. I 84, 250
 Наумов-Жокула И. Ф. I 250
 Наумовы I 249, 250
 Нацокин А. Ж. II 34
 Нацокины II 156; см. также Олферовы, Безнины
 Невежа А. I 101
 Невклюдов М. I 210
 Недюрев М. I 266; II 188
 Неелов А. II 51
 Неклюдов Ф. Е. I 184
 Нелединский Ж. II 51
 Немого Ерш Оболенский Д. И., князь I 31, 90, 96, 112, 149, 162, 168, 194,
 223, 271, 325; II 233
 Немой-Оболенский И., князь I 161
 Несвицкий Ф. Д., князь I 354, 393
 Неупокой, плотник II 33
 Нефедьев М. I 101
 Нечаев Н. Н. II 99
 Нечаев Путила (Семен) Михайлов I 313
 Ниештедт Ф. I 211, 372; II 163
 Никандр, архиепископ I 339
 Никитин Н. I 280
 Никитский А. И. II 47
 Никола, юродивый II 60
 Никольский Н. К. II 89
 Новицкий В. И. I 232
 Новицкий Г. А. I 56
 Новодворский В. I 59; II 154, 156, 164
 Новосельский А. А. II 11
 Новосельские, князья I 50
 Новосильцев И. П. II 85, 211, 213
 Новосильцев К. II 51
 Ногтев-Оболенский А. В., князь I 272

- Ногтев-Оболенский М. А., князь I 272
 Носов Н. Е. I 67, 79, 121, 232; II 224
 Нохтев-Суздальский А. И., князь I 113, 168, 274, 300; II 24, 25, 233
 Оболенский М. Ю., князь I 315
 Оболенский Ф. М., князь I 165; II 230, 232
 Оболенские, князья I 51, 66, 78, 89, 112, 116, 149, 159, 165, 194—196, 198, 209, 225, 271—273, 306, 315, 319, 415; II 90, 151, 230; см. также Горенские, Долгорукие, Кашины, Курлятевы, Лыковы, Немые, Ногтевы, Пенинские, Репнины, Серебряные, Телепневы, Тюфякины, Щербатые, Ярославовы
 Образцов Г. Р. I 206, 391
 Образцов С. Р. I 206, 391
 Образцов Ф. Р. I 346, 391
 Образцовы I 336, 391
 Образцов-Рогатый М. I 326
 Овцын И. Д. II 240
 Овчина, см. Телепнев-Оболенский Овчина
 Огалин И. В. I 354
 Оглобля II 34
 Огородников В. II 162
 Одоевская А. Р., княгиня II 22
 Одоевская Е., княжна II 22
 Одоевский Н. Р., князь I 39, 41, 315, 319; II 131, 149—151, 153, 168, 170, 178, 179, 186, 197, 199, 206, 207, 215, 232
 Одоевские, князья I 50, 51, 68, 159; II 183, 191, 195, 201, 207, 215
 Олдер Ф. II 106
 Олферов-Нащокин Р. В. I 251, 312; II 153, 156, 157, 178, 238, 239, 245
 Олферовы II 157
 Ольгов А. И. I 416
 Ольгов И. К. I 82
 Ольгов К. В. I 416
 Ольгов М. И. I 416
 Ольгов П. В. I 416
 Ольгов Ф. В. I 416
 Ольгов Ф. Н. I 82, 278, 288, 305, 326, 416
 Ольгов Ф. С. I 416
 Ольгов-Путилов В. Ф. I 287, 416
 Ольгов-Путилов Д. Ф. I 287, 416
 Ольгов-Путилов З. Ф. I 287
 Ольгов-Путилов К. Ф. I 287, 416
 Ольгов-Путилов Н. Ф. I 287, 305, 326, 416
 Ольгов-Путилов С. I 287
 Ольгова-Путилова Е. I 287
 Ольговы I 83, 139, 178, 179, 287, 305, 325
 Онучин А. И. I 417
 Онучин А. М. I 417
 Онучин А. Р. I 417
 Онучин Б. И. I 417
 Онучин Б. К. I 417
 Онучин Б. Р. I 417
 Онучин В. Я. I 417
 Онучин Г. М. I 417
 Онучин Г. Р. I 417
 Онучин Д. I 306
 Онучин Д. М. I 417
 Онучин И. Г. I 417
 Онучин И. И. I 417

Онучин И. К. I 417
Онучин И. М. I 417
Онучин И. Ч. I 417
Онучин Н. К. I 417
Онучин С. И. I 417
Онучин С. К. I 417
Онучин Т. К. I 417
Онучины I 306, 417
Опалев З. М. II 99
Опалев И. II 51
Оплечюев Д. II 51
Оплечюев П. II 51
Оплечюев С. И. II 51
Опухтин Н. I 386
Орефа II 115
Орлов Б. П. I 101
Осипский-Стародубский В. П., князь I 291
Осорьин С. II 113, 114
Осорьин II 187
Охлябнин-Ярославский И. П., князь I 191
Охлябнин-Ярославский Р. В., князь I 312, 315, 319, 339
Охотин-Плещеев А. И. I 245
Очин-Плещеев З. И. I 135, 177, 191, 244—246; II 41, 97, 232, 233
Очин-Плещеев Н. И. I 245, 246
Очин-Плещеев И. И. I 138, 182, 246, 339; II 97
Ошанин В. Ф. I 251, 355; II 42, 43, 155
Ошанин Ф. II 42, 43
Павел Абосский II 165
Павлинов-Плещеев И. Н. I 245; II 42, 50
Павлинов-Плещеев О. Н. I 245
Павлов-Сильванский Н. П. I 8, 126
Паисий, игумен I 406; II 88
Палецкая У. Д., княгиня II 196
Палецкий А. Д., князь I 292, 315, 319
Палецкий Б. Д., князь I 292, 315, 319
Палецкий Б. И., князь I 97
Палецкий В. Д., князь I 292, 315, 319, 364, 365
Палецкий Д. Ф., князь I 27, 75, 78, 97, 113, 150, 197, 292; II 195
Палецкий С. Д., князь I 292
Палецкий Ф. Д., князь I 292
Палицын Г. II 245
Палицын Р. II 88
Палицына А. I 184; II 23, 50
Палицыны II 94
Памва, архимандрит II 87
Панях В. М. II 108
Павины II 187
Парфеньев Н. А. II 147, 148
Патрикеев Вассиан, старец I 87, 88
Патрикеевы, князья I 76, 96, 498, 299, 315, 338
Пафнутий, епископ I 399, 405
Паюсов А. II 51
Паюсов В. II 94
Паюсов Г. И. II 51
Паюсов И. И. II 51
Паюсов И. И. Меньшой II 51
Паюсов К. Г. II 98
Паюсов Л. II 83

- Паюсов М. И. II 51
 Паюсов П. И. II 51
 Паюсов П. Н. II 51
 Паюсов Т. Н. II 51
 Пелепелицын И. Г. I 393
 Пелепелицын И. Г. Другой I 393
 Пелепелицыны I 354
 Пенинский-Оболенский Ю. А. Меньшой, князь I 96
 Пенинский-Оболенский Ю. И., князь II 42
 Пенков Д., князь I 51
 Перепечин Г. Ф. I 393
 Пересветов И. С. I 80, 81, 82, 85, 99, 102, 104, 113, 122, 124, 125, 141, 193, 264, 296; II 235—236, 238
Перетяткович Г. I 296
 Перхуров И. Р. II 34
 Петр, митрополит I 204
 Петров П. II 24, 36
 Петров Ф. II 34
Петровский М. I 210
Петухов Е. В. I 37
 Пешков А. II 58
 Пешков С. II 94
 Пешков Т. II 36, 48, 58, 94
 Пивов В. М. I 251
 Пивов Д. М. I 251, 399
 Пивов М. В. I 251
 Пивов Р. М. I 251; II 156, 239
 Пивов У. Л. I 249, 250
 Пимен, архиепископ I 34, 40, 41, 204, 240, 337, 339, 398, 399, 404, 405; II 26, 27, 40, 43, 44, 46—49, 52, 57, 61, 62, 70, 84, 88—90, 92, 96, 100, 102, 136, 246
 Пимен, старец II 54
 Писемские I 288
Платонов С. Ф. I 7, 8, 10, 11, 13, 19, 262, 263, 276, 298; II 13, 185, 190, 222
 Плещеев А. I 315
 Плещеев А. И. I 246
 Плещеев Б. А. I 315
 Плещеев Г. Г. I 315, 319
 Плещеев Г. С. I 187; II 41, 42
 Плещеев Г. Ф. I 246
 Плещеев Д. Г. I 179
 Плещеев Иван II 42, 50
 Плещеев Илья II 42, 50
 Плещеев М. Т. I 245; II 188
 Плещеев Колодка И. Д. I 246; II 14, 97
 Плещеев Юрл I 141
 Плещеевы I 65, 200, 203, 246, 315; II 14, 41, 50, 97, 142, 157, 227, 233; см. также Басмановы, Охотины, Очины, Павлиновы
Погодин М. П. I 5
 Поджегин Шигона И. Ю. II 238
 Пожарская М., княгиня I 294
 Пожарская Ф. С., княгиня I 291, 292, 323
 Пожарский Б. С., князь I 322
 Пожарский Б. Ф. Долгий, князь I 291
 Пожарский Д. М., князь I 279
 Пожарский Д. И., князь I 302
 Пожарский И. В. Черный, князь I 291, 323

Пожарский И. И. Большой, князь I 293
 Пожарский И. И. Меньшой, князь I 47, 293, 322
 Пожарский И. П., князь I 323
 Пожарский М. Б., князь I 294, 415
 Пожарский П. Б., князь I 291, 292
 Пожарский П. В., князь I 284, 415
 Пожарский С. В., князь I 326, 415
 Пожарский Т. Ф., князь I 291
 Пожарский Ф. И. Третьяков, князь I 165, 279
 Пожарский Ф. И. Меньшого, князь I 284, 293, 415
 Пожарские-Стародубские, князья I 66, 284, 291, 292, 294
 Поздячко I 215
Покровский М. Н. I 9; II 216—217, 234
 Полев Г. О. I 354
 Полев Г. Ф., см. Герман
 Полев О. В. I 139
Полевой О. В. I 83
 Поливанов К. Д. I 237; II 57, 101
Полосин И. И. 9, 10, 60, 129, 373; II 108, 111, 113
 Полубенский А., князь I 37, 137; II 11, 34
 Полуехтовы-Бутурлины, см. Бутурлины-Полуехтовы
 Портико, нунций I 60; II 134
Порфирьев И. Я. I 36
 Поссевин А. I 367, 368
 Поярков, см. Квашнин
 Приемков-Ростовский А. Д., князь I 417
 Приемков-Ростовский В. В. Волк, князь I 106, 165, 252, 282, 380, 414
 Приемков-Ростовский В. Р., князь I 252, 414
 Приемков-Ростовский Д. Б., князь I 319
 Приемков-Ростовский Д. М., князь I 252, 414
 Приемков-Ростовский М. А., князь I 252, 282, 414
 Приемков-Ростовский Р. А., князь I 252, 282, 414
 Приемковы-Ростовские, князья I 252, 282, 380
 Прозоровский А. И., князь I 151, 315, 319
 Прозоровский В. И., князь I 43, 315
 Прозоровский М. Ф., князь I 180, 295
 Прозоровский Н., князь I 43; II 79
 Прозоровские-Ярославские, князья I 43, 112
 Прокофьев Б. II 136
 Пронская Ф., княгиня I 318
 Пронский В. Ф., см. Рыбин-Пронский В. Ф.
 Пронский Д. Ф., князь I 96
 Пронский И. И. Турунтай, князь I 30, 72, 73, 76, 90, 94, 96, 112, 153, 169,
 183, 230, 242, 301, 302, 313, 341, 346, 347,
 349; II 19, 150, 233
 Пронский П. Д., князь I 185, 295, 318; II 38, 57, 77, 98, 150, 151, 176, 232
 Пронский С. Д., князь II 150, 153, 178, 232
 Пронские, князья I 89, 149, 159; II 149, 150, 152, 186, 195
Пронштейн А. П. II 29, 35, 52, 53, 63
Путилов Б. Н. II 135
 Путилов Б. С. I 305, 416
 Путилов В. С. I 416
 Путилов И. С. I 416
 Путилов М. Я. I 278, 288, 305, 326, 416
 Путилов О. З. I 416
 Путилов Ф. З. I 416
 Путиловы I 287, 288, 305, 325, 416, см. также Ольговы-Путиловы
 Путятин М., князь I 177

Путятин И. Ф. II 99
 Пушкарев С. Г. I 19
 Пушкин Дмитрий I 42
 Пушкин Докучай I 42
 Пушкин Н. I 42
 Пыжов В. Я. I 302
 Пыжов Ф. Я. I 302
 Пыжов-Отяев В. Я. II 99
 Пыжов-Отяев М. Я. II 97
 Пыжов-Отяев П. Ф. II 99
Рабинович Г. С. I 254
 Радзивил Н. I 173, 175, 177, 189, 190, 211
 Радун II 179, 209
 Разладин-Квашнин В. В. I 42
 Разладина I 42
 Раи, мурза II 211
 Рандольф Т. I 369; II 9, 10, 18, 118
 Репнин-Оболенский А. В., князь I 315, 336; II 168
 Репнин-Оболенский В. И., князь I 303
 Репнин-Оболенский М. П., князь I 112, 149, 165, 168, 175, 195, 196, 222, 233
 Реутов И. II 93
 Ржевский А. Д. I 306, 393, 416
 Ржевский Д. II 123
Рихтер В. I 58
Рогинский М. Г. I 56, 57, 58, 241, 257, 260, 305; II 34, 63, 126
Рождественский С. В. I 262, 279, 280, 291, 293, 298, 322—324, 417
Рожков Н. А. I 8; II 217
Розанов С. П. I 21
 Романов М. Ф., царь I 303
 Романов М. II 51
 Романов П. Ш. I 380
 Романовы-Захарьины I 67, 77, 83, 241; II 191
 Ромодановский Б. И., князь I 287, 322
 Ромодановский И., князь I 280, 294, 415
 Ромодановский И. Б., князь I 292, 294
 Ромодановский-Козлаков И. М., князь I 292
 Ромодановский И. Ф. Гнуса, князь I 292
 Ромодановский К. И., князь I 292
 Ромодановский М. Б., князь I 292
 Ромодановский Н. И., князь I 292, 415
 Ромодановский П. Б. Шарап, князь I 292
 Ромодановский Ф. Б., князь I 113, 284, 292, 294
 Ромодановские, князья I 292; см. также Нагаевы-Ромодановские
 Роп, немчин II 36, 38
 Ростовский А. Д., князь I 106
 Ростовская-Лобанова Е., княгиня II 50
 Ростовский-Лобанов И. Б., князь I 106
 Ростовский-Лобанов И. С., князь I 282, 415
 Ростовский-Лобанов Н. Б., князь I 106
 Ростовский-Лобанов Н. С., князь I 105
 Ростовский-Лобанов С. В., князь I 27, 31, 32, 75, 90, 92, 95, 97, 105—108, 183, 193, 226, 281; II 50, 233
 Ростовский-Лобанов С. М., князь I 417
 Ростовский-Лобанов Ф. М., князь I 282, 415, 417
 Ростовские, князья I 66, 67, 78, 116, 158, 194, 252, 275, 278, 281, 282, 284, 285, 295, 298, 301, 306, 307, 315, 319, 320, 336, 380, 402, 411; II 3, 183, 225, 227; см. также Бахтеяровы, Быч-

ковы, Гвоздевы, Катыревы, Приемковы, Темкины, Холжковы, Щепины, Яновы

- Ростовцев Б. II 94, 95
Рубцов С. А. II 34
Румянцев К. I 315, 346; II 38, 94, 95, 245
Русинов Л. I 384
Рыбин-Пронский В. Ф., князь I 303, 315, 344, 345, 347—350; II 150
Рылов Ф. I 268; II 241
Рюссов Б. I 328, 376; II 40
Рютгер Р. I 370
Рязанцев А. I 57, 305
Рязанцев И. II 94
Рязанцев П. II 245
Рясин Ф. А. I 386
Сабуров Б. Ю. I 315; II 142, 232
Сабуров В. Б. II 142, 152, 232
Сабуров В. Ю. I 315
Сабуров Г. П. I 180, 315
Сабуров З. И. I 135; II 176, 179
Сабуров И. I 321
Сабуров И. И. I 315
Сабуров-Вислоухий Н. I 390
Сабуров-Вислоухий С. I 390
Сабуров-Долгово И. А. I 390
Сабуров-Долгово С. И. I 315
Сабурова С. I 51
Сабурова-Вислоухая Е. Б. II 141, 142
Сабуровы I 315, 354, 389, 390, 393; II 36, 141
Савва В. В. I 394
Савельев Л. М. I 287, 291, 293, 321—323, 326
Савуров А. II 36, 245
Садиков П. А. I 9, 83, 121, 164, 184, 250, 263, 267, 268, 286, 288, 299, 304, 311, 315, 338, 339, 342, 345, 379, 395; II 11—15, 31, 42, 49, 77, 82, 89, 91, 141, 147, 148, 155, 156, 185, 190, 204
Салтыков В. Г. I 315
Салтыков Л. А. I 28, 29, 40, 57, 77, 97, 115, 153, 154, 227, 233, 246, 247, 265, 303; II 47, 139, 233, 239
Салтыков Н. Х. I 315, 319
Салтыков П. Я. I 315
Салтыков Ф. И. I 42, 187, 206, 228, 315, 319; II 130, 139, 140, 199, 207, 233
Салтыков Я. А. I 115, 206
Салтыковы-Морозовы I 115; II 142
Самоквасов Д. Я. I 120, 334; II 32, 48—52, 56, 57, 71—73, 76, 93, 94, 107—109; 111, 115, 155, 180, 188
Сангушко I 364
Санин Иосиф I 98, 193
Сапунов Б. В. I 330—332
Сарыхозин М. II 33
Сатин Ал. П. I 179, 180
Сатин Анд. I 180
Сатин И. I 180
Сатин М. I 180
Сатин Н. I 180
Сатин Фед. I 180
Сатин Ферапонт I 180
Сатина В. I 180
Сатины I 142
Сахаров А. М. II 223, 234, 235

- Связев А. II 23, 24, 36, 38, 59
 Связев Т. II 59
 Сегал А. Е. II 143
 Селезнев Ш. II 23
 Селезнева А. II 23, 24
 Селифонтов Н. Н. I 77
 Семен Лугвень, князь II 39
 Серебряный-Оболенский В. С., князь I 57, 76, 111, 112, 131, 133, 149, 175—177, 189, 195, 230, 273, 305, 309, 313; II 90, 232
 Серебряный-Оболенский П. С., князь I 16, 31, 96, 112, 150, 189, 195, 301, 364, 365, 398; II 12, 90, 233
 Середонин С. М. I 258, 298
 Сигизмунд II Август, король I 39, 47, 50, 60, 134, 145, 162, 163, 165, 167, 173, 210, 211, 215, 221, 360, 361, 372, 376, 395, 402; II 34, 47, 79, 119, 164, 203
 Сидоров А. А. I 101
 Сидоров Г. И. I 391
 Сидоров Г. С. I 392
 Сидоров Ю. I 355; II 51
 Сидоровы-Ковылины I 306
 Сильвестр, архимандрит II 102
 Сильвестр I 12, 26, 30, 31, 74, 87, 90, 98, 99, 103—105, 108, 109, 111—119, 124, 127, 135, 138—144, 146, 148, 150, 151, 154, 155, 160, 170, 180, 181, 184, 193—195, 197, 198, 205, 207, 213—215, 218—220, 235, 273, 328, 329, 370, 404; II 58, 159, 195
 Сильвестров А. I 113, 142, 315
 Симеон Бекбулатович I 33, 62, 63, 102, 103, 261; II 211
 Симеон (Едигер) Касаевич, хан II 212
 Сисеев-Ярославский Ф. В., князь I 315, 346, 391; II 8
 Сицкий-Ярославский В. А., князь I 112, 113, 152, 154, 247, 248, 251, 283; II 149, 152, 179, 186, 213, 233
 Сицкий-Ярославский В. В., князь I 245
 Сицкий-Ярославский Ф. В., князь II 157
 Сицкий-Ярославский Д. Ю. Меньшого, князь I 42, 281, 283, 289, 392, 413
 Сицкий-Ярославский Ю. И., князь I 281, 325, 413
 Сицкие-Ярославские, князья I 251, 283, 284, 289
 Скопин-Шуйский В. Ф., князь I 315, 319
 Скопин-Шуйский Ф. И., князь I 70, 71, 91, 109
 Скрипель М. О. I 181
 Скрипицын Д. Т. I 115
 Скуратов-Бельский М. Л. I 251, 387, 408; II 22, 42, 44, 64—66, 84, 93, 96, 135, 136, 140, 141, 152—155, 157, 160, 208, 238
 Смирнов И. И. I 9—11, 69, 74—76, 80—84, 86—90, 92—95, 97, 113, 115, 116, 123, 126; II 27, 30, 108, 111, 216, 218, 220, 221—223—226, 241
 Смирнов Н. А. II 12
 Смирнов П. П. II 211—213
 Смывалов Т. I 316
 Снегирев И. I 100
 Снегирев Н. I 115
 Собака И. Д. II 177
 Собакин В. С. Большой II 141, 142, 232
 Собакин В. С. Меньшой II 142, 179, 232
 Собакин Г. С. II 142, 179, 232
 Собакин К. В. II 240
 Собакин Т. I 386
 Собакины II 141

- Совин А. Г. II 10, 118, 157
Совин П. Г. I 268; II 101
Созонов К. I 178
Соловьев С. М. I 6, 372
Соломонов Ф. II 23
Сотницкий Б. А. I 416
Сотницкий В. Д. I 306, 393, 416
Сотницкий И. Н. I 306, 416
Сотницкий Т. Я. I 416
Сотницкий Ф. Д. I 306, 393, 416
Софроновский П. Д. I 346; II 95
Сталин И. В. I 11, 13
Старицкие князья I 28, 32, 55, 68, 70, 76, 87, 90, 92—99, 105—107, 113, 115, 116, 146, 149, 162, 165, 181—186, 193, 196, 217, 271, 298, 300—302, 318, 338, 342, 356, 379, 380, 393, 401, 409; II 7, 25, 35, 50, 87, 195
Стародубская-Льяловская Е., княгиня I 291
Стародубская-Льяловская М., княгиня I 291, 294, 323
Стародубский Н. В., князь I 295
Стародубский Н. М. Сорока, князь I 293, 295, 322, 323, 325, 326, 415
Стародубский Н. Н., князь I 322
Стародубские, князья I 66, 67, 78, 89, 159, 165, 194, 197, 198, 275, 281, 284, 287, 288, 290, 293—295, 298, 301, 307, 315, 320, 321—323, 326, 411; II 151, 183, 225, 227; см. также Гундоровы, Ковровы, Кривоборские, Льяловские, Нагаевы, Палецкие, Пожарские, Стрипины-Ряполовские, Ромодановские, Татевы, Тулуповы, Хилковы
Степанов-Угримов Василий I 315, 346; II 24, 83, 93, 244
Стефан, воеводич II 209
Стороженко Н. II 127, 129
Стригин-Ряполовский А. И., князь I 280, 284, 321, 415
Строгановы I 353, 354; II 15, 200, 242
Строев П. М. I 41, 171, 403, 404, 408; II 87
Стромиллов Н. В. II 15
Стрыйковский М. I 189, 190, 365, 372, 395
Ступишин Г. Б. I 306, 393, 416
Суворов Н. II 17
Суворов П. I 315; II 178, 187
Суета II 95
Суздальские, князья I 16, 66, 67, 78, 89, 116, 146, 158, 194, 241, 273, 275, 288, 289, 298, 301, 306, 307, 315, 319, 411; II 3, 25, 149, 151, 225; см. также Барбашины, Горбатые, Нохтевы, Шуйские
Сузин В. I 316
Сукин Б. И. I 73, 140, 184, 313; II 86, 230, 241
Сукин М., старец I 87, 129, 140, 155
Сукин С. I 73
Сукин Ф. И. I 73, 83, 114, 140, 153, 155, 156; II 232
Сукины I 114, 155
Суков-Нелюб В. С. II 177
Сумароков Б. II 124
Сухотин Л. М. I 19, 39, 285, 286, 311, 321, 390; II 13, 14, 131, 176—178, 183, 189, 234
Сырков А. Д. II 53
Сырков Д. И. II 52
Сырков И. II 52
Сырков Ф. Д. II 52, 245
Сырковы II 53

Сыроечковский В. Е. I 316
 Сысоев З. М. II 99
 Сысоев И. II 35, 36, 50
 Сысоев С. М. II 99
 Сысоевы II 51
 Талвош II 79, 80
 Тараканов А. II 53
 Тараканов Г. Ф. I 316
 Тараканов И. Н. I 210
 Тараканов М. I 280
 Таракановы II 53
 Тарановский А. II 12
 Таратины II 181
 Татев П. И., князь I 315, 319
 Татев Ф. И., князь I 165, 229, 319
Татищев В. Н. I 4
 Татищев Мунтов И. В. Большой I 346, 393
 Татищев Мунтов И. В. Меньшой I 346, 393
 Татищев К. I 393
 Татищев М. И. I 250
 Татищевы I 393
 Таубе И. I 41, 56—58, 62, 64, 118, 231—233, 240—243, 247, 257, 258, 260, 265, 272, 273, 278, 297, 305, 329, 341, 344, 345, 354, 382—384, 386, 387, 400, 401, 407, 408; II 8, 14, 15, 19, 22, 24, 34, 39, 43, 45, 54, 55, 60, 63, 65, 70, 71, 82, 92, 105, 112, 123, 126, 128, 132, 138—140, 146, 153, 155, 158, 163, 164
 Тверские-Микулинские, см. Микулинские-Тверские
 Теве I 330, 331
 Тевекелев И. М., князь II 240
 Телепнев-Оболенский Овчина И. Ф., князь I 26, 69
 Телепнев-Оболенский Овчинин Д. Ф., князь I 202, 222—224, 272
 Телепневы-Оболенские, князья I 272
 Телятевский А. П., князь I 22, 148—149, 154, 203, 259, 312; II 41
 Телятевский В. И., князь I 315
 Телятевский П. И., князь I 154; II 232
 Темкин-Ростовский В. И., князь I 251, 252, 282, 399; II 86, 94, 139, 140, 147, 148, 151, 195, 232, 233
 Темкин-Ростовский Д. Ю., князь I 280, 282, 414
 Темкин-Ростовский И. В., князь I 282, 414; II 139, 140
 Темкин-Ростовский И. Г., князь I 280, 282, 414
 Темкин-Ростовский И. Ю., князь I 281, 282, 414
 Темкин-Ростовский М. Г., князь I 282, 414
 Темкин-Ростовский Ю. В., князь I 70, 91, 282
 Теребердей-мурза II 169, 170, 172
Терешкевич О. Ф. II 66, 67, 100
 Тетерин В. Г. I 215, 416
 Тетерин В. И. I 416
 Тетерин Г. Г. I 416
 Тетерин-Пухов И. И. I 281, 416
 Тетерин М. I 416
 Тетерин С. I 281, 416
 Тетерин-Пухов Т. И. I 37, 142, 156, 214—216, 306; II 33
 Тетерин Ш. I 416
 Тетерины I 296, 393, 416
 Тимофеев И. II 158, 159, 161, 210
Титов А. А. I 351; II 20, 92
Тихомиров М. Н. I 61—64, 73, 96, 101, 125, 162, 253, 254, 256, 310, 314,

330, 331, 332, 356, 367; II 15, 16, 22, 26, 70, 194, 208,
211, 212, 246

- Тихонов Ю. А.* I 261
Тишенков К. II 124, 125, 144, 154
Токмаков Ю. И., князь I 191, 192, 364, 365; II 120, 172, 230
Толстой Ю. I 58, 356, 362, 370, 371, 396; II 6, 9, 10, 18, 105, 118, 176, 242
Топорков-Клобуков В., см. *Вассиан*
Траханиотов В. Ю. Малого I 313, 318; II 232
Третьяков Ф. И. I 315
Трифонов М. I 286, 287
Троекуров И. М., князь I 113, 165, 283
Троекуров М. М., князь I 295, 319
Троекуров Ф. М., князь I 319
Троекуров Ф. И., князь I 174, 283, 295, 303, 325, 401—403, 413; II 8
Троекуровы-Ярославские, князья I 283
Трубецкой А. Б., князь I 319; II 208
Трубецкой А. В., князь II 208
Трубецкой А. Н., князь II 208
Трубецкой Б., князь I 69
Трубецкой В. А., князь II 197, 208
Трубецкой М. А., князь II 197
Трубецкой Н. А., князь I 303; II 197
Трубецкой Н. Р., князь II 149
Трубецкой С. И., князь II 208
Трубецкой Ф. М., князь II 124, 149, 153, 179, 187, 197, 208, 215, 232
Трубецкой Ф. Т., князь II 208
Трубецкие, князья I 68, 159; II 183, 207—208, 215
Трусов Г. I 177
Трусов Е. С. I 342
Тулупов А., князь II 48, 94, 95
Тулупов А. В., князь I 303
Тулупов Б. Д., князь II 152, 188
Тургенев А. И. I 118
Тургенев И. В. II 240
Туренин В. П., князь I 315, 319
Туров В. I 416
Туров П. И. I 142, 179, 180
Туров Ф. М. I 416
Туровы I 305, 325
Тухачевский А. I 178
Тучков-Морозов В. М. I 71
Тучков-Морозов М. В. I 69
Тучков-Морозов М. М. I 153, 154; II 232
Тучкова-Морозова И. И. I 77
Тхоржевский С. И. II 113
Тыртов Б. I 416
Тыртов В. З. I 416
Тыртов К. I 42
Тыртов Тих. Г. I 306, 380, 416
Тыртов Торх Г. I 306, 416
Тыртовы I 336
Тютин Х. Ю. I 113, 237, 313, 346, 394; II 8, 239, 245
Тюфякин-Оболенский В. Б., князь I 165, 273, 281, 415
Тюфякин-Оболенский В. В., князь I 281, 415
Тюфякин-Оболенский И. Б., князь I 273
Тюфякин-Оболенский М. В., князь I 273, 281, 415; II 123
Тюфякины-Оболенские, князья I 272
Углицкие, князья I 68

- Ульяна (старица Александра), княгиня Углицкая I 51, 292
 Ульфельд Я. I 257; II 35, 40, 163
 Умной Колычев-Лобанов И. И. I 381
 Умного Колычев В. И. I 152—154, 245, 246, 318; II 41, 136, 152, 180, 187, 188, 233
 Умного Колычев Ф. И. I 148, 153, 184, 246, 265, 312, 343, 383; II 152, 233
 Умные Колычевы I 246
 Унковский А. И. I 261
 Унковский Г. Я. I 261
 Унковский И. И. I 261
 Унковский К. I 249
 Упин С. А. I 73
 Ускалев Ф. II 73
 Устрялов Н. Г. I 5, 210, 213, 354, 362
 Ушатый Чулок В. В., князь I 284
 Ушатый Чулков Д. В., князь I 283, 284, 295, 325, 393, 413
 Ушатый Д. Ю., князь I 289
 Ушатый Чулков И. В., князь I 280, 284, 413—414
 Ушатый С. Ю. Меньшой, князь I 281, 284, 289, 414
 Ушатые-Ярославские, князья I 43, 284, 288, 289
 Фалин Н. В. I 356; II 5
 Фатьянов Д. II 32, 73
 Федор Иванович, царевич I 36, 49, 52, 55, 152, 234, 235, 243, 275, 288, 289, 368; II 18, 157, 175, 188, 196, 197
 Федор, помяс II 33
 Федоров Иван, первопечатник I 61, 101, 329—333
 Федоров-Челяднин И. П. I 28, 29, 32, 33, 42—44, 71, 97, 112, 148, 154, 184, 206, 223, 226, 229, 237, 241, 251, 265, 266, 300, 302, 313, 318, 319, 340, 341, 346—348, 350, 353, 359—361, 363, 364, 366—369, 373—379, 382—390, 392—394, 396, 398—403, 409; II 4, 5, 7, 8, 13, 15, 19—21, 28, 36—38, 42, 49, 50, 61, 64, 76, 81, 142, 193, 227, 230, 231, 233, 235
 Федоровы-Челяднины I 367; II 226, 233
 Федотов-Чеховский А. А. II 97, 214
 Федчищев Зубатого В. П. I 354, 393
 Федчищевы I 354
 Федько I 280
 Фейгина С. А. I 18
 Феллинг З. I 188
 Феодорит, старец I 41, 42
 Феодосий, архиепископ I 88; II 59
 Феодосий, епископ I 118
 Феодосий, архимандрит I 399
 Феодосий Вятка, архимандрит II 87, 89
 Феоктист, архимандрит II 15, 102
 Феоктист, игумен I 141
 Фефилаьев Ю. А. I 416
 Филипп (Колычев Ф. С.), митрополит I 204, 251, 252, 339—342, 345—347, 349, 350, 358, 381—386, 390, 396—399, 401—409, 412; II 4, 7, 8, 13, 15, 19, 27, 28, 36, 40, 44, 61, 62, 64, 87, 88, 184, 227, 235, 246
 Филофей, старец I 107
 Филофей, епископ I 405; II 15, 88
 Флетчер Д. I 253, 254, 297, 298, 331; II 116, 127, 129, 130, 168, 174, 207, 208, 239, 244
 Флоря Б. Н. II 24

17,
33

Фома, старец I 104
Форстен Г. В. I 130—133, 135—137, 172, 188, 191, 328, 329, 337, 396; II 9,
119, 120
Фоскарини II 159
Фуников-Белозерский В. С., князь I 179
Фуников-Курцев Н. А. I 75, 78, 113, 154, 156, 237, 300, 313, 346; II 41,
59, 82—84, 87, 92—94, 132, 136, 238, 245
Фуниковы II 41
Фюрстенберг В. I 136, 372; II 209
Хабаров И. И. (старец Иосаф) I 42, 114; II 20
Хабаров И. Ф. II 20
Харламов В. В. II 99
Харламов В. Г. II 99
Харламов З. З. II 99
Харламов И. А. II 99
Харламов К. В. II 99
Харламов С. В. II 99
Хворостинин А. И., князь I 259
Хворостинин Д. И., князь I 170, 171, 251, 252, 259; II 77, 131, 169, 170,
171, 173, 174, 178, 205, 232
Хворостинин И. М., князь I 153, 154; II 232
Хвостов Б. II 59
Хвостов-Отяев А. С. I 393
Хвостовы II 99; см. также Пыжовы-Отяевы
Хёрнер Т. I 131
Хилков Д. И., князь I 113, 139, 197, 198, 284; II 233
Хилковы-Стародубские, князья I 294
Хлопов II 181
Хлуденев В. Ш. I 306, 380, 416
Хлызнев-Колычев Б. Н. I 177, 182
Хлызнев-Колычев И. Б. I 182, 315
Хлызнев-Колычев И. И. I 315
Хлызнев-Колычев И. Н. I 185
Хлызнев-Колычев Ю. Н. I 185
Хованский А. Ф., князь I 318
Хованский А. П., князь I 185; II 150, 151, 169
Хованский Б. П., князь I 185
Хованский В. Ф., князь I 87
Хованский И. А., князь I 318
Хованские, князья I 96, 299; II 195
Ховрин-Грязной И. Ю. I 165, 304
Ховрина-Грязная В. Ю. I 154
Ховрина С. Ю. I 303
Ходкевич Г. А. I 167, 317, 319, 332, 360—364, 372; II 203
Ходкевич Ю. А. I 332
Ходкевич Я. I 56
Хорошкевич А. Л. I 18
Хотеев А. I 102
Хохолков-Ростовский Г. И., князь I 393
Хохолков-Ростовский И. И., князь I 393
Хохолков-Ростовский Ф. И., князь I 393
Хохолков-Ростовский И. Ю., князь I 281, 282, 295, 325
Хохолковы-Ростовские, князья I 106, 393; II 8
Христиан III I 100
Хромой И. I 367
Хромой Д. I 367
Хруус Х. Х. I 131
Цветаев Д. I 329

- Цвилленев Плохой II 136
 Цвилленев Прокофий I 346; II 136
 Цир, аббат I 59
 Цыплятев Г. II 51
 Цыплятев И. Е. I 142, 154, 155
 Цыплятев Неудача II 48, 51, 53, 59, 94
 Цыплятев Н. Н. II 94
 Цыплятев Т. II 51
 Цыплятева Е. II 59
 Цыплятевы II 48
 Чамодуров Ф. I 280
 Чеботов И. Я. I 168, 233, 247, 311—313; II 14, 140, 233, 245
 Чеботовы I 184, 246; II 142
 Челебей М. I 355
 Челяднин А. Ф. I 367
 Челяднин И. А. I 367
 Челяднин И. И. I 116, 367, 369
 Челяднин М. В. I 348
 Челяднин-Давыдов Г. Ф. I 367
 Челяднин-Давыдов П. Ф. 367
 Челяднина А. I 369
 Челяднина М. I 367, 400
 Челяднина М. И. I 71, 76
 Челяднины I 65, 71, 241, 269, 341, 347, 348, 367, 387, 406; II 5, 142;
 см. также Федоровы-Челяднины
 Челядня М. I 367
 Черемисинов Д. И. II 101, 239
 Черемисинов И. С. II 153
 Черемисинов Ф. С. I 320
 Черепнин Л. В. I 44, 81; II 214, 223, 246, 247
 Черкасский А. В., князь II 197
 Черкасский А. С., князь I 178
 Черкасский Г. К. I 178
 Черкасский М. Т. I 42, 247—249, 312, 356, 376, 394; II 124, 125, 136—140,
 147, 149, 209
 Черкасский М. А., князь I 261; II 140
 Черкасский С., князь I 178, 187
 Черкасский Т., князь I 145, 187, 248; II 41, 139
 Черный-Оболенский А. Ф., князь I 42, 272
 Черный-Оболенский Н. Ф., князь I 42, 57, 272
 Черный-Оболенский Ф. М., князь I 154, 272
 Чернышевский Н. Г. I 6
 Чертовский Н. У. II 51
 Чертовский С. II 94
 Чертовский Ш. В. II 51
 Чесноков-Андомский В. Г., князь I 281, 285, 325, 415
 Чечулин Н. Д. I 254
 Чиркин В. Ф. II 23, 24
 Чулков Ивашкин-Тутыхин Д. I 57, 305, 306, 392
 Чулков И. И. I 152—154, 206, 318; II 232
 Чулковы-Ушатые, см. Ушатые
 Чумиков А. II 120, 136, 137, 162, 164
 Шамин И. I 406
 Шамшевы II 51
 Шапкин Г. II 83, 93, 94
 Шах С. I 104
 Шах-Али, хан I 82, 302; II 211
 Шаховской В., князь II 48, 94

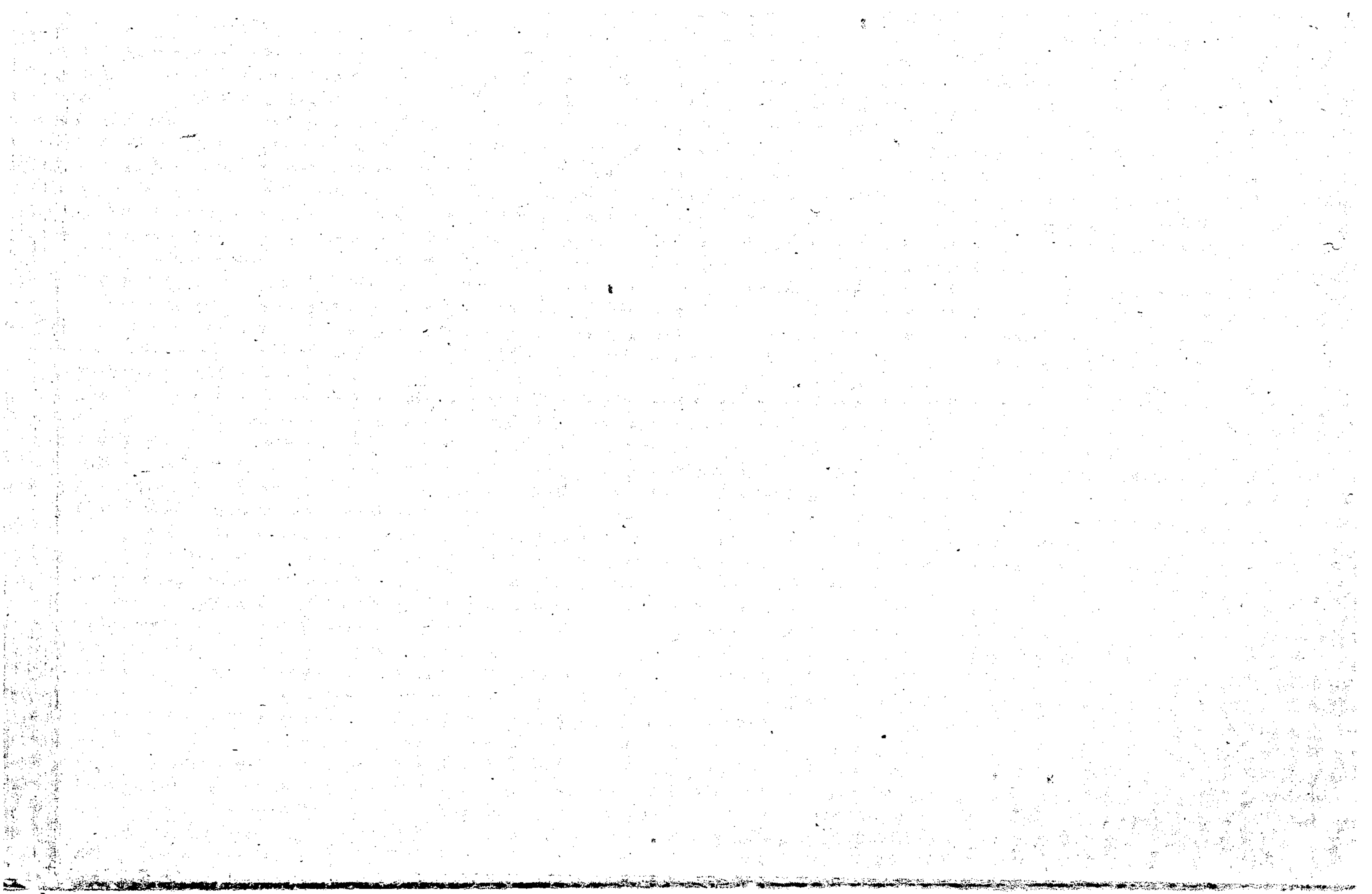
- Шаховской И., князь I 178
 Шевырев Д. Ф. I 165
 Шевяков В. Н. I 13
 Шейн Андр. И. I 295, 303, 305, 320, 389, 415; II 8
 Шейн Ал. И. I 389
 Шейн Б. В. I 315
 Шейн Г. А. I 389
 Шейн М. Ю. I 303, 320, 415
 Шейны-Морозовы I 336, 389, 402, 406
 Шейдяков П. Т., князь II 213—214
 Шейдяков М., мурза II 214
 Шемячич В., князь I 51
 Шепяков З. П. II 51
 Шепяков Н. П. II 51
 Шереметев И. В. Большой I 27, 75, 77, 78, 105, 128, 148, 153, 175, 195, 198—201, 206, 223, 225, 304, 313, 336, 340, 348; II 4, 82, 87, 137—139, 201, 230
 Шереметев И. В. Меньшой I 115, 140, 175, 206, 313; II 179, 233, 245
 Шереметев Н. В. I 16, 27, 115, 199, 200, 209; II 233
 Шереметев С. В. I 115
 Шереметев Ф. В. I 16, 206; II 170
 Шереметевы I 27, 71, 77, 78, 83, 97, 115, 139, 197, 198, 200, 223, 227, 313, 406; II 4, 82, 142, 200, 206
 Шерефединов П. И. I 346, 394
 Шестаков-Романов П. I 346
 Шестов-Морозов И. В. I 315
 Шестов-Морозов П. В. I 303, 415—416
 Шестова-Морозова К. I 303
 Шестовы-Морозовы I 303
 Шестунов Д. Д., князь I 283, 414
 Шестунов Д. С., князь I 113, 151, 283
 Шестунов И. Д. Большого, князь I 283, 414
 Шестунов С., князь I 281
 Шестуновы-Ярославские, князья I 283, 414
 Шибанов В. I 212, 213, 226
 Шипшин Б. I 325
 Шишкин И. Ф. I 83, 178—180, 328
 Шишкин Н. II 211
 Шлихтинг А. I 41—43, 58—60, 62, 64, 104, 105, 108, 177, 202, 222, 224—226, 234, 246, 249, 256, 257, 269, 272, 281, 282, 297, 340, 343—347, 366, 368, 373—380, 383, 388, 394, 400; II 17, 22, 24, 33, 37, 39, 41, 52, 54—56, 58, 59, 64, 65, 70, 77, 78, 81—84, 87, 90—92, 94, 95, 97, 119, 124, 133, 134, 138, 143, 199, 210, 230
 Шмидт С. О. I 14, 20, 22, 50, 80—82, 125, 242; II 243, 246
 Шмурло Е. Ф. I 60, 376; II 92, 134, 143
 Штаден Г. I 18, 60, 62, 64, 202, 215, 240, 243—245, 249, 256, 258, 260, 262, 265, 266, 269, 315, 328, 329, 331, 340, 341, 355—367, 366, 372—375, 377, 378, 388, 394, 400; II 5, 15—17, 31, 33, 34, 43—47, 53—60, 71, 80—82, 85, 94, 97, 98, 107, 108, 113, 116, 123, 124, 126—128, 130, 138—141, 143, 144, 146—148, 150, 155, 166, 167, 170, 172, 177, 181, 182, 189, 209, 212, 213, 220, 230, 241, 243, 244
 Шубин А. II 34
 Шуйский А. И., князь I 33, 70, 274
 Шуйский В. В. Гребенка, князь I 67
 Шуйский В. В., князь I 70, 109
 Шуйский В. И., князь I 67, 274
 Шуйский Д. И., князь I 274

- Шуйский И. А., князь I 16, 202, 274, 315, 319; II 19, 150, 152, 232
 Шуйский И. В., князь I 70
 Шуйский И. М., князь I 27, 93, 109, 338
 Шуйский И. П., князь I 274, 275, 315, 319; II 168, 169, 172
 Шуйский П. И., князь I 27, 70, 91, 109, 177, 189—191; II 232
 Шуйские, князья I 21, 26, 27, 29, 64, 67, 69, 70, 76, 79, 87, 88, 91, 95, 96, 98, 109, 111, 115, 152, 185, 193, 274, 275, 302; II 3, 27, 115, 141, 152, 191, 230; см. также Суздальские
 Шумаков С. А. I 294, 348, 355, 368, 387, 409; II 91, 209
 Шушерин Е. Р. I 306, 393, 416
 Щелкалов А. Я. I 148, 155, 183, 313; II 85, 86, 244—245
 Щелкалов В. Я. I 315; II 78, 85, 86, 93, 138, 245
 Щелкалов Я. I 125
 Щелкаловы I 114, 155; II 19, 86, 122, 179
 Щенятев-Патрикеев П. М., князь I 16, 30, 42, 76, 90, 95, 96, 242, 283, 299, 338, 339, 350, 366; II 233
 Щенятевы-Патрикеевы, князья I 76, 96, 149, 299
 Щепин-Шевырев Ростовский Д. Ф., князь I 272
 Щепин-Ростовский И. Д., князь I 315
 Щепочев Ф. II 102
 Щербатов М. М. I 5
 Щербатый-Оболенский Д. М., князь II 179
 Щербатый-Оболенский О. М., князь I 365; II 152, 232
 Щербачев Ю. Н. I 117, 132, 202; II 78, 79, 119, 133, 163, 198, 210.
 Щербина В. II 178
 Щетинин Г. И., князь I 289
 Щетинин Е. И., князь I 289
 Щетинин И. Г., князь I 284, 414
 Щетинин С. А., князь I 281, 414
 Щетинин Ю. И., князь I 284; II 239
 Щетинины-Ярославские, князья I 284, 414
 Эберфельд К. I 329
 Эверс Г. I 56, 233, 260, 305
 Эрик XIV, король I 188, 395; II 9, 21, 35, 122
 Юмин И. I 346, 380
 Юренев И. Н. II 43, 46, 51
 Юрий Иванович, князь Дмитровский I 50, 69, 151, 241; II 195
 Юрий Васильевич, князь Углицкий I 51, 77, 78, 97, 150, 151, 159, 235, 283, 292, 299, 300; II 141, 192, 195, 196, 197
 Юрлов-Плещеев Васьян I 141
 Юрьев И. I 313, 346; II 51, 244
 Юрьев-Захарьин Д. Р. I 49, 75, 77, 83, 114, 140, 148, 152, 153, 186, 202, 203, 217, 225, 231, 301, 302; II 232
 Юрьев-Захарьин В. М. I 75—78, 114, 140, 148, 152, 153, 217, 248, 251, 301, 302, 311—313; II 136, 138, 232
 Юрьев-Захарьин Н. Р. I 109, 111, 115, 152—154, 237, 265, 300, 302, 313, 318, 341; II 132, 139, 180, 188, 233
 Юрьев-Захарьин И. М. I 71, 77
 Юрьев-Захарьин П. В. I 63; II 132, 136
 Юрьевы-Захарьины I 75, 77, 97, 152, 154
 Юсупов Али, мурза II 213
 Юсупов Ибрагим, мурза II 213
 Юхан III, герцог I 211, 396; II 9, 21, 35, 121, 164, 165
 Юшков А. И. II 86
 Яков, протопоп I 116
 Яковлев-Захарьин В. П. I 42, 152, 153, 248, 261; II 124, 132, 137, 139, 213, 233
 Яковлев-Захарьин З. П. I 77, 115

- Яковлев-Захарьин И. П. I 42, 29, 115, 148, 152, 153, 223, 225, 226, 227, 229, 231, 258, 302, 303, 313, 336, 348; II 4, 94, 132, 136, 137, 147, 233
- Яковлев-Захарьин М. В. I 77
- Яковлев-Захарьин Н. С. II 137
- Яковлев-Захарьин С. В. I 42, 115, 189; II 84, 132, 136, 137, 231, 233
- Яковлевы-Захарьины I 77, 97, 251, 313; II 195
- Яковлева О. Я. I 61, 63, 64; II 186
- Якушев Ф. II 32
- Ямской В. А. II 52
- Ямской Д. II 53
- Ямской И. А. II 53
- Яницкий Н. А. I 334; II 31, 66, 73, 145
- Янов И. А. I 393, 416
- Янов-Ростовский Н. Д., князь I 295, 325, 326, 414
- Янов-Ростовский Ф. Д., князь I 414
- Яновы-Ростовские, князья I 282
- Янс Г. II 121, 122
- Ярошкин Ф. В. I 416
- Ярославов-Оболенский А., князь II 90
- Ярославов-Ярославский А., князь I 392
- Ярославские, князья I 16, 66, 67, 78, 89, 158, 165, 194, 275, 278, 281—285, 288, 289, 295, 298, 301, 307, 315, 319, 320, 321, 326, 402, 403, 411, 413—414; II 3, 183, 225, 227; см. также Аленкины, Гольпины, Дуловы, Засекины, Кубенские, Курбские, Моложские, Морткины, Охлябнины, Сисеевы, Сицкие, Ушатые, Хворостинины, Шестуновы, Щетинины, Ярославовы
- Ясинский А. Н. I 38, 141, 211; II 38

* * *

N. Andryev I 25, 30, 37
Eckard H. I 19
Engelhardt M. I 56
Ewers G. I 56, 57
Donnert E. I 18
Hakluyt R. II 106
Henning S. I 372
Hoff G. I 54, 56—58, 231, 233, 234, 237, 241—244, 257, 258, 260, 272, 273
278, 297, 305, 341, 344, 345, 385, 400, 401; II 22, 35, 46, 63, 105
126, 136, 137, 139, 148, 199.
Hjärne H. II 165
Kelch Chr. I 376
Nørretranders B. I 19
Schaffgotsch K. I 19
Svensson S. I 18, 129, 131
Theiner A. II 79, 134
Fennell J. L. I. I 40
Wawrzynczyk A. I 18
Willan T. S. I 18
Pierling P. I 60
Piwarski K. I 372

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Новгородский разгром	9
Глава II. Конец «новгородского дела»	77
Глава III. Опричнина после великого московского пожара	118
Глава IV. Отмена опричнины	143
Глава V. Опричнина и последние удельные княжения на Руси	190
Заключение. Историческое значение опричнины. (Некоторые итоги политического развития России в годы опричнины.)	216
Приложение 1. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник	249
Приложение 2. Синодик опальных царя Ивана Грозного (Реконструкция текста)	266
Именной указатель к синодику опальных	290
Именной указатель (к двум томам)	307
Карты	341

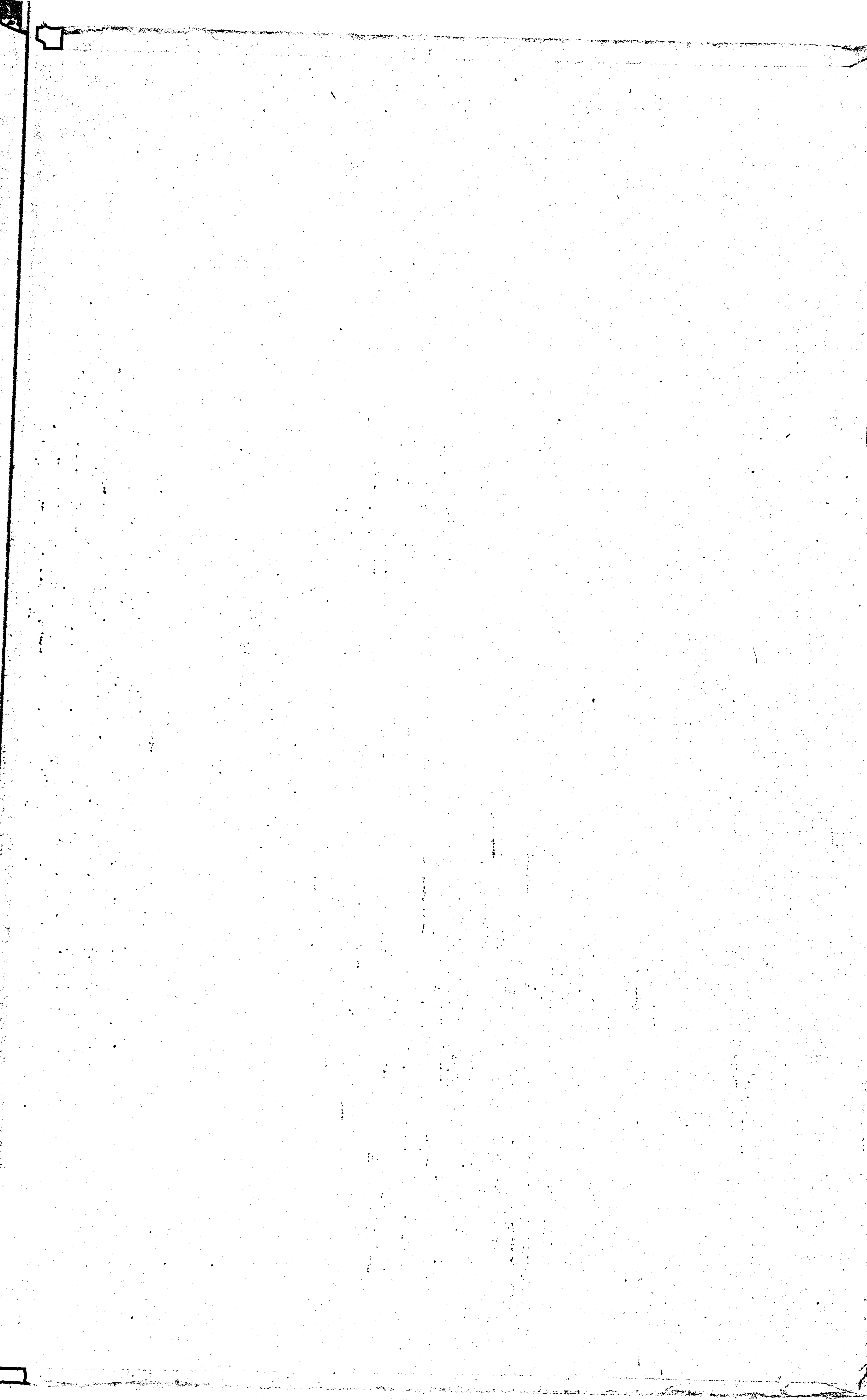
Валентина

Технический редактор *К. П. Орлова*
Корректор *Н. Г. Вайнтрауб*

Сдано в набор 13/III 1968 г. Подписано к печати 12/III 1969 г.
М-20237. Объем 21,5 п. л. Тираж 1800 экз.

Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Заказ № 636. Цена 2 р. 25 коп.

Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

2 р. 25 к.